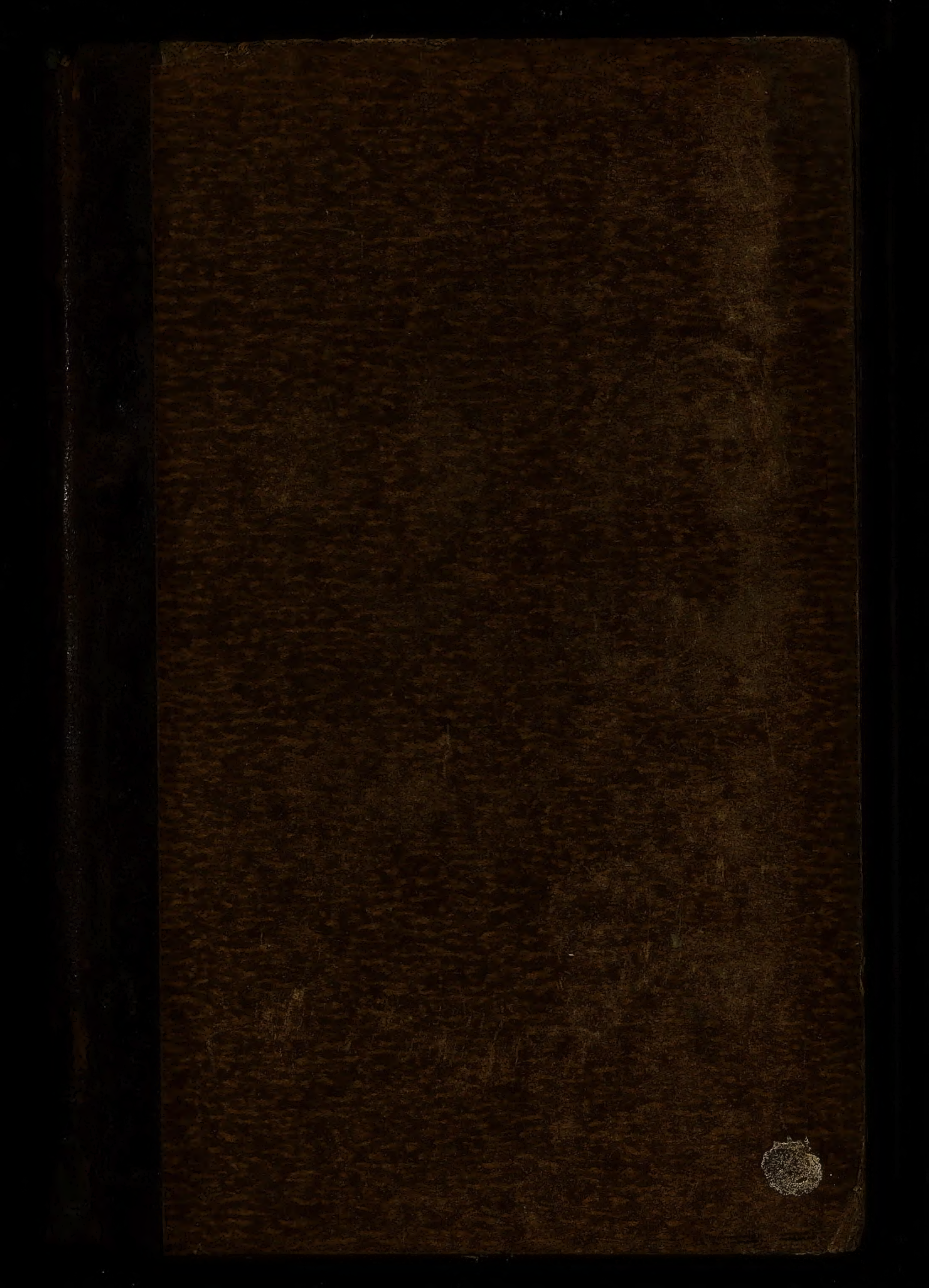

№ 2/X -07.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. ОКТЯБРЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложеніе: Портретъ **Николая Дмитріевича Бутовскаго.**

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1907 года.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1907.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1907 года.

Библіографическій листокъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Гоголь. 2-ое, дополненное изданіе СПБ. 1907 г.

Никогда, кажется, не появлялось у насъ въ такомъ количествѣ книгъ историко-литературнаго содержанія какъ за послѣдніе два-три года. Не объясняется ли это тревожностью и неожиданностью вопросовъ, поставленныхъ новѣйшею нашею литературою, такъ какъ не всякому, разумѣется, дано различить суетное отъ вѣчнаго, истинное отъ ложнаго, и обезпокоенный умъ читателя и критика инстинктивно обращается къ пересмотру старыхъ цѣнностей національнаго духа, къ несомнѣннымъ божествамъ литературнаго міра; для однихъ такіе взгляды назадъ дадутъ ключи къ пониманію настоящаго, удѣлъ другихъ остаться лишь у истоковъ. Кромѣ сего и требованія повышаются, даже средній читатель и ученикъ становятся строже, чѣмъ, между прочимъ, обусловливается замѣтное увеличеніе научнаго и популярнаго матеріала, такого свойства, что нѣкоторые склонны отнести именно къ нашимъ днямъ нарожденіе культурной критики, въ свое время такъ безнадежно желанной Пушкинымъ.

Изъ книгъ этихъ работа проф. Овсянико-Куликовскаго никоимъ образомъ не затеряется, она займетъ совершенно особое мѣсто. Одно своеобразіе темы уже останавливаетъ вниманіе: авторъ имѣетъ въ виду дать опытъ „психологическаго діагноза извѣстныхъ сторонъ натуры, ума, дарованія и генія Гоголя, именно тѣхъ, въ которыхъ наиболѣе ярко и полно выразилась оригинальная, сложная и загадочная личность великаго писателя". Послѣдовательно и съ замѣчательною ясностью раскрываетъ намъ изслѣдователь эти свойства, противопоставляя великаго сатирика какъ „темный умъ" пушкинскому уму „огромному и свѣтлому". Наблюдая дѣятельность писателя въ области чистой мысли, г. Овсянико-Куликовскій говоритъ: „Бываютъ счастливо-организованные умы, одаренные исключительною гибкостью и рѣдкою широтою умственныхъ интересовъ, открытые всѣмъ впечатлѣніямъ и возбужденіямъ мышленія,—умы, которые радостно и бодро идутъ впередъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ. Таковъ былъ, напр., Гёте...

У насъ къ этому умственному типу, несомнѣнно, принадлежалъ Пушкинъ, лозунгомъ котораго было: „На поприщѣ ума нельзя намъ отступать"!

Къ совершенно противоположному типу принадлежалъ Гоголь. Разбирая противорѣчія, которыми изобиловала душевная организація писателя, критикъ называетъ его „трудолюбивымъ лѣнивцемъ". Доказательству этого мнѣнія посвященъ рядъ любопытныхъ страницъ, при чемъ въ итогѣ оказывается, конечно, что лѣнивый, плохой „ученикъ" Гоголь былъ, однако, по-своему отличный „мыслитель", ибо обладалъ геніальнымъ умомъ-талантомъ. Лѣнь ума и умственные „страхи" не позволили ему выйти изъ темноты, но они не могли упразднить самобытной работы его мысли.

И онъ неустанно работалъ мыслью, но только эта работа совершалась во тьмѣ.

Покончивъ съ художественнымъ методомъ Гоголя (путемъ сравненія „пушкинскаго" съ „гоголевскимъ") и съ выясненіемъ свойствъ ума его, г. Овсянико-Куликовскій переходитъ къ психологіи отношенія писателя къ родинѣ—вопросъ, неразрывно связанный съ исторіей главнаго труда—„Мертвыхъ душъ". Новыя, но уже вполнѣ объяснимыя проти-

Николай Дмитріевичъ
Бутовскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

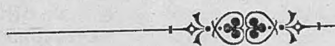
ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1907.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1907.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

и

Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появлявшихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣе замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привиллегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина" будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ печатается соч. Луи Блана—Исторія французской революціи 1789 года.

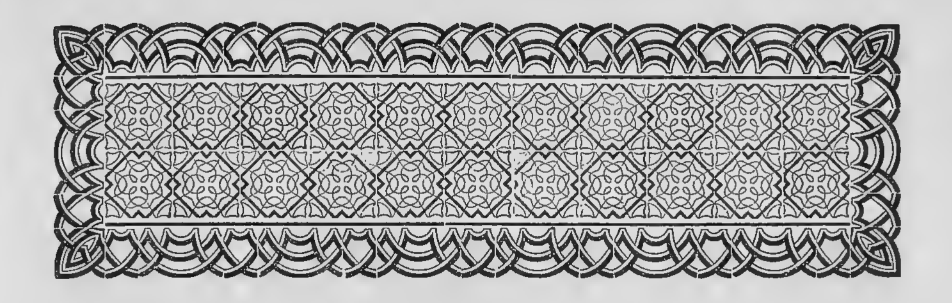
Первые три тома этого сочиненія уже вышли и разосланы подписчикамъ; послѣдующіе томы будутъ выходить по мѣрѣ ихъ отпечатанія и все это капитальное изданіе окончится не позже февраля мѣсяца будущаго года.

Цѣна тома 3 р., съ перес. 3 р. 50.

Для удобства редакція предлагаетъ желающимъ не высылать денегъ впередъ, а выписывать каждый томъ съ **наложеннымъ платежемъ**, при чемъ подписчики будутъ получать томы тотчасъ же по мѣрѣ выхода ихъ изъ печати.

Цѣна съ наложеннымъ платежомъ 3 р. 60 к.

Съ требованіями обращаться: 1) Въ главный складъ—Петербургъ, Фонтанка 145, кв. 3; и 2) Контора историческаго журнала „Русская Старина", Фонтанка 18, кв. 4.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля[1]).

II.

Изъ прокурорской службы.

Не знаете ли вы чего-нибудь о причинахъ пожара этой огромной паровой мельницы на Обуховскомъ проспектѣ противъ станціи Варшавской дороги?—спросилъ меня министръ юстиціи графъ Паленъ, прибавивъ, что, проѣзжая наканунѣ вечеромъ мимо, онъ былъ пораженъ грандіозностью картины этого пожара.—Вѣроятно, я получу въ свое время полицейское извѣщеніе, если есть признаки поджога—отвѣчалъ я, и пріѣхавъ въ прокурорскую камеру (я былъ въ это время, т. е. въ 1874 году, прокуроромъ петербургскаго окружнаго суда), дѣйствительно, нашелъ коротенькое сообщеніе полиціи, но о томъ, что признаковъ поджога, вызвавшаго пожаръ мельницы *коммерціи совѣтника Овсянникова, не оказывается.* Меня смутила краткость этого заявленія, его ненужность по закону и его поспѣшная категоричность въ связи съ разсказомъ графа Палена. Я поручилъ моему покойному товарищу, энергичному А. А. Маркову, поѣхать на мѣсто и произвести личное дознаніе.

Поздно вечеромъ онъ привезъ мнѣ цѣлую тетрадь осмотровъ и разспросовъ на мѣстѣ, изъ которыхъ было до очевидности ясно, что здѣсь имѣлъ мѣсто поджогъ. Собранныя на другой день свѣдѣнія о договорныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между извѣстнымъ В. И. Кокоревымъ и С. Т. Овсянниковымъ по арендѣ мельницы, указывали

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1907 г.

и на то, что именно Овсянникову могъ быть выгоденъ пожаръ мельницы и что есть основанія сказать, „is fecit cui prodest“. Я предложилъ судебному слѣдователю Книриму начать слѣдствіе и немедленно произвести обыскъ у Овсянникова, а наблюденіе за слѣдствіемъ принялъ лично на себя. Овсянниковъ, не привыкшій имѣть дѣло съ новымъ судомъ и бывшій въ былые годы въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мѣстной полиціей, при чемъ за нимъ числилось до 15 уголовныхъ дѣлъ, по которымъ онъ старымъ судомъ былъ только „оставляемъ въ подозрѣніи“,—не ожидалъ обыска и не припряталъ поэтому многихъ компрометтирующихъ документовъ. Среди нихъ, между прочимъ, оказался именной списокъ нѣкоторымъ чинамъ главнаго и мѣстнаго интендантскихъ управленій съ показаніемъ ежемѣсячно платимой имъ мзды вліятельнымъ поставщикомъ муки военному вѣдомству. Я отослалъ эту бумагу военному министру Д. А. Милютину.

Высокій старикъ, съ густыми насупленными бровями и жесткимъ взоромъ сѣрыхъ проницательныхъ глазъ, бодрый и крѣпкій, несмотря на свои 74 года, Овсянниковъ былъ пораженъ нашествіемъ судебнаго вѣдомства. Онъ былъ очень невѣжливъ, презрительно пожималъ плечами, возражалъ противъ осмотра каждаго изъ отдѣльныхъ помѣщеній, говоря: „ну, тутъ чего еще искать!?“ и подъ предлогомъ, что въ комнатахъ холодно, надѣлъ какое-то фантастическое пальто военнаго образца на генеральской красной подкладкѣ. Но „der lange Friedrich“, какъ звали у насъ Книрима, невозмутимо дѣлалъ свое дѣло... Я подошелъ, между прочимъ, къ оригинальнымъ стариннымъ часамъ въ длинномъ деревянномъ футлярѣ въ родѣ узкаго шкапа. „Вотъ, изволите видѣть,—сказалъ Овсянниковъ, желая вѣроятно показать, что и онъ можетъ быть любезенъ и владѣть собою—вотъ это большая рѣдкость, это часы прошлаго вѣка. Такихъ, чай, немного.—Подошелъ и Книримъ.—А гдѣ ключъ?—спросилъ онъ.—Эй, малый!—крикнулъ Овсянниковъ,—подать ключъ!—Книримъ подозвалъ понятыхъ, отперъ дверь футляра и сталъ изслѣдовать его внутренность. Овсянниковъ не вытерпѣлъ, грозно сдвинулъ брови и, энергически плюнувъ, отошелъ отъ часовъ.

Вечеромъ въ тотъ же день въ камерѣ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ былъ произведенъ допросъ Овсянникова. Онъ отвѣчалъ неохотно, то мрачно, то насмѣшливо поглядывая на слѣдователя и очень недоброжелательно относясь въ своихъ показаніяхъ къ Кокореву. Въ концѣ допроса я отвелъ Книрима въ сторону и сказалъ ему, что нахожу необходимымъ *мѣрою пресѣченія* избрать лишеніе свободы, такъ какъ иначе Овсянниковъ, при своихъ средствахъ и связяхъ, исказитъ весь свидѣтельскій матеріалъ.—И я нахожу нужнымъ то-

же,— отвѣчалъ Книримъ.—Надо, однако, дать старику нѣкоторыя удобства и если вы ничего не имѣете противъ Коломенской части, гдѣ есть большія и свѣтлыя одиночныя камеры, куда можно, съ разрѣшенія смотрителя, поставить свою мебель, то я распоряжусь объ этомъ немедленно.—Прекрасно,—сказалъ Книримъ,—а я напишу краткое постановленіе.—Господинъ Овсянниковъ,—сказалъ я, усаживаясь сбоку стола, на которомъ писалъ Книримъ,—не желаете ли вы послать кого-нибудь изъ служителей къ себѣ домой, чтобы прибыло лицо, пользующееся вашимъ довѣріемъ, для передачи ему тѣхъ изъ вашихъ распоряженій, которыя не могутъ быть отложены.—Это еще зачѣмъ?—спросилъ сурово Овсянниковъ.—Вы будете взяты подъ стражу и домой не вернетесь.—Что?—почти закричалъ онъ—подъ стражу! Я? Овсянниковъ?—и онъ вскочилъ съ своего мѣста.—Да вы шутить, что ли, изволите? Меня подъ стражу?! Степана Тарасовича Овсянникова? Первостатейнаго именитаго купца подъ стражу? Нѣтъ, господа, руки коротки! Овсянникова!! Двѣнадцать милліоновъ капиталу! подъ стражу! нѣтъ, братцы, этого вамъ не видать!—Я вамъ повторяю свое предложеніе, а затѣмъ какъ хотите, только вы отсюда поѣдете не домой,—сказалъ я.—Да что же это такое!—опять воскликнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу,—да что я, во снѣ это слышу? Да и какое право вы имѣете? такихъ правъ нѣтъ! Я буду жаловаться! вы у меня еще отвѣтите!—Его прервалъ Книримъ, который прочелъ краткое постановленіе о взятіи подъ стражу и предложилъ ему подписать. Тутъ онъ смирился и послалъ на извозчикѣ одного изъ сторожей за старшимъ сыномъ. Допросъ, между тѣмъ, продолжался, вслѣдствіе выраженнаго имъ желанія дать нѣкоторыя разъясненія. Съ прибывшимъ сыномъ онъ обошелся очень сурово и, когда тотъ, по моему приглашенію, хотѣлъ сѣсть, онъ такъ взглянулъ на него, что тотъ заколебался и сѣлъ лишь, когда отецъ крикнулъ ему:—ну садись, садись! я не воспрещаю.

На свой арестъ Овсянниковъ принесъ жалобы въ окружной судъ и затѣмъ въ судебную палату. Жалобы эти были написаны хотя и кратко, но искусно, умѣлою рукою. Оказалось, что ихъ писалъ извѣстный талантливый цивилистъ Боровиковскій, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ адвокатуру изъ товарищей прокурора петербургскаго окружного суда. За этотъ свой небольшой письменный трудъ,—такъ какъ по жалобамъ такого рода повѣренные не допускались къ личнымъ объясненіямъ,—Боровиковскій получилъ отъ Овсянникова пять тысячъ рублей. Извѣстіе объ этомъ произвело нѣкоторое волненіе въ петербургскомъ обществѣ, очень чутко относившемся ко всему, что касалось дѣла Овсянникова. Въ огромномъ гонорарѣ за небольшую работу многіе были склонны видѣть указа-

ніе на то, что „король Калашниковской биржи“ не остановится ни передъ какими жертвами для того, чтобы попытаться еще разъ остаться въ совершенно безвредномъ для него „подозрѣніи“. Нѣкоторые примѣняли къ повѣренному обвиняемаго стихи Некрасова: „Получивъ гонораръ неумѣренный—восклицалъ мой присяжный повѣренный:—передъ вами стоитъ гражданинъ—чище снѣга Альпійскихъ вершинъ“. Это доходило до Боровиковскаго и дѣйствовало на его впечатлительную натуру удручающимъ образомъ, такъ что онъ пришелъ, наконецъ, ко мнѣ—своему старому сослуживцу и бывшему начальнику—и заявилъ, что жалобы написаны имъ потому, что его убѣдили въ невиновности Овсянникова, сдѣлавшагося жертвой общественнаго предубѣжденія, но что онъ готовъ возвратить деньги для избѣжанія дальнѣйшихъ упрековъ. Я сказалъ ему, что Овсянниковъ можетъ не взять денегъ обратно, не желая пользоваться его безвозмездными услугами, и что, кромѣ того, огласкою возвращенія этихъ денегъ назадъ, Боровиковскій броситъ лишній грузъ на чашу обвиненія во вредъ довѣрившемуся ему кліенту, такъ какъ это возвращеніе будетъ, безъ сомнѣнія, истолковано, какъ признаніе имъ, Боровиковскимъ, виновности послѣдняго. Поэтому лучше дождаться рѣшенія присяжныхъ и затѣмъ, подчинившись, ему пожертвовать такія деньги на какое-либо доброе дѣло, если приговоръ состоится противъ Овсянникова. Взволнованный Боровиковскій не безъ труда согласился послѣдовать этому совѣту. Въ день произнесенія обвинительнаго приговора объ Овсянниковѣ онъ прислалъ въ мое распоряженіе, для употребленія съ благотворительною цѣлью, 5.000 рублей, каковые я немедленно препроводилъ ректору петербургскаго университета П. Г. Рѣдкину для обращенія, по его усмотрѣнію, въ пользу нуждающихся студентовъ.

У Овсянникова нашлись и другіе заступники. Однимъ изъ нихъ была напечатана замѣтка, въ которой горячо доказывалось, что человѣкъ, жертвовавшій большія суммы на церкви и казенныя благотворительныя учрежденія, не могъ совершить корыстнаго преступленія, при чемъ приводился и самый списокъ такихъ пожертвованій въ довольно крупныхъ суммахъ. Указаніе на такія жертвы нельзя было однако назвать удачнымъ. Овсянниковъ, какъ онъ самъ выразился на судѣ, шелъ „съ материнской колыбели“ къ широкому хлѣбному рынку, опираясь на крупные и выгодные интендантскіе подряды, и, наконецъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ могущественныхъ обладателей этого рынка, окруженнымъ лицемѣрнымъ преклоненіемъ менѣе крупныхъ поставщиковъ, среди которыхъ онъ привыкъ играть властительную роль, повелительно ставя *свои* условія.

Но съ начала семидесятыхъ годовъ многолѣтній подрядъ на поставку муки петербургскому военному округу сталъ неразрывно связываться съ обязанностью перемалывать хлѣбъ на паровой мельницѣ, которой Овсянниковъ былъ не собственникомъ, а только арендаторомъ, чувствующимъ себя въ косвенной зависимости отъ собственника мельницы Кокорева, имѣвшаго возможность отказать въ продолженіи аренды, т. е. лишить его долгосрочнаго контракта съ казною и тѣмъ поколебать вліятельное положеніе честолюбиваго и не знающаго „препятствій своему нраву“ старика, на восьмомъ десяткѣ его жизни. Поэтому не корысть, а болѣе сложныя побужденія могли заставить его желать пожара мельницы предъ истеченіемъ срока контракта,—пожара, который обезсилилъ бы его недруга Кокорева и заставилъ бы военное вѣдомство отказаться отъ ненавистнаго условія о непремѣнномъ перемолѣ хлѣба на паровой мельницѣ. При томъ щедрыя пожертвованія при надлежащей и услужливой огласкѣ не менѣе щедро оплачивались различнаго рода почетными наградами и публичнымъ возвеличеніемъ „маститаго благотворителя“. Не говоря уже объ имѣвшихся въ дѣлѣ свѣдѣніяхъ о суровомъ и черствомъ отношеніи Овсянникова къ тяжелому положенію простыхъ и незамѣтныхъ людей, находившихся отъ него въ трудовой зависимости, мнѣ пришлось случайно убѣдиться въ томъ, какъ мало трогало его горькое положеніе даже и такихъ людей, къ которымъ онъ относился, повидимому, доброжелательно.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ арестованія Овсянникова, моя старая служанка, которой было категорически запрещено ходатайствовать за кого-либо или докладывать мнѣ о какихъ-либо просителяхъ по дѣламъ („чтобы никакого *эхо* не было“, какъ она объясняла себѣ мое требованіе), послѣ большихъ предисловій о томъ, что Богъ меня наградитъ и что много несчастныхъ людей, стала меня просить все-таки выслушать на дому одну бѣдную дѣвушку, которая очень нуждается въ моемъ совѣтѣ, но въ судъ ко мнѣ идти не рѣшается, такъ какъ она „дѣвушка порядочная и скромная и никогда *по такимъ мѣстамъ не ходила*“. Нечего дѣлать, надо было уступить,— и ко мнѣ явилась очень болѣзненнаго вида дѣвушка, лѣтъ 20, немного цыганскаго типа, съ черными глазами и худенькими руками, одѣтая очень бѣдно. Она печально потупляла голову, голосъ ея по временамъ дрожалъ, а глаза наполнялись слезами, которыя она какъ-то трогательно и конфузливо собирала пальцами и стряхивала на полъ. „Мы живемъ съ маменькой „честно-благородно“ и занимаемся по швейной части. Намъ, давно зная нашу бѣдность, помогалъ и иногда заѣзжалъ къ намъ одинъ купецъ;—былъ къ намъ добръ и ласковъ, облегчалъ въ нуждѣ мамашу и меня;—мы его по-

читали какъ отца родного и онъ обѣщалъ насъ не оставлять своей помощью. Теперь же мы очень бѣдствуемъ: приходится жить штучной работой для рынка, а много ли такъ наработаешь?! Да и здоровье мое стало слабое, а о маменькѣ и говорить нечего. Мы узнали, что купецъ этотъ—Степанъ Тарасовичъ Овсянниковъ—находится въ заточеніи. Такъ это намъ прискорбно, что и сказать нельзя, а пойти къ нему или написать не смѣемъ: сказываютъ, начальство не допуститъ. Богъ дастъ, соберемся съ силами и работу постоянную найдемъ, такъ и поправимся, а теперь очень трудно. Опять же и лѣкарства для маменьки! А какъ сообщить о нашемъ положеніи Степану Тарасовичу—не знаемъ: какъ бы его не прогнѣвать въ несчастіи. Можетъ, у васъ есть кто знакомый изъ начальства... Окажите Божескую милость: научите что дѣлать?!..." Ея слезы и неподдѣльное участіе къ судьбѣ „благодѣтеля" очень тронули меня, и я, предложивъ ей написать Овсянникову письмо съ объясненіемъ своего грустнаго матеріальнаго положенія, обѣщалъ это письмо не только передать ему, но и попросить его отвѣта. Она ушла нѣсколько успокоенная, а на слѣдующій день прислала мнѣ письмо на имя „батюшки Степана Тарасыча", написанное довольно связно и начинавшееся такъ: „Освѣдомилась я, что вы, благодѣтель нашъ, попали въ руки злодѣевъ и т. д." Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы расплывались отъ пролитыхъ надъ письмомъ слезъ. Оно кончалось словами: „день и ночь молюсь за васъ и цѣлую, припадаючи, ручки". Одинъ изъ „злодѣевъ"—въ моемъ лицѣ—передалъ письмо товарищу прокурора Вильямсону, завѣдывавшему арестантскими помѣщеніями, съ просьбой вручить его Овсянникову и спросить, не будетъ ли какого-либо отвѣта. Дня черезъ два Вильямсонъ разсказалъ мнѣ, что когда, пріѣхавъ въ Коломенскую часть, онъ заявилъ Овсянникову, что прокуроръ передалъ ему письмо на его имя съ просьбою дать отвѣтъ,—Овсянниковъ чрезвычайно оживился, встрепенулся и быстро спросилъ:—какое? какое письмо? отъ самого прокурора?—Повидимому, онъ вообразилъ себѣ, что старые судебные порядки снова для него оживаютъ, хотя и въ новыхъ обличьяхъ. Онъ почти вырвалъ у Вильямсона письмо изъ рукъ и, пытливо на него поглядывая, отошелъ къ окну и сталъ читать. Затѣмъ насупился и началъ большими тяжелыми шагами ходить по комнатѣ. — Вы знаете это семейство? — спросилъ Вильямсонъ. Овсянниковъ посмотрѣлъ на вопрошающаго и затѣмъ недовольнымъ голосомъ сказалъ: — коли пишутъ, значитъ, знавалъ! — Что же можетъ сказать прокуроръ писавшей? — Овсянниковъ молча подошелъ къ топившемуся камину, разорвалъ письмо на четыре части, бросилъ его въ огонь и, когда оно запылало, почти крик-

нулъ: — мнѣ теперь не до того! вотъ мой отвѣтъ: пущай горитъ!

По слѣдствію и на судѣ обнаружилось, что фактическимъ поджигателемъ былъ приказчикъ Левтѣевъ, исполнившій при содѣйствіи сторожа Рудометова, завѣдомо для хозяина, неоднократно выраженное послѣднимъ желаніе, чтобы мельница сгорѣла. Когда я предполагалъ быть обвинителемъ по этому громкому и трудному дѣлу, я жалѣлъ, что не могу разсказать присяжнымъ про слова обвиняемаго въ камерѣ Коломенской части. Это „пущай горитъ" лучше всякихъ сложныхъ соображеній нарисовало бы передъ присяжными движущіе мотивы того, въ чемъ обвинялся Овсянниковъ. Ужъ если на такую просьбу злополучной нищеты, человѣкъ, располагавшій милліонами, могъ сказать „пущай горитъ", то насколько понятнѣе и возможнѣе было сказать то же самое для того, чтобы отдѣлаться отъ ненавистной мельницы и въ то же время насолить врагу. Но, вслѣдствіе назначенія меня вице-директоромъ департамента министерства юстиціи, мнѣ не пришлось быть обвинителемъ. Меня замѣнилъ талантливый и тонкій судебный ораторъ В. И. Жуковскій, внесшій въ свою рѣчь свойственный ему глубокій и неотразимый сарказмъ, такъ соотвѣтствовавшій его наружности, въ которой было что-то мефистофельское. Гражданскими истцами въ судебномъ засѣданіи явились—Кокоревъ отъ своего собственнаго лица и Спасовичъ отъ лица страховыхъ обществъ. Первый сказалъ скрипучимъ голосомъ чрезвычайно обстоятельную и умную рѣчь съ убѣдительнымъ разборомъ мотивовъ дѣянія Овсянникова, а второй со своимъ угловатымъ жестомъ и какъ бы непокорнымъ словомъ, всегда заключавшимъ въ себѣ глубокій смыслъ, превзошелъ—какъ принято говорить—самого себѣ въ разборѣ и сопоставленіи уликъ и въ оцѣнкѣ экспертизы, произведенной надъ обширною моделью мельницы, принесенной въ залу суда. Особенное впечатлѣніе произвела нарисованная имъ картина „извивающагося, какъ драконъ" изъ одного отдѣленія мельницы въ другое огня, сразу показавшагося въ трехъ мѣстахъ, при чемъ его изгибы незамѣтны со стороны. Не менѣе удачна была характеристика подряднаго дѣла съ казной, исполненнаго риска. Казна сбиваетъ цѣны, подрядчики отчаянно, рискуя сдѣлаться несостоятельными, конкурируютъ между собою и „съ самаго низу отъ послѣдняго канцеляриста протягиваются руки, которыя чувствуютъ пустоту и которыя надо занять". Поэтому лишь податливый, привычный и знающій подрядчикъ сумѣетъ установить и наладить „*извѣстную среднюю недобросовѣстность*", при чемъ „чиновники допускаютъ товаръ не совсѣмъ еще негодный, а подрядчикъ старается, чтобъ товаръ не былъ уже совсѣмъ плохъ".

Съ особенной силой отвѣтилъ Спасовичъ на упрекъ защитника Овсянникова, что онъ строитъ всѣ свои выводы на однѣхъ косвенныхъ уликахъ, на чертахъ и черточкахъ: „Ну да! черты и черточки!—воскликнулъ онъ—но вѣдь изъ нихъ складываются очертанія, а изъ очертаній буквы, а изъ буквъ слоги, а изъ слоговъ возникаетъ слово и это слово: *поджогъ!*

Сосланный въ Сибирь на поселеніе, Овсянниковъ жилъ, по сообщеніямъ газетъ, въ крайней нищетѣ, да и потомъ, будучи переведенъ, въ порядкѣ помилованія, въ Царское Село, доживалъ свою глубокую старость въ очень неприглядной матеріальной обстановкѣ, во всемъ нуждаясь, такъ какъ все его состояніе перешло къ его наслѣдникамъ по закону.

Это дѣло было настоящимъ торжествомъ новаго суда. Нѣмецкая сатирическая печать даже не хотѣла вѣрить, чтобы *двѣнадцатикратный* (zwölffache) милліонеръ Овсянниковъ могъ быть арестованъ, а если бы это и случилось, то выражала увѣренность, что на-дняхъ станетъ извѣстнымъ, что *одиннадцати*-кратный милліонеръ Овсянниковъ выпущенъ на свободу.

Мнѣ вспоминается, какъ была поражена привезенная изъ Москвы для слѣдственныхъ дѣйствій знаменитая игуменья Митрофанія, когда при ней привели въ обширную камеру Книрима не менѣе, хотя и въ другомъ родѣ, знаменитаго Овсянникова. Взглянувъ другъ на друга и озираясь на еще недавнее прошлое, они могли воскликнуть: „Панъ умеръ! великій Панъ умеръ!“..

Если бы знаменитый криминологъ Ломброзо увидалъ нѣкоего *Нечаева*, котораго мнѣ пришлось обвинять въ Казани весною 1871 года, то онъ, конечно, нашелъ бы, что это яркій представитель изобрѣтеннаго имъ *преступнаго типа* и прирожденный преступникъ—маттоидъ. Маленькаго роста, растрепанный, съ низкимъ лбомъ и злыми глазами, курносый,—онъ всей своей повадкой и наружностью подходилъ къ излюбленному Болонскимъ ученымъ искусственному типу. Онъ представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своего рода психологическую загадку по той смѣси жестокости, нахальства и чувствительности, которая отражалась въ его дѣйствіяхъ.

Въ 1871 году Благовѣщеніе приходилось въ пятницу на Страстной недѣлѣ. „Свято соблюдая—обычай русской старины“, старикъ

портной Черновъ рѣшилъ, вмѣсто птицы, выпустить на свободу человѣка. Онъ отправился въ тюремный замокъ и тамъ узналъ, что есть арестантъ—отставной военный писарь Нечаевъ, обвиняемый въ кражѣ и сидящій лишь за неимѣніемъ поручителя на сумму 50-ти рублей. Черновъ обратился къ начальству тюрьмы, прося отдать ему на поруки Нечаева, и, по соблюденіи формальностей, получилъ его на свои руки и немедленно привелъ къ себѣ въ мастерскую, подаривъ ему при этомъ двѣ ситцевыхъ рубашки и рубль серебромъ. Съ ними Нечаевъ немедленно исчезъ и вернулся лишь предъ самой пасхальной заутреней и, конечно, безъ рубашекъ и безъ рубля. Утромъ въ день Свѣтлаго Воскресенія онъ сталъ требовать еще денегъ, но Черновъ отказалъ. Въ четыре часа дня послѣдній оказался убитымъ, съ кровоподтеками на вискѣ и на лбу, при чемъ шея его была почти совершенно перерублена топоромъ, валявшимся тутъ же, а голова висѣла лишь на широкомъ лоскутѣ кожи. Карманы платья Чернова были выворочены, а со стѣны исчезло его новое, только-что сшитое пальто. Исчезъ и Нечаевъ. Онъ былъ обнаруженъ ночью, въ домѣ терпимости, при чемъ на спинѣ его, на рубашкѣ, найдено было большое кровавое пятно; такое же пятно было и на подкладкѣ пальто со стороны спинки. Нечаевъ ни въ чемъ не сознавался и даже отрицалъ свое знакомство съ Черновымъ и пребываніе въ его домѣ. Онъ держалъ себя чрезвычайно нагло и, когда его вели въ сопровожденіи массы любопытствующаго народа на квартиру Чернова для присутствія при осмотрѣ мѣста преступленія, онъ обратился къ проѣзжавшему мимо губернатору со словами:—Ваше превосходительство, а что бы вамъ меня за деньги показывать?—вѣдь большая бы выручка была!

Предъ осмотромъ и вскрытіемъ трупа убитаго въ анатомическомъ театрѣ университета, Нечаевъ прислалъ мнѣ заявленіе о непремѣнномъ желаніи своемъ присутствовать при этой процедурѣ. Во время послѣдней онъ, совершенно неожиданно, держалъ себя весьма прилично и внимательно вглядывался и вслушивался во все, что дѣлалъ и говорилъ профессоръ судебной медицины И. М. Гвоздевъ. Когда послѣдный кончилъ, Нечаевъ спросилъ меня:—какъ объясняетъ онъ кровоподтекъ на лбу? Я попросилъ Гвоздева повторить обвиняемому это мѣсто его visum repertum и заключенія.—Этотъ кровоподтекъ долженъ быть признанъ посмертнымъ,—сказалъ Гвоздевъ—онъ, вѣроятно, полученъ уже умершимъ Черновымъ во время паденія съ наръ, возлѣ которыхъ найденъ покойный, отъ удара обо что-нибудь тупое.—Нечаевъ злобно усмѣхнулся и вдругъ, обращаясь ко мнѣ и къ слѣдователю, громко сказалъ:—Гмъ! послѣ смерти?! все вретъ дуракъ! Это я его обухомъ топора

живого, а не мертваго; онъ еще послѣ этого закричалъ.—И затѣмъ Нечаевъ тутъ же, не безъ развязности, разсказалъ, какъ, затаивъ злобу на Чернова за отказъ въ деньгахъ, поджидалъ его возвращенія съ визитовъ и какъ Черновъ вернулся подъ хмѣлькомъ, но грустный, и жаловался ему, что у него сосетъ подъ сердцемъ „точно смертный часъ приходитъ".—Тутъ я,—продолжалъ свой разсказъ Нечаевъ,—увидѣлъ, что дѣйствительно его часъ пришелъ. Ударомъ кулака по виску сбросилъ я его съ наръ, на краю которыхъ онъ сидѣлъ, схватилъ топоръ и ударилъ его обухомъ по лбу. Онъ вскрикнулъ „что ты, разбойникъ, дѣлаешь?"—а потомъ *забормоталъ* и, наконецъ, замолчалъ. Я сталъ шарить у него въ карманахъ, но, увидя, что онъ еще живъ, ударилъ его изо всей силы топоромъ по шеѣ. Кровь брызнула, какъ кислыя щи, и попала на пальто, которое Черновъ повѣсилъ на стѣну, повернувъ подкладкой кверху, потому что оно было новое. Я этого не замѣтилъ, когда надѣвалъ пальто; оттого у меня и кровь на спинѣ оказалась. А вы, можетъ, и повѣрили, что это изъ носу? — насмѣшливо заключилъ онъ, обращаясь къ слѣдователю и напоминая свое первое объясненіе этого пятна.

Въ тюрьмѣ онъ себя держалъ спокойно и просилъ почитать книжекъ. Но когда я однажды зашелъ къ нему въ камеру, онъ заявилъ мнѣ какую-то совершенно нелѣпую жалобу на смотрителя и, не получивъ по ней удовлетворенія, сказалъ, мнѣ:—значитъ, теперь мнѣ надо на *васъ* жаловаться?—Да, на меня.—А кому?—Прокурору Судебной Палаты, а еще лучше Министру Юстиціи: онъ здѣсь будетъ чрезъ недѣлю.—Гмъ, мое дѣло, значитъ, при немъ пойдетъ?—Да, при немъ.—Эх-ма! въ карманѣ-то у меня дыра, а то бы князя Урусова надо выписать. Дѣло мое вѣдь очень интересное. А кто меня будетъ обвинять?—Я.—Вы сами?—Да, самъ.—То-то, я думаю, постараетесь! при министрѣ-то?—вызывающимъ тономъ сказалъ онъ.—За вкусъ не ручаюсь, а горячо будетъ,—отвѣтилъ я извѣстной поговоркой.—А вы бы меня, господинъ прокуроръ, пожалѣли: не весело вѣдь на каторгу идти.—Объ этомъ надо было думать прежде, чѣмъ убивать для грабежа.—А зачѣмъ онъ мнѣ денегъ не далъ? вѣдь и я хочу погулять на праздникахъ. Я такъ скажу: меня не только пожалѣть надо, а даже быть мнѣ благодарнымъ. Не будь нашего брата, вамъ бы и дѣлать было нечего, жалованье не за что получать.—Да по человѣчеству мнѣ и впрямь жаль,—сказалъ я.—А коли жаль, такъ у меня къ вамъ и просьба: тутъ какъ меня выводили гулять или за нуждой—что ли, забралась ко мнѣ въ камеру кошка, да и окотилась; такъ я просилъ двухъ котятокъ мнѣ отдать: съ ними занятнѣе, чѣмъ съ книжкой. Однако не дали. Прикажите дать, явите божескую

милость!—Я сказалъ смотрителю, что прошу исполнить просьбу Нечаева.

Въ засѣданіи суда, въ началѣ іюня, дѣйствительно присутствовалъ графъ Паленъ, пріѣхавшій въ Казань на ревизію. Нечаевъ держалъ себя очень развязно, говорилъ колкости свидѣтелямъ и заявилъ, что убійство совершилъ „фоментально" (т. е. моментально). Присяжные не дали ему снисхожденія, и онъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторги. Въ тотъ же день казанское дворянство и городское общество давали обѣдъ графу Палену въ залѣ дворянскаго собранія. Въ срединѣ обѣда мнѣ сказали, что пріѣхалъ смотритель тюремнаго замка по экстренному дѣлу. Я вышелъ къ нему, и онъ объяснилъ, что Нечаевъ, привезенный изъ суда, началъ буйствовать, вырвалъ у конвойнаго ружье и согнулъ штыкъ (онъ обладалъ громадной физической силой), а затѣмъ выломалъ у себя въ камерѣ изъ печки кирпичъ и грозилъ размозжить голову всякому, кто къ нему войдетъ. Его удалось обезоружить, но смотритель находилъ необходимымъ заковать его въ ручные и ножные кандалы, не желая, однако, это сдѣлать безъ моего вѣдома, такъ какъ на мнѣ лежали и обязанности стараго губернскаго прокурора. Я отнесся отрицательно къ этой крайней мѣрѣ и посовѣтовалъ ему подѣйствовать на Нечаева какимъ-нибудь инымъ образомъ.—Что—котята еще у него?—У него—онъ возится съ ними цѣлый день и изъ послѣднихъ грошей поитъ ихъ молокомъ.—Такъ возьмите у него въ наказаніе котятъ.—Смотритель, старый служака изъ прежнихъ временъ, посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, потомъ презрительно пожалъ плечами и иронически сказалъ:—слушаю-съ!

Прошло три дня. Смотритель явился ко мнѣ вновь.—Господинъ прокуроръ, позвольте отдать котятъ Нечаеву.—А что?—Да никакъ не возможно.—Что же? буйствуетъ?—Какое, помилуйте! ничего не ѣстъ, лежитъ у дверей своей камеры на полу, стонетъ и плачетъ горючими слезами: „отдайте котятъ,—говоритъ,—ради Христа отдайте! Дѣлайте со мной, что хотите: ни въ чемъ перечить не буду, только котяточекъ моихъ мнѣ!. Даже жалко его стало. Такъ можно отдать? Онъ ужъ будетъ себя вести примѣрно. Такъ и говоритъ: „отдайте: Бога за васъ молить буду!"

И котята были отданы убійцѣ Чернова.

Я всегда находилъ, что въ нашей русской жизни воспитаніе дѣтей построено на самыхъ извращенныхъ пріемахъ, если только вообще можно говорить о существованіи *воспитанія* въ истинномъ смыслѣ слова между русскими людьми. Даже вполнѣ развитые родители по большей части относятся къ дѣтямъ съ слѣпотою животной любви и совершенно не думаютъ о томъ, что впечатлѣнія, даваемыя воспріимчивой душѣ ребенка, должны быть строго соразмѣрены съ его возрастомъ и съ той работой мысли и чувства, которую они собой вызываютъ. Въ особенности это можно сказать про чтеніе, невниманіе къ неразборчивости котораго у нѣкоторыхъ *воспитателей* граничитъ съ преступностью, тяжкія послѣдствія которой лишь иногда парализуются чистотою дѣтской души и свойственнымъ возрасту непониманіемъ тѣхъ или другихъ отношеній. Сюда же относятся неосторожность въ разговорахъ при дѣтяхъ и безсмысленное, подчасъ доходящее до безсознательной жестокости, стремленіе доставлять дѣтямъ *развлеченіе*, въ которомъ дѣтская душа менѣе всего нуждается, находя себѣ пищу въ простыхъ явленіяхъ окружающей природы и жизни. Я знаю не мало образованныхъ и добрыхъ людей между моими друзьями и хорошими знакомыми. Но, когда порой я вижу, какъ они воспитываютъ своихъ дѣтей, спѣша насытить ихъ души преждевременными впечатлѣніями и болѣзненно развить ихъ фантазію и тщеславіе,—какъ возятъ ихъ по циркамъ, загороднымъ садамъ и театрамъ,—какъ заставляютъ ихъ разыгрывать взрослыхъ на такъ называемыхъ „дѣтскихъ балахъ“,—какъ, въ ущербъ своему естественному авторитету, стараются поставить ихъ въ положеніе равноправныхъ и ничѣмъ не стѣсняемыхъ товарищей,—я готовъ сурово порицать этихъ добрыхъ и милыхъ людей за то, что къ сомнительному благодѣянію—дать жизнь—они присоединяютъ еще и жестокость своей воспитательной отравы. Но объ этомъ можно бы писать цѣлые часы, писать слезами и кровью, широко почерпнутыми изъ повседневныхъ явленій современной жизни съ ея психопатами, неврастениками и самоубійцами.

И мнѣ невольно вспоминается первое изъ впечатлѣній ужаса, которое я испыталъ вслѣдствіе стремленія доставлять дѣтямъ развлеченія. Когда мнѣ было лѣтъ восемь, меня взяли въ Пассажъ, въ Петербургѣ, гдѣ былъ кабинетъ восковыхъ фигуръ. Я вижу этотъ кабинетъ и всѣ фигуры до сихъ поръ съ такой отчетливостью, какъ будто я стою передъ ними. Въ концѣ кабинета въ послѣдней комнатѣ помѣщалась темная раздвижная занавѣсь и предъ нею маленькая рампа, за которой зажгли рядъ свѣчей, и затѣмъ хозяинъ кабинета на ломанномъ русскомъ языкѣ объяснилъ усѣвшимся предъ рампой посѣтителямъ, что будетъ показана сцена изъ временъ

испанской инквизиціи, представляющая пытку дочери знатнаго испанца, которую слуга-негръ обвинялъ въ ереси. Присутствовавшая при пыткѣ сестра несчастной сошла, при видѣ ея страданій, съ ума, а доносчикъ, запертый съ сосѣдней комнатѣ, сознавъ гнусность своего поступка и слыша стоны своей жертвы, старается разбить себѣ голову объ стѣну. Выслушавъ это объясненіе, слѣдовало меня, воспріимчиваго и нервнаго ребенка, взять за руку и немедленно увести. Но это противорѣчило бы теоріи доставленія развлеченій...

Занавѣсь раздвинулась, и предстала картина, которая никогда не изгладится изъ моей памяти. По стѣнамъ, въ глубинѣ сцены, стоялъ рядъ монаховъ съ надѣтыми на голову черными остроконечными капюшонами, въ которыхъ были сдѣланы лишь два маленькихъ зловѣщихъ отверстія для глазъ;—предъ ними, за покрытымъ чернымъ сукномъ столомъ стоялъ, протянувъ повелительно руку, главный инквизиторъ въ красной мантіи, а на первомъ планѣ одинъ палачъ, въ узкомъ черномъ же капюшонѣ, но не въ рясѣ, крѣпко держалъ стоявшую на колѣняхъ молодую и красивую дѣвушку съ растрепанными волосами, разинутымъ, конечно для крика, ртомъ и полными страданія и ужаса глазами, а другой, схвативъ ее за руку, окровавленными клещами вырывалъ у нея ногти. Въ сторонѣ, лицомъ къ зрителю, стояла ея сестра въ бѣломъ платьѣ, устремивъ въ даль безумный взоръ и зажимая себѣ уши руками, а рядомъ, въ небольшой комнаткѣ, молодой негръ или вѣрнѣе мулатъ, въ свѣтлой одеждѣ, съ ужаснымъ выраженіемъ лица, ударялся головой объ стѣну, и кровь текла по его лицу, оставляя слѣды на стѣнѣ и на платьѣ. Мнѣ трудно передать, что я перечувствовалъ, глядя на эту картину. Доставленіе мнѣ этого жестокаго развлеченія сопровождалось, въ томъ же воспитательномъ ослѣпленіи, предложеніемъ книги Поля Ферраля „Тайны испанской инквизиціи“, а результатъ всего этого выразился въ томъ, что я почти мѣсяцъ не могъ спать, переживая каждую ночь видѣнную мною картину или постоянно просыпаясь съ крикомъ ужаса, если удавалось забыться на нѣкоторое время. Съ тѣхъ поръ у меня явилось инстинктивное и непреодолимое отвращеніе къ восковымъ фигурамъ, и попытки переломить себя и зайти въ Panopticum въ Берлинѣ стоили мнѣ насилія надъ собою и отравленнаго на цѣлый день настроенія. Говоря откровенно, если бы даже и теперь, въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, мнѣ предложили бы остаться на ночь—или въ комнатѣ, гдѣ лежитъ нѣсколько труповъ, хотя бы и въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ приходится видѣть въ анатомическомъ театрѣ,—или же въ комнатѣ, гдѣ находится нѣсколько восковыхъ фигуръ, одѣтыхъ и даже красивыхъ, я бы безъ колебаній предпочелъ бы первое, до того мнѣ тягостно и тош-

нотворно зрѣлище этихъ остановившихся глазъ и этихъ безжизненныхъ рукъ и ногъ, предъ которыми ноги трупа все-таки кажутся болѣе живыми. Замѣчу при этомъ, что флорентійскія раскрашенныя статуи не производятъ на меня никакого непріятнаго впечатлѣнія. Очевидно, въ основѣ всего лежитъ восковой кабинетъ въ Пассажѣ.

Конечно, я говорю о пребываніи въ комнатѣ съ трупами лишь при неизбѣжности выбора между ними и восковыми куклами, ибо и съ трупами я испыталъ два очень тяжелыхъ впечатлѣнія. Оба они имѣли мѣсто въ Харьковѣ.

На Рыбной улицѣ былъ убитъ въ своей лавкѣ купецъ Бѣлоусовъ жестокимъ ударомъ большого полѣна въ лицо, которое представляло изъ себя неподдающійся описанію страшный видъ; особенно тяжкое впечатлѣніе производилъ одинъ уцѣлѣвшій глазъ, выпученный какъ бы съ выраженіемъ застывшаго ужаса, тогда какъ другой былъ выбитъ ударомъ и размозженный висѣлъ на какихъ-то синевато-кровавыхъ нитяхъ. Старикъ лежалъ поперекъ порога изъ задней комнаты въ лавку, такъ что для перехода изъ одной въ другую приходилось шагать черезъ его трупъ, одѣтый въ длинный бѣлый халатъ. Руки старика со скорченными пальцами были подняты вверхъ и такъ и застыли, а ноги широко раскинуты. Вся фигура представляла тягостное зрѣлище и казалась въ полусвѣтѣ задней комнаты колоссальной. Было очевидно, что убійца вошелъ не въ дверь лавки, которая была заперта тяжелымъ засовомъ съ замкомъ, ключъ отъ котораго оказался въ карманѣ халата убитаго. Онъ не могъ войти и чрезъ чердакъ и проломанное въ потолкѣ отверстіе, такъ какъ слѣды крови и рукъ на приставленной къ этому отверстію лѣстницѣ указывали, что она была принесена послѣ убійства и что ее протащили черезъ трупъ. Оставалось придти къ выводу, что убійца проникъ съ задняго хода, гдѣ дверь запиралась довольно слабо входившимъ въ петлю длиннымъ крючкомъ. Для подтвержденія этого вывода нужно было убѣдиться, что убійца, дергая дверь, могъ заставить крючекъ прыгать и наконецъ совсѣмъ выскочить изъ петли. Затѣмъ, когда Бѣлоусовъ—человѣкъ одинокій и опасливый,—собиравшійся уже ложиться спать въ лавкѣ, гдѣ за прилавкомъ стояла его кровать, быть можетъ привлеченный шумомъ, пошелъ въ заднюю комнату и показался на ея порогѣ, притаившійся у стѣны убійца ударилъ его со страшной силой длиннымъ полѣномъ и убилъ. Полѣно это, все въ крови и съ прилипшими къ нему сѣдыми волосами съ головы и бороды старика, валялось около трупа. Для того, чтобы надѣть крючекъ и видѣть его положеніе при дерганьи двери, нужно было кому-либо войти въ заднюю комнату и въ ней запереться.

Судебный слѣдователь рѣшилъ остаться снаружи и въ присутствіи понятыхъ дергать дверь. На мое предложеніе помощнику полицейскаго пристава войти и запереться, онъ отвѣчалъ, что ему дурно, и онъ проситъ освободить его отъ этого опыта. Тогда я рѣшился запереться, оставшись одинъ въ полумракѣ задней комнаты, въ одномъ шагѣ отъ мертваго старика.

Тяжелый воздухъ стоялъ въ комнатѣ, и гнетущая тишина господствовала вокругъ, покуда слѣдователь Гераклитовъ готовился начать дергать дверь. Чѣмъ болѣе глаза привыкали къ полусвѣту маленькой комнаты, скорѣе похожей на каморку, тѣмъ явственнѣй рисовалась фигура убитаго. Накладывая крючекъ, я долженъ былъ обходить полѣно, чтобы оставить его для описанія при осмотрѣ въ прежнемъ положеніи и при этомъ полами своего пальто касаться одной изъ окоченѣлыхъ рукъ старика. Началось дерганье двери, крючекъ прыгалъ, но не соскакивалъ съ петли. Иногда дерганье прерывалось, смутно было слышно, что слѣдователь что-то объяснялъ понятымъ, затѣмъ наступало нѣсколько мгновеній тишины, которыя начинали казаться цѣлой вѣчностью. Наконецъ дерганье прекратилось вовсе, голоса замолкли, и я остался одинъ съ убитымъ старикомъ. Такъ прошли минуты двѣ. Затѣмъ дерганье возобновилось съ новой энергіей, и я долженъ былъ собрать всю силу самообладанія, чтобы не *помочь* крючку выскочить изъ петли. Но вотъ—онъ сталъ прыгать сильнѣе и наконецъ дверь распахнулась, и въ мое заточеніе хлынулъ потокъ свѣта. Я былъ бѣлѣе старикова халата, и сердце мое усиленно и неровно билось гдѣ-то у самаго горла, стѣсняя дыханіе и затрудняя рѣчь. Сознаніе, что я—юный товарищъ прокурора—подалъ примѣръ смѣлости полицейскому чиновнику не очень меня радовало, ибо въ глубинѣ души я понималъ, что, продлись еще одну минуту медлительный опытъ надъ дверью и раздумье предъ нею Гераклитова, я бы лежалъ безъ чувствъ въ объятіяхъ старика.

Другой случай могъ бы послужить матерьяломъ для одного изъ разсказовъ Эдгара Поэ, до такой степени въ немъ собрался воедино рядъ впечатлѣній, изъ которыхъ каждаго было бы достаточно, чтобы не быть никогда забытымъ. Въ Харьковѣ существовалъ, а быть можетъ существуетъ и нынѣ, обычай замѣнять новогодніе визиты раутомъ въ дворянскомъ собраніи, гдѣ всѣ лица общества обмѣнивались привѣтствіями, а молодежь танцовала. Перваго января 1869 г. я отправился на этотъ раутъ и выходя изъ дому получилъ письмо, въ которомъ меня, какъ товарища прокурора, извѣщали, что въ тюремномъ замкѣ товарищами по заключенію былъ убитъ арестантъ, но что начальство скрыло это происшествіе. Убитаго отпѣли, какъ

умершаго естественною смертью, несмотря на то, что многіе видѣли боевые знаки на лицѣ у лежавшаго въ гробу,—и, чтобы окончательно опустить концы въ воду, трупъ отправили въ анатомическій театръ, откуда его возьмутъ, конечно, въ препаровочную, и всякій слѣдъ преступленія потеряется.

Письмо было анонимное, но на порядкахъ Харьковскаго тюремнаго замка со времени знаменитаго на югѣ Россіи дѣла *о поддѣлкѣ серій* лежала тѣнь подозрѣній. Поэтому, встрѣтивъ на раутѣ прокурора судебной палаты Писарева, я показалъ ему это письмо, и мы рѣшили, что я произведу личное дознаніе, немедленно отправясь въ анатомическій театръ для розысканія трупа. На раутѣ былъ и профессоръ патологической анатоміи, милый, глубоко-ученый и оригинальный другъ мой Душанъ Ѳедоровичъ Лямбль. Я просилъ его отправиться со мною, на что̀ онъ выразилъ согласіе съ большой готовностью, и мы, какъ были на раутѣ, во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, поѣхали въ университетъ, гдѣ не безъ труда розыскали полупьянаго сторожа, и этотъ своеобразный Виргилій повелъ насъ по кругамъ анатомическаго ада. Миновавъ нѣсколько комнатъ, мы вступили въ амфитеатръ, передъ пустыми скамьями котораго стоялъ столъ съ мраморной доской и на немъ сидѣла обнаженная молодая женщина, прислоненная къ особой подпоркѣ, поддерживавшей ея голову. Молодое и красивое тѣло ея было немного подернуто зеленью разложенія, окоченѣлыя руки и ноги были слегка согнуты въ колѣняхъ и логтяхъ, а лицо.... лица было не видно, ибо головная кожа была подрѣзана отъ одного уха до другого черезъ шею ниже затылка и вывернутая на изнанку, зіяя мясомъ и мелкими сосудами, была надвинута на лобъ и на лицо. Густые бѣлокурые волосы спускались изъ-подъ нея и совершенно закрывали лицо это и верхнюю часть груди. Въ такомъ видѣ она была приготовлена наканунѣ для какого-то анатомо-патологическаго изслѣдованія, которое должно было произойти 2-го января. Трудно передать то ощущеніе состраданія и вмѣстѣ отвращенія, которое вызывала своимъ видомъ эта ужасная фигура. Миновавъ ее, мы вошли въ длинный корридоръ съ небольшими и тусклыми окнами, бывшими, если не измѣняетъ память, на уровнѣ выше роста человѣка. Я нѣсколько разъ оглядывался назадъ, и каждый разъ мой взоръ встрѣчалъ все ту же фигуру, сидѣвшую на столѣ прямо противъ дверей. Издали казалось, что это сидитъ голый бородатый человѣкъ, нахлобучившій на себя красную шапку. Въ концѣ корридора нѣсколько ступень вели въ кладовую, освѣщенную однимъ окномъ, гдѣ хранились трупы, присланные для вскрытія и для студенческихъ работъ изъ полиціи и больницъ. Это были разные бездомные, смертные останки которыхъ не приняли любящія руки,—были опившіеся или замерз-

шіе, подобранные на улицахъ и въ уѣздѣ. За праздники ихъ накопилось много, и они лежали на низкихъ и широкихъ нарахъ другъ на другѣ, голые, позеленѣвшіе, покрытые трупными пятнами, съ застывшей гримасой на лицѣ или со скорбной складкой синихъ губъ, по большей части съ открытыми глазами, безсмысленно глядящими мертвымъ взоромъ. На большомъ пальцѣ правой ноги каждаго изъ нихъ, на веревочкѣ былъ привязанъ номеръ по реестру, гдѣ значилось—кто и откуда присланъ. Лямбль послалъ за реестромъ, и мы стали курить и ходить по корридору, въ которомъ было весьма холодно.

Въ обоихъ концахъ корридора насъ постоянно встрѣчало одно и то же зрѣлище: то сидящая женщина, то груда мертвыхъ тѣлъ. Наконецъ, сторожъ принесъ реестръ и сталъ отыскивать ноги трупа, присланнаго изъ тюрьмы. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ труповъ лежали головами въ противуположныхъ направленіяхъ, то ихъ пришлось переворачивать, чтобы отыскивать номера ногъ, обращенныхъ къ стѣнѣ, и сторожъ, должно быть по дорогѣ еще выпившій, ворча себѣ подъ носъ, для сокращенія своей работы, влѣзъ на эти трупы и сталъ ихъ разбирать, какъ дрова, вытаскивая одного изъ-подъ другого. Искомый нами номеръ оказался на ногѣ мертвеца, лежавшаго въ самомъ низу, головой къ стѣнѣ. Сторожъ сталъ тянуть его за ноги, при чемъ лежавшіе сверху стали поворачиваться. Вотъ показалось тѣло и руки, задѣвавшія другихъ мертвецовъ и въ нихъ упиравшіяся,—вотъ грудь и плечи, но гдѣ же голова?! Оказалось, что голова отрѣзана умѣлою рукою и исчезла вмѣстѣ со своими „боевыми знаками". Сторожъ припомнилъ тогда, что голова отрѣзана прозекторомъ для какихъ-то спеціальныхъ надобностей и унесена съ собою. Посланный тотчасъ же къ прозектору, жившему тутъ же на дворѣ, сторожъ, продолжая ворчать, пошелъ лѣнивою походкой, предварительно прислонивъ безголовый трупъ къ его товарищамъ по несчастью. Мы снова стали ходить по корридору и курить. Между тѣмъ короткій зимній день началъ смѣняться надвигающимися сумерками. Сторожъ не возвращался. Наконецъ Лямбль потерялъ терпѣніе и, сказавъ мнѣ: „я пойду за головою самъ", быстро удалился, такъ что я не успѣлъ возбудить вопроса о томъ, не пойти ли съ нимъ и мнѣ? При томъ сторожъ могъ вернуться безъ него, пройдя съ какого-нибудь другого хода и, не найдя никого, исчезнуть уже на цѣлый день.

Подавляя въ себѣ ощущеніе невольной робости, я сталъ ходить по корридору, а сумерки все сгущались. Вскорѣ уже трудно стало различать контуры и подробности подвала и большой залы и, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, изъ густой полутьмы выступали только бѣлое тѣло сидящей женщины и зеленое грузное тѣло че-

ловѣка безъ головы. Изъ залы *слышалось* таинственное и зловѣщее *молчаніе.* Изъ подвала проникалъ насыщенный тяжкимъ запахомъ воздухъ, приносившій иногда похожіе на вздохи звуки, издаваемые газами изъ внутренностей потревоженныхъ труповъ. Наконецъ стемнѣло совершенно. Я пересталъ ходить, смущаемый гуломъ моихъ шаговъ, и остановился посрединѣ корридора, сторожимый съ двухъ сторонъ мертвыми товарищами моего жестокаго одиночества. Вспоминая, что менѣе чѣмъ за два часа передъ этимъ я былъ въ свѣтлой и праздничной залѣ, видѣлъ веселую и нарядную толпу, говорилъ съ изящными, полными жизни и веселья, женщинами, я начиналъ думать, что видѣлъ все это во снѣ или наоборотъ, что то, что̀ меня окружаетъ, какой-то тяжкій кошмаръ, который сейчасъ разсѣется, и грудь, въ которую начиналъ заползать неотвратимый ужасъ, вздохнетъ облегченно. Не могу дать себѣ отчета, сколько времени провелъ я въ этомъ состояніи. Но вотъ въ залѣ показался слабый свѣтъ, и затѣмъ въ концѣ корридора послышались шаги, и появился Лямбль съ мѣшкомъ въ рукахъ, а за нимъ сторожъ съ фонаремъ. Въ мѣшкѣ была голова съ ярко красными пятнами на лицѣ. Лямбль приладилъ ее къ шеѣ стоявшаго трупа и, убѣдившись, что она на своемъ мѣстѣ, снова снялъ ее и, разсматривая внимательно, сказалъ мнѣ: „въ письмѣ написанъ вздоръ; это не кровоподтеки отъ побоевъ, это воспалительное состояніе кожи; это вѣроятно и даже несомнѣнно, слѣды мѣстнаго воспаленія. Я пришлю вамъ завтра письменный объ этомъ отзывъ“.—И, взявъ съ собою голову, онъ вмѣстѣ со мною удалился.

Упомянувъ о Лямблѣ и вызвавъ предъ собою его симпатичный и оригинальный образъ, я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ. Ученикъ знаменитаго Гиртля,—подвижный, энергическій, съ прекрасными, полными жизни, умными карими глазами на сухощавомъ лицѣ, подъ нависшимъ хохломъ сѣдѣющихъ волосъ, Лямбль производилъ впечатлѣніе выдающагося человѣка и былъ таковымъ въ дѣйствительности. Хозяинъ въ своей части, онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, а отзывался на всевозможные духовные запросы человѣческой природы. Любитель и знатокъ европейской литературы, тонкій цѣнитель искусства, онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ „nihil humanum a me alienum puto“. Онъ, напримѣръ, въ подробности изучилъ и зналъ Данта, а своими объясненіями и замѣчаніями внушилъ мнѣ любовь и интересъ къ

художественной дѣятельности Гогарта. Какъ практическій врачъ, онъ подсмѣивался надъ узкой специализацией, столь развившейся въ последнее время, и въ концепціи картины и значенія болѣзни давалъ ходъ собственной творческой мысли, а не слѣдовалъ рабски за тѣмъ, что ему скажетъ *послѣднее слово* заграничныхъ книжекъ и, въ особенности, разныя химическія и другія изслѣдованія. Онъ лѣчилъ не теоретически понимаемую *болѣзнь*, а каждаго *больного*, индивидуализируя свои пріемы и указанія и отводя широкое мѣсто психологическому наблюденію. Его называли часто оригиналомъ и чудакомъ,—но чудакъ этотъ могъ записать себѣ въ активъ не мало блестящихъ исцѣленій—и тамъ, гдѣ былъ серьезный и опредѣленный недугъ,—и тамъ, гдѣ нужно было лишь поднять душевный строй человѣка, не привязывая къ нему непремѣнно опредѣленнаго медицинскаго ярлыка съ неизбѣжной, предустановленной процедурой лѣченія и режима.

Судебная реформа въ первые годы своего осуществленія требовала отъ судебныхъ дѣятелей большого напряженія силъ. Любовь къ новому, благородному дѣлу, явившемуся на смѣну застарѣлаго неправосудія и безправія—у многихъ изъ этихъ дѣятелей превышала ихъ физическія силы и, по временамъ, нѣкоторые изъ нихъ „надрывались". Надорвался въ 1868 году и я. Появились чрезвычайная слабость, упадокъ силъ, малокровіе и, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго напряженія голоса,—частыя горловыя кровотеченія. Выдающіеся врачи Харькова признали мое положеніе весьма серьезнымъ, но въ опредѣленіи лѣченія разошлись, хотя, повидимому, нѣкоторые подозрѣвали скоротечную чахотку. Одинъ посылалъ меня въ Соденъ, другой въ Зальцбрунъ, третій—въ горы, четвертый, наконецъ, въ Желѣзноводскъ. Я не зналъ, что дѣлать, тѣмъ болѣе, что и самое путешествіе за границу представлялось для меня затруднительнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Заслышавъ о моемъ нездоровьѣ, ко мнѣ пришелъ Лямбль. „—Надо ѣхать за границу—сказалъ онъ съ чешскимъ акцентомъ, пощипывая любимымъ жестомъ свою эспаньолку.—Но куда, куда?—А куда глаза глядятъ,—въ Европу... Вамъ нужны новыя впечатлѣнія и отдыхъ, но отдыхъ дѣятельный и поучительный. Поѣзжайте сначала въ Прагу (ну конечно! подумалъ я), тамъ вы встрѣтите—я дамъ вамъ письмà—хорошихъ людей, а оттуда въ Мюнхѐнъ, гдѣ зайдете въ старую Пинакотеку, потомъ прокатитесь по Рейну, во Фландрію, посмотрите Рубе́нса и Мемлинга въ Брюгге, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ вамъ, можетъ быть, удастся послушàть Тардье...—Но что же мнѣ пить? какія воды?—А пить необходимо, необходимо пить,—но не воды, а пивò. Вы такъ и дѣлайте,—поѣзжайте отъ одного пивà къ другому пиву,

а пріѣдете во Францію—пейте красное винò. А главное—не думайте о своей болѣзни. Она называется молодость (мнѣ было 23 года), слабыя силы при большомъ трудѣ и нервность; вы, въ сущности,—одинъ нервъ. Новыя впечатлѣнія и пиво! вотъ и все"...—И теперь, доживъ, несмотря на многія испытанія, до шестидесяти слишкомъ лѣтъ, я съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю этотъ совѣтъ „чудака", которому вполнѣ и съ успѣхомъ въ свое время послѣдовалъ. Лямбль дѣйствительно былъ оригиналенъ во всемъ. Послѣ своего вѣнчанія онъ пригласилъ насъ—своихъ шаферовъ—изъ церкви въ свою квартиру, богатую книжками и скудную мебелью, переодѣлся въ свой обычный рабочій костюмъ и, попросивъ насъ посидѣть съ новобрачною, ушелъ присутствовать при какой-то интересной, въ медицинскомъ отношеніи, консультаціи, продолжавшейся до поздней ночи.

Съ особымъ блескомъ сказывались его знаніе и способности въ тѣхъ случаяхъ, когда, по приглашенію суда или сторонъ, онъ являлся экспертомъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Лучшихъ по обстоятельности, рельефности и художественной удобопонятности экспертизъ, по самымъ затруднительнымъ вопросамъ, мнѣ не приходилось потомъ, во время моей долгой судебной дѣятельности, слышать. Это были цѣлыя лекціи, глубоко и научно продуманныя по содержанію, популярныя по формѣ. Къ сожалѣнію, въ тѣ годы (конецъ шестидесятыхъ) между профессорами Харьковскаго медицинскаго факультета существовала значительная рознь. Если одна изъ сторонъ въ процессѣ, въ виду предстоящаго состязанія на судѣ, вызывала Лямбля, то другая непремѣнно вызывала одного изъ его недоброжелателей—и въ научный споръ нерѣдко вносился элементъ личныхъ обостренныхъ отношеній. Надо было видѣть, какъ умѣло и съ достоинствомъ истиннаго знанія отражалъ Лямбль направленные на него удары, сколько тонкой ироніи и остроумія бывало въ его отвѣтахъ на „недоумѣнія" суда или сторонъ! Не только лицъ прокурорскаго надзора, обыкновенно довольно беззаботныхъ по части судебно медицинскихъ свѣдѣній, но и своихъ товарищей по профессіи онъ побивалъ легко и неотразимо. Надо замѣтить, что особой глубиной и всесторонностью отличались *психіатрическія* экспертизы этого профессора *патологической анатоміи*. Въ нихъ онъ являлся настоящимъ служителемъ науки, который понимаетъ задачи истиннаго правосудія съ теплотою добраго, съ широтою просвѣщеннаго человѣка. По поводу одной изъ нихъ въ Варшавѣ, въ началѣ 80-хъ годовъ, по дѣлу объ убійствѣ врача Курціуша, онъ писалъ мнѣ своимъ своебразнымъ слогомъ: „Я завидую дару слова прокурора, набросавшаго на черномъ фонѣ небосклона великолѣпную логическую радугу, которою всѣ восхищались, забывая, что внизу, подъ нею,—на сырой холодной землѣ лежитъ смя-

тое существо, побитое градомъ роковыхъ событій;—оно едва дышетъ и между нимъ и этой радугой нѣтъ никакой связи. Прокуроръ стеръ въ порошокъ всю мою, трудомъ добытую, экспертизу съ лица земли, успокоивая меня тѣмъ, что вся эта моя отвратительная истина „ассиметрія черепа, неравенство зрачковъ, наслѣдственность" и прочія гадости, все это на *второмъ планѣ*. Да! на второмъ, на третьемъ, если угодно на послѣднемъ планѣ, но на этомъ же планѣ и самъ подсудимый, и съ этого плана его надо понимать, а не съ надоблачной высоты этическихъ соображеній..."

Мы разстались въ 1870 году, чтобы видѣться затѣмъ лишь урывками. Онъ перешелъ въ Варшаву, я оставилъ Харьковъ. Чуждый всякой рутины, ставившій впереди всего исключительно интересы дѣла, онъ, повидимому, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его писемъ, переживалъ подчасъ трудные дни. Чехъ по рожденію, онъ горячо любилъ Россію и желалъ ей *истиннаго* величія и сопричастія культурнымъ задачамъ запада. Дѣйствительность, окружавшая его, шла нерѣдко въ разрѣзъ съ этими его желаніями... „Въ нашихъ сферахъ—писалъ онъ мнѣ въ сентябрѣ 1880 г.,—все тоже водотолченіе. Попечитель выходитъ изъ себя потому, что студенты ходятъ въ студенческихъ шапкахъ безъ студенческихъ мундировъ, а ректоръ страдаетъ безсонницей потому, что попечитель принимаетъ студенческія шапки къ сердцу. Между тѣмъ, какъ вопросъ о шапкахъ тревожитъ умы, возбуждаетъ кровь и грызетъ печень, другія дѣла себѣ гуляютъ, напр. одна клиника остается безъ преподавателя,—а другой преподаватель остается безъ клиники. Вы знаете, А. Ѳ., какъ иногда бываетъ стыдно за человѣка, но повѣрьте, что еще стыднѣе иногда быть профессоромъ университета въ Россіи".—„Здѣсь тоже вѣетъ какимъ-то вѣтеркомъ, пахнувшимъ богатыми надеждами,—писалъ онъ въ началѣ 1881 г. Газета „Врачъ" напечатала докладную записку медицинскаго факультета о нуждахъ клиникъ—статья была принята съ глубокимъ сочувствіемъ со стороны *зрячихъ* и со скрежетомъ зубовнымъ со стороны бездушныхъ представителей злополучной бюрократіи". Въ слѣдующемъ году, по поводу несчастій, обрушившихся на одного нашего общаго близкаго знакомаго, онъ прислалъ мнѣ строки, отлично характеризующія складъ его собственной души, всегда впрочемъ ясный для тѣхъ, кто зналъ его ближе. „Я вполнѣ понимаю удручающее горе его, но мнѣ кажется, что если несчастье вообще его облагораживаетъ хорошую душу, то не можетъ не быть, чтобы тяжелыя страданія его чуткаго сердца не придали бы еще больше цѣны тому твердому закалу характера, которымъ онъ столькихъ къ себѣ привлекаетъ. Пусть идетъ онъ именно этой дорогой горестей, которая называется per aspera ad astra. Придетъ время, и онъ будетъ благодарить Про-

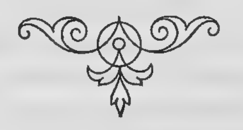
видѣніе за то, что оно дало ему пострадать и вытерпѣть жгучія душевныя мученія. Онъ потомъ съ кроткой улыбкой скажетъ:

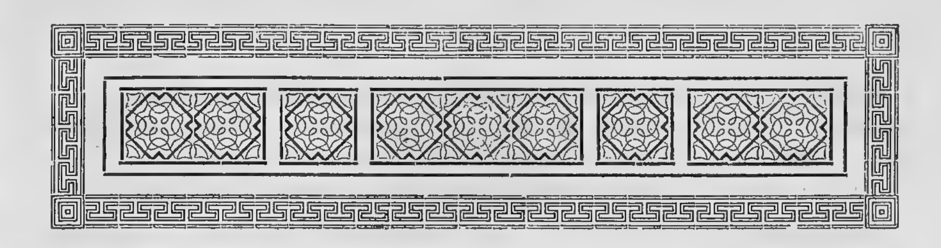
„Ich Kenne einen braven Mann
„Schade das ich ihm nicht küssen kann
„Denn ich bin selbst der brave Mann".

Говорю это по собственному опыту и наблюденію. Пусть на этой страницѣ въ тетради своей жизни онъ напишетъ славное слово „наплевать", а я припишу „si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae..."

Онъ скончался въ Варшавѣ, 13 февраля 1895 года.

1907. Апрѣль. А. Ѳ. Кони.

Изъ прошлаго.

Говоря о фельдмаршалѣ I. Вл. Гурко, нельзя обойти молчаніемъ самаго выдающагося его помощника, какъ въ боевое, такъ и въ мирное время, генерала Нагловскаго. О Дмитріи Станиславовичѣ Нагловскомъ, этомъ огромномъ военномъ талантѣ, блестящемъ представителѣ нашего генеральнаго штаба и замѣчательномъ человѣкѣ я говорилъ въ первой моей книгѣ „Изъ прошлаго“ [1]), а кромѣ того, подробнѣе написалъ о немъ въ отдѣльной брошюрѣ, изданной въ Варшавѣ, по случаю открытія памятника надъ его могилой, на Вольскомъ православномъ кладбищѣ, въ 16-ю годовщину сраженія при Горномъ Дубнякѣ, 12-го октября 1893 г.

Стараясь быть, въ моихъ писаніяхъ, елико возможно, безпристрастнымъ, я все же знаю, что я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо, понимаю, что не могу избѣгнуть того, чего не избѣжали другіе, тоже писавшіе, но выше меня, въ своихъ трудахъ стоящіе, не избѣжали отраженія своего собственнаго *я* въ ими написанномъ, а потому вполнѣ допускаю, что въ словахъ моихъ о Нагловскомъ отразилось личное мое къ нему отношеніе, преисполненное глубочайшаго почитанія и искренней привязанности; поэтому думаю, что не лишнимъ будетъ, если я освѣщу личность Д. С. Нагловскаго взглядомъ другого лица, несомнѣнно вполнѣ безпристрастнаго.

Послѣ смерти Нагловскаго (въ ночь съ 12 на 13 января 1890 г.) у меня, разбиравшаго оставленныя имъ бумаги, остались, съ разрѣшенія вдовы его, нѣкоторыя письма генерала Гурко къ Дмитрію

---

[1]) „Изъ прошлаго“. Ч. I. „На войнѣ“. Гл. XVIII.

Станиславовичу. Каждому извѣстно, что начальники вообще относятся ревниво къ своимъ начинаніямъ и своимъ велѣніямъ; рѣдко кто обладаетъ настолько гражданскимъ мужествомъ, стоитъ такъ высоко духовно, чтобы сознаться, что въ его дѣяніи, какомъ-нибудь выдающемся успѣхѣ, подвигѣ,—играла роль, если не воля—чужая [1]), то хотя бы посторонній совѣтъ, указаніе, представленіе. Углубляясь въ обсужденіе подобнаго, зауряднаго явленія, оно является конечно весьма неосновательнымъ и страннымъ, не говорю уже о непохвальности его.—Книга жизни, когда-нибудь, да откроется, и въ ней всѣ прочитаютъ какъ все было; но самому сказать: „да; сдѣлалъ. Но посовѣтовалъ мнѣ—другой. Я только уразумѣлъ, воспріялъ и рѣшился исполнить". Сказать такъ—удѣлъ высшихъ натуръ, и къ таковымъ принадлежалъ доблестный Іосифъ Владиміровичъ Гурко, не постѣснившійся, въ своихъ письмахъ къ Нагловскому, указать на ту громадную роль, которую игралъ его начальникъ штаба въ подвигахъ отряда, предводимаго Гурко, слѣдовавшаго его велѣніямъ.

Приводимые ниже отрывки изъ писемъ Іосифа Владиміровича, устанавливая сказанное мною выше о талантахъ Д. С. Нагловскаго, покажутъ намъ и всю духовную высоту покойнаго фельдмаршала. Въ началѣ лѣта 1878 года г. Гурко—будучи не удѣлъ въ С.-Стефано, получилъ извѣстіе о тяжкой болѣзни его жены и отпросился въ отпускъ, въ Петербургъ, а генералъ Нагловскій находился въ Одессѣ въ комиссіи генералъ-адъютанта Глинки-Маврина, учрежденной для разсмотрѣнія счетовъ и операцій по продовольствію арміи въ теченіе минувшей войны, и между ними шла непрерывавшаяся переписка.

1) „Царское Село. 13 іюня 1878 г.

„Многоуважаемый Дмитрій Станиславовичъ. Еще разъ разстаюсь я съ вами и на этотъ разъ, вѣроятно, на долго, если не навсегда. Я, какъ вамъ должно уже быть извѣстно, получилъ 11-ти мѣсячный отпускъ съ обязательной припиской Военнаго Министра, что къ дальнѣйшему его продолженію, вѣроятно, не встрѣтится препятствій. Слѣдовательно, моя пѣсенка спѣта, но я долженъ сознаться, что перспектива долгаго, по всѣмъ вѣроятіямъ до конца дней моихъ продолжающагося бездѣйствія—меня немного пугаетъ; но что же дѣлать...

Исполнилъ я долгъ свой по мѣрѣ силъ своихъ и разумѣнія и

---

[1]) Воля, понятно, принадлежитъ тому, кто взялъ на себя рѣшеніе исполнить мысль—свою или чужую и, вмѣстѣ съ таковымъ рѣшеніемъ, принялъ на себя и отвѣтственность.

для меня этого сознанія вполнѣ достаточно. Но вы, Дмитрій Станиславовичъ, что вы намѣрены предпринять; этотъ вопросъ меня озабочиваетъ. На ваше несчастіе были вы начальникомъ штаба у человѣка, на котораго всѣ, власть имущіе (за исключеніемъ Государя) [1]) такъ враждебно смотрятъ, какъ будто онъ понесъ пораженіе за пораженіемъ и который, слѣдовательно, можетъ только изгадить вашу дальнѣйшую карьеру, если онъ вздумаетъ въ нее вмѣшаться. Вы человѣкъ слишкомъ способный, чтобы не стараться, во что бы то ни стало, отыскать себѣ дѣятельность, но какъ къ этому приступить, я и ума не приложу и меня мучаетъ то, что я даже и совѣтомъ не могу въ этомъ вамъ помочь. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщаннаго вами письма, котораго, до сихъ поръ, я не получилъ.

Неужели штабъ Одесскаго округа откажетъ мнѣ въ выдачѣ предложенія на проводъ лошадей? Казна и безъ того будетъ въ барышѣ; я имѣю право на проводъ 12 лошадей, а провожу ихъ только 6; возить ихъ на свои деньги—это накладно.

Жена моя все еще очень плоха; съ большимъ трудомъ перевезъ я ее въ Царское и везти дальше, въ деревню, еще не рѣшаюсь, хотя вы должны понять, какъ мнѣ непріятно жить въ Царскомъ, изъ котораго я бы бѣжалъ безъ оглядки. Куда я переѣду на жительство, я и самъ того не знаю; по всѣмъ вѣроятіямъ въ Москву. Желалъ бы очень ѣхать на годъ за границу, но это, къ сожалѣнію, не по средствамъ. Хотя мнѣ и сохранено содержаніе, но при настоящемъ плохомъ курсѣ, этого далеко недостаточно" [2]).

Странно какъ-то и горько читать, что побѣдоносный полководецъ, приведшій свои войска къ Цареграду, осиливъ Балканы, непроходимые сугробы снѣга и вьюги, осилившій непріятеля—турокъ и непріятеля — природу, нуждался въ средствахъ для заслуженнаго отдыха и возстановленія силъ"!

2) „Царское Село. 17 іюля 1878 г....—Задали же вы мнѣ задачу отвѣтить вамъ, что у насъ: миръ или война? Послѣ постыднаго мира, на который мы согласились въ Берлинѣ, миръ для насъ не можетъ и не долженъ быть продолжителенъ. Надо поправить наше финансовое положеніе и тогда, съ Богомъ, за продолженіе начатаго дѣла; объ исправленіи же ошибокъ и недостатковъ нашего военнаго

---

[1]) Прибавимъ отъ себя: и В. Кн. Николая Николаевича, который въ первое послѣ войны время, былъ тоже не у дѣлъ; даже больше.

[2]) У Іосифа Владиміровича состоянія не было. С. Сахарово, гдѣ онъ жилъ, было скорѣе дачей, требовавшей расхода. У Іосифа Владиміровича было 4 сына.

строя—нечего и помышлять. Дошли мы до Цареграда, чего же еще лучше; стоитъ только сдѣлать другіе зарядные ящики и дѣло въ шляпѣ [1]). Х. сильнѣе, чѣмъ когда-либо и поэтому, помимо его инiцiативы, ничего въ арміи не будетъ измѣнено и опять, въ началѣ кампаніи, будемъ мы бродить въ потемкахъ, стукаться лбомъ о неспособности, коими кишитъ наша армія, и только послѣ цѣлаго ряда неудачъ, въ которыхъ армія потеряетъ большую долю увѣренности въ себя и своихъ начальниковъ, набредемъ мы на способныхъ людей, и тогда опять пойдетъ перестановка начальниковъ и частей. Но объ этомъ довольно—чтобъ гусей не раздразнить; вѣдь письма то читаютъ".

Здѣсь я позволю себѣ нѣсколько остановиться, чтобы отмѣтить замѣчательныя слова, вылившіяся съ горечью изъ устъ такого опытнаго военноначальника, каковымъ былъ I. Вл. Гурко. „Бродить въ потемкахъ, стукаться лбомъ о неспособности, коими кишитъ армія и только *послѣ цѣлаго ряда неудачъ, въ которыхъ армія потеряетъ большую долю увѣренности въ себя и своихъ начальниковъ*, набредемъ мы на способныхъ людей и тогда опять *пойдетъ перестановка начальниковъ и частей*" [2]). Глубоко справедливыя, но и ужасныя слова; ужасныя тѣмъ, что съ тою же справедливостью и знаніемъ дѣла, съ какими они были сказаны въ 1878 году, они могли быть повторены и позже. Гораздо позже. Не хотѣлось бы вѣрить „року", который исключаетъ человѣческіе: умъ, знаніе, волю, прозорливость, настойчивость; а поневолѣ повѣришь.

3) „С.-Петербургъ. 29 ноября 1878 г.—До васъ вѣроятно ужъ дошла вѣсть о наградѣ, которая какъ съ неба спала мнѣ въ день Георгіевскаго праздника [3]). Не могу скрыть, что она доставила мнѣ большое удовольствіе, хотя гораздо меньше того, которое она бы мнѣ доставила, тотчасъ послѣ Филиппополя. . . . .

. . . .

Вамъ, моему лучшему и неизмѣнному помощнику, приношу мою душевную благодарность. Вамъ во многомъ и во многомъ Россія обязана въ нашихъ побѣдахъ, а слѣдовательно и я, въ той наградѣ, которую я за сіи побѣды, если ее не заслужилъ, то получилъ [2]). Государь, какъ всегда, былъ ко мнѣ очень милъ. На обѣдѣ Георгіевскихъ кавалеровъ Онъ пилъ за мое здоровье въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ старый главнокомандующій и какъ твой Государь, пью за твое здоровье и благодарю тебя *за ту славу, которою ты покрылъ войска Гвардіи*" [2]). Такъ какъ въ эту минуту

[1]) Здѣсь очевидно звучитъ горькая иронія.
[2]) Курсивъ мой. *П. П.*
[3]) Генералъ Гурко получилъ орденъ св. Георгія 2 ст.

между мною и Государемъ былъ наслѣдникъ, то и онъ выпилъ за мое здоровье. Шелъ я (на выходѣ) въ парѣ съ Радецкимъ".

Подписано это письмо такъ: „Отъ души обнимаю васъ. Вамъ искренно и сердечно преданный"...

Остановлюсь на томъ мѣстѣ письма, гдѣ говорится о Наслѣдникѣ. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, благодаря несчастнымъ вліяніямъ со стороны, въ то время, не благоволилъ къ Іосифу Владиміровичу. Началось это еще за Дунаемъ, когда генералъ Гурко былъ поставленъ во главѣ Западнаго отряда арміи, предназначеннаго для зимняго перехода черезъ Балканы. — Не зная или мало зная І. Вл. Гурко, слыша отъ многихъ отзывы неблагопріятные, наслѣдникъ относился къ генералу Гурко холодно. Съ другой стороны и генералъ Гурко, при прямолинейности своего характера, не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы согрѣть этотъ холодъ. Напротивъ: когда наслѣдникъ цесаревичъ, стоя во главѣ гвардейскаго корпуса, оказался въ подчиненіи у ген. Гурко, назначеннаго командующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, а также и петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, холодъ еще болѣе усилился и только во время коронаціи государя Александра III въ Москвѣ, когда, вслѣдствіе смерти генерала Альбединскаго, Іос. Влад. былъ призванъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, ледъ растаялъ и состоялось искренное и сердечное сближеніе великаго государя съ подданнымъ, тоже великимъ, по величію его заслугъ передъ престоломъ и Отечествомъ.

Не получая отвѣтовъ отъ Нагловскаго, г. Гурко допускалъ возможность потери посланныхъ имъ писемъ, а потому, 14 декабря 1878 г., повторилъ уже помѣщенное мною выше, дополнивъ нѣкоторыми подробностями.

4) „С. Сахарово (Тверской губ.). 14 декабря 1878 г.

. . . .

„Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что награжденіе меня Георгіемъ 2-й степени доставитъ вамъ величайшее удовольствіе. Дѣйствительно Царь меня жалуетъ, но за то..... Х. меня сильно не жалуетъ. Возьмите хоть съ этимъ Георгіемъ. До сихъ поръ я не только рескрипта, но даже самого ордена не получилъ [1]); вѣдь иной можетъ подумать, что я или совралъ или обслушался, и что никогда

[1]) Дѣйствительно странное промедленіе, такъ какъ обыкновенно, при полученіи высокихъ наградъ, особенно такихъ выдающихся, какъ Георгій 2 ст. и такому выдающемуся человѣку какъ Гурко, орденъ вручается немедленно. Рескриптъ, требуя времени для его составленія и напечатанія, можетъ замедлиться, но и то не такъ много, какъ въ данномъ случаѣ.

Государь и не думалъ мнѣ его давать. А вѣдь рескриптъ долженъ написать онъ [1]) и онъ долженъ поднесть его на утвержденіе. Этотъ человѣкъ прямо ненавидитъ меня. При прощаньи моемъ съ Государемъ, Онъ задалъ мнѣ такой вопросъ, который заставляетъ меня полагать, что городскія сплетни дошли и до Него [2]). Спрашивая куда я теперь ѣду, сказалъ Онъ мнѣ: „Но ты не откажешься отъ назначенія?“ Но это я отвѣтилъ, что „когда жена моя была на смертномъ одрѣ и тогда я сказалъ Вашему Величеству, что если Вы во мнѣ нуждаетесь, то я, по первому слову, вернусь къ дѣйствительной службѣ“.—„Да, это Я помню, но это было въ случаѣ возобновленія войны. Но отъ мирнаго назначенія ты не откажешься?“ На это я отвѣтилъ, что я былъ бы въ отчаяніи, если, въ мои годы, меня сдали бы въ архивъ, и что желая, въ случаѣ новой кампаніи, принять въ ней участіе, мнѣ необходимо, въ мирное время, служить въ войскахъ. Какъ видите, глупыя Петербургскія сплетни, что я не желаю никакого назначенія, дошли и до Государя. Это X., который ихъ распространяетъ, не желая меня видѣть во главѣ какой-либо части нашей бѣдной арміи, и поэтому я остаюсь при томъ мнѣніи, что моя пѣсенка спѣта [3]). Переживая въ моемъ воображеніи тяжелые дни, коимъ наступаетъ уже годъ [4]), я, съ чистою совѣстью, говорю себѣ: я исполнилъ долгъ свой по мѣрѣ силъ моихъ и моего разумѣнія; исполняя его, я былъ чистъ отъ всякихъ грязныхъ, честолюбивыхъ помысловъ. Не награды и прославленіе себя подвигали меня на это дѣло, а единственно слава Россіи и желаніе доставить ей честный и славный міръ. *Припоминая подробности этихъ страшно тяжелыхъ и по истинѣ славныхъ дней, я вспоминаю сколько въ ихъ счастливомъ исходѣ, Россія Вамъ обязана. Прежде чѣмъ исторія Вамъ воздастъ должное, дозвольте мнѣ, еще разъ и отъ чистаго сердца, благодарить Васъ за Ваше мудрое содѣйствіе* [5]).

Подпись: „Васъ душевно любящій и душевно уважающій“.

---

[1]) Т. е. X.

[2]) Въ городѣ, недоброжелатели I. Вл. распустили слухъ, что онъ будируетъ и не желаетъ служить. *П. П.*

[3]) Желалъ бы думать, что тутъ Іос. Влад., введенный кѣмъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ заблужденіе, ошибается. Зная упоминаемаго здѣсь X., я допускаю съ его стороны: несочувствіе къ ген. Гурко, нерасположеніе, но „распусканіе слуховъ...“ допустить не могу. Для меня тутъ очевидное, несчастное недоразумѣніе, которое при тогдашнемъ удрученномъ состояніи I. Вл. и его воспріимчивости, облеклось, въ его глазахъ, въ крайнюю вражду. *П. П.*

[4]) Переходъ черезъ Балканы происходилъ 19 декабря.

[5]) Курсивъ мой. *П. П.*

5) С. Сахарово. 19 декабря 1878 г.—Сейчасъ получилъ я, дорогой Дмитрій Станиславовичъ депешу вашу съ поздравленіями по случаю годовщины Ташкисена. И такъ, вы ничего не знаете о моемъ пребываніи въ Питерѣ, посему начинаю повѣствовать вторично. При пріѣздѣ, Государь принялъ меня, какъ всегда, отлично и въ разговорѣ болѣе всего вспоминалъ о Филипополѣ. На другой день, то есть въ самый день праздника, Государь, идя передъ выходомъ здороваться съ войсками, проходя черезъ залъ, гдѣ собрались георгіевскіе кавалеры, и увидѣвъ меня, далъ мнѣ руку и сказалъ: „Поздравляю тебя кавалеромъ Георгія 2 степени", такъ что при шествіи кавалеровъ я уже шелъ въ парѣ съ Радецкимъ. Военный Министръ шелъ за мною [1]), но меня не поздравилъ. Въ этотъ день былъ у Государя маленькій обѣдъ высшихъ степеней и корпусныхъ командировъ; насъ было, кромѣ членовъ Царской фамиліи, 14 человѣкъ. Раухъ [2]), какъ дежурный, также обѣдалъ. Послѣ тоста за Германскаго Императора и за всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ, Государь, обратясь ко мнѣ (между мною и Имъ сидѣли: Николай Николаевичъ, Наслѣдникъ и Радецкій), сказалъ, поднимая бокалъ: „Гурко, за мою старую команду" [3]).

Парадный обѣдъ и тостъ Государя за г. Гурко уже приведенъ нами выше.

„Сегодня (19-го декабря) получилъ отъ Государя депешу, которую передаю дословно: „Сегодня, въ славную годовщину боя подъ Ташкисеномъ, благодарили мы Бога въ Преображенскомъ Соборѣ [4]) за дарованную намъ побѣду. Всѣхъ участниковъ собираю къ обѣду; сожалѣю, что тебя при этомъ не будетъ. Не могу не повторить тебѣ мое сердечное спасибо за всѣ твои подвиги въ минувшую кампанію. Да сохранитъ тебя Богъ и да пошлетъ Онъ тебѣ утѣшеніе и дома" [5]). Александръ.

Могу Вамъ сообщить и свой отвѣтъ.

„Растроганъ до глубины души высокомилостивою памятью моего Государя къ посильнымъ трудамъ моимъ на полѣ брани. Я несказанно счастливъ, что Господь Богъ сподобилъ и меня принесть свою лепту на алтарь отечества и тѣмъ заслужить себѣ неоцѣнимое Царское спасибо".

---

[1]) Младшіе идутъ впереди.

[2]) Оттонъ Егоровичъ.

[3]) Т. е. за гвардію.

[4]) Подъ Ташкисеномъ участвовала гвардія, а Преображенскій соборъ именуется соборомъ „всей гвардіи".

[5]) Указаніе на болѣзнь жены г. Гурко, Марьи Андреевны.

Завтра отправляю я депешу Вельяминову [1]), а послѣ завтра Л.-Гренадерамъ, Псковцамъ и Великолуццамъ.

Какъ прошлый годъ, въ это время, мы были выше настроены! Какъ видите изъ депеши Государя, бой у Ташкисена на первомъ планѣ, а перехода черезъ Балканы какъ будто и не существовало. Какъ издалека иначе судятъ! Что такое бой подъ Ташкисеномъ? Ничто; скорѣе скромное Негашевское дѣло имѣетъ больше значенія. Это ключъ долины, который мы взяли и положили себѣ въ карманъ. Такъ и Филипополя не понимаютъ; не понимаютъ нашего движенія на Самоковъ. Хороши бы мы были, не сдѣлавъ этого движенія [2]).

Ну, дай мнѣ Богъ, въ слѣдующую кампанію, надѣлать столько же ошибокъ, сколько мы надѣлали, и прійти къ такимъ же результатамъ;—и за то мнѣ Россія спасибо скажетъ".

6) Сахарово. 16 января 1879 г.—Такъ какъ І. Вл., не получая отвѣтовъ отъ Нагловскаго, допускалъ возможность потери писемъ, то въ этомъ письмѣ повторено многое изъ того, что уже помѣщено выше, а потому я извлекаю изъ него только нѣкоторыя новыя мѣста, не включенныя въ прежнія письма.

„Въ третій разъ начинаю я мое повѣствованіе о моемъ пребываніи въ Питерѣ въ концѣ ноября (1878 г.) и о томъ, какъ тамъ со мною пошутили съ Георгіемъ второй степени. Говорю я пошутили, отъ того, что до сихъ поръ [3]), не говоря уже о рескриптѣ, я ни ордена, и никакого оффиціальнаго увѣдомленія о дѣйствительномъ пожалованіи мнѣ его, ни отъ кого не получалъ, а въ капитулѣ я продолжаю числиться кавалеромъ ордена 3-й степени. Пріѣхавъ въ Питеръ 24-го (ноября), на другой (день) былъ я у Государя и Николая Николаевича (Великій князь, бывшій Главнокомандующій Дѣйствующ. арм.). Первый, какъ всегда принялъ меня очень любезно, второй же былъ очень тронутъ тѣмъ, что я ему сказалъ, что я пріѣхалъ единственно для него. При этомъ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что подалъ обо мнѣ докладную записку, въ которой онъ писалъ, что за Филипополь я, по сіе время, ничего не получилъ. При-

---

[1]) Генералъ Вельяминовъ командовалъ войсками въ бою у Дольняго Бугарова.

[2]) Эти мнѣнія компетентнаго судьи, самого вождя, стоявшаго во главѣ всей операціи, во всей ея совокупности, должны, я думаю, послужить полезнымъ указаніемъ будущимъ историкамъ нашихъ зимнихъ операцій на Балканахъ и за ними. *П. П.*

[3]) Письмо писано 16 янв., а Георг. праздн. былъ 26 ноября, т. е. прошло почти 2 мѣсяца.

знаться сказать я это въ одно ухо впустилъ, а въ другое выпустилъ“ [1]).

Далѣе приведены слова государя, поздравившаго І. Вл., передъ началомъ выхода во дворцѣ, съ орденомъ.

„Въ эту минуту я былъ далекъ отъ мысли получить этотъ орденъ. Тутъ у меня сейчасъ явилось маленькое сомнѣніе, какъ мнѣ проходить (въ шествіи кавалеровъ), съ кавалерами 2 или 3 степени. Всѣ тутъ начали говорить, что разъ какъ меня Государь поздравилъ, то надо идти съ кавалерами второй степени, и я имѣлъ глупость на это согласиться. Тутъ всѣ меня поздравляли, большинство, надо сказать, не искренно. Милютинъ же, передъ которымъ я шелъ въ парѣ съ Радецкимъ, мнѣ не сказалъ ни слова. Тутъ, на выходѣ, получилъ я приглашеніе, на этотъ же день, къ обѣду у Государя. Обѣдали въ этотъ день всѣ Георгіи 2-й ст. и всѣ корпусные командиры, бывшіе на войнѣ, хотя бы и не Георгіевскіе кавалеры. Тутъ я сдѣлалъ другую глупость. Зная, какъ Государь любитъ, чтобы тотчасъ же надѣвали ордена, когда ихъ онъ дастъ, я послалъ къ Арендъ, купить звѣзду и крестъ и напялилъ то и другое“... Далѣе идетъ описаніе двухъ обѣдовъ у государя и милостивыхъ словъ, къ г. Гурко обращенныхъ, о чемъ сказано выше.

„На другой день, т. е. 27 ноября утромъ, былъ я у Государя благодарить его за орденъ. Милютинъ, выходя съ доклада, меня поздравилъ. Тутъ Государь, въ первый разъ вспоминая, что на другой день (28 ноября) годовщина взятія Плевны, сказалъ мнѣ: „Надо сознаться, что тутъ много есть и твоего“ [2])...

...На Рождественскихъ праздникахъ былъ у меня В. А. Бунаковъ [3]) съ массою наградныхъ списковъ на Георгія 3 и 4 степени, между прочимъ О. и Р. [4]). Привезъ онъ ихъ мнѣ уже подписанными Наслѣдникомъ [5]). Я былъ поставленъ въ очень глупое поло-

---

[1]) Это выраженіе надо понимать въ томъ смыслѣ, что покойный в. кн. Николай Николаевичъ, послѣ войны, попалъ въ число „забытыхъ“ и голосъ его не имѣлъ вѣса. Хотя въ данномъ случаѣ, напоминаніе вел. князя о заслугахъ г. Гурко можетъ быть и имѣло значеніе, такъ какъ, вслѣдъ за симъ, І. Вл. былъ пожалованъ Георгій 2 ст., о которомъ и идетъ рѣчь въ этихъ письмахъ. *П. П.*

[2]) Очевидно подразумѣваются Горній Дубнякъ, Телишъ и Дольній Дубнякъ, занятіе которыхъ привело къ тѣсному обложенію Плевны, приведшему къ ея паденію. *П. П.*

[3]) Генеральнаго штаба генералъ-маіоръ, участникъ обоихъ Забалканскихъ походовъ и скончавшійся занимая должность Нач. Гл. Упр. казачьихъ войскъ.

[4]) Командиръ Л. Гв. Преображенскаго полка и офицеръ того же полка.

[5]) Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, командовавшій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

женіе. Писать „нѣтъ“, когда Наслѣдникъ моего Государя написалъ „да“, не приходится, писать же „да“ я не хотѣлъ и по этому глупому славянскому добродушію написалъ письмо Шувалову [1]), что я не нахожу препятствій къ тому, чтобы представленія сіи были переданы на разсмотрѣніе въ Думу ордена. Но написавши это письмо, я тотчасъ написалъ другое, самому Великому Князю [2]), въ которомъ я ему говорю, что минулъ годъ, какъ генералъ Красновъ [3]) отбилъ у непріятеля 18 орудій и ничего за сіе не получилъ. Представленъ онъ былъ алмазной шашкѣ, но послѣ того какъ старикъ С., за никому неизвѣстный подвигъ, получилъ Георгія 3 ст., то я прошу таковой же и генералу Краснову. Фрезе [4]) писалъ мнѣ, что В. Кн. соглашается представить его къ Георгію. Теперь хочу писать и о маіорѣ Селянка.

Только для этого надо, чтобы вышли гвардейскіе Георгіевскіе кресты. О бѣдномъ Вульфертѣ я опять возобновилъ ходатайство, и Фрезе писалъ мнѣ, что В. Кн. уже подписалъ письмо о немъ Воен. Министру [5]). Читали-ли вы въ Военномъ Сборникѣ статью о Траянскомъ перевалѣ, подписанную П. К., очевидно самого К. Тамъ онъ дозволилъ себѣ, на стр. 57, переврать одну вашу записку. Это перевранный конецъ записки, писанной не 1-го января за № 172, а 31 декабря вечеромъ за № 147 и не ему—К, а Липинскому. Записка предлинная, тѣмъ не менѣе я вамъ высылаю ея копію. Копію

---

[1]) Графъ Павелъ Андреевичъ, командиръ гвардейскаго корпуса.

[2]) Николаю Николаевичу, который, какъ бывшій главнокомандующій дѣйств. арміи, составлялъ высшую инстанцію по ходатайствамъ о наградахъ за войну.

[3]) Никита Васильевичъ, донской казачій генералъ, сподвижникъ г. Гурко, выдающійся боевой дѣятель, но, по своей скромности, мало выдвинувшійся и скоро забытый.

[4]) Александръ Александровичъ Фрезе, по окончаніи войны, завѣдывалъ наградным отдѣленіемъ главнокомандующаго. Отдѣленіе это попало въ руки Фрезе въ страшно запущенномъ видѣ, что мнѣ пришлось испытать на себѣ, такъ какъ изъ трехъ представленій обо мнѣ, съ ходатайствомъ о производствѣ въ генералы: за штурмъ Ловчи 22 августа, за штурмъ Плевны 30 и 31 авг. и за штурмъ Правецкихъ укрѣпленныхъ позицій 10 и 11 ноября, нашлось въ отдѣленіи только одно, и то на полу, въ грязномъ видѣ, затоптанное ногами. А. А. Фрезе, уже въ чинѣ генерала, послѣ войны, въ Петербургѣ, ликвидировалъ дѣла этого отдѣленія.

[5]) Полковникъ Густавъ Александровичъ Вульфертъ. Отличился еще при взятіи Ташкента Черняевымъ, при штурмѣ котораго былъ опасно раненъ въ плечо пикою. Отличался, въ первомъ забалканскомъ походѣ, а 30 августа, подъ Плевной былъ жестоко раненъ у Гривицы, пулей, вошедшей въ спину, а вышедшей спереди горла. Мучился много лѣтъ, доходилъ почти до сумашествія отъ страданій, отъ которыхъ и скончался. Имѣлъ Георгія 4 ст. за штурмъ Ташкента.

со второго приказанія, помянутаго на стр. 65, въ книжечкахъ (записныхъ, полевыхъ) нѣтъ. Посылаю вамъ копіи для того, что можетъ быть вы пожелаете послать въ Военный Сборникъ маленькое заявленіе о томъ, что г. К. совралъ.

На дняхъ минетъ годъ какъ мы съ вами, можно сказать по совѣсти, съ честью вложили мечи наши въ ножницы, но затѣмъ забрался туда такой соръ, что теперь съ трудомъ мы его оттуда, въ другой разъ, вытянемъ, а коли и вытянемъ, то сильно заржавленнымъ, и начнемъ мы тогда опять съ того, что будемъ его выпрямлять и чистить о свои же собственныя спины. Вас. Алекс. (Бунаковъ) говорилъ мнѣ, что въ военныхъ сферахъ Петербурга царствуетъ такой застой, такая апатія къ дѣлу, что Фельдманъ (нашъ воен. агентъ въ Вѣнѣ), пріѣхавъ въ Петербургъ, до сей поры не можетъ прійти въ себя отъ нравственнаго и умственнаго застоя, царствующаго въ военныхъ сферахъ Петербурга. Только и разговора о томъ, кто сколько получилъ наградъ. Читали ли вы приказъ по Гвард. Корпусу о составленіи исторіи частей; вотъ будетъ рядъ самовосхваленій... Кому-то поручено и описаніе дѣйствій всего отряда, то есть дѣятельности отряднаго штаба. Интересно знать, кто это будетъ писать; ужъ не Феденька ли или Ника, которому также на дняхъ дадутъ крестъ, а какой,—это само собою разумѣется [1]). Жалѣю я только объ одномъ, и искренно жалѣю, что я изъ военной службы сдѣлалъ свое ремесло, и что это мой хлѣбъ насущный и что поэтому не могу ее покинуть. Такъ все это грустно и такъ чувствуешь себя безсильнымъ повести это дѣло такъ, какъ бы слѣдовало его вести для пользы и славы Россіи. Одинъ въ полѣ не воинъ.—Какъ мы скоро позабыли и Зивинъ и всѣ три Плевны; мы помнимъ только 28-е ноября [2]), а итогъ того, во что намъ обошелся этотъ день, мы сводить не желаемъ.

Если вѣрить словамъ, сказаннымъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я могу ожидать назначенія; дадутъ мнѣ корпусъ и подчинятъ Минквицу, Черткову (Михаилъ Ивановичъ) или Альбединскому—всѣ три боевые генералы [3]). Командовавши надъ старшими во время войны, въ мирное время мнѣ даже пріятно будетъ подчиниться младшимъ въ чинѣ.

Еще разъ, передъ годовщиной окончанія кампаніи, отъ всей

---

[1]) Іос. Влад. ошибся.

[2]) День взятія Плевны 1877 г.

[3]) Ни одинъ изъ нихъ не былъ на войнѣ, не считая участія нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ молодыхъ чинахъ, въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ, что было тогда въ модѣ среди блестящей, Петербургской, военной молодежи.

души и отъ искреннаго сердца благодарю васъ за ваше всегда спокойное, въ высшей степени разумное содѣйствіе. Отъ души желаю вамъ въ будущемъ широкаго поля дѣйствій. Гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ сходятся; такъ и мы съ вами; можетъ быть когда-нибудь и сойдемся. *Дай Богъ, чтобы и тогда наша совмѣстная дѣятельность была бы также славна и плодотворна, какъ минувшая и да будетъ и тогда надъ нами та же, видимая во всемъ, помощь Господа Бога Нашего*" [1]).

7) „19 декабря 1879 г. [2]). Давно-ли, а сколько воды утекло. Я же живу весь въ прошломъ, ибо впереди, для себя по крайней мѣрѣ, ничего не вижу и не желаю видѣть. Еще года нѣтъ, какъ я не у дѣлъ, но я чувствую, что я отсталъ; дѣйствительно, въ это время, мы куда-то ушли, впередъ или въ бокъ—не мнѣ объ этомъ судить. Живу въ полномъ разобщеніи со всѣмъ міромъ и никто не повѣритъ, если я скажу, что настоящее мое желаніе быть забытымъ всѣмъ міромъ, ибо я ни къ какой дѣятельности болѣе не гожусь. Я лишился вѣры въ самого себя. Вотъ, что значитъ сдѣлать въ жизни ошибку, сѣсть не въ свои сани; послѣ этого все кажется, что никакія сани не будутъ по мнѣ. Переживая Балканскую эпопею, я вижу въ ней, съ моей стороны, громадныя ошибки; онѣ-то, и въ моемъ ремеслѣ, отнимаютъ у меня вѣру въ мои военныя способности. Главный мой недостатокъ тотъ, что я не сумѣлъ вселить въ своихъ подчиненныхъ (за рѣдкими исключеніями) довѣрія въ мою счастливую звѣзду, послѣдствіемъ чего было то, что они нехотя исполняли мои приказанія, а частенько и вовсе ихъ не исполняли.

Вотъ отчего они меня такъ и поносятъ.

Живемъ мы тихо, мирно, безмятежно [3]). Одна моя забота—та, чтобы въ одинъ прекрасный день не лишили бы меня моего содержанія, сказавъ, что уже довольно я побилъ баклуши.

Какъ вы провели сегодняшній день? Обѣдали ли во дворцѣ? Судя по газетамъ, тамъ должна была быть тьма-тмущая. Будетъ

---

[1]) Предположеніе І. Вл. о совмѣстной службѣ съ Нагловскимъ оправдалось. Когда г. Гурко получилъ въ командованіе войска Одесскаго воен. окр., Нагловскій былъ назначенъ туда же нач. штаба округа, а затѣмъ занялъ тотъ же постъ въ Варшавѣ, скоро послѣ того, какъ г. Гурко былъ назначенъ варш. генер.-губ. и команд. войсками. И г. Гурко и г. Нагловскій были очень вѣрующіе, религіозные люди. Пожеланія г. Гурко осуществились и въ другомъ; во время командованія имъ войсками въ Варшавѣ они достигли блестящаго состоянія. Содѣйствовалъ конечно и начальникъ штаба.

[2]) Годовщина перехода черезъ Балканы.

[3]) Понятно съ внѣшней только стороны; душевная же буря вылилась въ вышеприведенныхъ строкахъ. *П. П.*

у васъ свободный часокъ времени, черкните словечко. Вы въ числѣ тѣхъ немногихъ, коими я не желаю быть позабытымъ.

Всѣмъ хорошимъ людямъ, меня не поносящимъ,—мой поклонъ".

Выписка изъ письма отъ 7 декабря 1880 г. изъ С. Сахарова. „Прилагаю при семъ копію съ приказанія Каталею объ энергичномъ наступленіи. Какія мы тогда питали иллюзіи на счетъ дѣйствій кавалеріи; боялись даже, чтобы она, бѣдненькая, зарвавшись, не понесла бы сильный уронъ; а она-то, голубушка, шлепала въ хвостѣ пѣхоты. *Срамъ*" [1]).

Письмо безъ числа, но очевидно весна 1881 г.

„... Можете меня поздравить. Je suis un général à la demi-solde. Военное министерство, при поступленіи моемъ вновь на дѣйствительную службу [2]), убавило мнѣ мое содержаніе ровно на половину. Сознаюсь, я этимъ поступкомъ военнаго министра былъ и есмь глубоко возмущенъ. Я полагалъ, что у военнаго министра Россіи рука не подниметcя на отнятіе у генерала Гурко половины его содержанія, взятаго имъ, можно сказать, съ боя.

Вчера утромъ я былъ у Ванновскаго [3]) и подъ первымъ впечатлѣніемъ, которое всегда бываетъ хорошее и честное, сказалъ ему, что я ухожу и ухожу совершенно. Но семейныя обстоятельства заставили меня, хотя бы и оплеваннаго, остаться на мѣстѣ. Вотъ какой я гаденькій человѣкъ".

Въ числѣ разныхъ другихъ документовъ, относящихся къ тому времени и у меня сохраняющихся, относится одно письмо генерала Нагловскаго къ г. Гурко, изъ котораго привожу выдержку.

„17 марта 1879 г. Одесса. (Въ Сахарово).

„Моя статья [4]) все еще не готова къ печати; причиною такого замедленія то, что я, до сихъ поръ, не получилъ нужныхъ мнѣ документовъ, а тѣ, которые у меня находятся въ настоящее время—недостаточны. Впрочемъ, я очень радъ этому замедленію, потому что теперь, кромѣ нашихъ документовъ, я имѣю въ своемъ распоряженіи процессъ Сулеймана, который чрезвычайно цѣненъ и бросаетъ свѣтъ на многія наши операціи. Прочитавши этотъ процессъ съ большимъ вниманіемъ, я пришелъ въ полный восторгъ. Хотя мнѣ, какъ бывшему Вашему начальнику штаба, и не подобаетъ

[1]) Подчеркнуто Іос. Владиміровичемъ.

[2]) Послѣ продолжительнаго отпуска.

[3]) Г. Ванновскій былъ назначенъ управляющимъ военнымъ министерствомъ весной 1881 г.

[4]) О первомъ Забалканскомъ походѣ.

пѣть хвалебные гимны нашему походу, но тѣмъ не менѣе, прочитавъ этотъ процессъ, я не могу не сказать, что весь этотъ походъ (первый забалканскій) есть chef d'oeuvre военнаго искусства. Какіе бы поразительные результаты были бы имъ достигнуты, если бы Плевна пала 18 или 19 іюля, какъ мы разсчитывали въ Казанлыкѣ; а что бы тогда заговорили наши теперешніе враги и клеветники!"

Какъ извѣстно, неудача отряда генерала Шильдеръ-Шульднера у Плевны 8-го іюля (1-я Плевна) повліяла на дѣйствія передового отряда г. Гурко, пріостановивъ наступательныя операціи и заставивъ остановиться съ пѣхотою отряда у Казанлыка, въ ожиданіи событій подъ Плевной, на удачный исходъ которыхъ тогда всѣ разсчитывали. 18-е же іюля, т. е., вторая Плевна явилась полной катастрофой, перевернувшей все.

Посвятивъ эту статью воспоминаніямъ о выдающемся военноначальникѣ генералѣ Гурко и его начальникѣ штаба Нагловскомъ, прибавлю о послѣднемъ еще нѣсколько словъ. По свидѣтельству всѣхъ участниковъ зимняго перехода черезъ Балканы и движенія къ Константинополю, въ Западномъ отрядѣ арміи явилось рѣдкое на войнѣ, не внѣшнее только, но и духовное сочетаніе предводителя и его начальника штаба; второй составлялъ дополненіе первому, и я думаю, трудно было бы провести грань, гдѣ кончался одинъ и начинался другой, до такой степени велики были ихъ единомысліе и близость.

Всѣ знавшіе Д. С. Нагловскаго пѣли хоромъ, что онъ былъ непомѣрно лѣнивъ. Дѣйствительно, Нагловскій бывалъ лѣнивъ и даже очень; но эта лѣность проявлялась не всегда и не ко всему. Лѣнивъ былъ Нагловскій на то, что ему не нравилось; несмотря на лѣность, онъ блистательно кончилъ курсъ Казанскаго университета по математическому факультету, артиллерійскую академію и академію генеральнаго штаба, обѣ по 1-му разряду. Такимъ образомъ, при работѣ, его интересовавшей, или когда того требовала обстановка (напр. въ 1-мъ и 2-мъ Забалканскихъ походахъ), лѣнь не только исчезала, но онъ, какъ говорится, совсѣмъ зарывался въ работу. У меня сохранилась записная книжка Нагловскаго 1881 года. Приведу изъ нея выдержки, которыя покажутъ, какъ проводилъ время этотъ лѣнивый офицеръ генеральнаго штаба.

1 января. Четвергъ. Цѣлый день сидѣлъ дома. Занимался писаніемъ инструкціи для главнаго комитета по устройству и образо-

ванію войскъ [1]). Были у меня Бендеревъ (Болг. оф.) [2]), И. В. Кохановъ и Пузыревскій [3]). Съ Пузыревскимъ велъ споръ о переходѣ черезъ Балканы. Онъ согласился, что въ его сочиненіи не слѣдовало бы говорить, что если бы колонна Дандевиля пошла не на Бабу-Гору, а на Златицу, то она избѣжала бы катастрофы. Главная тема спора была все о колоннѣ Дандевиля. Пузыревскій доказывалъ, что было бы лучше, если бы ее направили на Златицу, а я утверждалъ, что лучше на Бабу-Гору. Хотя я его и не убѣдилъ окончательно, но кажется поколебалъ въ его мнѣніи. Около 9 ч. вечера прогулялся 20 мин. Потомъ опять сидѣлъ дома и занимался до 2 ч. по полуночи.

2-е. Пятница, У меня былъ Сахаровъ [4]); вели споръ тактическій: о томъ какъ слѣдуетъ употреблять артиллерію при наступленіи и при оборонѣ. Вечеромъ поѣхалъ къ Штубендорфу, игралъ въ винтъ съ Гавриловымъ, Смагинымъ и Коверскимъ [5]). Назначилъ во время игры въ винтъ четыре черви и взялъ только 2 взятки, т. е. остался безъ 8. Замѣчательно! Первый разъ вышелъ подобный случай [6]).

3-е. Суббота. Завтракалъ у Мосолова, а утромъ былъ у Черткова. И тотъ и другой очень хвалили мою брошюру о подчиненіи артиллеріи начальникамъ дивизій [7]). — Вечеръ провелъ у Тертія Ивановича Филиппова.

4-е. Воскресенье. Утромъ былъ у меня Чичаговъ [8]), адъютантъ Баранцова [9]), пріѣзжавшій по порученію Баранцова. Онъ мнѣ привезъ письмо Баранцова, въ которомъ онъ восторженно отзывается о моей брошюрѣ. Затѣмъ возвращаясь отъ Мартюшева [10]), встрѣтилъ

---

[1]) Предсѣдателемъ коего былъ тогда генералъ-адъютантъ Григорій Ивановичъ Чертковъ.

[2]) Мой бывшій адъютантъ въ бытность мою Болгарскимъ Военнымъ Министромъ.

[3]) Александръ Казиміровичъ, послѣ смерти Нагловскаго назначенный начальникомъ штаба Варш. воен. окр.

[4]) Викторъ Викторовичъ, участникъ 1-го Забалканскаго похода. Впослѣдствіи Военный Министръ.

[5]) Штубендорфъ, Гавриловъ и Коверскій генералы генеральнаго штаба, Смагинъ — артиллерійскій.

[6]) Для меня, неумѣющаго играть въ карты, это непонятно; но вѣроятно это „замѣчательно". *П. П.*

[7]) Генералъ Мосоловъ, бывшій начальникъ штаба 6-го корпуса. Чертковъ, Григорій Ивановичъ, Предсѣдатель главнаго комитета по образованію войскъ.

[8]) Нынѣ епископъ Серафимъ.

[9]) Бывшій тогда товарищемъ генералъ-фельдцейхмейстера.

[10]) Артиллерійскій генералъ, извѣстный своимъ дальномѣромъ.

Костандулаки [1]), который остановился, вышелъ изъ экипажа и расхваливалъ, въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, мою брошюру. Баранцовъ беретъ 500 экземпл. моей брошюры.

5-е. Понедѣльникъ. Былъ утромъ у Баранцова, чтобы выразить ему благодарность за его письмо. Сегодня опубликована депеша Скобелева о дѣлахъ 28 и 29 декабря. Я не вполнѣ вѣрю, или, лучше сказать, вполнѣ не вѣрю депешѣ и думаю, что потери понесены не во время вылазки текинцевъ, а во время штурма Геокъ-Тепе, который не удался. Вообще думаю, что въ этихъ дѣлахъ мы потерпѣли довольно чувствительную неудачу.

Вечеръ провелъ дома и занимался.

6-е. Вторникъ. Весь вечеръ занимался до 12 ч. ночи.

7-е. Среда. Утромъ былъ въ засѣданіи генерала Черткова; засѣданіе почти что не состоялось за неприбытіемъ многихъ членовъ. Послѣ обѣда занимался, но около 10 ч. пріѣхалъ Клейгельсъ [2]) и просидѣлъ до $1^1/_2$ по полуночи. Получено свѣдѣніе о новомъ нападеніи текинцевъ на Скобелева и взятіи ими еще одного орудія. Думаю, что Скобелевъ напрасно подошелъ такъ близко къ крѣпости: этимъ онъ парализовалъ дѣйствіе своего огня, въ чемъ главная его сила, и облегчилъ нападенія текинцевъ въ рукопашную, въ чемъ главная сила текинцевъ.

8-е. Четвергъ. Утромъ занимался. За брошюру получилъ 200 р.

9-е. Пятница. Около 2-хъ ч. пріѣхалъ ко мнѣ Водаръ [3]). Онъ только-что пріѣхалъ изъ Варшавы. Онъ очень обрадовалъ меня своимъ пріѣздомъ. Послѣ обѣда былъ у Фрезе [4]). Онъ сообщилъ мнѣ, что кн. Имеретинскій уходитъ съ должности нач. шт. округа . .
. . . . ;
но все-таки надо знать мотивы его удаленія [5]).

---

[1]) Очень извѣстный въ свое время, конно-артиллерійскій генералъ.

[2]) Одинъ изъ выдающихся ординарцевъ г. Гурко во время зимняго похода за Балканы. Впослѣдствіи петербургскій градоначальникъ.

[3]) Александръ Карловичъ, генералъ генеральнаго штаба.

[4]) Командовалъ въ то время Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ.

[5]) Кн. Имеретинскій наслѣдовалъ должность начальника штаба Петербургскаго округа послѣ гр. Павла Андреевича Шувалова. Когда главнокомандующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа былъ назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, то Его Высочество неоднократно выражалъ Военному Министру Гр. Милютину желаніе имѣть начальникомъ штаба генерала Розенбаха, и наконецъ, когда однажды, Великій Князь, довольно настойчиво, сказалъ гр. Милютину: „когда же вы мнѣ дадите Розенбаха", Военный Министръ пригласилъ къ себѣ Кн. Имеретинскаго и передалъ ему этотъ разговоръ. Князь въ тотъ же день подалъ рапортъ объ отчисленіи отъ должности.

11-е. Воскресенье. Былъ у обѣдни въ Исакіевскомъ соборѣ. Обѣдали у Бореля, гдѣ офицеры генеральнаго штаба давали обѣдъ Пржевальскому. Вечеромъ дома занимался до 5 ч. утра.

12-е. Понедѣльникъ. Утромъ занимался дома. Вечеръ провелъ у M-me Галлеръ. Вернулся въ 12½ ч. ночи. Занимался до 3 ч. утра.

13-е. Вторникъ. Утромъ занимался частію инструкціею, частію отвѣтомъ на недостойную статью З. — Вечеромъ занимался до 5 ч. утра.

14-е. Среда. Утромъ занимался. Вечеръ провелъ у Мартюшева. Получена телеграмма о взятіи Геокъ-Тепе.

15-е. Четверъ. Утромъ очень интересная комиссія у Черткова по поводу вопросовъ, касающихся до инструкціи. Былъ выходъ по поводу Геокъ-Тепинской побѣды. Скобелевъ произведенъ въ полные генералы и получилъ Георгія 2-й степени. Въ 7¼ выѣзжаю къ Гурко (въ Сахарово), гдѣ надѣюсь встрѣтить Е. А.

На этомъ мѣстѣ дневникъ обрывается. Нагловскій поѣхалъ въ Сахарово, гдѣ его ожидала Екатерина Александровна Комарова, сдѣлавшаяся, въ это ихъ свиданье, невѣстой Нагловскаго, а потомъ и его женой. Когда Дмитрій Станиславовичъ вернулся въ Петербургъ, то онъ, войдя къ намъ, сказалъ моей женѣ: „поздравьте меня, и я взялъ Геокъ-Тепе. Женюсь".

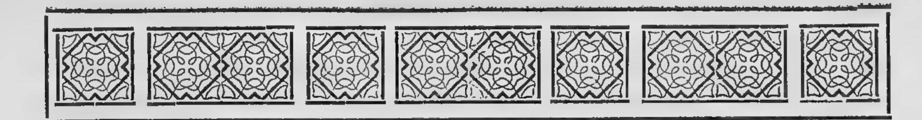
Къ чему же привелъ я эти выписки изъ дневника Дмитрія Станиславовича? Что мы, въ этихъ отрывкахъ, видимъ? Утромъ „велъ споръ (стратегическій) съ Пузыревскимъ о направленіи Колонны Дандевиля..." „Съ Сахаровымъ—тактическій, объ употребленіи артиллеріи..." „Вечеромъ занимался до — часовъ ночи". — Этимъ испещренъ весь дневникъ. И это все при невѣроятной, какъ говорили тогда: „провербіальной"—лѣности.

Невольно вспоминаю слѣдующій разсказъ. Во время войны Сѣверо-американскихъ штатовъ съ Южными, сѣверяне, въ началѣ, были постоянно биты южанами, пока во главѣ сѣверной арміи не сталъ генералъ Грантъ, который началъ бить южанъ. Въ это время къ президенту Линкольну явилась депутація квакеровъ и трезвенниковъ съ просьбой смѣнить Гранта, такъ какъ онъ, будто бы, злоупотребляетъ спиртными напитками. Линкольнъ очень любезно

принялъ депутацію, отнесся сочувственно къ ихъ нравственному побужденію и вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ, не могутъ ли указать ему адресъ той фирмы, гдѣ Грантъ покупаетъ свою водку, и пояснилъ удивленнымъ просителямъ, что онъ тотчасъ же закупитъ большой запасъ этой водки и пошлетъ въ армію всѣмъ генераламъ, чтобы они пили ее какъ Грантъ, но и побѣждали, какъ онъ.—Примѣняя это къ дневнику Нагловскаго — и его „провербіальной“ лѣности, думаю про себя: хорошо было бы, кабы всѣ наши офицеры генеральнаго штаба также лѣнились, но также и „занимались...“, какъ Нагловскій...

П. Паренсовъ.

Н. Д. Бутовскій.

(къ портрету).

Николай Дмитріевичъ Бутовскій, нашъ извѣстный военный писатель нынѣ генералъ-лейтенантъ и начальникъ 7-ой Вост. Сибирской дивизіи, происходитъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Воспитывался въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Павловскомъ военномъ училищѣ, откуда вышелъ въ 1869 году съ прикомандированіемъ къ л.-г. Павловскому полку. Затѣмъ послѣдовательно командовалъ учебнымъ унт.-офицерскимъ баталіономъ, 116-мъ Малоярославскимъ полкомъ, 2-й бригадой 29 пѣх. дивизіи, 2-й Туркестанской резервной бригадой, откуда былъ назначенъ на нынѣ занимаемую должность. Въ кампанію 1876—78 г.г. Н. Д. отправился охотникомъ въ дѣйствующую кавказскую армію, а послѣ мобилизаціи гвардіи участвовалъ съ л.-г. Павловскомъ полкомъ въ дѣлахъ противъ непріятеля въ европейской Турціи. Съ обоихъ театровъ войны Н. Д. прислалъ въ извѣстную въ свое время газету Краевскаго „Голосъ" много интереснѣйшихъ бытовыхъ очерковъ, которые, къ сожалѣнію, теперь можно прочесть только въ Императорской публичной библіотекѣ.

Имя Н. Д. Бутовскаго весьма извѣстно въ военной литературѣ не только у насъ, но и за границей, гдѣ его сочиненія почти всѣ переведены на иностранные языки и особенно цѣнятся въ Германіи. Типы военныхъ начальниковъ (книжки: „Командиры", „Очерки офицерскаго быта", „Статьи на современныя темы" и прочія); внутренняя жизнь офицерскихъ обществъ („Промахи молодого офицера", „Прежняя служба и настоящая" и др.); характеристики начальствующихъ и простыхъ нижнихъ чиновъ, нарисованныя яркими красками (книги: „Наши солдаты" и прочія), представляютъ богатый вкладъ въ военную литературу.

Будучи по призванію педагогомъ, Н. Д. глубоко вникалъ въ психологію военнаго міра, изслѣдуя пути для достиженія истиннаго начальническаго авторитета и той высшей, незыблемой дисциплины,

которая покоится не на репрессіяхъ, а на воздѣйствіи на нравственныя свойства человѣка. Онъ горячо боролся противъ принудительной системы занятій, доказывая, что успѣхъ въ изученіи военнаго дѣла зависитъ отъ внушенія охоты къ нему воспитательными пріемами. Онъ высмѣивалъ навязываніе человѣку военной нравственности посредствомъ принудительнаго заучиванія нравственныхъ понятій и примѣровъ и чтобы убѣдить въ этомъ своихъ оппонентовъ предлагалъ имъ демонстрировать арестантовъ, которые отлично знаютъ такъ называемую „военно-нравственную словесность", но никогда ее не исполняютъ.

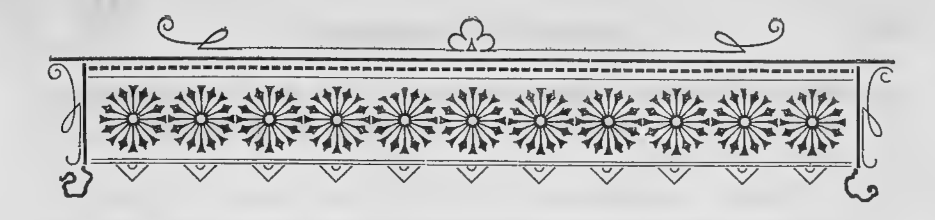
На порочныхъ офицеровъ и солдатъ Н. Д. всегда смотрѣлъ, какъ на интереснѣйшій матеріалъ для педагогической обработки, и многихъ изъ нихъ, какъ говорится, поставилъ на рельсы исключительно внушеніемъ уваженія къ себѣ, какъ къ начальнику.

Однажды Н. Д. представили солдата, котораго опасались держать въ ротѣ вслѣдствіе его разбойничьихъ наклонностей.—„А вотъ мы посмотримъ",—отвѣчалъ Н. Д.,—„зачислите-ка его ко мнѣ въ денщики". Черезъ нѣкоторое время этотъ солдатъ беззавѣтно привязался къ генералу, нѣжно полюбилъ его дѣтей и плакалъ, уходя на родину.—„Никого-то у меня нѣтъ на свѣтѣ окромя васъ",—писалъ съ родины генералу бывшій денщикъ—„когда вспомню, какъ вы меня, болѣзнаго, пожалѣли и въ госпиталѣ сидѣли у меня на кровати, когда я въ тифѣ лежалъ, такъ слезы и льются... И по сейчасъ вы мнѣ во снѣ видитесь"... и т. д. Въ послѣднее время Н. Д. былъ занятъ изученіемъ психологіи „солдатскихъ бунтовъ"; двѣ замѣтки, написанныя имъ по этому поводу въ книгѣ: „Статьи на современныя темы", представляютъ въ образномъ видѣ всю сущность этихъ явленій и могутъ служить руководствомъ для теряющихся начальниковъ.

Въ настоящее время Н. Д., полный силъ и энергіи, весь поглощенъ устройствомъ своей недавно сформированной дивизіи.

В. П.

Отрывки изъ моихъ воспоминаній.

Педагогическіе курьезы [1]).

Это было въ 70-хъ годахъ, когда вмѣсто муштровки, которую мастерски велъ старый фельдфебель Егорычъ, начальство стало вводить какое-то невѣдомое *развитіе*.

— Что такое ось канала?—спрашиваетъ солдата офицеръ.

Солдатъ переминается на ногахъ около вставленнаго въ станокъ ружья, заглядываетъ въ стволъ, потѣетъ, вздыхаетъ и фыркаетъ носомъ.

— Ну?—торопитъ офицеръ.

— Такъ что, ваше в—е,—„ихъ“ сейчасъ здѣсь нѣту...

— Кого—„ихъ“?

— Оси, ваше в—е,—давеча взводный вынули...

Изъ вѣжливости къ офицеру онъ называетъ ось „они“.

Дѣло идетъ о математической линіи, которая на учебныхъ занятіяхъ обозначается ниткой. Разъ нитку вынули, то для солдата никакой оси канала уже не существуетъ.

Только въ 80-хъ годахъ догадались, что такимъ вздоромъ утруждать мозги солдата не слѣдуетъ, что заученные отвѣты по теоріи стрѣльбы нисколько не помогаютъ искусству.

То ли дѣло прежде: придетъ, бывало, фельдфебель съ докладомъ.

— Ну, что, Егорычъ, все у насъ благополучно?—спрашиваетъ ротный командиръ.

— Такъ точно, ваше в—е,—уже начали къ смотру репетиться.

— Смотри же, чтобы все было хорошо.

— Не извольте безпокоиться, ваше в—е, теперь мы уже знаемъ чего „они“ (начальникъ дивизіи) любятъ: для равненія у меня ве-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ приведенныхъ сценъ вошли въ мои замѣтки о воспиніи и образованіи войскъ, разбросанныя по разнымъ изданіямъ. Примѣры взяты изъ многихъ частей войскъ.

ревочка заготовлена и колышки будутъ у взводныхъ въ карманахъ.. И опять же „они“ любятъ, чтобы въ строю не дышали, такъ я и дыханіе подрепетилъ...

— Хорошо, спасибо.

— Еще осмѣлюсь доложить вашему в—ю, что у насъ все въ порядкѣ: на солдатѣ состоятъ такія-то вещи, а такихъ, то нѣтъ, исключены (вынимаетъ изъ кармана приказъ объ исключеніи)... На прошломъ смотру „они“ (нач. дивизіи) изволили приказать петельки на галстукахъ обшивать суконцемъ,—обшито...

— Хорошо, отвѣчаете вы добродушно, но Егорычу этотъ отвѣтъ не нравится.

— Такъ что, ваше в—е,—чтобы не забыть, извольте записать: еще много осмѣлюсь докладывать. И начинаетъ учить васъ Егорычъ, какъ нужно отвѣчать начальнику дивизіи на такіе-то вопросы, которыхъ онъ въ прошломъ году не предлагалъ, но можетъ предложить, потому что это было въ другихъ полкахъ, откуда Егорычъ собираетъ свѣдѣнія; и еще у Егорыча такая „думка“, что можетъ начальникъ спросить: кто такіе въ ротѣ портные, а потому:

— Не угодно ли будетъ вашему в—ю прежде выучить ихъ списочекъ, а потомъ и ихъ самыхъ посмотрѣть въ ротѣ (самъ командиръ временами забывалъ, что у него въ ротѣ есть портные).

— Да, да, непремѣнно.

— Еще осмѣлюсь доложить, что въ прошломъ году „они“ изволили замѣтить, что ваше в—е неправильно шашку держали, когда подходили съ рапортомъ.

— Ахъ, да! хорошо, что ты напомнилъ.

— Радъ стараться, ваше в—е!.. И опять же они изволили замѣтить, что ваше в—е торопились на смотру командовать ружейные пріемы,—давеча у людей горячка вышла...

— Да, да, я помню... Надо будетъ побольше выдержку.

— Осмѣлюсь просить, ваше в—е,—не зайдете ли въ роту разика два прокомандовать, а то люди къ вашему голосу не привыкши.

— Хорошо, я зайду. Претензій нѣтъ?

— Помилуйте, ваше в—е,—какія претензіи? У насъ не такая рота...

— Но тамъ что-то, кажется, не роздано?

— Не извольте безпокоиться,—опосля можно раздать; а какъ на смотру отвѣчать—я уже подрепетилъ: всѣ отвѣтятъ, что получили.

Затѣмъ фельдфебель отправлялся въ роту и дѣлалъ послѣднія передъ смотромъ распоряженія. Составлялся такой разсчетъ, чтобы никто изъ слабыхъ по фронту не попалъ на смотръ; ихъ посылали

въ лазаретъ съ приказаніемъ жаловаться на животъ, а твердые люди извлекались изъ лазарета.

— Ну, Егорычъ,—а какже на счетъ вещей? Начальникъ дивизіи любитъ, чтобы собственности у солдата было побольше, а у нашихъ, кажется, маловато?—безпокоится ротный командиръ.

— Такъ что, ваше в—е, не извольте безпокоиться, — вещи будутъ.

— Но у насъ есть бѣдные люди,—не прикупить ли имъ бѣлья?— У нѣкоторыхъ нѣтъ денегъ.

— Такъ что, ваше в—е, все будетъ съ избыткомъ: у насъ не такая рота...

И дѣйствительно всего оказалось въ изобиліи: на кроватяхъ лежали въ красиво собранныхъ ворохахъ не только необходимыя въ солдатскомъ быту вещи, какъ, напримѣръ, бѣлье, лишняя пара сапогъ, ножикъ, нитки, щетки, принадлежности для чаепитія и т. д., но и такія вещи, какъ масленка съ масломъ, колбаса, гитара, гармоника и прочее. Все это было декорировано бѣлыми полотенцами и увѣнчано кошелькомъ съ деньгами, который начальникъ дивизіи всегда съ особеннымъ удовольствіемъ раскрывалъ и разсматривалъ.

Все это достигалось такимъ образомъ: за недѣлю до смотра фельдфебель категорически объявлялъ:—„слышь, молодцы, чтобы у меня бѣдности не было! Каждый ступай къ земляку и тащи что можешь".

Независимо отъ этого Егорычъ заводилъ знакомство съ фельдфебелями полковъ, и оттуда наканунѣ смотра цѣлыми кулями перетаскивались собственныя солдатскія вещи, даже безцеремонно перевозились на ротной телѣгѣ. Видя такое солдатское богатство, начальникъ дивизіи приходилъ въ умиленіе и все это приписывалъ заботливости начальства о нуждахъ солдата.

Одинъ только случай чуть не сгубилъ всего дѣла. Подойдя къ одному еще непросвѣщенному солдату, начальникъ дивизіи спросилъ:

— Что это у тебя, голубчикъ,—скрипка?

— Такъ точно, ваше пр—во!

— Ты играешь на ней?

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—во!

— Зачѣмъ же ты ее купилъ?

— Такъ что, ваше превосходительство...—замялся солдатъ. Онъ хотѣлъ уже откровенно объяснить, что скрипка принадлежитъ земляку и взята только на сегодняшній день; но въ это время, послышался характерный кашель фельдфебеля, хорошо извѣстный ротѣ, какъ призывъ ко вниманію;—и блуждающіе глаза солдата увидѣли

высунутый изъ-за полы кулакъ. Солдатъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и объяснилъ начальнику, что сприпка куплена имъ „такъ“...

— Какъ это „такъ“? Вѣроятно, ты будешь учиться?

— Такъ точно, ваша пр—во!!—весело крикнулъ солдатъ, обрадовавшись такому благополучному исходу.

Онъ былъ весь мокрый отъ волненія, и послѣ отхода начальника дивизіи облегчилъ свою душу вздохомъ и неистово высморкался.

Да, были въ свое время Егорычи. Они и поворовывали и поколачивали солдата, но умѣли его и пожалѣть, и вообще сродни ему приходились; а въ той наукѣ, которая тогда требовалась, были настоящими мастерами. Куда далеко было офицеру до ихъ мастерства. Бывало, неопытный ротный командиръ, получивъ выговоръ на смотру за то, что при маршировкѣ съ ружьемъ „на плечѣ“ неправильно машутъ правой рукой, самъ порывался обучить роту.— „Помни, братцы, читалъ онъ людямъ уставное правило: рука, слегка сгибаемая въ локтѣ, свободно посылается отъ плеча и доносится до затылка приклада... Поняли?“

— Такъ точно, ваше в—е!

— Ну, смотри же,—кто ошибется—накажу.

Начинается маршировка и ничего не выходитъ,—кто не донесъ до приклада, кто перенесъ.

— Слушай, еще разъ объясню: рука, слегка сгибаемая въ локтѣ, свободно посылается... и т. д.

Опять путаница.

— Ваше в—е,—слышится успокоивающій голосъ Егорыча.—Не извольте безпокоиться,—дозвольте, я сейчасъ обучу.

Вы оборачиваетесь и чувствуете, что передъ вами стоитъ тотъ самый радѣтель не только служебныхъ, но и вашихъ частныхъ интересовъ, который приходитъ обучать „шустрости“ вашего денщика, не снимаетъ ранца на бивакѣ, пока не разставятъ вашу палатку; бываетъ грустенъ, когда вы бываете больны, и даже самъ предлагаетъ услуги натирать васъ спиртомъ, прогоняя неловкаго денщика; онъ же самъ лично приноситъ сѣнца въ вашу палатку, если она разставлена на сыромъ мѣстѣ и, показывая денщику кулакъ, освобождаетъ изъ лужи вашъ чемоданъ. Онъ же васъ останавливаетъ, если вы намѣреваетесь идти ночью по болоту провѣрять посты, боясь, чтобы вы не промочили ногъ и не простудились; онъ проситъ, чтобы вы его послали вмѣсто себя, и если вы не соглашаетесь, то провожаетъ васъ, какъ малолѣтняго, помогая переступать съ кочки на кочку и ворча себѣ подъ носъ: „Господи! и куда они пошли?..“ Приходя съ вечернимъ рапортомъ въ вашу

палатку, онъ окутываетъ одѣяломъ ваши ноги, ворча на неисправнаго денщика, и, вѣроятно, мысленно васъ креститъ... Словомъ, этотъ человѣкъ любитъ васъ горячо и искренно и—что самое замѣчательное — самъ не зная, за что, — просто потому, что вы „его баринъ".

Вы охотно принимаете его услугу относительно переучиваемаго ружейнаго пріема и передаете ему уставную книжечку; но онъ, какъ педагогъ-самородокъ, отлично понимаетъ, что тутъ словами ничего не сдѣлаешь, а потому прячетъ книжку въ карманъ и сразу приступаетъ къ практикѣ. Онъ встряхнулъ головой, ухарски расправилъ плечи и неизвѣстно зачѣмъ поплевалъ въ руки и потеръ ихъ одну о другую. Рѣшительный взглядъ этого человѣка и смѣлая поступь выражали умѣніе, соединенное съ непреклонной волей начальника. Рота, до сихъ поръ скучавшая подъ вліяніемъ вашего неосновательнаго выговора и монотоннаго чтенія о „слегка сгибаемой въ локтѣ и посылаемой отъ плеча рукѣ", весело насторожила уши, почуявъ передъ собой мастера.

— Слышь, молодцы! какой это палецъ?—показалъ Егорычъ на кулакѣ.

— „Казательный", Иванъ Егорычъ!—отвѣчали люди.

— А это какой суставъ?

— Второй.

— Тэкъ-съ... Теперь каждый подыми руку и укуси это само мѣсто.

Люди коснулись зубами второго сустава указательнаго пальца, нисколько этому не удивляясь. Всѣ хорошо знали, что Егорычъ зря ничего не дѣлаетъ

— Больнѣй!—энергично скомандовалъ фельдфебель и самъ показалъ, какъ надо кусать.

Люди опять укусили, но не всѣ, какъ показалось Егорычу, съ должнымъ усердіемъ.

— Вы что тамъ—въ задней шеренгѣ? дожидаетесь, чтобы васъ попросили? Ладно, попросимъ. Обойди ихъ, взводные,—посмотри, у всѣхъ ли укушено!

Взводные обошли людей и у кого не нашли красноты на пальцѣ, тому сдѣлали ее въ другомъ мѣстѣ.

— Теперь слушай, молодцы! это самое мѣсто, что болитъ, доноси на маршировкѣ до затылка приклада,—поняли?

— Такъ точно, Иванъ Егорычъ!

Маршировка сразу пошла какъ нельзя лучше.

За что же солдаты любили Егорыча, который и затрещины раздавалъ и поворовывалъ? А за то, что онъ умѣлъ пожалѣть солдата,

да такъ пожалѣть, какъ, можетъ быть, и не снилось нынѣшнимъ иногда самымъ корректнымъ и самымъ просвѣщеннымъ командирамъ. Есть командиры, по виду очень дѣльные, которые совершенно серьезно воображаютъ, что достаточно накормить солдата, обставить его трудъ законными требованіями, налагать на него только законныя взысканія и т. д., чтобы этотъ человѣкъ тотчасъ же сталъ васъ обожать. Дѣйствительно, — сразу кажется, что всѣ симпатіи солдата, избавленнаго отъ разныхъ обидъ со стороны руководителей старой школы, тотчасъ же должны обратиться къ офицеру, который заступился за его права; но такое заключеніе не всегда вѣрно: во-первыхъ — вы можете все это продѣлывать, нисколько не любя солдата, а любя только собственную служебную репутацію, и этой нелюбви вы никогда не скроете: каждое ваше дѣйствіе, каждый вашъ жестъ и даже взглядъ будутъ показывать солдату, что вы ему совершено чужой человѣкъ; во-вторыхъ—есть высшія, общечеловѣческія обиды, которыхъ не въ состояніи предусмотрѣть никакая инструкція и которыя угнетаютъ солдата гораздо больше, чѣмъ урѣзываніе порцій или какія-нибудь незаконныя требованія. Самый честный и просвѣщенный начальникъ, самъ того не замѣчая и даже считая себя благодѣтелемъ своихъ подчиненныхъ, непремѣнно будетъ наносить солдату такія обиды, если въ его дѣятельности мало участвуетъ сердце. Эти обиды заключаются главнымъ образомъ въ пренебреженіи къ подчиненному, какъ къ человѣку; въ оскорбительномъ тонѣ обращенія съ нимъ; въ равнодушіи къ его простымъ нуждамъ, не предусмотрѣннымъ инструкціей; въ брезгливомъ отношеніи къ его простому (по-вашему — грубому) нраву, обычаямъ и національнымъ привычкамъ... Что говорить — скверныя вещи рукоприкладство и воровство, и ихъ надо искоренять безпощадно; но исторія показала, что они не разрушаютъ военную семью при наличности другихъ положительныхъ качествъ; а вотъ отношеніе къ человѣку, какъ къ номеру, подсѣкаетъ въ корнѣ преданность людей къ своему начальнику.

Егорычъ умретъ или падетъ въ бою—за него будутъ солдатики молиться Богу, а про васъ скажутъ:—„ну, что-жъ, убили,—другого назначатъ,—не бѣда“.

Иногда холодомъ вѣетъ отъ отношеній къ солдатамъ самаго строгаго законника.—„Какой мундиръ выдали умершему солдату для похоронъ?“ спрашиваете вы фельдфебеля. — „Второй срокъ“.— „Сколько я разъ говорилъ, что, по положенію, слѣдуетъ выдавать третій! взыскать съ каптенармуса“. Все это въ высшей степени законно, согласно съ приказами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко неприлично. Люди никогда не простятъ вамъ такого холоднаго отно-

шенія къ войсковой семьѣ, и тотъ самый солдатъ, который покрывалъ продѣлки Егорыча, съ наслажденіемъ выдастъ васъ съ головой.

Такое ли впечатлѣніе производитъ смерть солдата на старика Егорыча? Вы видите прекрасныя, исполненныя религіозной поэзіи, морщины печали на его лбу и какое-то особенное недоумѣніе, которое всегда замѣчается въ семьѣ, пораженной печальнымъ событіемъ.

Получивъ извѣстіе о смерти солдата, Егорычъ осѣняетъ себя широкимъ русскимъ крестомъ и, въ знакъ уваженія къ покойнику, прерываетъ на время занятія. Дѣлая нарядъ на похороны, онъ распоряжается какъ родной, и въ ласково-смиренномъ тонѣ его голоса вы узнаёте тотъ самый тонъ, которымъ родители отпѣваемаго покойника разговариваютъ съ церковнымъ причтомъ.—„Тамъ же свѣчей возьмешь, говоритъ онъ каптенармусу,—да вотъ отдашь рубль священнику“ и т. д.

А вотъ и другой примѣръ. Солдатъ провинился, сдѣлалъ важный проступокъ; вы брезгливо его допрашиваете и отдаете холодное приказаніе объ арестѣ, а иногда на прощанье прибавляете еще жесткое слово: „ну, что-жъ,—арестантомъ будешь; самъ виноватъ,—туда тебѣ и дорога“. Ну, а Егорычъ, можетъ быть, и побьётъ въ сердцахъ провинившагося, но, провожая изъ роты подъ арестъ, непремѣнно смягчится; а когда солдатъ скажетъ: — „виноватъ, Иванъ Егорычъ“, онъ уже съ большимъ участіемъ отвѣчаетъ ему:—„Что-жъ подѣлаешь, — вижу, что виноватъ... нѣшто мнѣ самому не жалко?.. учишь, учишь васъ, дураковъ, —просто мочи моей нѣтъ съ вами“...

Но этимъ не кончалось. Егорычъ непремѣнно навѣщалъ арестованнаго и между ними происходилъ, примѣрно, такой разговоръ:

— Эхъ, братъ, Семеновъ,—жалко мнѣ тебя, и рота жалѣетъ, потому—какъ я вижу, ты все это съ дурости надѣлалъ...

— Такъ точно, Иванъ Егоровичъ, отвѣчаетъ арестованный, и глаза его блестятъ привязанностью.

— Ну, что жъ подѣлаешь,—виноватъ, такъ отсиживай, а вернешься въ роту, дастъ Богъ, заслужишь...

— Постараюсь, Иванъ Егоровичъ,—всѣми силами стараться буду.

Еще трогательнѣе было видѣть Егорыча подсѣвшимъ на кроват къ трудно больному солдату и развязывающимъ мѣшечекъ съ чаемъ и сахаромъ.

— Ну, смотри-жъ, молодецъ, поправляйся,—въ ротѣ не въ примѣръ веселѣй...

И вотъ теперь уже Егорычей нѣтъ; мѣсто ихъ не замѣщено, пусто... Есть фельдфебеля корректные, строго приверженные къ законности, но они только исполняютъ по инструкціи свои обязанности; ну, а старикъ Егорычъ кромѣ того еще и *любилъ*...

Но вотъ наступили 70-е годы. Въ воздухѣ чувствовалось обаяніе реформъ Императора Александра II. Онѣ коснулись и арміи. Всеобщая воинская повинность, сокращеніе срока службы, нарѣзное оружіе рѣзко измѣнили характеръ войсковой жизни и службы. Вмѣсто муштровки, однообразно длившейся цѣлыхъ 15 лѣтъ, которую всю цѣликомъ можно было свалить на плечи Егорычу, офицеру задали трудную и сложную задачу: извольте получить сырого человѣка и совершенно обработать его для войны въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Растерялся офицеръ-баринъ растерялся и старикъ Егорычъ, система котораго была разрушена. Уже звучало вѣщее слово М. И. Драгомирова, призывающее къ нагляднымъ методамъ обученія, приносящимъ экономію въ трудѣ и во времени; но методовъ этихъ сразу не поняли; а многіе не понимаютъ ихъ и до сихъ поръ. Было схвачено убѣжденіе, что современнаго солдата надо развивать, но системы развитія иногда создавались удивительныя, а кое-что изъ этихъ курьезовъ осталось и до сихъ поръ. Отъ мужика, взятаго отъ сохи, требовали красоты слога, задалбливанія отвѣтовъ по „вопроснику“. Вмѣсто развитія ума требовали развитія памяти, а сердце оставалось нетронутой областью, и въ результатѣ получился солдатъ не связанный съ военнымъ строемъ ни мастерствомъ, котораго онъ не могъ полюбить, ни сердечной привязанностью къ военной семьѣ, которую такъ хорошо развивалъ старикъ Егорычъ. Явилось кромѣ того переутомленіе, ибо человѣку, взятому отъ сохи, гораздо легче выгрузить цѣлый транспортъ съ мукой, чѣмъ заучить на память страницу устава, написанную невѣдомымъ для него языкомъ. Кто повѣритъ, что система Цифиркина (въ „Недорослѣ“) стояла выше нѣкоторыхъ требованій начальства въ 70-хъ годахъ; напримѣръ,—отъ солдата требовали, чтобы онъ опредѣлялъ ариѳметическія дѣйствія непремѣнно тѣми словами, которыя стояли въ какомъ-то идіотскомъ руководствѣ: *сложеніе есть дѣйствіе, посредствомъ котораго находятъ число, состоящее изъ столькихъ, сколько ихъ есть во всѣхъ слагаемыхъ числахъ*“. Человѣка, выпалившаго такую фразу, конечно, задолбленную, считали развитымъ и умилялись его успѣхами, несмотря на то, что онъ ошибался въ сложеніи. Съ уставами было еще курьезнѣе. Вотъ картинка, записанная безъ всякихъ прикрасъ: когда дядька совершенно выбивался изъ

силъ, вдалбливая уставныя фразы чухонцу Куньѣ, онъ призывалъ къ себѣ на помощь русскаго новобранца Цыганова, котораго заставлялъ, въ свободное отъ занятій время, пробирать своего товарища Кунью. И вотъ вы входите въ роту и застаете Цыганова и Кунью у окна. Цыгановъ, человѣкъ добродушный, занимается ласково и терпѣливо. Онъ нѣжно обнялъ Кунью, деликатно наклоняя его голову поближе къ книжкѣ. Оба они при вашемъ появленіи вскакиваютъ. Цыгановъ улыбается отъ радости, что васъ увидѣлъ, и, глядя на него, Кунья тоже считаетъ нужнымъ оскалить свои зубы.

— Здравствуйте! что вы учите?

— „Начальство", ваше в—е (т. е. фамиліи начальствующихъ лицъ), — „знамя", „что есть солдатъ"... всякую „*словесность*"...— отвѣчаетъ Цыгановъ, привѣтливо фыркая носомъ.

— Ну, разскажи, обращаетесь вы къ Куньѣ, который, не дожидаясь вашего вопроса, уже что-то бормочетъ.

— Ээ... три собрашэныя, васе високоблагородіе...—говоритъ онъ, усиленно кивая головой на удареніяхъ.

— Что такое?

— Ээ... три собрашэныя...

— Это, ваше в—е, „они" про знамя хотятъ сказать, что тамъ есть три изображенія,—поясняетъ Цыгановъ, изъ вѣжливости къ вамъ, называя Кунью „они".

— Ну?

— Такъ что, ваше в—е, „они", надо быть, изъ нѣмцовъ будутъ, по-своему „они" здорово лопочутъ и книжку умѣютъ читать, а по-нашему все больше *изъ серединки* запоминаютъ, а *краюшки* опосля заучиваютъ.

— Ээ *ффера и отэцисmво* (вѣра и отечество),—продолжаетъ Кунья, припоминая дальнѣйшія слова, относящіяся къ понятію о знамени.

— Мы, ваше в—е, сейчасъ „начальствомъ" занимались, весело поясняетъ Цыгановъ:—окромя баталіоннаго всѣхъ выучили,—баталіоннаго нѣмцы не можутъ выговорить.

— А, ну, спроси.

— Кунья!—манерно обращается къ своему ученику Цыгановъ, подражая дергачу-дядькѣ.

— Здравія зилаю!!

— Не надо *здравія желаю*: это, когда здороваются; а ты скажи мнѣ, Кунья: кто у тебя полуротный?

— Патра... Патра...

— Зачимъ?.. зачимъ горячку пороть? Ты стой себѣ вольно,

какъ есть... одно слово—прохладно стой... „Они“, ваше в—е, потѣютъ здорово.

— Патра... Патра...—продолжаетъ Кунья, раскачивая свою думательную машину.

— Да не надо такъ... ты, солдатинъ, не бойся (нѣжно гладитъ Кунью по головѣ)... ты спомяни портупею... знаешь портупею?

— Такъ тоцно!

— Ну, вотъ,—ты все и думай себѣ о портупеѣ: то будетъ портупея, а это поручикъ Патрикѣевъ,—понялъ, что ль?

— Такъ тоцно.

— Такъ, ваше в—е, „имъ“ легче запоминать, потому—„они“ нѣмцы... Ежели „имъ“ теперича палецъ покажешь, то они и поручика Кольцына спомянутъ (командира 2-й полуроты).

— Патранъ... Патранъ...—продолжаетъ Кунья, роняя черезъ носъ на полъ скатывавшіяся со лба капли пота.

— Будетъ уже, будетъ,—нѣжно останавливаетъ его Цыгановъ.—Дозвольте, ваше в—е, „имъ“ оправиться: „они“ напужались здорово.

— Ну, а ты много выучилъ?—спрашиваете вы у Цыганова.

— Я уже половину дисциплины знаю,—хоть такъ, хоть по „вопроснику“.

— А ну, скажи.

— Дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ, предписанныхъ военными законами, поэтому она...

— Ну, дальше,—„обязываетъ“... Что-жь ты остановился?

— Никакъ нѣтъ, ваше в—е:—„обязываетъ“ дядинька на завтра оставили, такъ и карандашемъ отгорожено... А только что я и это выучу,—мнѣ бы только съ Куньей управиться.

Конечно, такое состояніе школы васъ не удовлетворяетъ. Вы сами поглощены подготовкой къ инспекторскому смотру и потому мало принимаете участія въ занятіяхъ, а офицеръ, выпущенный изъ училища, ровно ничего не понимаетъ, ибо тамъ о педагогикѣ не даютъ ни малѣйшаго понятія. Вы неопредѣленно выражаете свое неудовольствіе, которое влечетъ за собою подтяжку по всѣмъ инстанціямъ: фельдфебель насѣдаетъ на дядьку, дядька на того же Цыганова (лѣниться, молъ!) а Цыгановъ уже не отпускаетъ отъ себя Кунью ни на шагъ. Лежа съ нимъ рядомъ, онъ жучитъ его иногда до поздней ночи.

— Кунья! что такое солдатъ?

— Сощитникъ отъ раговъ, нутреныхъ и нэшныхъ...

Рядомъ съ словесными упражненіями шла муштровка. Натасканные дядьки, вмѣсто простого показа, практиковавшагося Егорычемъ, выкладывали передъ новобранцемъ цѣлую страницу устава и требовали, чтобы онъ тотчасъ же исполнялъ все разсказанное.

Это называлось преподаваніемъ.

— Слушай! начинаетъ дядька Терентьевъ, — я буду тебѣ объяснять стойку:—солдатъ въ строю долженъ стоять прямо, но безъ натяжки, имѣя каблуки вмѣстѣ и на одной линіи; носки должны быть развернуты; колѣни вытянуты, но не натянуты и т. д. Слышалъ, что-ль?

— Такъ точно, дяденька.

— Ну, становись же! Что-жь я тебя просить буду?

Новобранецъ переминается на ногахъ, вытягивается и представляетъ изъ себя уродливую фигуру, подавая поводъ къ насмѣшкамъ проходящимъ мимо старослужащимъ людямъ.

— Не понялъ, что-ль? Слушай, еще разъ объясню: солдатъ въ строю долженъ стоять прямо, но безъ натяжки и т. д.

Опять повторяется та же исторія.

— Ну, ужъ и биться мнѣ съ тобой придется... И гдѣ ты такой выросъ — дуракъ? Хоть бы ты сталъ такъ, чтобы тебя можно было поправить, а то не знаешь, съ чего и начать — весь ты никуда не годишься. Опусти руки слободно (новобранецъ пробуетъ опустить, но не выходитъ); разверни плечи (тоже не выходитъ). Вотъ видишь: ты и словъ не понимаешь... Чистое горе съ тобой!

Начинается грубая поправка.

— Зачимъ животомъ стоишь? Убери брюхо! (толчекъ въ животъ). Бедра вправо! (толчекъ въ бокъ) и т. д.

— Терентьевъ? слышится голосъ офицера.—Я тебѣ строго запретилъ грубо обращаться съ новобранцами! Ты подъ арестомъ хочешь сидѣть? Дай ему оправиться.

— Виноватъ, ваше в—е! отвѣчаетъ мягкимъ голосомъ Терентьевъ. Въ интонаціи этого отвѣта вы слышите совершенно другого человѣка, не дядьку, а кроткаго и добродушнаго малаго, который всегда въ припрыжку бѣжитъ подавать вамъ пальто, когда вы уходите изъ роты.

— Погоди!—опять говоритъ прежній Терентьевъ, замѣтивъ, что офицеръ удалился.—Я ужо проберу тебя на гимнастикѣ, — можетъ, эта самая осовѣлость и пройдетъ...

На-ряду съ добродушнымъ Цыгановымъ и жестокимъ Терентье-

вымъ идетъ цѣлая галлерея типовъ учителей изъ нижнихъ чиновъ [1]). Рядомъ съ ними выступаетъ педагогъ-офицеръ, увлеченный тѣмъ же самымъ развитіемъ. Да и нельзя было не увлекаться: вмѣсто того, чтобы учить солдата дѣлать дѣло, само начальство стало покровительствовать *школѣ болтовни.*

Развивайте солдата, требовали высшіе начальники на смотрахъ, и отъ этого развитія приходилось солдату труднѣе, чѣмъ отъ муштровки. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть дѣло, генералъ занимался на смотрахъ такими, напримѣръ, разговорами.

— Вотъ я вамъ сейчасъ покажу, до чего ваши люди не развиты. Эй, ты, фланговый! Не скажешь ли мнѣ, голубчикъ, что у тебя въ рукахъ?

— Ружье, ваше превосходительство!

— Какъ ружье? почему ружье? Неужели имъ до сихъ поръ не объяснено, что новое оружіе называется винтовкой? Впрочемъ, это еще допустимо, потому что въ уставѣ осталось это выраженіе... Ну, допустимъ, что ружье; а не скажешь ли, любезный, какъ называется это ружье?

— Крынка, ваше пр—во!

— Что такое Крынка?

— Винтовка, ваше пр—во!

— Вотъ, господа, полюбуйтесь: Крынка, Крынка, а что такое Крынка—не знаетъ... Изобрѣтатель, любезнѣйшій, изобрѣтатель!.. Повтори!

— Собрѣтатель, ваше пр—во.

— Ну, а не скажешь-ли, что такое: изобрѣтатель?

— Не могу знать, ваше пр—во!

— Видите, господа, какое безобразіе. Кто ротный командиръ?

Предъ грозными очами начальника предстаетъ пожилой капитанъ Ивановъ, немного не дослужившій до пенсіи подъ крыломъ у старика Егорыча, и теперь вдругъ нежданно-негаданно попавшій въ педагоги.

— Капитанъ Ивановъ! Такъ служить нельзя! Вы совершенно равнодушно относитесь къ умственному развитію своихъ людей!..

По отъѣздѣ генерала весь учительскій персоналъ привлекается къ объясненію людямъ слово *изобрѣтатель,* и на это тратится масса времени.

Рядомъ съ такъ называемымъ военнымъ развитіемъ, нѣкоторые начальники требовали развитія общаго. Для школъ грамотности

---

[1]) См. книгу: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“ и другія сочиненія.

приказано было выписать цѣлые вороха книжекъ; требовался не только разсказъ содержанія прочитаннаго, но главнымъ образомъ—объясненіе каждаго книжнаго слова. Вопросы были до того необычайны, что даже умные солдаты становились въ тупикъ; напримѣръ: — „что такое окно?“ Казалось бы, что *окно* и есть *окно*, но не тутъ-то было,—солдатъ долженъ былъ отвѣчать литературнымъ языкомъ: — „это прорѣзъ въ стѣнѣ въ видѣ прямоугольника со вставленными въ него рамами со стеклами, сдѣланный во-первыхъ для того, чтобы въ комнатѣ было свѣтло, а во-вторыхъ — чтобы видѣть, что дѣлается на дворѣ и на улицѣ“. Какое отношеніе имѣла эта трата времени къ военному искусству — никто надъ этимъ не задумывался.

Иногда однако оказывалось, что все это было напрасная забота. Однажды экзаменаторъ пріѣхалъ со своими книжками, одна изъ которыхъ была хрестоматія Ушинскаго, состоящая изъ разсказовъ о явленіяхъ природы и о нравахъ животныхъ,—книжка, назначенная для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ попутно проходится зоологія.

— Читай! обратился генералъ къ одному изъ учениковъ, передавая ему книжку.

Солдатъ робко прикоснулся своими толстыми рабочими пальцами къ чистенькой книжкѣ и, вѣроятно, приготовляясь къ долгому бдѣнію, во время котораго нельзя будетъ сморкаться, нѣсколько разъ фыркнулъ носомъ. Капельки пота еще передъ началомъ чтенія выступили на его лбу.

— Акула изъ царства большихъ рыбъ...

— Стой! что такое акула?

— Не могу знать, ваше пр—во!

— Какъ не можешь знать? подумай.

Исполняя приказаніе, солдатъ принимаетъ серьезнѣйшій видъ думающаго человѣка, а экзаменаторъ подаетъ офицерамъ примѣръ терпѣнія.

— Никогда, господа, не слѣдуетъ торопить человѣка: вотъ онъ подумаетъ и, можетъ-быть, что - нибудь скажетъ... Ну, скажи по крайней мѣрѣ, что тебѣ кажется,—надо же, братецъ, соображать.

— Хвамилія (фамилія), ваше пр—во!

— Какъ фамилія? развѣ рыба имѣетъ фамилію? Ты, можетъ-быть, хотѣлъ сказать: названіе?

— Такъ точно, ваше пр—во!

— Гм... все-таки видно, что онъ соображаетъ. Ну, читай дальше.

— Изъ царства большихъ рыбъ...

— Стой! Что такое царство?

— Рассея (Россія), ваше пр—во!

— Какъ Россія? Развѣ ты думаешь, что Россія населена рыбами? Нельзя, господа, допускать, чтобы солдатъ отвѣчалъ подобный вздоръ. Кто ротный командиръ?

— Капитанъ Ивановъ,—докладываетъ присутствующій на экзаменѣ командиръ полка.

— Капитанъ Ивановъ, пожалуйте сюда!... Сколько у васъ рота дала процентовъ на стрѣльбѣ прошлаго года?

— Немного не добили до отличнаго, ваше пре—во.

— А вотъ потому и не добили... потому и не добили, что вы не умѣете развивать своихъ людей. Если солдатъ не можетъ объяснить такого пустяка, какъ царство, то неужели вы думаете, что онъ въ состояніи понять такую тонкую науку, какъ стрѣльба?... Долженъ вамъ объявить, капитанъ Ивановъ, что такъ служить нельзя! Извольте воспитывать своихъ людей...

— Ну, читай дальше, обратился экзаменаторъ къ солдату; впрочемъ, погоди,—я тебѣ предложу еще одинъ вопросъ... надо, господа, развивать человѣка не только по книжкѣ, но и посторонними вопросами,—надо расширять кругозоръ солдата... Вотъ мы сейчасъ говорили о рыбахъ; а не знаешь ли, любезный, какое животное принадлежитъ къ царству крылатыхъ?

— Муха, ваше пр—во!

Начальство нѣсколько поморщилось: оно задумало птицу.

Отъ слѣдующаго солдата требовали, чтобы онъ подумалъ, что такое „громъ" и рѣшилъ бы это въ одну минуту, пристыдивъ тѣхъ ученыхъ, которые думали цѣлые вѣка́, пока додумались до электричества.

Подобные экзамены, конечно, представляютъ крайность, но они были не миѳомъ, а дѣйствительностью. Четверть вѣка тому назадъ не было руководящихъ началъ въ новой солдатской школѣ; не было даже порядочныхъ азбукъ съ матеріаломъ для чтенія взрослыми учениками. Даже первыя изданія учебниковъ Столпянскаго и Гребеника были въ дидактическомъ отношеніи очень слабыми. Каждый обучающій офицеръ заводилъ свою собственную систему и въ угоду требовательнымъ начальникамъ заставлялъ солдата выражаться литературнымъ слогомъ и заучивать „трудныя слова"; но бѣда въ томъ, что трудныхъ словъ множество, и что всѣ они, не исключая и уставныхъ, для солдатскаго дѣла совершенно безполезны. Лучшіе изъ офицеровъ все это отлично понимали, и каждый изъ нихъ искалъ выхода изъ этого положенія. Понималъ это также, конечно по-своему, и смышленый старикъ Егорычъ.

— Какъ бы намъ, Егорычъ, на грамотности не сплоховать,— давеча генералъ очень недоволенъ остался,—совѣтовался капитанъ Ивановъ съ своимъ фельдфебелемъ.

— Не извольте безпокоиться, ваше в—е,—грамотность будетъ хорошая...

— Ты почему такъ думаешь?

— Осмѣлюсь доложить, что нашъ писарь Чирковъ бываетъ у генеральскаго денщика,—и теперича, ежели прикажете, то всѣ книжки, которыя „они" (генералъ) носятъ съ собой, можно купить на рынкѣ; пущай люди по этимъ книжкамъ и „репетятся".

— А развѣ ты узналъ, какія это книжки?

— Такъ точно. Мы ту книжку, что съ „акулой" и съ „громомъ" давно уже купили, и сейчасъ люди по ней „репетятся"; и вотъ списочекъ и другихъ книгъ... Только я теперича такъ думаю, что другія книжки „они" носятъ съ собой только для „видимости", а все больше по этой спрашиваютъ,—я узнавалъ и въ другихъ полкахъ... А всячески, ваше в—е, списочекъ посмотрите.

Книжки немедленно пріобрѣтаются. Каждая статейка, особенно въ той книжкѣ, что съ „акулой" и съ „громомъ", заучивается чуть не наизусть, и по вечерамъ самъ Егорычъ дѣлаетъ репетиціи разсказа. Даже дядьки переняли манеру вопросовъ, предлагаемыхъ на экзаменѣ. Въ каждой кучкѣ солдатъ только и слышится:—„Левъ— этотъ красивѣйшій изъ звѣрей"....

— Стой! Что такое левъ?

Экзаменъ прошелъ блистательно; а капитанъ Ивановъ, уже было подумывавшій объ отставкѣ, почувствовалъ въ себѣ педагогическія способности, и рѣшилъ служить до 35 лѣтъ...

Вотъ черезъ какую школу пришлось пройти нашему солдату прежде, чѣмъ пришли къ убѣжденію, что не только для стрѣлковаго дѣла, но и для всего прочаго нужно развитіе практическое. Если общее развитіе дѣлаетъ человѣка болѣе сознательнымъ и толковымъ, то во всякомъ случаѣ оно заключается не въ заучиваніи „трудныхъ словъ" и не въ умѣніи красиво разсказывать о предметахъ, ничего общаго съ солдатскимъ дѣломъ не имѣющихъ. Неумѣлая погоня за общимъ развитіемъ, увлеченіе теоріей и произвольный выборъ матеріала для чтенія,—все это вело къ тому, что солдатъ, по выраженію покойнаго М. И. Драгомирова, больше учился *болтать о дѣлѣ, чѣмъ дѣлать самое дѣло.*

Однажды покойный Михаилъ Ивановичъ былъ приглашенъ од-

нимъ изъ полковыхъ командировъ провѣрить успѣхи солдатъ, которые отвѣчаютъ по уставамъ, какъ юнкера.

— Занятно, очень занятно, меланхолически замѣтилъ М. И.,—а сколько у васъ въ этомъ году подъ судъ отдано?

— Немного,—человѣкъ 15,—отвѣчалъ командиръ.

— На будущій годъ больше будетъ... Попробуйте произвести экзаменъ въ военной тюрьмѣ,—тамъ еще лучше отвѣтятъ.

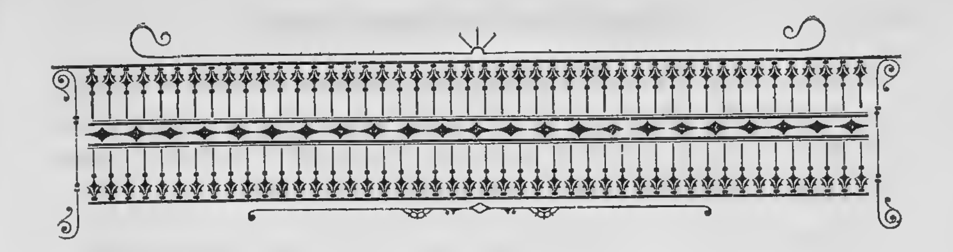
Талантливый педагогъ сразу схватилъ направленіе школы, работающей только надъ умственнымъ клапаномъ, и объяснилъ присутствующимъ, что кромѣ *знанія* надо еще *умѣніе*, а главное—желаніе дѣлать дѣло, которое зависитъ отъ сердца. Школа, въ которой сердце солдата не завоевано, далеко не уйдетъ: въ ней знаніе выколачивается, нравственный долгъ навязывается, а умѣніе подвигается туго.

Такимъ образомъ мы видимъ, что реформы Императора Александра II, великія по своей идеѣ, даровали намъ гуманную и раціональную школу, но справиться съ этой школой мы не умѣли, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не умѣемъ и до сихъ поръ (См. отчетъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ генералъ-адъютанта Зарубаева о подготовкѣ учителей молодыхъ солдатъ). Только въ послѣднее время питомники войсковой школы стали насаждаться, но не въ военныхъ училищахъ, которыя этотъ вопросъ проморгали [1], а непосредственно въ войсковыхъ частяхъ. Жизнь выдвинула замѣчательныхъ педагоговъ въ лицѣ нѣкоторыхъ командировъ отдѣльныхъ частей; офицеры, попадающіе въ ихъ руки, становятся мастерами въ своемъ дѣлѣ. Только изъ этого источника можно ожидать живой воды, способной обновить нашу армію, а не отъ частичныхъ нововведеній, о которыхъ такъ много и такъ страстно говорятъ не только военные, но и гражданскіе авторы послѣ Японской войны.

Н. Бутовскій.

[1]) Военныя училища не даютъ будущему офицеру ни малѣйшаго, даже теоретическаго представленія о военной педагогикѣ и въ этомъ отношеніи выпускаютъ офицеровъ совершенно невѣжественныхъ въ своей ближайшей работѣ.

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

Записки В. И. Даля.

Предлагаемыя вниманію читателя записки В. И. Даля о Пушкинѣ появляются въ печати впервые. Онѣ сохранились въ Имп. Публичной Библіотекѣ (см. „Отчетъ И. Публ. Библ. за 1896 г.", СПб., 1900 г., стр. 200). Это—пять писаныхъ карандашомъ рукою Даля листковъ въ 4-ю, 8-ю, и 16-ю долю.

Извѣстны воспоминанія Даля о Пушкинѣ, опубликованныя Л. Н. Майковымъ (см. его сборникъ „Пушкинъ", СПб., 1899 г., стр. 414—433). Покойный біографъ и комментаторъ Пушкина предпослалъ воспоминаніямъ Даля свои замѣчанія, въ которыхъ вѣрно оцѣнилъ значеніе разсказа этого умнаго и наблюдательнаго писателя о геніальномъ поэтѣ. „Сношенія Даля съ Пушкинымъ были непостоянны, даже не особенно коротки, но Даль сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе и, семь лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ разсказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и со своей стороны исполнилъ его какъ умѣлъ. Благодаря тонкой наблюдательности Даля и его глубокому уваженію къ Пушкину, а также благодаря тому, что Пушкинъ проявлялся въ бесѣдахъ съ нимъ самыми существенными чертами своей личности, воспоминанія Даля, несмотря на свою краткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы" (ibid., 416).

Печатаемые здѣсь отрывки являются немаловажнымъ дополненіемъ къ уже извѣстнымъ воспоминаніямъ Даля. Въ нихъ есть кое-

что новое, есть и такая пушкинская „алмазная искра“, по выраженію Даля (ibid., 421), какъ проникнутыя благоговѣніемъ слова поэта о Петрѣ Великомъ. Веселъ и забавенъ разсказъ о наивномъ оренбургскомъ охотникѣ, такъ понравившемся Пушкину.

* * *

Я слышалъ, что Пушкинъ былъ на четырехъ поединкахъ, изъ коихъ три первые кончились эпиграммой, а четвертый смертію его. Всѣ четыре раза онъ стрѣлялся черезъ барьеръ, давалъ противнику своему, гдѣ можно было, первый выстрѣлъ, а потомъ, самъ подходилъ вплоть къ барьеру и подзывалъ противника.

Помню въ подробности одинъ только поединокъ его, въ Кишиневѣ, слышанный мною отъ людей, бывшихъ въ то время на мѣстѣ.

Въ Кишиневѣ стоялъ пѣхотный полкъ, и Пушкинъ былъ со многими офицерами въ клубѣ, собраніи, гдѣ танцовали. Большая часть гостей состояла изъ жителей, молдаванъ и молдаванокъ; надобно замѣтить, что обычай, въ то время особенно, ввелъ очень вольное обращеніе съ послѣдними. Пушкинъ пригласилъ даму на мазурку, захлопалъ въ ладоши и закричалъ музыкѣ: „мазурку, мазурку!“ Одинъ изъ офицеровъ подходитъ и проситъ его остановиться, увѣряя, что будутъ плясать вальсъ; „Ну“,—отвѣчалъ Пушкинъ,—„вы вальсъ, а я мазурку“—и самъ пустился со своей дамой по залѣ.

Полковой или баталіонный командиръ, кажется, подполковникъ Старковъ, по своимъ понятіямъ о чести, считалъ необходимымъ стрѣляться съ обидчикомъ, а какъ противникъ Пушкина по танцамъ не рѣшался на это самъ, то начальникъ его принялъ дѣло это на себя.

Стрѣлялись въ камышахъ придунайскихъ, на прогалинѣ, черезъ барьеръ, шаговъ на восемъ, если не на шесть. Старковъ выстрѣлилъ первый и далъ промахъ. Тогда Пушкинъ подошелъ вплоть къ барьеру и, сказавъ: „пожалуйте, пожалуйте сюда“ подозвалъ противника, несмѣвшаго отъ этого отказаться; затѣмъ Пушкинъ, уставивъ пистолетъ свой почти въ упоръ въ лобъ его, спросилъ: „довольны ли вы?“—тотъ отвѣчалъ, что доволенъ. Пушкинъ выстрѣлилъ въ поле, снялъ шляпу и сказалъ:

Подполковникъ Старковъ
Слава Богу здоровъ.

Поединокъ былъ конченъ, а два стиха эти долго ходили въ родѣ поговорки по всему Кишиневу, и молдаване, не зна-

вшіе по-русски, тѣшились, затверживая ее ломанымъ языкомъ наизусть [1]).

Подробности другого поединка—кажется въ Одессѣ—не помню; знаю только, что противникъ Пушкина не выдержалъ, что Пушкинъ отпустилъ его съ миромъ, но сдѣлалъ это тоже по-своему: онъ сунулъ неразряженный пистолетъ себѣ подъ мышку, отвернулся въ сторону...[2]).

* * *

Въ Оренбургѣ [3]) Пушкину захотѣлось сходить въ баню. Я свелъ его въ прекрасную баню къ инженеръ-капитану Артюхову, добрѣйшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собесѣднику. Въ передбанникѣ расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкинъ тѣшился этими картинами, когда веселый хозяинъ, круглолицый, голубоглазый, въ золотыхъ кудряхъ, вошелъ, упрашивая Пушкина ради перваго знакомства откушать пива или меду. Пушкинъ старался быть крайне любезнымъ со своимъ хозяиномъ и, глядя на расписной передбанникъ, завелъ рѣчь объ охотѣ. „Вы охотитесь, стрѣляете?"—„Какъ-же-съ, понемножку занимаемся и этимъ; не одному долгоносому довелось успокоиться въ нашей сумкѣ".—„Что же вы стрѣляете—утокъ"?—„Уто-окъ-съ?"—спросилъ тотъ, вытянувшись и бросивъ какой-то сострадательный взглядъ.—„Что же?

---

[1]) О дуэли Пушкина съ полковникомъ Сем. Никит. Старовымъ (а не Старковымъ) Даль разсказываетъ невѣрно. Дуэль происходила въ январѣ 1822 г. въ окрестностяхъ Кишинева, а не въ придунайскихъ камышахъ, куда ѣздить дуэлянтамъ было бы слишкомъ далеко. Изъ-за скверной погоды поединокъ былъ отложенъ, а потомъ противниковъ помирили (П. И. Бартеневъ, „Пушкинъ въ Южной Россіи"—„Русск. Архивъ" 1866 г. ст. 1165—1167; И. П. Липранди, „Изъ дневника и воспоминаній"—ibid., ст. 1416—1421, его же „Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля", М., 1873 г., стр. 150). Кишиневскій знакомецъ Пушкина В. П. Горчаковъ сообщаетъ въ своей статьѣ „Воспоминаніе о Пушкинѣ" („Московск. Вѣдом." 1858 г., № 19, литерат. отд. стр. 82—83), что прямо въ день несостоявшагося поединка со Старовымъ Пушкинъ заѣхалъ къ А. П. Полторацкому и оставилъ ему записку: „Я живъ, Старовъ здоровъ, дуэль не конченъ".

П. И. Бартеневъ въ своемъ упомянутомъ трудѣ („Русск. Арх." 1866 г., ст. 1162, 1166, прил.) упоминаетъ о какой-то запискѣ Даля о дуэляхъ Пушкина, гдѣ говорится и про дуэль со Старовымъ, но, судя по приводимой Бартеневымъ выпискѣ, это не наша записка.

[2]) Далѣе разсказъ не только неприличенъ, но и мало достовѣренъ: Пушкину въ немъ приписываются неумный и грубый поступокъ и очень плохой экспромптъ. 2 мая 1824 г. А. И. Тургеновъ сообщилъ князю П. А. Вяземскому слухъ, будто Пушкинъ въ Одессѣ дрался съ кѣмъ-то на дуэли, но противникъ не хотѣлъ стрѣлять въ него („Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ", Б. III).

[3]) Въ сентябрѣ 1833 г.

развѣ вы утокъ не стрѣляете?“ – „Помилуйте-съ, кто будетъ стрѣлять эту падалъ! Это какая-то гадкая старуха, валяется въ грязи—ударишь ее по загривку, она свалится бокомъ, какъ топоръ съ полки, бьется, валяется въ грязи, кувыркается... тьфу“!—„Такъ что же вы стрѣляете?“ – „Нѣтъ-съ, не утокъ. Вотъ какъ выйдешь въ чистую рощицу, какъ запустишь своего Фингала,—а онъ нюхъ-нюхъ направо—нюхъ налѣво,—и стойку: вытянулся какъ на пружинѣ—одеревенѣлъ, сударь, одеревенѣлъ, окаменѣлъ! Пиль, Фингалъ! Какъ свѣчка загорѣлся, столбомъ взвился“...—„Кто, кто?“—перебилъ Пушкинъ съ величайшимъ вниманіемъ и участіемъ. „Кто-съ? разумѣется кто: слука [1]), вальдшнепъ. Тутъ царапъ его по сарафану... А онъ (продолжалъ Артюховъ, раскинувъ руки врознь, какъ на крестѣ),—а онъ только раскинетъ крылья, головку набокъ—замретъ на воздухѣ, умирая какъ Брутъ!“

Пушкинъ расхохотался и приславъ ему черезъ годъ на память „Истор. Пугач. бунта“, написалъ:

„Тому офицеру, который сравниваетъ вальдшнепа съ Валенштейномъ“ [2]).

* * *

„Я стою вплоть передъ изваяніемъ исполинскимъ, котораго не могу обнять глазомъ—могу ли я списывать его? Что я вижу? Оно только заститъ мнѣ исполинскимъ ростомъ своимъ, и я вижу ясно только тѣ двѣ—три пядени, которыя у меня подъ глазами.“

Пушкинъ, о Петрѣ [3]).

---

[1]) Слука, по объясненію „Толковаго словаря“ Даля,—вальдшнепъ.

[2]) Въ объясненіяхъ къ напечатаннымъ Л. Н. Майковымъ воспоминаніямъ Даля (Майковъ, „Пушкинъ“, 429) разсказывается со словъ одной оренбургской дамы, что „полковникъ Артюковъ“, ѣздившій вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Далемъ къ старухѣ помнившей Пугачева и разсказывавшей о немъ поэту,—былъ всѣми любимый, добрѣйшій и популярнѣйшій человѣкъ. Во время несчастнаго похода въ Хиву при Перовскомъ (1840 года) онъ, несмотря на свое крѣпкое здоровье, возвратился съ изнурительною лихорадкой, которая вскорѣ и свела его въ могилу“. Вѣроятно оренбургскіе злые, но не острые языки выдумали, будто въ Оренбургѣ въ 1833 г. Пушкинъ написалъ въ альбомъ угостившему его баней А—ву (конечно, Артюхову): „Пушкинъ былъ у А—ва въ банѣ“ (М. Шевляковъ, „Пушкинъ въ анекдотахъ“, СПб., 1899 г., стр. 80—81).

[3]) По разсказу Даля (Майковъ, „Пушкинъ“, 419) Пушкинъ говорилъ ему о Петрѣ Великомъ: „Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ, близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко—надо отодвинуться на два вѣка,—но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно“. Эта мысль въ сообщаемой нами запискѣ Даля выражена красивѣе и образнѣе.

* * *

Еще *Пугачевщина*, которую я не успѣлъ сообщить Пушкину во-время:

При проѣздѣ Государя Наслѣдника—нынѣшняго Царя нашего [1]) —изъ Оренбурга въ Уральскъ я тоже находился въ поѣздѣ. Мы выѣхали въ 4 часа утра изъ Оренбурга и не переводя духу прискакали въ 4 часа пополудни въ *Мухраковскую* станицу, на этомъ пути первую станицу Уральскаго Войска. Всѣ казаки собрались у станичнаго дома, въ избахъ оставались одни бабы и дѣти. Тощій, не только голодный, я бросился въ первую избу и просилъ старуху подать каймачка, топленаго молока—сырого здѣсь не держатъ—и хлѣба. Отбивъ у скопы [2]) цыпленка, схваченнаго ею въ тревогу эту на дворѣ, старуха радушно стала *собирать* на столъ. „Ну что" —сказалъ я:—„чай рады дорогому гостю, Государю Наслѣднику?"— „Помилуй, какъ не рады?—отвѣчала та:—вѣдь мы тута—легко ли дѣло, Царскаго племени не видывали отъ самаго отъ Государя Петра Өедоровича...

То-есть—отъ Пугачева.

Сообщ. Н. Лернеръ.

---

[1]) Александра Николаевича.

[2]) Скопа́, по объясненію „Толковаго словаря" Даля,—орликъ, рыбакъ, хищная птица.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оригинала фамилія Пушкина обозначена буквою П. Редакціей возстановлена полная фамилія поэта.

Ред.

Изъ жизни нашего духовенства.

Просматривая скопившіяся у меня разнаго рода замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ мною выходящемъ изъ ряда обыденной жизни,— я нашелъ нѣсколько замѣтокъ, касающихся жизни и быта нашего духовенства. Эти замѣтки нигдѣ не были напечатаны, а между тѣмъ онѣ и интересны и характеристичны. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Курьезный рапортъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1884 года въ Л—ской духовной консисторіи, отъ игумена N—скаго монастыря былъ полученъ рапортъ, представляющій ту особенность, что во всемъ этомъ документѣ нигдѣ *неупотреблено никакихъ знаковъ препинанія*; единственный „знакъ препинанія"—точка,—поставленъ только послѣ подписи игумена, самолично писавшаго этотъ рапортъ, такъ какъ почеркъ текста его и подписи—тождественны.

Вотъ содержаніе этого курьезнаго рапорта, буквально списаннаго изъ дѣлъ консисторской канцеляріи.

„Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу и Кавалеру Александру

Игумена N—скаго монастыря
Серапіона

РАПОРТЪ

Имѣю честь донести Вашему Высокопреосвященству что у насъ въ N—скомъ монастырѣ не все благополучно случилось несчастіе и пожаръ отъ котораго сгорѣли сарай сѣновалъ конюшни и скотный дворъ сгорѣлъ и скотъ уцѣлѣлъ одинъ только быкъ

Игуменъ „Серапіонъ".

1884 г Мая 5

Л—скую каѳедру занималъ въ это время архіепископъ Александръ (Добрынинъ) [1]).

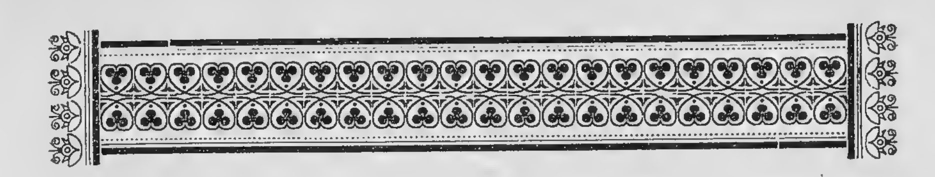
Владыка, получивъ рапортъ игумена Серапіона, несмотря на болѣзнь, смѣялся отъ души, какъ говорятъ, до слезъ и сдѣлалъ на рапортѣ игумена коварную надпись:

„*Очень жаль.*"

Сообщ. А. Сергѣевъ.

[1]) Архіепископъ *Александръ*, въ мірѣ Андрей Васильевичъ, родился 1-го августа 1820 года въ с. Верстеи, Ярославской губерніи, Мологскаго уѣзда. Скончался 28 апрѣля 1885 года.

Къ исторіи 1812-го года [1]).

Письма Наполеона по дѣлу Мале.

Удаленный Наполеономъ за свои республиканскія убѣжденія, генералъ Клодъ Фрасуа Мале (1754 — 1812) въ іюлѣ 1812 года былъ посаженъ въ тюрьму. Тамъ онъ составилъ, въ сообществѣ съ нѣсколькими роялистами, планъ свергнуть Наполеона, пока тотъ находился въ Россіи. Въ ночь съ 22 на 23 октября онъ бѣжалъ изъ-подъ стражи, явился въ казармы и увѣрилъ солдатъ, что Наполеонъ погибъ въ Россіи; за тѣмъ, освободивъ изъ тюрьмы Гидаля и Лагори, съ баталіономъ парижскихъ гвардейцевъ отправился къ парижскому коменданту Гюллену, которому и сообщилъ о смерти императора и учрежденіи временнаго правительства. Гюлленъ, однако, не повѣрилъ этому сообщенію. Тогда Мале выстрѣлилъ изъ пистолета и тяжело ранилъ Гюллена, но былъ тотчасъ же схваченъ. На слѣдующій день его судили военнымъ судомъ и разстрѣляли вмѣстѣ съ сообщниками.

Въ письмахъ своихъ къ Савари [2]) (въ то время министру полиціи) упоминаетъ о заговорѣ 1809 года, въ которомъ Мале принималъ также видное участіе и которые такъ часто повторялись въ виду множества принципіальныхъ враговъ Наполеона, съ ужасомъ смотрѣвшихъ на попраніе тираніей всѣхъ завоеваній великой революціи. Тутъ же онъ предлагаетъ собрать всѣ относящіеся къ разнымъ заговорамъ документы въ одно общее дѣло подъ заглавіемъ: „Разные составленные нѣкоторыми личностями заговоры“.

Н. З.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1907 г.

[2]) Савари (Анъ-Жанъ-Мари-Рене Savary герцогъ de Rovigo)—французскій политическій дѣятель (1774—1833); въ 1804 году открылъ заговоръ Жоржа Кадудаля и Пишегрю и руководилъ какъ арестомъ герцога Энгіенскаго, такъ и судомъ надъ нимъ.

№ 1. 1-е письмо къ Савари.

„Г-нъ герцогъ де-Ровиго. Я желаю, чтобы все, что имѣетъ отношеніе къ дѣлу Мале, было напечатано... Поручите Реалю собрать всѣ протоколы допросовъ и документы, касающіеся козней этого человѣка три или четыре года тому назадъ. Двѣ страницы составятъ простое и невелерѣчивое изложеніе этого дѣла. Первымъ приведено будетъ донесеніе префекта полиціи Дюбуа и тогдашняго министра полиціи Фуше и всѣ протоколы допросовъ по этому предмету. Во-вторыхъ, донесенія разныхъ государственныхъ совѣтниковъ, посѣтившихъ послѣ того времени тюрьмы, и мнѣніе ихъ о Мале и т. д. Въ третьихъ, постановленіе объ отправкѣ Мале въ частную лечебницу. Въ-четвертыхъ, наконецъ, все, что имѣетъ отношеніе къ сему дѣлу.

Словъ не нужно, а только документы. Министръ полиціи сдѣлаетъ докладъ обо всемъ, что происходило въ зданіи министерства полиціи; затѣмъ приведены будутъ донесенія генерала Гюллена, префекта полиціи, помощника коменданта Домеля, Лаборда, генерала Деріо; потомъ всѣ протоколы допросовъ и судопроизводственныя бумаги. Это чрезвычайно важно. Это пустое дѣло, но убѣдить въ этомъ публику можно только путемъ оглашенія всего и незамалчиванія ни одного обстоятельства.

Потомъ упомянуто будетъ все имѣющее отношеніе къ Лагори, Лафосу, Ал. Ноайлю, къ обнаруженному въ это время заговору поповъ и къ генералу де-Нуайе, изъ чего можно бы было видѣть, что они были за люди. Сіе дѣло будетъ озаглавлено: „Разные составленные нѣкоторыми личностями заговоры“.

За симъ молю Бога оградить Васъ своимъ святымъ покровомъ. Смоленскъ 11 ноября 1812 года“.

Подписано: Наполеонъ.

Lettre de l'Empr. Napoléon à Savary.

M-r le Duc de Rovigo. Mon intention est que tout ce qui est relatif à l'affaire de *Mallet* soit imprimé. Chargez Réal de réunir tous les interrogatoires et les pièces qui concernent les trames de cet homme il y a 3 ou 4 ans. Deux pages formeront le précis simple et sans phrases. On mettra d'abord le rapport du Préfet de Police Dubois et du Ministre de la Police Fouché dans ce tems là, tous les interrogatoires de ces sujets alors.

2°. Les rapports des différens Conseillers d'Etat qui ont visité depuis les prisons et leur opinion sur Mallet etc.

3°. La décision qui envoye Mallet dans une maison de Santé.

4°. Enfin tout ce qui est relatif à cette affaire ci.

Il ne faut point de phrases, mais les pièces. Le Ministre de la Police fera le rapport de ce qui s'est passé à l'Hôtel du Ministère de la Police, ensuite on mettra le rapport du g-al Hullin, celui du Préfet de Police, ceux de l'Adjudant Commandant Domel et de Laborde, celui du g-al Deriot; après

cela tous les interrogatoires et les pièces du Procès; cela est de la plus grande importance. Cette affaire n'est rien, mais ce n'est qu'en imprimant tout et en ne déguisant aucune circonstance que le Public sera convaincu que ce n'est rien.

On mettra ensuite une note de ce qui est relatif à Lahorie, à Lafoce, à Al. Noailles et au complot de prêtraille qui eut lieu dans le tems, et au g-al Desnoyers, et qui fasse connaître ce qu'ils étaient.

On intitulera cet ouvrage: Divers complots tramés parquelques individus.

Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait en sa sainte garde. Smolensk 11 Novembre 1812. Signé Napoleón.

№ 2. Второе письмо къ Савари.

„Г-нъ герцогъ де-Ровиго. Я получилъ письма Ваши отъ 26 и 27 октября и съ прискорбіемъ усматриваю въ нихъ разсужденіе о гражданской и военной полиціи. Это значитъ дурно понимать свои обязанности. Все, что касается до спокойствія государства и до его безопасности, входитъ въ сферу обязанностей полиціи. Военная полиція должна была бы, конечно, быть освѣдомленной о движеніи, происходившемъ въ казармахъ съ 5 часовъ утра; тѣмъ не менѣе министру полиціи слѣдовало знать это еще лучше, слѣдить за Мале и не оставлять его въ Парижѣ. Полиція обязана была быть знакомой съ настроеніемъ войскъ, а особенно съ настроеніемъ такого полка, какъ Парижскій. За симъ молю Бога и пр. и пр. Смоленскъ 11 ноября / 30 октября 1812 года".

Подписано: Наполеонъ.

Seconde lettre à Savary.

M-r le Duc de Rovigo. J'ai reçu Vos lettres du 26 et 27 Octobre. J'y vois avec peine une dissertation sur la police militaire et sur la police civile. C'est mal connaître vos attributions... Tout ce qui est relatif à la tranquillité de l'Etat et à sa sureté est du ressort de la Police. La Police militaire aurais du être instruite sans doute du mouvement qui s'opérait dans les casernes depuis cinq heures du matin, mais le Ministre de la Police aurait du le savoir encore mieux, avoir les yeux sur Mallet et ne pas le laisser à Paris. La Police devait connaître l'esprit des troupes et surtout l'esprit d'un régiment comme celui de Paris. Sur ce je prie Dieu etc. Smolensk le 11 Novembre 1812. Signé Napoléon.

№ 3. Третье письмо къ Савари.

„Г-нъ герцогъ де-Ровиго. Я очень одобрилъ дѣйствія военнаго министра, арестовавшаго генерала Ламота и полковника Рабба. Было бы страннымъ пониманіемъ гражданскихъ обязанностей полковника, если считать оныя выполненными тогда, когда онъ не только не сопротивлялся, но даже не пролилъ крови своей, дабы воспрепятствовать возмущенію своей части. Вашъ образъ мыслей по этому предмету кажется мнѣ очень страннымъ. Прежде, чѣмъ выразить свое сужденіе объ этомъ дѣлѣ и по поводу префекта Фроша, я подожду прибытія сюда Вашего подробнаго донесенія и судопроизводства по

этому дѣлу. Я намѣренъ огласить эти документы и желаю, чтобы для гражданъ не было ничего тайнаго въ этомъ столь близко касающемся ихъ дѣлѣ. Именуемый Жакемономъ былъ давно подъ стражей и фактически участвовалъ въ этомъ заговорѣ 4 года тому назадъ. Сообщите мнѣ, гдѣ онъ находится: и если только онъ смѣщенъ, а въ поведеніи его окажутся неправильности, распорядитесь арестовать его. Человѣкъ 30 статскихъ участвовало въ этомъ 1-мъ дѣлѣ. Я полагаю, что всѣ они арестованы. Если же обнаружится, что они выпущены по небрежности, допущенной въ этомъ дѣлѣ, распорядитесь забрать ихъ снова, въ особенности, если они окажутся опять въ Парижѣ. За симъ молю Бога и пр. и пр. Смоленскъ $\frac{\text{11 ноября}}{\text{30 октября}}$ 1812 года".

Подписано: Наполеонъ.

Troisième lettre à Savary.

M-r le Duc de Rovigo. J'ai fort approuvé la conduite du Ministre de la Guerre d'avoir fait arrêter le g-al Lamotte et le Colonel Rabb. Ce serait se faire d'étranges idées des devoirs de citoyen d'un Colonel si on les croyait remplis non seulement lorsqu'il ne s'est pas opposé, mais même lorsqu' i n'a pas versé son sang pour s'opposer à la rébellion de son corps. Cette manière de voir de votre part me parait singulière. Pour prononcer sur toute l'affaire, ainsi que sur le préfet Frochat j'attendrai Votre rapport définitif et les pièces de la procédure. Mon intention est que ces pièces soient publiées et que rien ne soit mystère pour les citoyens, dans une affaire qui les regarde de si près. Le nommé Jacquemont a été longtems arrêté et était effectivement dans ce complot, il y a 4 ans. Faites moi connaître où il est; pour peu qu'il se sois•déplacé et qu'il y ait d'irrégularité dans sa conduite, faites le arrêter. Il y avais une trentaine d'individus *civils* qui tous figuraint dans cette premiére aiffaire. Je les croîs tous arrêtes. S'ils avaient été relachés par suite de la négligence qu'on y a mise, faites les reprendre, surtout s'ils se retrouvent en ce moment à Paris, sur ce je prie Dieu etc. Smolensk le 11 Novembre 1812. Signé: Napoléon.

№ 4. Письмо къ Камбасересу [1]).

„Я получилъ ваши письма, кузенъ, отъ 25-го и 26-го. Я выражалъ Вамъ уже свое удовольстіе по поводу дѣйствій Вашихъ при сихъ обстоятельствахъ и могу только повторить то же самое. Я раздѣляю ваши взгляды касательно дѣла Рабба и Ламотта. Я полагаю, что префектъ Фроша написалъ мнѣ о слухахъ, распростра-

---

[1]) Камбасересъ (Жанъ-Жакъ-Режи de Cambacéres) —французскій государственный дѣятель (1753—1824); въ 1793 году былъ членомъ конвента и комитета общественнаго спасенія; вотировалъ за казнь Людовика XVI; въ эпоху консульства редактировалъ Code civil; во время похода въ Россію фактически оставался главою правительства; по возвращеніи Бурбоновъ былъ изгнанъ изъ Франціи, какъ цареубійца, но въ 1818 году былъ возстановленъ въ правахъ и возвратился во Францію. *Н. З.*

нявшихся на его счетъ; ожидаю его письма, чтобы высказать свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что я сообщилъ военному министру, что Парижскій полкъ и 10-я когорта должны быть отправлены въ армію. Я не издаю никакого указа, ожидаю прибытія дѣлопроизводства по этому дѣлу и не дамъ своего рѣшенія до тѣхъ поръ, пока не изучу его основательно. Я писалъ министру полиціи, чтобы онъ арестовалъ всѣхъ разбойниковъ статскихъ, второстепеннаго ранга, скомпрометтированныхъ уже участіемъ въ семъ заговорѣ 4 года тому назадъ и, какъ мнѣ кажется, многіе выпущены уже на свободу по ложно понятой снисходительности. Вы должны непремѣнно увѣдомить графовъ Траси и Гара, что назначеніе ихъ членами этого временнаго Правительства не служитъ конечно къ обвиненію ихъ, но что это не составляетъ почетнаго титула; они вѣроятно, казались недовольными правительствомъ и позволяли себѣ двусмысленные разговоры, если эти злодѣи сочли себя въ правѣ разсчитывать на нихъ. Я намѣренъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе всѣ документы, чтобы не было чего-либо касающагося этого дѣла, что бы оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Я желаю также, чтобы присоединены были къ оному всѣ бумаги, имѣющія отношеніе къ тому, что происходило 4 года тому назадъ; чтобы включены были протоколы допросовъ, составленные въ то время префектомъ полиціи, общій докладъ, сдѣланный мнѣ министромъ полиціи, и, наконецъ, постановленіе послѣдняго собранія относительно препровожденія Мале въ частную лечебницу. Я желаю, чтобы изо всего этого составилась книга, въ коей были бы ясно изложены оба періода сего дѣла. Прошу Васъ наблюсти за собираніемъ сихъ документовъ; мнѣ кажется, кромѣ того, необходимымъ присоединить кой-какія замѣчанія въ видахъ поясненія, какимъ именно образомъ былъ открытъ первый заговоръ, какъ этому дѣлу не было дано хода и, какъ, наконецъ, обнаруженъ былъ второй заговоръ. Засимъ молю Бога принять васъ подъ свой святой покровъ.

$\frac{1}{12}$ ноября 1812 года".

Подписано: Наполеонъ.

Lettre de l'Em-pr Napoléon à Cambacérès.

Mon cousin, j'ai reçu vos lettres du 25 et du 26. Je Vous ai déja fait connaître ma satisfaction de la conduite que Vous avez tenue dans toutes ces circonstances, je ne puis que Vous le réitérer. Je partage Votre manière de voir sur Rabb et Lamotte. Je suppose que le Préfet Frochat m'aura écrit sur le bruit qui a couru sur son compte. J'attends sa lettre pour me prononcer. Je crois avoir fait connaître au Ministre de la Guerre que le Régiment de Paris et la 10-me Cohorte devaient être envoyés à l'armée. Je ne prends aucun decrêt, j'attends les pièces de la procédure, je ne prononcerai que quand je connaitrai l'affaire à fond. J'ai écrit au Ministre de la Police

d'arrêter tous les brigands subalternes *civils* qui ont déjà été compromis dans ce complot, il y a 4 ans et que je crois avoir été relachés depuis, par une indulgence malentendue. Vous ne devez pas manquer de faire connaître aux Comtes *Tracy* et *Garat* que leur nomination à ce Gouvernement provisoire ne dit certainement rien contre eux; mais que ce n'est pas un titre d'honneur; qu'il faut qu'ils ayent paru indisposés contre le gouvernement et qu'ils se soyent permis des propos équivoques pour que ces misérables aient cru pouvoir compter sur eux. Mon intention est que toutes les pièces soyent imprimées et qu'il n'y ait rien dans cette affaire que le public ignore. Je désire que l'on y ajoute les pièces relatives à ce qui s'est passé il y a 4 ans; qu'on y mette les interrogatoires qu'a fait dans ce tems le Préfet de Police, le Rapport général que m'a fait le Ministre de la Police et enfin la décision du dernier Conseil qui a mis Mallet dans une maison de Santé. Je désire que tout cela forme un volume où cette affaire se trouve parfaitement éclaircie dans ces deux periodes. Je vous prie de surveiller la réunion de ces pièces; il me parait même nécessaire d'y ajouter quelques observations, qui fassent connaître comment le premier complot a été découvert; comment il n'y a pas été donné de suite, et enfin le second. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait en sa sainte et digne garde. Smolensk le 11 Novembre 1812. Signé Napoléon.

№ 5. Письмо военному министру.

„Господинъ горцогъ Фельтръ, я получилъ письма ваши отъ 25 и 26 октября; вполнѣ одобряю дѣйствія ваши по отношенію къ полковнику Раббу и генералу Ламотту. Подъ какимъ бы то ни было предлогомъ не выпускайте ни того, ни другого изъ тюрьмы, не донеся мнѣ объ этомъ и до полученія моего по этому предмету рѣшенія.

Сказанное вами о поведеніи префекта Парижскаго весьма меня удивляетъ: я дождусь документовъ по этому дѣлу, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры. Я уже объявилъ мои намѣренія относительно Парижскаго полка и 10-й когорты. За симъ молю Бога оградить Васъ своимъ святымъ покровомъ. Смоленскъ 11 ноября 1812 года“.

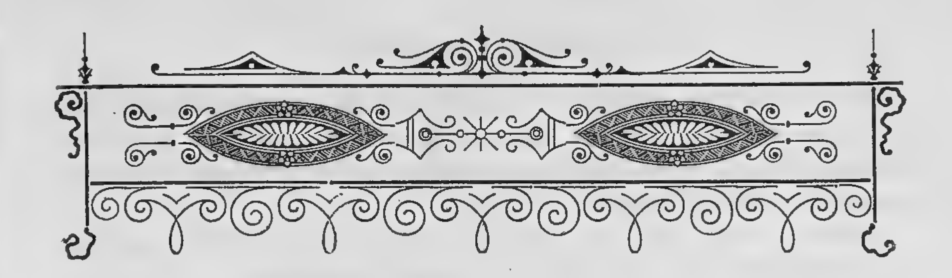
Lettre de l'Empr. Napoléon au Ministre de la Guerre.

M-r le Duc de Feltre, j'ai reçu vos lettres du 25 et 26 Octobre. J'approuve parfaitement votre conduite à l'égard du Colonel Rabb et du G-al Lamotte. Sous quelque prétexte que ce soit, ne laissez sortir ni l'un ni l'autre de prison, jusqu'à ce que vous m'en ayez rendu compte et que j'aie donné une décision. Ce que Vous me dites de la conduite du Préfet de Paris m'étonne. J'attendrai les pièces de cette affaire pour prendre des mesures. Je Vous ai déjà mandé quelles étaient mes intentions sur le régiment de Paris et la 10-me cohorte. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait en sa sainte garde. Smolensk 11 Novembre 1812. Signé Napoléon.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Д. А. Скалонъ[1].

Въ 1849 году, зимою, красавица сестра, Милочка, простудилась и получила третье воспаленіе легкихъ, которое перешло въ скоротечную чахотку. Христіанъ Андреевичъ протянулъ ея жизнь на четыре мѣсяца, но она не выдержала и скончалась въ іюнѣ.

Въ маѣ мы переѣхали въ Ораніенбаумъ. Сестра была очень плоха. Папа возвращался изъ Ораніенбаума на пароходъ въ Петергофъ. Это было 23 мая. Проѣзжая ворота, онъ встрѣтилъ фельдфебеля л.-г. Волынскаго полка, который ему отдалъ честь. Поднялась непогода съ снѣжнымъ вихремъ. Отецъ поднялъ капюшонъ на голову. Затѣмъ потерялъ сознаніе. Какъ оказалось, извощикъ наткнулся на встрѣчный возъ, опрокинулъ дрожки, и отецъ, будучи закутанъ, упалъ и ударился головою о камень. Извощикъ такъ испугался, что удралъ. Произошло это у Мартышкина, версты за двѣ отъ Ораніенбаумскихъ воротъ. Крестьяне въ Мартышкинѣ видѣли, что кто-то лежитъ безъ движенія на шоссе, но боялись подойти. Папа лежалъ такимъ образомъ за мертваго до прихода фельдфебеля, который сталъ приводить его въ чувство и доставилъ въ Ораніенбаумъ. Онъ уложилъ отца въ гостиницѣ и привелъ полкового врача. Благодаря распорядительности фельдфебеля, отецъ былъ спасенъ, но пришелъ въ сознаніе только черезъ сутки.

Едва отецъ поправился, какъ скончалась сестра Милочка, послѣднія слова ея были: „Оставьте, оставьте, меня! Дайте умереть". Она была необыкновенно красива. Еще въ началѣ болѣзни отецъ хотѣлъ снять съ нея портретъ, но она не позволила, сказавши: „Когда я выздоровлю". Фотографіи еще не было и черты ея сохранились у насъ только въ силуэтѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г., сентябрь.

Не весело было и въ Георгіевскѣ. Мы очень любили сестру. Въ особенности же сестра Каролина Антоновна, которая все время съ графиней Анной Егоровной не отходили отъ больной. Милочка очень истомилась за это время.

Зимою 1847 года 24 октября родился братъ Георгій Антоновичъ [1]). А 29 іюня 1849—братъ Павелъ Антоновичъ.

Послѣднее событіе привело насъ на лѣто опять въ Ораніенбаумъ. Но осенью мы снова были въ Георгіевскѣ, гдѣ мы себя чувствовали какъ бы въ земномъ раю. Большею часть мы ѣздили на долгихъ, ночуя въ Федоровскомъ, гдѣ, если насъ провожала Марья Егоровна, доводилось иногда останавливаться на нѣсколько дней. Мы не очень любили этихъ поѣздокъ, потому что отъ всей мызы вѣяло чѣмъ-то мрачнымъ и окрестности отличались скучнымъ однообразіемъ березоваго лѣса и совершеннымъ отсутствіемъ воды, которая появлялась на свѣтъ Божій только изъ колодцевъ. Въ самомъ домѣ былъ съ удобствомъ меблированъ только нижній этажъ: зало съ бильярдомъ и видами окрестностей Неаполя, съ неизмѣннымъ изверженіемъ Везувія, гостиная, спальни, столовая. Воспоминаніе о столовой вызываетъ во мнѣ представленіе о необыкновенно вкусномъ формшакѣ, который приготовляла привѣтливая старушка-экономка, единственное лицо, находившееся въ противорѣчіи со всѣмъ остальнымъ Федоровской мызы.

Въ одно лѣто какъ-то чаще обыкновеннаго останавливались въ Федоровскомъ, въ томъ числѣ и намъ довелось остановиться на нѣсколько дней. Мы ѣхали въ Марьей Егоровной. Ходили слухи, что въ домѣ совсѣмъ стало нечисто, или какъ принято говорить по-нѣмецки es spukte. Всѣ знали, что малѣйшій шумъ въ пустыхъ комнатахъ верхняго этажа разносился по всему дому, а тутъ дворовые стали разсказывать шепотомъ, что по ночамъ подымается въ домѣ такая возня, что и на дворѣ слышно. Охотно вѣря этимъ разсказамъ, мы очень боялись и, когда ложились спать, то всякій шорохъ мышенка или летучей мыши, залетѣвшей съ вечера и бившейся по потолку, наводилъ на насъ ужасъ. Прошла недѣля, и мы уже стали похрабрѣе и даже рисковали подъ вечеръ забѣгать во второй этажъ, забавляясь разносившимися по комнатамъ громкими звуками нашихъ голосовъ.

Пребываніе наше затягивалось. Однажды ночью мы проснулись отъ необыкновеннаго шума. Что-то непонятное громыхало, грохотало, возилось и разбивалось въ верхнемъ этажѣ. Затѣмъ все затихло.

---

[1]) Нынѣ генералъ-губернаторъ и командующій войсками Варшавскаго округа.

На слѣдующую ночь шумъ повторился гораздо слышнѣе, мы вскочили съ постелей и сбились въ кучу. Тетушка Марья Егоровна въ ночномъ костюмѣ вышла со свѣчей, не говоря ни слова, отправилась вверхъ по лѣстницѣ, за ней пошла съ блѣднымъ вытянутымъ лицомъ ея горничная.

„Петрушка, выходи!“ раздался съ лѣстницы повелительный голосъ Марьи Егоровны: „Петрушка, выходи, Катя сходите за управляющимъ“. Все очарованіе разрушилось какъ-бы по мановенію жезла добраго Финна. Лакей Петрушка появился съ чердака и на утро получилъ должное угощеніе.

Дѣло въ томъ, что Петрушка, пользуясь дурной славой, ходившей по всей окрестности о нечисти въ домѣ, началъ потѣшаться сначала надъ дворней, а потомъ, поощренный успѣхомъ, въ видахъ частыхъ посѣщеній господъ и проистекавшей отъ этого необходимости прислуживать, вмѣсто прогулокъ по лѣсу за грибами, задумалъ попробовать напугать и господъ, чтобы перестали на продолжительное время останавливаться. Въ этихъ видахъ Петрушка набилъ разныхъ черепковъ въ корзину, насыпалъ гороху въ мѣдный чайникъ, все это съ пустыми кувшинами навязалъ на веревку и, спустивши свой импровизованный инструментъ по лѣстницѣ съ чердака, проносился съ нимъ по всѣмъ комнатамъ втораго этажа и скрывался на чердакѣ.

Хотя вся эта исторія насъ очень потѣшила, но впечатлѣніе испытаннаго страха было все-таки настолько велико, что дурная слава дома между нами нисколько не пострадала. По логикѣ нашихъ людей, Петрушка творилъ чудеса самъ по себѣ, а привидѣнія и нечисть сами по себѣ.

По совѣту Христіана Андреевича обыкновенно лѣтомъ насъ возили на шесть недѣль на морскія купанья. Послѣ Ораніенбаума стали ѣздить на Эстляндское побережье Меррекюль. Въ то время устройство дачъ было очень примитивно, въ Меррекюлѣ было ихъ только нѣсколько и очень маленькія. Въ нанятой нами дачѣ помѣщались бабушка графиня Сиверсъ, старшія и малыя дѣти, а всѣ остальные спали или въ сараяхъ, или въ экипажахъ, которые стояли вокругъ дачи. Мы очень любили эти поѣздки, проводя цѣлый день на побережьѣ.

Кромѣ нашихъ семействъ Скалоновъ, Криднеровъ, пріѣзжали изъ Лифляндіи Берги съ тремя сыновьями и дочерьми. Провизія въ изобиліи привозилась изъ Георгіевска, а въ самомъ Меррекюлѣ изобильно ловилась вкусная камбала, которая современемъ, какъ мнѣ разсказывали потомъ рыбаки, совершенно изчезла. Она очень вкусна въ ухѣ, а въ особенности свѣже-копченая. Для этого мы

разводили на берегу огонь и вторично, пока купались, прокапчивали ее въ густомъ дыму зеленыхъ вѣтокъ сосны.

Между тѣмъ... между тѣмъ, время шло чередомъ, и я совсѣмъ упустилъ разсказать, какъ меня посадили за науку. Читать я выучился еще до второго брака папà, когда мы жили подлѣ арки. Учился я по „Елкѣ", и никакого мученія грамота мнѣ не доставляла. Такъ же легко я выучился читать по-нѣмецки и по-французски, когда мы зажили новымъ домомъ въ главномъ же штабѣ, противъ площадки Зимняго дворца. Но тутъ матушка взяла для насъ съ сестрой Ольгой гувернантку изъ воспитанницъ Павловскаго института, м-мъ Симонову.

Капризная, безтолковая,—она достигла того, что я озлобился на всякое ученіе. Съ своей стороны, она, должно быть, меня тоже возненавидѣла и не пропускала случая насолить. Матушка Юлія Егоровна была въ отъѣздѣ изъ Георгіевска, а у насъ гостила сестра моей родной матери тетушка Агнеса Григорьевна. М-мъ Симонова достигла того, что меня, какъ неисправнаго лѣнтяя, за незнаніе испанскихъ рѣкъ и сіерръ—выпороли россійскою березою. Очень меня это обидѣло, и я глубоко возненавидѣлъ свою наставницу, которая за эту продѣлку разссорилась съ моими заступницами, старшими сестрами. За обѣдомъ съ той поры я рѣдко ѣлъ всѣ блюда, но зато съ лихвою нагонялъ недополученное или наверху у сестеръ, или въ коморкѣ за кухнею у добрѣйшаго повара Петра Николаевича, которому сообщали о моихъ лишеніяхъ наша прислуга: Христіанъ и Митрій.

Зимою ученье мое совсѣмъ хромало, кромѣ французскаго языка, которымъ я началъ заниматься у швейцарки M-lle Amulie Monot. Мы съ ней дружили. Она добродушно понюхивала табачекъ, а я преуспѣвалъ въ вербахъ и особенно въ разговорѣ.

Въ свободное время я зачитывался подаренными мнѣ книжечками: — крестовые походы и сказки для дѣтей изъ тысячи и одной ночи.

Однажды для насъ взяли ложу въ Императорскомъ циркѣ, давали „Жако-Бразильскую обезьяну", въ которой отличался любимецъ публики клоунъ Віоль. Мы уже были одѣты, чтобъ ѣхать, какъ M-me Симонова ехидно объявила: „Митю не слѣдовало бы брать—онъ упорно лѣнится и не готовитъ уроковъ". Мамаша Юлія Егоровна была строга и, обратившись ко мнѣ, рѣшительно объявила: „Въ такомъ случаѣ раздѣвайся. Ты останешься дома и приготовишь невыученный урокъ". Я былъ ужасно огорченъ и окаменѣлъ отъ жестокости, неожиданности и наказанія. Всѣ ухали. Я пошелъ въ гардеробъ и изрѣзалъ юбку Симоновой. За меня вступились сестры,

и мнѣ это обошлось даромъ, а главное, батюшка рѣшилъ окончить женское воспитаніе, отпустить гувернантку и отдать меня въ корпусъ.

До поступленія въ корпусъ, мнѣ была предоставлена полная свобода, продолжалось это съ октября до конца года. За это время я много прочелъ разныхъ книгъ и въ томъ числѣ: Иліаду—Гомера, Айвенго—Вальтеръ-Скота и Исторію Крестовыхъ походовъ—Мишо.

Батюшка былъ товарищемъ Якова Ивановича Ростовцова по Пажескому корпусу, который былъ на нѣсколько лѣтъ старше отца. Обратившись съ просьбою о моемъ опредѣленіи въ Пажескій корпусъ, на вопросъ Якова Ивановича: „а онъ у тебя способный?“ батюшка отвѣчалъ: „способный“. „Такъ я тебѣ совѣтую отдать его въ 1-й корпусъ; онъ здѣсь будетъ лучше учиться, и я за нимъ посмотрю. А относительно выпуска въ гвардію не безпокойся. Будетъ учиться—ничего не потеряетъ“.

Въ январѣ 1852 года батюшка повезъ меня въ корпусъ и сначала представилъ директору Оресту Семеновичу Лихонину. Это былъ сухой и безсердечный человѣкъ, но корпусъ держалъ въ большомъ порядкѣ.

Черезъ нѣсколько дней я былъ опредѣленъ и назначенъ въ неранжированную роту. Батюшка опять повезъ меня въ корпусъ. Мы вошли черезъ парадный подъѣздъ въ бывшемъ Меншиковскомъ дворцѣ. Поднялись по дубовой старинной лѣстницѣ, безконечнымъ корридоромъ дошли до общей сборной залы, которая показалась мнѣ пустынею; у меня упало сердечко, и я боязливо хватился за руку папà. „Что ты, Митя? Не робѣй, развѣ твои крестоносцы-рыцари боялись? Учись и веди себя хорошенько, будешь доволенъ и полюбишь твой корпусъ“. Я подбодрился.

Ротный командиръ, капитанъ Сухотинъ, обласкалъ меня. Рота сидѣла въ классахъ. Отецъ простился со мной, благословилъ и уѣхалъ.

Жутко было. Но я крѣпился. Меня посадили во 2-й приготовительный классъ, такъ какъ половина курса была пройдена, и мнѣ было бы трудно успѣвать въ 1-мъ общемъ. Благодаря этому обстоятельству, я не боялся уроковъ, тѣмъ болѣе, что познанія мои во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ были выше товарищей. Страшилъ меня только учитель ариѳметики Звѣрзинъ. Это былъ своего рода типъ: худой, рябой, съ прическою кокомъ, во фракѣ съ пуговицами, онъ не спрашивалъ обыкновеннымъ голосомъ, а какъ-то рычалъ и при малѣйшемъ замедленіи въ отвѣтѣ насупливалъ брови и молча ставилъ единицу, двойку, или тройку, въ зависимости отъ общихъ познаній ученика.

Кадеты опасались этихъ балловъ, потому что по субботамъ всѣ классы обходилъ инспекторъ А. Я. Кушакевичъ и приглашалъ къ себѣ на чаекъ. Кушакевичъ былъ хохолъ, хорошій математикъ, дружилъ съ Остроградскимъ и любилъ поговорить. Въ другіе дни мы радовались его приходу, потому что, понюхивая табакъ, онъ не останавливаясь говорилъ до перемѣны, ну, а по субботамъ бѣдные лѣнтяи терпѣть его не могли. Онъ обучалъ великаго князя Николая Николаевича и Михаила Николаевича, въ обращеніи съ кадетами былъ простъ и привѣтливъ, но любилъ пороть. Должно быть, потому, что торжественная обстановка и вызываемыя сильныя ощущенія возбуждали въ немъ потоки излюбленнаго краснорѣчія.

Были кадеты, которые не боялись розогъ и, какъ спартанцы, переносили ихъ въ нѣмую. Товарищи къ нимъ относились съ уваженіемъ и на нихъ розги не налагали позора. Были и такіе молодцы, которые не давали себя сѣчь. Такъ Арнольдъ бросился изъ галлереи 2-го этажа и переломилъ ногу, а Крейтеръ въ Неву, но его успѣли вытащить.

Утреннюю зорю били въ $5^1/_2$, въ 6 строились къ осмотру и послѣ молитвы шли къ столу. Пили сбитень съ булкой. Въ 7 садились готовиться къ урокамъ въ классы. Въ 8 приходили учителя. Въ двадцать пять минутъ десятаго барабанъ означалъ перемѣну на 10 минутъ; выбѣгали на плацъ или въ садъ; въ 11 оканчивались утреннія занятія; получали ломтикъ хлѣба съ солью; черезъ полчаса отправлялись на строевое ученье, гимнастику, или въ танцклассъ; въ половинѣ второго переодѣвались въ новое платье; производилась стойка по кроватямъ, т. е. вытягивались по правую сторону кроватей. Послѣ стойки до обѣда давалась первая рекреація на $^3/_4$ часа. Во время стойки насъ обходило высшее начальство—командиръ баталіона полковникъ Малевичъ или директоръ.

Въ эти же часы пріѣзжалъ Государь Императоръ Николай Павловичъ или Цесаревичъ. У меня, какъ поступившаго въ январѣ, еще не было погоновъ; въ первый же пріѣздъ Государь, обходя роту, остался недоволенъ стойкою нѣкоторыхъ кадетъ, въ особенности дурно стоялъ одинъ изъ дневальныхъ кадетиковъ, а былъ онъ, какъ всѣ должностные, въ погонахъ. Государь, обходя роту, выражалъ Свое неудовольствіе: „Это что за стойка", раздавался Его громкій голосъ, „развѣ это стойка? развѣ можно награждать погонами при такой выправкѣ?" При этомъ Онъ указывалъ на кадетъ, которые неправильно стояли. Поровнявшись со мною, Государь указалъ: „Вотъ стойка!" Помню Его строгое лицо, конно-гвардейскій сюртукъ и заплаты подъ мышкой и на сапогѣ. Государь отбылъ и въ знакъ неудовольствія не распустилъ насъ.

Послѣ отбытія началась переборка. „Отчего это у Скалона нѣтъ еще погонъ?“ спросилъ директоръ, „развѣ онъ плохо учится, или дурно себя ведетъ?“—„Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Превосходительство“, отвѣтилъ нашъ новый ротный капитанъ Михаилъ Яковлевичъ фонъ-деръ-Вейде, „онъ прекрасный мальчикъ“. „Такъ нашейте ему сейчасъ же погоны“. Я былъ ужасно обрадованъ, въ особенности отличіемъ самого Государя Императора и съ гордостью посмотрѣлъ на новое украшеніе моей куртки. Но . . . . . . баталіонный командиръ приказалъ меня нарядить постояннымъ дневальнымъ отъ 11 до 4-хъ, т. е. на время возможныхъ посѣщеній, для того, чтобы было благопріятно первое впечатлѣніе, такъ какъ дневальные стояли у входныхъ дверей въ роту, и это до слѣдующаго пріѣзда Императора, т. е. ежедневно отъ 11-ти часовъ и до 4-хъ. Это было почетно, но утомительно и лишало меня рекреацій, вынуждая ходить въ аммуниціи и съ каской.

Вечерніе классы съ перемѣною въ 10 минутъ оканчивались въ 7 вечера. До 8-ми мы были свободны и рѣзвились въ большой залѣ съ портретомъ нашей основательницы Императрицы Анны Іоановны. Позднѣе при Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ въ этой залѣ засѣдала комиссія Я. И. Ростовцева по освобожденію крестьянъ.

Отъ 8-ми до 9-ти готовили уроки. Въ 9-ть ужинали; въ 10 весь корпусъ спалъ.

Сообщилъ Д. А. Скалонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Горячка отъ Высочайшей похвалы.

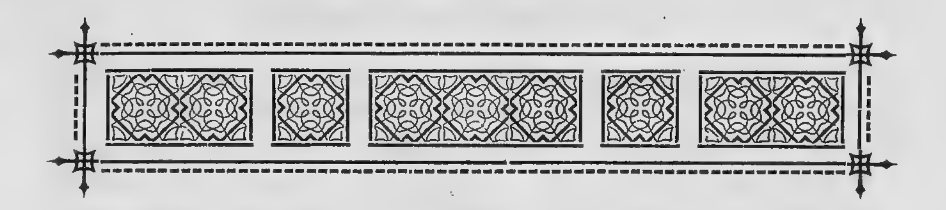
Императора Павла I, весьма ревниво относившагося къ плацпараднымъ тонкостямъ и сурово наказывавшаго за малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи, очень боялись солдаты. Нижеприведенный эпизодъ очень колоритно обрисовываетъ эту боязнь государя нижними чинами, изъ которыхъ съ однимъ сдѣлалась даже горячка отъ одной неожиданной встрѣчи съ Государемъ, не взирая на то, что онъ удостоился при этой встрѣчѣ высочайшей похвалы.

По разсказу кавалергарда В. Б. Длотовскаго, сохранившемуся въ семейныхъ воспоминаніяхъ, однажды наканунѣ вахтъ-парада онъ, волнуясь изъ-за предстоявшаго смотра, продѣлывалъ ружейные пріемы, одѣтый въ рейтузы и чистое бѣлье. Товарищъ его командовалъ. Когда онъ взялъ ружье на караулъ, въ помѣщеніе внезапно вошелъ Павелъ Петровичъ. Государь спросилъ: „что дѣлаете, судари мои?“ Длотовскій съ испуга ничего не отвѣчалъ, а товарищъ его, сохранившій присутствіе духа, отвѣчалъ: „служимъ вашему величеству и упражняемся въ ружейныхъ пріемахъ“. Государь внимательно осмотрѣлъ стойку Длотовскаго и сказалъ: „хвалю!“ Выходя же изъ помѣщенія, государь обернулся и снова проговорилъ: „еще хвалю!“ Длотовскій долго оставался въ оцѣпенѣломъ состояніи и не могъ отвѣчать на вопросы товарища. Разстроеннымъ онъ легъ спать, но ночь провелъ безъ сна и чувствовалъ себя нездоровымъ. Вахтъ-парадъ прошелъ весьма удачно, но по возвращеніи въ казармы Длотовскій, окончательно разболѣвшійся, былъ отправленъ въ госпиталь. На третій день Государь спросилъ шефа кавалергардовъ: „чѣмъ боленъ мой усердный кавалергардъ?“ Отвѣтъ былъ кратокъ и вразумителенъ: „находится въ горячечномъ состояніи“. Черезъ нѣкоторое время, на новый запросъ Государя о здоровьѣ Длотовскаго, было доложено: „плохо, ваше величество, доктора не надѣются на скорое выздоровленіе, потому что петербургскій климатъ вреденъ для Длотовскаго“. Длотовскій былъ переведенъ послѣ этого въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ.

Такъ дорого обошлось для Длотовскаго посѣщеніе Государя, который, даже и при милостивомъ обращеніи съ нижними чинами, былъ окруженъ для нихъ такимъ ореоломъ суровости, что они впадали въ горячку.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Изъ исторіи масонской ложи Палестины.

Ces voutes sacrés ou le prestige n'existe pas, où l'homme parait tel qu'il est, or la Richesse et la Puissance ne sont point une recommandation...

На закатѣ вѣка Екатерины масонскія ложи, одна за другой, закрыли свои работы, но, возвѣщая о закрытіи ложъ, братья-начальники выражали увѣренность, что масонство въ Россіи возобновится съ новою силою, когда къ тому будутъ благопріятныя времена. „Тогда—говорили они,—ложи вновь откроютъ двери свои вѣрнымъ братьямъ, тѣмъ братьямъ, которые въ годины испытаній останутся вѣрны истинному духу священнаго Ордена". Братья — высокіе начальники, хорошо знали, что масонство пустило слишкомъ глубокіе корни, что корни пробились чрезъ многіе слои общества и что вырвать масонство съ корнемъ, сразу, формальнымъ запрещеніемъ производить масонскія работы, невозможно.

И дѣйствительно, много было такихъ братьевъ, сохранившихъ духовные масонскіе завѣты и масонскіе вещественные знаки въ ожиданіи лучшихъ дней, которые и наступили съ воцареніемъ Императора Александра I-го. Въ первые же годы царствованія Александра Павловича начали открываться масонскія ложи, нарождались новыя и возобновлялись старыя; кругъ адептовъ священнаго Ордена масоновъ сильно увеличился, дѣятельность братьевъ-каменщиковъ сдѣлалась извѣстной обществу и возбудила толки; проповѣдь масонства такими людьми, какъ сенаторъ Лопухинъ, или извѣстный мистикъ Лабзинъ, не могла остаться непримѣченной; секта, по выраженію графа Ростопчина, „подняла голову", и въ 1810 году правительство нашло своевременнымъ обратиться къ начальникамъ масонскихъ обществъ чрезъ посредство министра

полиціи для затребованія масонскихъ актовъ, т. е. всѣхъ законовъ, правилъ и постановленій, которыми руководствовались масоны. Въ письмѣ министра полиціи къ начальникамъ, написанномъ въ августѣ 1810 года, причина вмѣшательства правительства въ масонскія дѣла изъясняется такъ: „Начальникамъ существующихъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) масонскихъ обществъ извѣстно, что правительство, зная ихъ существованіе, не полагало никакихъ препятствій ихъ собраніямъ. Со своей стороны и общества сіи заслуживаютъ ту справедливость, что доселѣ не подавали они ни малѣйшаго повода къ какому-либо на нихъ притязанію. Но неосторожностію нѣкоторыхъ членовъ, взаимными ложъ состязаніями и нѣкоторою поспѣшностію къ расширенію ихъ новыми и непрестанными принятіями, бытіе сихъ обществъ слишкомъ огласилось. Изъ тайныхъ они стали почти явными и тѣмъ подали поводъ невѣжеству или злонамѣренности, къ разнымъ на нихъ нареканіямъ. Въ семъ положеніи вещей и дабы положить преграду симъ толкованіямъ, правительство признало нужнымъ войти подробнѣе въ правила сихъ обществъ и удостовѣриться въ тѣхъ основаніяхъ, на коихъ они могутъ быть терпимы или покровительствуемы“ и т. д. [1]).

Одною изъ ложъ, представившихъ вслѣдствіе этого письма акты свои административнымъ властямъ, была ложа Палестины. Ложа Палестины, открывъ свои работы 4 марта 1810 года, просуществовала вплоть до закрытія ложъ въ 1822 году.

Въ 1810 году о ложѣ Палестины министръ полиціи [2]) собралъ такого рода свѣдѣнія: „ложа Віельгорскаго, подъ названіемъ Loge de la Palestine, не имѣетъ никакихъ особыхъ правилъ, а работаетъ по системѣ Жеребцова (французской), членовъ 75“. Система Жеребцова (управлявшаго ложею Соединенныхъ друзей), по мнѣнію министра полиціи, не заключала въ себѣ ничего предосудительнаго, такъ какъ состояла изъ однѣхъ церемоній: „ученія мало и предмету никакого“; въ таковомъ мнѣніи министръ особенно былъ укрѣпленъ признаніями двухъ управляющихъ мастеровъ масоновъ— А. А. Жеребцова и М. Ю. Віельгорскаго, признававшихся, что имъ самимъ будто бы неизвѣстна истинная цѣль масонства и что въ ложахъ, состоящихъ подъ ихъ властью, не знаютъ никакой масонской тайны и всѣ работы сводятся къ выполненію всевозможныхъ

---

[1]) Моск. Р. М. № 2. Сборникъ всевозможныхъ масонск. бумагъ; между прочимъ, Пыпинъ заимствовалъ и отсюда свѣдѣнія для своихъ матеріаловъ для исторіи масонскихъ ложъ („Вѣстникъ Европы“).

[2]) Интересно отмѣтить, что министръ полиціи Балашевъ самъ числился въ спискахъ □ Соед. Друзей, гдѣ имѣлъ степень Рыцаря Востока въ 1810 году.

церемоніаловъ и къ творенію добра несчастнымъ, бѣднымъ и страждущимъ братьямъ по человѣчеству. Признавая за масонами ложи Палестины „добродѣтель человѣколюбія", министръ однако питалъ сомнѣніе, чтобы ложа, ограничившая свою дѣятельность выполненіемъ пустыхъ обрядовъ, долго могла просуществовать, и полагалъ, что она или превратится въ мѣсто для пировъ или въ разсадникъ опасныхъ ученій, если попадетъ въ соотвѣтствующія руки, или же въ питомникъ добродѣтелей, если власть окажется въ рукахъ человѣка достойнаго. Вѣроятно вслѣдствіе такого рода сомнѣній, акты ложи Палестины не были ей возвращены до октября 1811 года, и ложа хлопотала у министра народнаго просвѣщенія Разумовскаго о дозволеніи возобновить пріостановленные годъ съ лишнимъ пріемы въ ложу и просила вернуть акты. Письмо датировано 8 октября 1811 года, однако существуетъ списокъ съ масонской рѣчи, произнесенной въ ложѣ Палестины на французскомъ языкѣ [1]) въ 11-тый день 7-го мѣсяца, изъ чего слѣдуетъ, что лишь пріемы новыхъ членовъ были прекращены во время разсмотрѣнія правительственной властью актовъ, обыкновенныя же собранія братьевъ ложи продолжались. Эта рѣчь интересна еще и въ другомъ отношеніи: она показываетъ настроеніе братьевъ въ отношеніи правительства. Приведу нѣсколько отрывочныхъ строкъ изъ этой рѣчи, наиболѣе характерныхъ: „Alexandre n'emploit pas d'autre joug pour ses peuples que le penchant qui entraine vers lui tous les coeurs. Sa puissance est dans l'amour de ses sujets, dans le bonheur dont ils jouissent sous son gouvernement paternel". „Les querelles des grands de la terre entrainent toujours la ruine des petits, c'est dans ces temps desastreux qu'il faut elever des temples à la Charité". „Quoique la Russie soit un des pays les plus eloignés du thèatre de la guerre, malgré tous les soins philantropique de son gouvernement. Des lettres de divers endroits de cet Empire annoncent les détails les plus affligeants sur les ravages que le feu a causé dans les villes les plus florissantes". „Une femme ornement de son sexe autant par ses vertus que par sa beauté, vient d'ouvrir une souscription en faveur des malheureuses incendiés". „Je me contente de vous dire que cette souscription se fait de la connaissance du gouvernement et qu'elle nous présente une belle occasion de signaler nos sentiments maçonniques et notre devouement au pays qui tolère nos travaux Partici-

---

[1]) Ложа Палестины имѣла особый сборникъ пѣсней на франц. языкѣ; пѣсни были положены на музыку: Cantique de la loge St. Jean de la Palestine, O. de St. Petersbourg, dedié au T. R. et. T. J. G. M. F. Duc de Wurtemberg par les FF. de Messence, auteur des paroles, et A. Boildieu, auteur de la musique. A. Jerusalem.

pcs de tous nos moyens à cette souscription mes frères, n'est ce point embellir la fête que nous celebrons aujourd'hui. N'est ce point rendre hommage à notre bon Souverain d'une manière digne de lui et de nous".

Я привела выдержки изъ рѣчи по рукописному французскому подлиннику потому, что хотя русскихъ членовъ ложи Палестины и было не мало, однако, производя работы по французскимъ актамъ, всѣ рѣчи произносились по-французски, и лишь въ 1813 году совершилась знаменательная перемѣна въ этой ложѣ—въ ней начались масонскія работы по-русски. 1813 годъ сдѣлался эпохой въ жизни ложи Палестины: исполнилось страстное желаніе многихъ братьевъ, и ложа Палестины стала производить часть своихъ работъ на русскомъ языкѣ, продолжая работать также и на французскомъ. Инсталлація ложи на русскомъ языкѣ совершилась 12-го мѣсяца [1]) въ 23-й день въ присутствіи Великаго мастера графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, намѣстнаго мастера Сергѣя Степановича Ланского, перваго надзирателя Грушецкаго, второго надзирателя Егорова и другихъ братьевъ, которые собрались къ 7 часамъ по полудни и ложа была открыта, какъ значится въ протоколѣ, „со всѣми обрядами царственнаго ордена на россійскомъ языкѣ".

Рѣчь, сказанная Великимъ мастеромъ при открытіи ложи, къ сожалѣнію, не сохранилась, но взамѣнъ того сохранились черновики трехъ остальныхъ рѣчей, произнесенныхъ въ этотъ великій въ жизни ложи день; сохраненію этихъ рѣчей мы обязаны масонскимъ постановленіямъ, требовавшимъ, чтобы до произнесенія въ ложѣ какой бы то ни было рѣчи черновикъ ея заранѣе былъ доставленъ мастеру ложи для просмотра, т. е. своего рода цензуры [2]); эти черновики затѣмъ сохранялись въ архивѣ мастера; поэтому въ архивѣ Віельгорскаго нѣтъ его собственной рѣчи, а имѣются рѣчи остальныхъ трехъ ораторовъ.

Первымъ говорилъ рѣчь намѣстный мастеръ С. С. Ланской; вотъ эта рѣчь отъ слова до слова:

„Кто изъ братьевъ Свободныхъ Каменщиковъ могъ бы не возрадоваться, что въ Престольномъ Градѣ дражайшаго нашего Отечества еще въ одной изъ соединенныхъ ложъ открываются работы на

---

[1]) 1-мъ мѣсяцемъ по масонскому счисленію считается мартъ, но въ данномъ случаѣ подразумѣвался декабрь.

[2]) Въ нѣкоторыхъ ложахъ, напримѣръ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, были спеціально назначаемы братья для цензированія рѣчей; такъ, въ 1810 г. 9 числа, 5 мѣсяца цензорами рѣчей были назначены братья О де Сіонъ, Михаилъ Бороздинъ и Карбонье (Карбонье и О де Сіонъ были одни изъ основателей ложи).

любезномъ намъ отечественномъ языкѣ? что есть два дни въ мѣсяцѣ, въ которые хорошій и всякаго почтенія достойный братъ, не знающій иностраннаго языка, можетъ прійти въ храмъ нашъ принести жертву свою на олтарѣ Святаго человѣчества? Какая радость особенно для братьевъ, принадлежащихъ къ ложѣ Палестины, съ начала установленія своего украшавшейся кротостію и смиреніемъ и члены коея всегда отличались искреннимъ между собою согласіемъ и братолюбіемъ. Счастливое знаменіе, подъ коимъ работы сіи пріемлютъ свое начало, обѣщаютъ намъ благословенный успѣхъ! Сегодня всѣ Христіане готовятся къ великому торжеству. Сіе торжество должно быть еще священнѣе для насъ, ибо всякій свободный каменщикъ долженъ быть ревностный исполнитель всѣхъ налагаемыхъ на него должностей духовною и свѣтскою властію.

Но въ чемъ состоитъ истинное, достойное празднованіе великаго торжества? Въ шумныхъ ли бесѣдахъ? въ роскошныхъ ли пиршествахъ? въ забавахъ ли, приличныхъ однимъ во тьмѣ блуждающихъ профанамъ? — Я надѣюсь, почтеннѣйшіе братья, что каждый изъ васъ увѣровалъ, что не въ семъ состоитъ торжество человѣка, котораго непремѣнный долгъ есть стремиться къ совершенству. Одинъ великій мужъ уподоблялъ жизнь человѣческую путешествію, а праздники станамъ, или роздыхамъ, на коихъ останавливаться должно для того, чтобъ воспоминать прошедшее и извлекая изъ него полезные для себя уроки, собирать новыя силы для предлежащаго пути, — и свободно каменщическія □□ суть станы или мѣста отдохновенія. Слѣдственно празднествомъ или успокоеніемъ св. каменщика должна быть истинная и справедливая □.

Когда же такъ, многопочтенные брр.: то возрадуемся нынѣ, ибо мы имѣемъ счастіе быть въ □, которую по правильному расположенію іероглифовъ и работъ можно назвать истинною.

Единомысліе насъ соединило, согласіе да подкрѣпитъ наше соединеніе, которое имѣетъ цѣлью точное и вѣрное исполненіе возлагаемыхъ на насъ должностей клятвою нашею и всѣми свободно каменщическими обѣтами. Таковымъ исполненіемъ докажемъ мы непоколебимую нашу вѣрность ордену и притупимъ жало крамолѣ, всегда старающейся очернить чистѣйшія намѣренія и приписать имъ цѣль вредную и злую. А чтобы не давать повода клеветѣ противъ насъ вооружаться, то постараемся всѣ единодушно быть ревностными и вѣрными исполнителями должностей, духовною и свѣтскою властію на насъ возлагаемыхъ, тогда никакая власть не будетъ имѣть причины порицать насъ и негодовать на насъ.

Если бы мы всегда были скромны, повиновенны, добронравны,

любовны ко всѣмъ человѣкамъ, а паче къ брр., постоянно мужественны, щедро безкорыстны, если бы наконецъ полюбили смерть, т. е. умерщвленіе всѣхъ пороковъ и злыхъ склонностей нашихъ, то какой бы профанъ, или по имени токмо масонъ нашелъ бы случай осуждать и поносить насъ, всѣ таковые оставили бы насъ въ покоѣ. Собственное поведеніе наше было бы нашею апологіею.

Когда наше поведеніе благо, то кто тогда наша защита, какъ не сама Высочайшая благость, предъ коей все и мы первые должны въ благоговѣніи умолкнуть.

При составленіи обыкновенной цѣпи, присоединимся ко звену той таинственной цѣпи, коея концы теряются въ непостигаемой вѣчности! Придержимся, братья, крѣпко звена сего, дабы никакая сила не могла насъ оторвать и вознесемъ въ кротости и смиреніи желанія наши чисто и безкорыстно къ Великому Строителю Міровъ— да благоволитъ родить въ насъ существенно вѣчную Любовь, которая была, есть и будетъ краеугольный камень, на которомъ зиждется духовный храмъ Соломоновъ и Камень Краеугольный всего Святаго Человѣчества“.

Закончивъ рѣчь, братъ С. С. Ланской выслушалъ выраженіе благодарности отъ всѣхъ братьевъ и уступилъ мѣсто другому оратору—витіи ложи, брату Корсакову. Вотъ что говорилъ витія:

„Любезные и почтенные братья.

Открытіе работъ въ сей почтеннѣйшей □ Палестины на отечественномъ нашемъ языкѣ въ таковомъ же точно порядкѣ, въ какомъ уже производятся оныя въ ней на языкѣ иностранномъ, есть происшествіе толь радостное для всѣхъ насъ, единодушно и искренно его желавшихъ, что оно долженствуетъ пребыть для насъ навсегда незабвеннымъ. Незабвеннымъ потому, что счастливое сіе событіе служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, колико премудро Высочайшій и любвеобильнѣйшій Строитель печется о тѣхъ зиждущихъ, кои не имѣютъ и страшатся имѣть иное какое-либо намѣреніе кромѣ того, чтобы стремиться къ образованію на благо сердца и къ истинному просвѣщенію разума по тѣмъ правиламъ, кои толь ясно, удовлетворительно, и премудро изложены въ актахъ истиннаго Св. Каменщичества актахъ, по коимъ сія почтеннѣйшая □ Палестины удостоилась работать.

Чѣмъ же, любезные и почтенные брр., русскіе члены сея □, возможемъ мы доказать, что таковое стремленіе проистекаетъ изъ чистыхъ побужденій, какъ не тѣмъ, чтобы для очищенія желаній отъ порочныхъ страстей, для освобожденія понятія отъ заблужденій и для обузданья чувственныхъ превратныхъ вожделѣній, воспользо-

ваться тѣми средствами, кои свящ. Орденъ съ такою любовью намъ предлагаетъ, имѣя въ виду существенное наше благополучіе, коего ежели мы не обрѣтемъ, то не Орденъ тому виною?

И такъ, когда обильныя средства къ улучшенію нашему намъ предложены и мы по единой милости Господней точно повѣрили, что оныя суть справедливыя и что путь намъ показанный точно къ необманчивому усовершенствованію нашему ведетъ, то остается намъ шествовать съ бодростію и мужествомъ, не совращаясь съ сего истиннаго пути никакими соблазнами, никакими огорченіями, никакими обманчивыми и льстивными видами и благоговѣйно умоляя Всемогущаго Строителя, да поможетъ намъ быть работниками усердными, прилежными, вѣрными и преданными!

А дабы, любезные брр., русскіе члены ея □, намъ таковыми содѣлаться существенно, а не по наружности токмо, то должны мы выше всего поставлять упражненія въ тѣхъ нравственныхъ и общественныхъ добродѣтеляхъ, коихъ теоретическое познаніе жалуется намъ въ ученіи истиннаго масонства. Должны мы оживляться полною довѣренностью и повиновеніемъ къ благодѣтельному для насъ руководству, воспитываться и возрастать въ самой искренней любви ко всему человѣчеству и наипаче къ братьямъ, утверждать дружественную, неразрывную связь, совершенное согласіе и братскую любовь между собой въ особенности, но толико же нелицемѣрно и въ отношеніи всѣхъ почтенныхъ и любезныхъ братьевъ, соединенныхъ съ нами, стараясь во всѣхъ нашихъ поступкахъ являть имъ непритворное наше братское расположеніе, основанное на истинномъ доброжелательствѣ имъ всего лучшаго. Мы должны надѣяться, что и они равномѣрно не престанутъ удостоивать оное таковою же братскою любовью, дабы взаимно помогать другъ другу сооружать въ сердцѣ нашемъ храмъ добродѣтели и таковой же степени совершенства, каковъ былъ храмъ Соломоновъ“ [1]).

Рѣчь брата витіи также была всѣми братьями выслушана съ благодарностію, которая и выражена по масонскому обыкновенію троекратнымъ рукоплесканіемъ.

Присутствующіе посѣтители пользовались правомъ произносить слово, предварительно, конечно, заручившись согласіемъ управляющаго мастера и представивъ ему, какъ выше уже было сказано, черновикъ рѣчи. Во время торжественной инсталлаціи ложи Палестины на русскомъ языкѣ изъ гостей, сказалъ рѣчь только братъ Лукницкій.

---

[1]) Храмъ Соломоновъ у масоновъ считался идеаломъ строительнаго искусства.

„Высокопочтенный Великій Мастеръ, почтенные братья, 1-й надзиратель и вы, почтенные братья, свободные Каменщики,--говорилъ Лукницкій, здѣсь въ „храмѣ“, добродѣтели, премудрости и вѣрѣ посвященномъ, здѣсь, гдѣ каждый изъ насъ оставляетъ всѣ тлѣнности подверженныя вещества, всѣ ослѣпляющіе человѣка призраки, знатность, породу, богатство, чины и прочія химеры, житейское море наше волнующія, обращаемъ всѣ свои помыслы къ благу себѣ подобныхъ, къ вспомоществованію страдающаго человѣчества, къ очищенію себя отъ пороковъ, отъ любимыхъ страстей, отъ невольныхъ и заблужденіемъ вселенныхъ въ сердце наше слабостей. Каждый изъ насъ, созидая въ жизни сей внутренній и духовный храмъ въ сердцахъ нашихъ, готовитъ себѣ ту же участь, которую Великій Строитель міра назначилъ всѣмъ любящимъ его, всѣмъ сынамъ своимъ, кои не забывали законовъ и глаголовъ, премудростью Его намъ изреченныхъ.

Здѣсь собрались мы, любезные братья! Скажите, какое намѣреніе, какая мысль привлекаетъ васъ въ сіе скромное и однѣмъ добродѣтелямъ посвященное мѣсто? Какія надѣетесь вы пріобрѣсти пользы сердцамъ вашимъ, чего ожидаете вы отъ откровенія вамъ высокихъ степеней или почтеннѣйшаго Ордена? Неужели въ семъ единомъ мѣстѣ можете вы обрѣсти званіе мужа добродѣтельнаго, отца семейства, мирнаго гражданина, вѣрнаго подданнаго искренняго друга и попечителя о несчастныхъ намъ подобныхъ?

Ахъ, любезные братья! Сколь просторенъ міръ сей! Неужели нѣтъ въ немъ добродѣтельныхъ, не видѣли ли мы множества достойныхъ отцовъ семействъ, развѣ мало есть мирныхъ гражданъ? Не наполнено ли наше любимое отечество вѣрными подданными или не находимъ въ нуждѣ искреннихъ друзей и никогда не представлялись Вамъ въ обитателяхъ вселенной примѣры человѣколюбія и щедрости?

Такъ! Всѣ сіи высшія достоинства находятся въ мирѣ, но злоба, зависть, праздность, веселіе, алчность къ корыстолюбію и прочіе пороки подавили добродѣтели. Суетныя развлеченія иногда и добродѣтельныхъ подвергаютъ осужденію тѣхъ, кои менѣе ихъ о добродѣтели понятіе имѣютъ; свѣтскія забавы отвлекаютъ часто самаго попечительнаго отца семейства отъ его обязанностей. Шумныя празднества и мирнаго гражданина приводятъ въ искушеніе, сребролюбіе и хитрость ослѣпляютъ глаза главнѣйшимъ подпорамъ отечества, зависть и самолюбіе и изъ искренних друзей творятъ намъ враговъ. Алчная скупость отвращаетъ весьма часто слухъ свой отъ человѣколюбиваго вспомоществованія ближнему. Вотъ, любезные братья, для чего оставляемъ мы на нѣкоторое время коловрат-

ное житіе міра сего и, приходя сюда въ сокровенности тишины и благоговѣнія къ Тріипостасному, научаемся творить добро— Ему, Великому токмо пріятное и намъ истиннымъ свободнымъ каменщикамъ, такъ какъ любимѣйшимъ чадамъ Великаго Строителя Вселенной, толико пріятное. — Воззрите на сегодняшнее собраніе наше и научитесь изъ онаго истинной братской любви связующей всѣхъ каменщиковъ и всѣхъ людей дружбою и любовью другъ къ другу. Вы видите, любезные братья почтенной ложи Палестины, въ коей управляющій Высокопочтенный Великій Мастеръ въ первый разъ держитъ работу оной на нашемъ языкѣ, научитесь и Вы симъ примѣромъ и съ иноплеменными вашими братьями и въ чужестранныхъ находить своего соотчича, и во врагѣ своемъ старайтесь обрѣтать себѣ друга, не осуждайте споткнувшагося на пути своемъ, но исправьте его своими совѣтами, покажите ему примѣръ своимъ снисхожденіемъ, своею любовью, кротостію и великодушіемъ,—таковымъ былъ самъ Великій Мастеръ!

Слѣдуя примѣрамъ Его, безпримѣрнаго, научимся быть добродѣтельными, употребляя съ пользою орудіе, данное намъ въ первой нашей степени очистить отъ всѣхъ грубыхъ и дикихъ наростковъ неотесанный камень и въ жизни нашей получитъ онъ приличную ему правильность, чистоту и полировку, да послужитъ онъ украшеніемъ всему зданію духовному!

Вотъ, любезные братья, главное намѣреніе наше, вотъ та высокая цѣль, для которой, собираясь въ сей священный храмъ, благоговѣемъ мы душевно и пріучаемъ себя къ понесенію работъ однимъ нетлѣннымъ свободнымъ каменщикамъ приличнымъ, и здѣсь забываемъ навсегда мірскія суеты дѣлами духовными. — Благословенъ сей день, сей день, въ который почтенная ложа Палестины, удваивая работы свои, старается о благополучіи нашемъ, печется о просвѣтленіи нашего сердца и разума! Научимся ея примѣромъ, всегда и гдѣ бы то ни было, споспѣшествовать работами нашими столь ревностно, сколь искренные каменщики того желать должны, днесь ограничивая усердіе и благодарность къ высокопочтенному Великому Мастеру такъ, какъ и ко всей почтеннѣйшей сей ложѣ, ниспросимъ съ искреннимъ чувствомъ благоговѣнія у Великаго Строителя міра да подастъ Онъ крѣпость, силу, красоту и единодушіе! Каковое чувствованіе наше заключимъ обыкновенными нашими знаками.

Любезные братья, помогите!“

И брату Лукницкому члены ложи Палестины рукоплесканіями выразили свою признательность за сказанное имъ слово.

Въ протоколѣ отмѣчено, что ложа инсталлаціи закончилась сбо-

ромъ на бѣдныхъ, который былъ предложенъ Великимъ Мастеромъ, съ цѣлью все собранное „отъ щедролюбія и расположенія братьевъ къ оказанію пособія страждущему человѣчеству“ отослать въ тюрьму для раздачи заключеннымъ; Віельгорскій замѣтилъ при томъ, что не ожидаетъ большого сбора за малочисленностію собранія, но что купленный на эти деньги хлѣбъ, доставшійся страждущему несчастливцу, навѣрно будетъ омытъ слезами и рука, подавшая хлѣбъ отъ чистаго сердца и доброй воли, будетъ благословляема.

Сборъ достигъ 47 рублей 50 коп., которые и было поручено раздать въ тюрьмѣ.

Дѣломъ благотворенія кончилось по масонскому обыкновенію и это торжество инсталлаціи, а въ 9½ часовъ вечера Великій Мастеръ на Востокѣ и братъ надзиратель на западѣ ударами священныхъ молотковъ закрыли работы и братья въ числѣ 21 человѣка отпущены съ міромъ. Столовой ложи не было; это являлось исключеніемъ, такъ какъ и въ ложѣ Палестины богатый ужинъ по подпискѣ заканчивалъ всякаго рода работы. Эти ужины, по-масонски—столовыя ложи, зачастую стоившіе большихъ денегъ, несмотря ни на какія увѣщеванія отдѣльныхъ лицъ, желавшихъ совершенно исключить пиршества изъ масонскаго обихода, совершались и въ ложѣ Палестины до послѣдняго времени ея существованія, т. е. до 1822 года, года запрещенія всѣхъ ложъ. Привожу пригласительный билетъ въ ложу Палестины отъ 16-го февраля 1822 года.

Or. [1]: de St. Petersbourg. Le 16 Febrier 1822 г.

T.: R.: et T.: C.: F. [2]:

La R.: □ de la Palestine vous prie d'assister à la fêt anniversaire de sa fondation qui sera celebrée le Samedie 4-me Mars prochain. Les travaux s'ouvriront à 7 heures du soir et serons suivis d'un banquet f.: à 7 roubles.

Билетъ подписанъ по порученію братьевъ ложи секретаремъ братомъ Ліозёномъ (Liausun).

Не только 1813 годъ былъ знаменателенъ для ложи Палестины: въ 1815 году совершилась перемѣна еще значительнѣе, такъ какъ члены ложи порѣшили принять совершенно иную масонскую систему. До 1814 года ложа Палестины числилась въ союзѣ Великой Директоріальной ложи Владимира къ Порядку, но когда Директоріальная ложа утратила свое значеніе и раздѣлила свою власть съ вновь образованной другой великой ложей, возникшей подъ наименованіемъ Астреи, ложа Палестины второю изъ 4-хъ ложъ подпи-

---

[1]) Orient.

[2]) Très respectables et très chers frères.

сала законоположеніе этой новой ложи, извѣстное подъ названіемъ Конституціи великой ложи Астреи.

Установивъ работы на русскомъ языкѣ, члены ложи Палестины ревностно устраивали засѣданія на этомъ языкѣ; это были поучительныя ложи, гдѣ Великій Мастеръ разбиралъ вопросы о существѣ и цѣли масонскаго ордена и значеніи масонской обрядности. По сохранившемуся черновику протокола видно, что такая поучительная ложа происходила въ 7-ой день 1-го мѣсяца 1814 г. Вотъ выдержка изъ этого протокола.

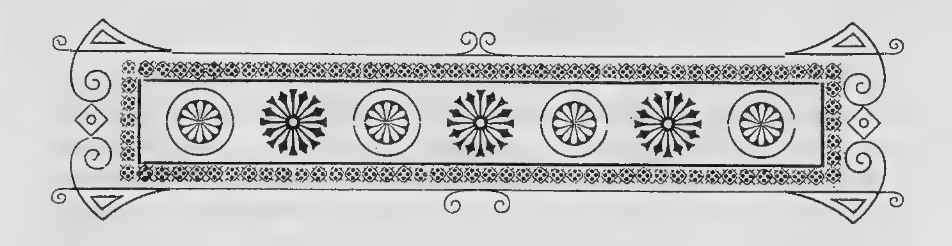
„На востокѣ Санктъ-Петербурга, лѣта истиннаго просвѣщенія 5814-го 1-го мѣсяца въ 7 день при обнаженномъ мечѣ и раскрытомъ святомъ писаніи въ справедливой и совершенной ложѣ Палестины въ присутствіи В. М. брата Велегорскаго, намѣстнаго мастера Ланского, 1-го надзирателя бр. Грушецкаго, 2-го надзирателя бр. Егорова и прочихъ чиновниковъ и членовъ сея почтенныя ложи происходило слѣдующее. Въ 8 часовъ пополудни В. М. на востокѣ открылъ □ поученія св. Іоанна въ ученической степени со всѣми обрядами царственнаго нашего ордена. По совершенномъ открытіи □ бр. секретарь по повелѣнію В. М. читалъ протоколъ предыдущаго собранія, который съ согласія всѣхъ присутствующихъ братьевъ утвержденъ обыкновеннымъ порядкомъ. В. М. дѣлалъ вопросы изъ катехизиса Св. К. бр. 1-му надзирателю, бр. 2-му надзирателю, бр. секретарю, бр. ритору, бр. казначею и бр. обрядоначальнику, на которые они каждый въ свою очередь отвѣтствовали надлежащимъ образомъ. В. М. учинилъ замѣчаніе на вопросъ, сдѣланный имъ 1-мъ надзирателемъ, какія суть побудительныя причины ко вступленію въ Св. К., просилъ присутствующихъ братьевъ обратить ихъ вниманіе на сей вопросъ, изъ котораго В. М. угодно было для пользы брр. въ наставленіе вывесть разсужденіе, что есть побудительныя и побуждающія причины; чрезъ первыя, если онѣ происходятъ изъ чистаго источника, судя по качеству ихъ, вновь принятый бр. получаетъ награду въ орденѣ по мѣрѣ достоинства тѣхъ побудительныхъ причинъ, чрезъ посредство коихъ вступилъ онъ въ масонство,—ежели сіи причины были справедливы и основательны и произошли отъ чистаго источника; одинъ только ищущій, страждущій и достойно требующій обрѣтаетъ въ орденѣ пользу, награду и совершенное успокоеніе за всѣ трудности и страхи, претерпѣнные имъ при вступленіи въ орденъ до того времени, когда чрезъ раскрытое слово живого Бога подаетъ онъ руку В. М., соединитъ кровь свою съ кровью брр., облечется въ новое чистое одѣяніе, научится слову, знаку, прикосновенію и лѣтамъ и признанъ будетъ онъ отъ всѣхъ братьевъ за истиннаго Св. Кам. ученика..... В. М. далъ замѣтить, что наша

□ названа іоанновскою и масоны признаютъ св. Іоанна за покровителя и учредили въ честь его особый праздникъ въ 24 день іюня, ибо, сколько извѣстно изъ преданій, сей покровитель нашъ приводилъ людей къ познанію самихъ себя чрезъ средства, подобныя заключающимся въ актахъ нашихъ".

Въ 1822 г. ложа была запрещена совмѣстно съ общимъ запрещеніемъ масонства въ Россіи.

Тира Соколовская.

Воспоминанія о Севастополѣ.

Не хочется мнѣ помирать, не оставивъ потомству нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ осады Севастополя, защитникомъ коего я имѣлъ честь числиться безъ мала все время этого историческаго момента, покрывшаго неувядаемой славой севастопольскій гарнизонъ. Начну съ генерала Степана Александровича Хрулева. С. А. прибылъ въ Севастополь въ февралѣ мѣсяцѣ и сейчасъ же занялся приведеніемъ въ порядокъ боевого матеріала Карабельной, а позднѣе повѣркой наличности гарнизона этой части города, коего по словамъ С. А., онъ недосчитывался нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, откомандированныхъ весной полковыми командирами на вольные сѣнокосы. Во время осады цѣна на сѣно доходила до небывалыхъ размѣровъ: 2 р. 75 коп. за пудъ! Люди были возвращены, гарнизонъ усилился. С. А., настолько уважалъ храбрыхъ людей, настолько презиралъ трусовъ. Вотъ на выдержку два случая. Послѣ блестяще отбитаго перваго натиска осаждающаго непріятеля, въ ожиданіи повторенія штурма, начальство наше было наготовѣ. На батареѣ Жерве, рядомъ съ Малаховымъ Курганомъ, сгрупировались: С. А., нач. 11-й пѣхотной дивизіи генералъ Павловъ —храбрый (титулъ этотъ Высочайше ему пожалованный за подвиги въ турецкую кампанію 1828 г.), инженеръ, полковникъ Тотлебенъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и графъ), князь В. И. Васильчиковъ и др. Не знаю почему, я пользовался расположеніемъ Хрулева. Онъ подозвалъ меня къ себѣ, написалъ, сидя на концѣ, коротенькую диспозицію, и передавая мнѣ ее, сказалъ: „ступайте, благодѣтель, на оборонительную линію, передайте эту диспозицію командиру Суздальскаго полка полковнику Дарагану, и потребуйте, чтобы онъ ее самъ повторилъ, потому, что хотя онъ и генеральнаго штаба, но глупъ, с. с. Полагая, что полк. Дараганъ состоитъ во враждебныхъ

отношеніяхъ съ С. А., я посовѣстился требовать отъ старшаго офицера повторенія столь малозначущей диспозиціи; но, когда я замѣтилъ, что онъ совершенно растерялся и забросалъ меня вопросомъ —что, что, что? я уже не поцеремонился исполнить въ точности приказаніе С. А и попросилъ полк. Дарагана повторить наизусть диспозицію. Эта операція заняла мнѣ по крайней мѣрѣ полъ-часа времени, но, въ концѣ-концовъ, несложная диспозиція эта была повторена. Возвратившись, я доложилъ объ этомъ С. А., который сказалъ мнѣ: „а что, благодѣтель, правда, глупъ Дараганъ?"—Глупъ, Ваше Превосходительство. Вслѣдъ за тѣмъ, С. А. звучнымъ голосомъ прокричалъ:—„Поручикъ Кушелевскій! возьмите, благодѣтель, 16 человѣкъ охотниковъ и прогоните англичанъ, что вотъ тамъ прилегли за горкой" (mamelon vert). Поручикъ Кушелевскій совершенно растерялся, выпучилъ на С. А. глаза и говоритъ:—какъ я могу, Ваше Превосходительство, съ 16 человѣками прогнать непріятеля въ нѣсколько тысячъ?

— „Не разсуждать"—крикнулъ Хрулевъ—„разстрѣляю".

Признаться, я самъ счелъ приказаніе С. А за неисполнимое. Кушелевскій вызвалъ 16 человѣкъ охотниковъ и сталъ съ ними успереправляться черезъ брустверъ по другую сторону рва, и не успѣли еще всѣ переправиться, какъ деморализованный непріятель, послѣ неудачнаго штурма, опасаясь контръ-атаки, отступилъ. Обрадованный Кушелевскій такимъ исходомъ дѣла, возвратился съ командой и торжественно доложилъ С. А.

— Непріятель отступилъ, Ваше П—во.

— То-то, благодѣтель, надо исполнять приказанія начальства безпрекословно и лучше погибнуть отъ вражьей пули, чѣмъ отъ собственной.

Однажды мой бригадный к—ръ, генералъ А. О. Бялый, послалъ за чѣмъ-то, не помню, къ С. А., который въ то время жилъ на батареѣ, называемой Павловскимъ Мыскомъ. Вхожу въ комнату, которой вся мебель состояла изъ кровати, дивана, стола передъ нимъ и нѣсколькихъ стульевъ. На диванѣ сидѣлъ к—ръ 2-й бригады 11-й пѣх. дивизіи, генералъ Заливкинъ; съ противуположной стороны стоялъ С. А., и въ моментъ входа моего, отчеканилъ Заливкину: „сапатый-же вы генералишка, Ваше П—во!" и вслѣдъ за симъ, взявъ меня подъ руку, пошелъ вдоль грозныхъ морскихъ орудій.

— За что вы, Ваше П—во, такъ отдѣлали Заливкина?

— Да какъ же? пришелъ ко мнѣ и проситъ, чтобы я ему далъ спокойное мѣстечко, такъ какъ у него разстроены нервы и выстрѣловъ онъ переносить не можетъ.

— Да какое же я вамъ могу дать назначеніе, имѣя въ своемъ

распоряженіи лишь 16.000 штыковъ? развѣ назначить васъ командиромъ кашеваровъ?—А онъ мнѣ на это предложеніе говоритъ:

— Извольте, Ваше П—во.—Вотъ за это я его и отхлесталъ.

Какъ ни странно и позорно, но время тревоги ген. Заливкинъ командовалъ громко: „Кашевары, стройся!“ До драки однако никогда не доходило. Я упоминаю объ этихъ людяхъ смѣло, будучи вполнѣ увѣренъ, что они давнымъ-давно отошли въ вѣчность, а хотя бы и живы были, то противъ святой истины возражать они бы не посмѣли. Скажу еще нѣсколько интересныхъ фактовъ, касающихся сдачи пресловутаго Малахова Кургана, бросающихъ совершенно новый свѣтъ на завладѣніе непріятелемъ этого неприступнаго ключа позиціи. Близилась развязка севастопольской драмы. Малаховъ Курганъ былъ особенно опекаемъ начальникомъ гарнизона. На немъ дежурили понедѣльно 6 генераловъ [1]). Наканунѣ послѣдняго штурма (въ августѣ м-цѣ), которому предшествовала сильнѣйшая бомбардировка, вырывая ежедневно изъ рядовъ нашихъ бойцовъ до 4.000 человѣкъ въ сутки, подполковникъ Милевскій, к—ръ стрѣлковаго баталіона въ качествѣ дежурнаго по карауламъ, явился съ рапортомъ къ начальнику оборонительной линіи, адмиралу Панфилову. Адмиралъ, выслушавъ рапортъ, предложилъ Милевскому достать языка. Милевскій взялъ 4-хъ расторопныхъ людей и отправился на поиски; результатъ ихъ былъ чрезвычайно удаченъ: въ плѣнъ попался писарь корпуснаго штаба, разносившій войскамъ диспозицію на слѣдующій день. Въ ней, между прочимъ, отдано было приказаніе штурмовать въ 11 часовъ утра Малаховъ курганъ. Адмиралъ поблагодарилъ Милевскаго, сказалъ между прочихъ, что онъ крайне недоволенъ, что постъ начальника Кургана занималъ въ то время генералъ Боссау; что онъ даже просилъ главнокомандующаго исключить этого генерала изъ числа дежурившихъ на курганѣ, но князь Горчаковъ остался этимъ предложеніемъ крайнѣ недоволенъ, замѣтивъ, что не подобаетъ недовѣрять генералу, который не подалъ къ этому ни малѣйшаго повода. Затѣмъ Панфиловъ велѣлъ Милевскому дать знать ген. Боссау, чтобы быть осторожнымъ и встрѣтить непріятеля какъ подобаетъ. Милевскій взялся сообщить объ этомъ г. Боссау лично, и ровно въ 6 часовъ утра, явившись на Малаховъ Курганъ, просилъ дежурнаго доложить о себѣ генералу. Пока тотъ одѣвался, офицеры стали разспрашивать Милевскаго, зачѣмъ онъ пришелъ; когда объяснилось, въ чемъ дѣло, и молва о предстоящемъ штурмѣ разнеслась по цѣлому почти Кургану, то люди, находящіеся въ блиндажахъ, стали

---

[1]) Если память не измѣняетъ мнѣ, то дежурили поочередно генералы: Сабашинскій, Бялый, Заливкинъ, Юферовъ, Хомутовъ и Боссау.

выскакивать наружу. Г. Боссау вышелъ изъ своего блиндажа, находившагося подъ брустверомъ при самой башнѣ, выслушалъ докладъ Милевскаго, но выходящимъ изъ блиндажей людямъ приказалъ возвратиться въ блиндажи обратно и ожидать особаго приказанія, по тревогѣ. Еще при Милевскомъ явился г. Боссау офицеръ изъ минъ и доложилъ, что въ траншеяхъ слышенъ большой шумъ, что̀ заставляетъ предполагать, что собираются штурмовыя колонны. Г. Боссау принялъ это къ свѣдѣнію, сдѣлавъ даже выговоръ саперу за то, что онъ оставилъ мины. Между тѣмъ, въ 11 часовъ утра, если не считать встрѣчи огнемъ цѣпи съ бруствера Малахова Кургана, непріятель, послѣ быстраго натиска, водрузилъ красное знамя на Курганѣ, штурмовыя колонны потеряли много отъ анфилиднаго огня со 2-го и 3-го бастіоновъ, встрѣтивъ слабый отпоръ со стороны гарнизона Малахова Кургана, а его было 5.000 человѣкъ. Непріятель занялъ быстро весь Курганъ, и такъ какъ онъ былъ пересѣченъ многочисленными траверзами, то г. Хрулеву, бросившемуся въ атаку, удалось вытѣснить непріятеля изъ значительной части Кургана, и не будь онъ раненъ, очень можетъ быть, что Курганъ былъ бы отнятъ, но когда С. А. долженъ былъ оставить поле сраженія, наши отступили. Наша 11-ая дивизія большею частью съ стрѣлковымъ баталіономъ подп. Милевскаго находилась на 3-мъ бастіонѣ. На глазахъ нашихъ въ числѣ плѣнныхъ, французы вели кого-то въ длинной шинели темносѣраго сукна. Милевскій призналъ въ немъ г. Боссау и, признавая его виновникомъ паденія Малаховаго Кургана, пообѣщалъ своимъ стрѣлкамъ, кто попадетъ въ него —5 руб.; награду эту и получилъ одинъ стрѣлокъ, попавъ Боссау въ ногу. Французы старательно подхватили генерала подъ руки и повели дальше. По реляціи г. Боссау показанъ убитымъ при штурмѣ Малахова Кургана. Конечно, трудно утверждать объ измѣнѣ г. Боссау, но нѣкоторую тѣнь подозрѣнія даетъ одно обстоятельство. До производства своего въ генералы, Боссау командовалъ Алексапольскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ этомъ полку былъ казначеемъ товарищъ мой по гимназіи баронъ Эльснеръ, который передалъ мнѣ, что Боссау хранилъ свои деньги (около 100.000 р.) въ полковомъ ящикѣ Алексапольскаго полка, но, идя на дежурство свое на Малаховъ Курганъ, взялъ эти деньги съ собой. Въ бытность мою въ академіи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ носились въ Петербургѣ слухи, что г. Боссау жилъ въ Алжирѣ, обладая богатыми табачными плантаціями, но справедливы ли эти слухи,—утверждать не могу. Въ заключеніе долженъ сказать, что подполковникъ Милевскій командовалъ въ Якутскомъ полку, въ которомъ я служилъ въ Севастополѣ,— баталіономъ, и я состоялъ при немъ баталіоннымъ адъютантомъ.

Все изложенное мною выше я слышалъ изъ его устъ, и, зная его за правдивѣйшаго человѣка, не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ его словахъ. Кое-что я сказалъ о характеристикѣ офицерства, а вотъ пара словъ о нижнихъ чинахъ. Одно время я былъ ординарцемъ при адмиралѣ Истоминѣ, въ то время, безсмѣнномъ начальникѣ Малахова Кургана. Однажды какой-то офицеръ представлялъ адмиралу отличившихся раненыхъ нижнихъ чиновъ, выписавшихся изъ госпиталя, при этомъ докладывалъ объ отличіи каждаго отдѣльно; адмиралъ вынималъ изъ кармана георгіевскіе кресты и собственноручно навѣшивалъ ихъ на грудь кавалеровъ. Объ одномъ изъ нихъ офицеръ докладывалъ, что онъ былъ на работѣ въ лабораторіи въ то время, когда 5-и пудовая бомба влетѣла черезъ окно въ лабораторію, съ горящимъ фитилемъ; онъ ее взялъ въ руки и выбросилъ за окно, гдѣ она и разорвалась. Если бы это произошло въ лабораторіи, она была бы взорвана на воздухъ! Солдатикъ былъ сильно опаленъ и контуженъ.

— „Какъ же ты, братецъ, не побоялся выкинуть такую штуку?“ сказалъ Истоминъ.

— Это для меня плевовое дѣло, Ваше П—во,—отвѣтилъ солдатикъ совершенно наивно.

— Что же послѣ этого у тебя не плевовое?

— Не могу знать, Ваше П—во.

Вотъ съ какими богатырями имѣли дѣло союзники. Мудрено ли, что Севастополь, съ такими людьми и начальниками-героями, какъ Хрулевъ, Корниловъ, Истоминъ, Тотлебенъ, Нахимовъ и пр., продержался безъ мала годъ, осаждаемый четырьмя государствами.

Сообщ. К. Добровольскій.

Кіевъ.
16 января 1907 г.

Записи, сдѣланныя со словъ покойнаго генералъ-адъютанта Александра Михайловича Рылѣева [1].

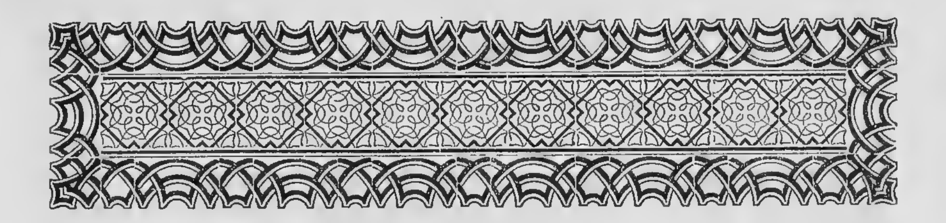
При восшествіи на престолъ Императора Александра II, въ какомъ-то иллюстрированномъ заграничномъ журналѣ появилась карикатура, очевидно русскаго происхожденія: Государь, весьма похожій, былъ нарисованъ en face; вмѣсто правой бакенбарды—нарисованъ министръ Двора, генералъ-адъютантъ графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, а вмѣсто лѣвой — генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ. Подпись гласила: Sire; faites raser Vos favoris [2]). Государь, которому показали этотъ рисунокъ, очень смѣялся самымъ добродушнымъ образомъ.

Сообщилъ П. П.

¹) Покойный А. М. Рылѣевъ записывалъ выдающіеся случаи изъ жизни покойнаго государя Императора Александра II. Такихъ записокъ накопилось, по словамъ покойнаго А. М., „цѣлая бѣлевая корзина“. Но потрясенный событіемъ 1-го марта, Рылѣевъ тогда же все сжегъ. *П. П.*

²) Игра словъ: favori—любимецъ и бакенбарды.

Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки князя Адама Чарторійскаго)[1].

ГЛАВА X.

Совмѣстная работа съ канцлеромъ Воронцовымъ.—Разграниченіе съ Швеціей.—Поѣздка Государя въ Финляндію.—Генералъ Сухтеленъ.—Петербургскій дипломатическій корпусъ.—Графъ Сованъ.—Сэръ Якопъ Варренъ.—Графъ Гольцъ.—Ген. Гедувилль.—Графъ Штедингъ.—Северинъ Потоцкій и его рѣчь въ Сенатѣ.—Кн. Долгоруковъ и Винценгероде.—Характеристика Имп. Александра.—Отношенія съ Франціей.—Графъ Морковъ и его дѣятельность въ Парижѣ.—Его отозваніе.

Какъ я уже упомянулъ выше, я былъ вообще въ хорошихъ отношеніяхъ со старыми сановниками, но ни съ однимъ изъ нихъ я не былъ такъ близокъ, какъ съ канцлеромъ Воронцовымъ, сдѣлавшимся моимъ начальникомъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Онъ сразу удостоилъ меня своей дружбы и выказалъ мнѣ величайшее довѣріе, сдѣлавъ меня, безъ всякихъ предосторожностей, участникомъ своихъ трудовъ.

Со времени образованія новаго министерства я сталъ присутствовать на всѣхъ совѣщаніяхъ графа Воронцова съ иностранными представителями. Онъ поручалъ мнѣ составленіе докладовъ, подаваемыхъ имъ Императору. Я отдавался этой работѣ съ увлеченіемъ, что̀ ему очень нравилось. Канцлеръ всегда оставался доволенъ моими докладами,—они были повтореніемъ его мыслей, облеченныхъ въ болѣе удачную форму: я умѣлъ угадывать его намѣренія, что̀ доставляло ему большое удовольствіе. Подобныя занятія были во-

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., сентябрь.

обще для меня полезны, такъ какъ незамѣтно пріобрѣтался навыкъ къ дѣламъ такого рода, не говоря уже о томъ, что конференціи, на которыхъ мнѣ приходилось присутствовать, посвящали меня въ суть отношеній Россіи къ иностраннымъ правительствамъ. На моей ребязанности лежало также приготовленіе депешъ, являвшихся результатомъ совѣщаній, а также и составленіе рескриптовъ Государя своимъ представителямъ за границей. Взявъ весь этотъ трудъ на себя, я ушелъ въ него съ головою, желая своимъ усердіемъ отплатить Императору за его довѣріе и дружеское расположеніе ко мнѣ.

Мнѣ случалось просиживать за работой безъ перерыва цѣлую ночь и слѣдующіе за нею девять часовъ, что́, въ концѣ концовъ, довело меня до нервнаго разстройства. Докторъ Роджерсонъ, заставъ меня однажды въ такомъ состояніи, посовѣтовалъ мнѣ не преутомлять себя до такой степени и предупредилъ, что чрезмѣрный трудъ можетъ привести къ очень плачевнымъ послѣдствіямъ. Я былъ тогда молодъ и не обратилъ особаго вниманія на его предупрежденіе, но теперь я думаю, что именно этотъ періодъ моей службы былъ причиною нервныхъ болей, которыми я впослѣдствіи такъ страдалъ.

Русская политика при канцлерѣ Воронцовѣ оставалась, въ сущности, такою же, какою она была при графѣ Кочубеѣ; что же касается до ея внѣшнихъ пріемовъ, то они пріобрѣли нѣсколько болѣе достоинства и силы. Главные принципы ея, такъ подходившіе къ характеру и стремленіямъ Императора Александра, можно было резюмировать такъ: быть со всѣми державами въ хорошихъ отношеніяхъ и не вмѣшиваться въ европейскія дѣла, чтобы не увлечься и не зайти дальше, чѣмъ слѣдовало, словомъ, тщательно избѣгать недоразумѣній, не роняя въ то же время своего достоинства. Русскій кабинетъ старался держать себя нѣсколько надменно, чтобы ввести въ заблужденіе относительно настоящаго его образа мыслей, и напоминалъ по виду характеръ Екатерининской дипломатіи.

Канцлеръ, старательно избѣгавшій малѣйшаго повода къ размолвкѣ или даже къ охлажденію съ которой-нибудь изъ сильныхъ державъ, былъ не прочь, если представлялся къ тому удобный случай, нагнать страху на болѣе слабую и даже придавить ее всей тяжестью русскаго могущества. Такъ случилось, напримѣръ, со Швеціей. Оба правительства не могли придти ни къ какому соглашенію о владѣніи ничтожнымъ, маленькимъ островкомъ на рѣкѣ, отдѣлявшей тогда Финляндію, въ тѣсномъ смыслѣ слова, отъ провинціи, носившей то же названіе, но уже принадлежавшей Россіи. И вотъ возникъ споръ, на которомъ изъ рукавовъ рѣки долженъ стоять мостъ,

служащій границей? Этотъ вопросъ въ теченіе долгаго времени оставался неразрѣшеннымъ. Наконецъ, канцлеръ рѣшилъ разомъ покончить съ нимъ. Онъ заговорилъ со Швеціей сухо и повелительно. Я былъ очень доволенъ, что мнѣ не поручили составленія депешъ по этому вопросу, такъ какъ онѣ писались на этотъ разъ по-русски, моя сдержанность заслужила мнѣ впослѣдствіи довѣріе шведскаго короля и его правительства. Русское же правительство тѣмъ временемъ, повидимому, готовилось къ разрыву сношеній. Наши войска перешли шведскую границу. Самъ Государь поѣхалъ туда; я сопутствовалъ ему вмѣстѣ съ графомъ Строгановымъ и Новосильцевымъ.

Мы проѣхали по всей границѣ большею частью верхомъ. Въ этой странѣ почва состоитъ изъ гранита, мѣстами едва прикрытаго легкимъ слоемъ земли. По временамъ встрѣчаются своеобразные ландшафты и великолѣпные водопады. Край этотъ вообще мало населенъ и намъ частенько приходилось ночевать въ изрѣдка попадавшихся деревняхъ или у священниковъ, по большей части говорившихъ только по-фински. Хотя деревни эти и дома пасторовъ были окружены полями, тѣмъ не менѣе страна казалась печальной и безплодной. Я говорю здѣсь только о той ея части, которая принадлежала Россіи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Финляндія плодородна и богата хлѣбомъ. По ту сторону города Або пейзажъ принимаетъ болѣе веселый характеръ, и жители пользуются, повидимому, большимъ благосостояніемъ.

Государь осмотрѣлъ спорную землю, т. е. островъ и мостъ, надѣлавшіе столько шуму; островокъ былъ такъ малъ и ничтоженъ, что, казалось, не изъ-за чего было и затѣвать такую исторію. Потомъ мы поѣхали осматривать крѣпость и портъ-пунктъ, потерявшій теперь свое важное значеніе, но который тогда, въ случаѣ войны, былъ бы центромъ нашихъ операцій, такъ какъ въ немъ стояла флотилія канонерскихъ лодокъ.

Генералъ *Сухтеленъ*, главный военный инженеръ, бывшій прежде представителемъ Россіи въ Швеціи, завѣдовалъ всѣми работами у этого пункта. Многое было уже сдѣлано, но ничто не закончено.

Шведскій король, со своей стороны, сдѣлалъ все возможное, чтобы не уступить требованію, предъявленному такимъ повелительнымъ тономъ. Графъ Штедингъ, шведскій посланникъ въ Петербургѣ, нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ свое удивленіе по этому поводу и только пожималъ плечами, говоря объ оскорбительной формѣ, которую принялъ споръ по такому, въ сущности, маловажному вопросу. Швеція долго храбрилась, вслѣдствіе чего Россія

продолжала готовиться къ войнѣ. Въ концѣ концовъ Швеція, конечно, должна была уступить и принять предложенныя условія; они были такъ маловажны для страны, что было бы безуміемъ—съ ея стороны выставить ихъ за предлогъ къ войнѣ. Никто не сомнѣвался въ такомъ исходѣ дѣла. Канцлеръ торжествовалъ побѣду, хотя и могъ бы легко достичь ея, не унижая Швеціи, что, на мой взглядъ, было бы болѣе достойно русской политики. Такое поведеніе Россіи бросило сѣмя вражды въ сердце сосѣдней націи, въ отношеніи которой и такъ уже не разъ она поступала несправедливо и которая, не взирая на свою относительную слабость, могла въ данномъ случаѣ причинить ей много непріятностей. Но канцлеръ Воронцовъ зналъ русскій народъ или по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто говорилъ отъ его имени. Онъ зналъ, что всякое проявленіе могущества, будь оно даже неосновательно, нравится русскимъ, что первенствовать, повелѣвать и подавлять—есть потребность ихъ національной гордости.

Австрійскимъ посланникомъ въ Россіи былъ графъ де-Сованъ. Онъ всегда пріѣзжалъ къ канцлеру въ парадной формѣ и вообще обставлялъ свои совѣщанія съ нимъ большой торжественностью. Тонъ австрійской политики, въ то время жалобный и сантиментальный, сильно разнился отъ ея тона въ настоящее время. Дѣло происходило вскорѣ послѣ Люневильскаго мира. Вѣнскій дворъ искалъ утѣшенія, ему хотѣлось растрогать Россію. Петербургскій кабинетъ не отталкивалъ ея нѣжностей, но взамѣнъ предлагалъ ей только ничего ему не стоившее выраженіе сочувствія и соболѣзнованія.

Представителемъ берлинскаго двора въ Петербургѣ былъ *графъ Гольцъ*. Этотъ старый дипломатъ, несмотря на свой долголѣтній опытъ, выдѣлялся только удивительно свѣжей памятью и самыми рутинными пріемами. Въ общемъ, это былъ человѣкъ добрый, кроткій, во всемъ покорный своей женѣ, женщинѣ живой, рѣзкой и грубоватой. Графъ Гольцъ замѣнилъ въ Вѣнѣ Луккезини какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Пруссія, коварно нарушивъ договоръ, существованій уже 10 лѣтъ, приняла участіе въ раздѣлѣ Польши. Онъ относился ко мнѣ съ уваженіемъ, въ которомъ ясно сквозило сожалѣніе, я бы даже сказалъ стыдъ, за поведеніе своего правительства въ отношеніи моей родины. Кстати, вставлю здѣсь одно мое личное воспоминаніе. До графа Гольца въ Петербургѣ былъ посланникомъ Тауентцинъ, впослѣдствіи извѣстный прусскій генералъ. Во время пребыванія моей матери въ Берлинѣ, по случаю свадьбы моей сестры съ принцемъ Вюртембергскимъ, Тауентцинъ, въ то время еще простой гвардейскій офицеръ, былъ принятъ въ ея салонѣ и страстно влюбился въ Констанцію Нарбутъ (впослѣдствіи Дембовская),

сдѣлалъ ей предложеніе, но получилъ отказъ. Вѣроятно, помня объ этомъ, во время своей службы въ Петербургѣ, онъ часто присылалъ и мнѣ, и брату приглашенія на обѣдъ.

Отношенія между прусскимъ королемъ и русскимъ Императоромъ были чисто личными, такъ какъ между ихъ кабинетами не было никакой симпатіи. Ни армія, ни общество не долюбливали Пруссіи. Въ Россіи косились на ея двусмысленное поведеніе, на ея угодливость Франціи, наконецъ, на пріобрѣтенія, сдѣланныя ею за счетъ этой угодливости, и не жалѣли насмѣшекъ по ея адресу. Государь же оставался вѣренъ своей дружбѣ къ королю и былъ очень высокаго мнѣнія о прусской арміи. Такое постоянство, многими въ Петербургѣ порицаемое, тѣмъ не менѣе принесло чрезвычайно благіе результаты, такъ какъ Россіи удалось расположить къ себѣ Пруссію и пользоваться ею нѣкоторое время, какъ щитомъ. Хотя эта связь и была съ теченіемъ времени порвана, но реальная выгода, пріобрѣтенная Россіей отъ этого временнаго союза, неоспорима.

Англія только-что заключила миръ въ Аміенѣ. Посланникомъ ея въ Петербургѣ былъ *сэръ Джонъ Варренъ*, превосходный генералъ, но посредственный дипломатъ. Онъ прекрасно представлялъ въ своемъ лицѣ все ничтожество и неспособность министерства Аддингтона, пославшаго его.

Не задолго до назначенія сэра Джона Варрена въ Петербургъ пріѣзжалъ съ визитомъ герцогъ Глочестеръ, племянникъ короля Георга III.

Генералъ Гедувилль былъ представителемъ Франціи. Онъ заставилъ говорить о себѣ послѣ усмиренія Вандейскаго возстанія, но вообще былъ неспособенъ поддержать репутацію французской политики, выдѣлявшейся такимъ умомъ и находчивостью во времена консульства и министра Талейрана. Назначая такого простоватаго, ничѣмъ не выдающагося и, прибавлю отъ себя, скучнѣйшаго представителя, французское правительство вѣроятно имѣло въ виду успокоеніе умовъ и усыпленіе бдительности тѣхъ,—чьей дружбы оно заискивало. Въ мірѣ дипломатіи бываютъ такія минуты полнаго затишья, наступающія обыкновенно или послѣ грозы или передъ нею.

Въ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ не было ничего особенно интереснаго и важнаго; насколько помнится, дѣло не шло дальше ничтожнаго обмѣна мнѣніями и ничего не значущими фразами, выражавшими одно общее пожеланіе: будемъ жить спокойно, избѣгая недоразумѣній и споровъ! Такое настроеніе раздѣлялось даже тѣми правительствами, которымъ миръ былъ не на руку; они не прочь были бы нанести кое-кому ударъ и возвратить потерян-

ное, но не смѣли признаться въ этомъ громко. Даже Англія не предвидѣла еще грядущихъ событій, Австрія потихонку вздыхала, но только тамъ, гдѣ она надѣялась быть услышанной, не компрометтируя себя, а Пруссія радовалась своему неизмѣнному нейтралитету и видѣла въ немъ источникъ ея благосостоянія и прогресса. Сама Франція на время притихла: ея первый консулъ былъ занятъ устройствомъ внутренняго управленія страны и законодательствомъ. Но взоры всей Европы были невольно направлены на этого могущественнаго человѣка, который, какъ всѣ понимали, не могъ надолго удовлетвориться своими громадными земельными пріобрѣтеніями.

Вся континентальная Европа боялась Франціи. Россія хотя и была тоже безобидно и миролюбиво настроена, но старалась держать себя независимо, съ чувствомъ сознанія своей неменьшей силы. Отношенія канцлера къ генералу Гедувиллю были дружескими, основанными на взаимномъ уваженіи. Къ этому времени относится даже подписаніе одного договора, суть котораго я забылъ, но, вѣроятно, она была маловажна. Канцлеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить, по обыкновенію, представителю Франціи подарокъ, состоявшій, на сколько я помню, изъ 4-хъ тысячъ червонцевъ, кромѣ золотой табакерки, осыпанной брилліантами и украшенной портретомъ Государя. Канцлеръ былъ боленъ и принялъ генерала Гедувилля въ постели; немедленно было приступлено къ обмѣну ратификаціями. Я присутствовалъ при этомъ. На кровати, около табакерки, были разложены мѣшечки съ 4-мя тысячами червонцевъ. Мнѣ никогда не приходилось видѣть болѣе сіяющей и болѣе услужливой физіономіи, чѣмъ у этого добряка-генерала при взглядѣ на мѣшки съ золотомъ; она напоминала лицо лакомки, при видѣ стола, установленнаго изысканными кушаньями. Эта сцена навсегда запечатлѣлась у меня въ памяти, и я никогда ея не забуду. Генералъ, забывъ всякую благопристойность и то, что ему слѣдовало сказать по поводу полученія портрета Императора, не сводилъ глазъ съ мѣшковъ; онъ схватилъ ихъ, разсматривалъ и щупалъ съ восхищеніемъ, доходившимъ уже до смѣшного. Мы всѣ готовы были радоваться, глядя на него, такъ какъ онъ былъ, въ сущности, славнымъ человѣкомъ, но чрезмѣрный восторгъ при видѣ денегъ, выставившій его въ такомъ неприглядномъ свѣтѣ, былъ уже недостоинъ человѣка и такъ не подходилъ къ данному случаю.

Изъ всѣхъ лицъ, составлявшихъ такъ называемый дипломатическій корпусъ, самымъ замѣчательнымъ былъ *баронъ Штедингъ*, шведскій посланникъ. Онъ выдѣлялся и умомъ, и благородствомъ характера. Будучи чрезвычайно простъ по внѣшности, онъ и на

вещи умѣлъ смотрѣть просто. Человѣкъ безупречной честности, твердый, тактичный, при всѣхъ обстоятельствахъ державшій себя безукоризненно, баронъ Штедингъ обладалъ въ придачу рѣдкимъ даромъ дѣлать безошибочную оцѣнку какъ людямъ, такъ и событіямъ. Онъ былъ протестантомъ и въ молодости съ честью сражался въ Америкѣ въ качествѣ полковника американской службы, за что былъ награжденъ крестомъ св. Людовика, всегда носимымъ имъ на голубой лентѣ. Позднѣе, удостоенный довѣрія Густава III, онъ отличился во главѣ армейскихъ корпусовъ, сражавшихся съ русскими въ 1789 и 1790 годахъ. Послѣ подписанія мирныхъ условій, онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ его уже знали по военнымъ подвигамъ. На этомъ посту онъ оставался въ теченіе трехъ послѣдовавшихъ затѣмъ царствованій, служа своей родинѣ въ самыя трудныя времена и никогда не теряя величайшаго уваженія, которымъ онъ всегда и всюду пользовался.

Изъ всѣхъ людей, какихъ я зналъ, баронъ Штедингъ казался мнѣ самымъ лучшимъ, самымъ достойнымъ, однимъ изъ тѣхъ, которыхъ нельзя не любить и чьей дружбой всегда всѣ дорожатъ. Я думаю, пользовался его дружбой, конечно, насколько ее позволяло занимаемое нами положеніе, позднѣе совершенно разлучившее насъ. Мое званіе только товарища министра дало мнѣ возможность не принимать дѣятельнаго участія въ несогласіи, возникшемъ между Россіей и Швеціей. Канцлеръ руководилъ самъ всѣмъ этимъ дѣломъ, желая, чтобы вся заслуга, за пріобрѣтаемыя, якобы, отъ Швеціи выгоды, была отнесена на его счетъ.

Правительственныя учрежденія продолжали развиваться внутри страны въ сторону вышеуказанныхъ улучшеній, когда вдругъ весь ходъ прогресса былъ грубо задержанъ однимъ событіемъ.

Графъ Северинъ Потоцкій, какъ я уже говорилъ, былъ изъ числа самыхъ близкихъ друзей Александра; эти отношенія продолжались и послѣ восшествія великаго князя на престолъ. Графъ Северинъ былъ въ восхищеніи отъ качествъ и взглядовъ молодого Императора. Удостоенный его довѣрія, Потоцкій часто представлялъ ему записки на различныя темы. Сенатъ получилъ отъ Императора, между другими важными преимуществами, право дѣлать ему представленія, но этимъ правомъ ни разу еще не воспользовался. Графъ Потоцкій думалъ, и совершенно естественно, что Государь былъ вполнѣ искрененъ въ своихъ либеральныхъ нововведеніяхъ (Государь самъ былъ въ этомъ увѣренъ), и ему показалось, что заставить сенатъ воспользоваться своимъ правомъ—дѣло не только полезное, но похвальное и пріятное для Государя, который убѣдился бы такимъ образомъ, какіе прекрасные плоды приносятъ его реформы.

Вскорѣ представился и удобный для этого случай при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Хотя все дворянство въ Россіи шло на военную службу, она не была однако для него обязательной и дворяне могли въ любой моментъ оставлять ее. Эта двойная привилегія была дарована дворянству Петромъ III и не разъ заставила впослѣдствіи вспоминать добромъ его память. Императоръ Александръ ограничилъ эту привилегію, предоставивъ право на нее только тѣмъ дворянамъ, которые служатъ въ арміи въ офицерскихъ чинахъ. Новый указъ, изданный имъ, дѣлалъ военную службу обязательной для унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ и устанавливалъ для нихъ двѣнадцатилѣтній срокъ пребыванія въ арміи. Такое распоряженіе наносило сильный ударъ правамъ дворянства, дарованнымъ ему хартіей. Указъ произвелъ въ обществѣ глубокое и тяжелое впечатлѣніе. Всѣ считали военнаго министра, стараго генерала-чиновника, человѣка низкаго происхожденія, авторомъ новаго указа, склонившимъ Государя подписать его. Графъ Северинъ Потоцкій горячо ухватился за это обстоятельство, желая дать возможность сенату воспользоваться, наконецъ, свободнымъ правомъ, высочайше ему дарованнымъ. Онъ приготовилъ рѣчь, гдѣ указывалъ на явное нарушеніе хартіи новымъ указомъ и предлагалъ сенату, какъ важнѣйшему государственному учрежденію, обратиться по этому поводу съ представленіемъ къ Государю.

Рѣчь эта была прочитана въ общемъ присутствіи всѣхъ департаментовъ. Сенаторы, видя, что зачинщикомъ всего дѣла является одно изъ самыхъ близкихъ при дворѣ лицъ, и его мнѣніе горячо поддерживается старымъ графомъ Строгановымъ, рѣшили, что и они могутъ, не компрометтируя себя, подать свой голосъ за такое дѣло. Сенатъ даже радъ былъ, что можетъ совершенно безопасно для себя проявить свою независимость въ дѣлѣ, которое, по общему мнѣнію, было ничто иное, какъ маленькая комедія, одобряемая самимъ Государемъ. Предложеніе графа Строганова было принято, несмотря на сопротивленіе генералъ-прокурора, министра юстиціи, выказанное, какъ всѣ подумали, для приданія большей правдоподобности разыгрываемой комедіи. Графъ Строгановъ, назначенный съ двумя другими сенаторами вручить Государю представленіе сената, взялся горячо и охотно за выполненіе этого порученія. Никто изъ нихъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ ожидавшему ихъ сюрпризу, давшему совершенно иной оборотъ всему дѣлу.

Графъ Строгановъ и оба сенатора были приняты Государемъ крайне холодно; старый графъ, не привыкшій къ такому обращенію, смутился, запутался въ словахъ и уѣхалъ окончательно сконфужен-

ный. Государь разъ навсегда прекратилъ попытки сената вмѣшиваться не въ свои дѣла и новымъ указомъ строго предписалъ ему немедленно привести въ исполненіе первый, послужившій предметомъ представленія, благодаря вмѣшательству графа Потоцкаго.

Къ величайшему моему изумленію, дѣйствовать въ духѣ несправедливо разгнѣваннаго Императора и составить указъ, сурово порицавшій сенатъ, взялся графъ Новосильцевъ. Такимъ образомъ первая либеральная попытка сената не удалась настолько, что навсегда отбила охоту продолжать ихъ у людей, великодушныя стремленія которыхъ, надо сознаться, никогда не были чрезмѣрными. Я не знаю, по крайней мѣрѣ, чтобы сенатъ еще хоть разъ попытался выказать свою независимость въ дѣлахъ, и право это, ни разу имъ неиспользованное, кануло въ Лету.

При первомъ же моемъ свиданіи съ императоромъ я не могъ удержаться отъ улыбки при мысли о тревогѣ, которую онъ испыталъ, узнавъ о намѣреніи сената. Мои шутки по поводу этого не понравились государю, и мнѣ думается, что онѣ поселили въ глубинѣ души его нѣкоторое безпокойство относительно моихъ либеральныхъ взглядовъ, впослѣдствіи отозвавшееся на мнѣ.

Императоръ не могъ забыть выходки графа Северина и не удостоивалъ его прежняго довѣрія; онъ продолжалъ принимать Потоцкаго у себя, но уже не отличалъ своими милостями. Зато графъ Северинъ вошелъ въ почетъ и славу въ Москвѣ и вообще въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ на него стали смотрѣть какъ на чисто русскаго патріота и великодушнаго защитника дворянскихъ правъ. Это уваженіе и популярность до такой степени подкупили графа, что заставили въ немъ замолчать прежнія національныя польскія чувства.

Въ молодости, на сеймѣ 3-го мая, онъ былъ самымъ ярымъ патріотомъ, въ старости память о родинѣ изгладилась въ его сердцѣ, и онъ сталъ думать только объ увеличеніи своего состоянія, о пріятномъ времяпрепровожденіи и, отъ нечего дѣлать, онъ примкнулъ къ русской оппозиціонной партіи. Онъ привыкъ, въ концѣ концовъ, постоянно разъѣзжать между своими владѣніями и сенатомъ, много читая во время этихъ переѣздовъ и приготовляясь къ рѣчамъ, которыя ежегодно произносилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Потоцкій сохранилъ за собою званіе сенатора и попечителя, что и составило кругъ его дѣятельности, совершенно удовлетворявшій его. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ болѣе. Государь предоставилъ ему въ пользованіе значительныя земли срокомъ на пятьдесятъ лѣтъ, и я приложилъ все стараніе, чтобы устроить это дѣло. Впослѣдствіи мнѣ пришлось оказать поддержку его сыну Льву; все это

вмѣстѣ установило между нами взаимно хорошія отношенія, длившіяся все время моего пребыванія въ Россіи и впослѣдствіи заглохшія, какъ шумъ дня при наступленіи ночи.

Если бы человѣческая натура была способна довольствоваться достигнутымъ, то Александръ долженъ бы былъ удовлетворить русскихъ, такъ какъ онъ умиротворилъ страну, улучшилъ ея благосостояніе и далъ ей даже нѣкоторую свободу, неизвѣстную народу до его воцаренія; словомъ, усовершенствованія коснулись всей жизни страны. А между тѣмъ русское общество ждало не того. Какъ игроки, жадные до сильныхъ ощущеній, они тяготились монотонностью ихъ настоящаго благополучія. Молодой Императоръ не удовлетворялъ ихъ; онъ былъ врагомъ роскоши, пренебрегалъ этикетомъ и держалъ себя очень просто. Только императрица-мать старалась поддерживать прежній блескъ двора и обычные пріемы. Дворъ же молодого Государя и Государыни, наоборотъ, отличался крайней простотою и полнымъ отсутствіемъ этикета, такъ какъ туда имѣли доступъ только интимные друзья, приходившіе безъ стѣсненія. Императоръ и его семья появлялись въ парадной обстановкѣ только по праздникамъ и воскресеньямъ, по возвращеніи отъ обѣдни. Вечера и обѣды происходили по большей части во внутреннихъ аппартаментахъ и совсѣмъ не походили на то, чѣмъ они были въ предыдущее царствованіе. Императоръ Александръ впослѣдствіи сталъ болѣе тщеславнымъ, но въ началѣ своего царствованія его нельзя было въ этомъ упрекнуть.

Въ первые годы по вступленіи на престолъ Александръ не пользовался популярностью, а между тѣмъ никогда впослѣдствіи онъ не заботился такъ о благѣ своего народа, какъ въ эту пору. Но народъ привыкъ, чтобы это благо ему навязывали съ примѣсью нѣкоторой доли шарлатанства, и нигдѣ потребность въ этомъ не чувствуется такъ сильно, какъ въ Россіи.

Въ началѣ своего царствованія Александръ совсѣмъ не обладалъ этой способностью, но впослѣдствіи пріобрѣлъ ее, но все-таки никогда, несмотря на успѣшное царствованіе, не пріобрѣлъ онъ популярности и могущества своей бабки Екатерины. Она, какъ Наполеонъ о французахъ, могла сказать о русскихъ, что они у нея всѣ въ карманѣ.

Хотя Императоръ положилъ себѣ за правило уважать чужія мнѣнія, позволялъ ихъ высказывать и не преслѣдовалъ за нихъ никого, но никто не осмѣливался порицать государя и говорить ему правду въ глаза. Это было причиной нѣкоторой распущенности высшаго общества обѣихъ столицъ. Каждое дѣйствіе правительства подвергалось здѣсь критикѣ, то разроставшейся до значительныхъ размѣ-

ровъ, то совершенно затихавшей. Таково было состояніе и настроеніе умовъ въ Россіи въ первые годы царствованія Александра.

Благосклонность Императора ко мнѣ, надо признаться, давала обществу поводъ къ подозрѣніямъ, злословію и клеветѣ на мой счетъ. Люди честолюбивые, находившіе себя не менѣе достойными довѣрія своего Государя, чѣмъ какой-то подозрительный иностранецъ, такъ же какъ и „молодые люди", окружавшіе Александра, всѣ глядѣли на меня съ недовѣріемъ. Ихъ безпокойство было весьма естественно, хотя не имѣло никакого основанія. Никто, думается мнѣ, не служилъ Александру съ большей преданностью и съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ я. Лучше, чѣмъ кто-либо, онъ зналъ о моей приверженности родинѣ, что и было причиною его уваженія и дружбы ко мнѣ и главной основой нашихъ близкихъ отношеній. Конечно, я воспользовался расположеніемъ Императора ко мнѣ и большую часть моихъ заботъ посвятилъ народному образованію; я старался придать ему національный характеръ и реорганизовалъ его на началахъ, болѣе широкихъ и болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ эпохи. Окружающіе не могли понять моихъ отношеній къ Александру. И дѣйствительно ихъ можно было объяснить только нашею обоюдною молодостью и тѣмъ, что наше сближеніе произошло въ возрастѣ, легче поддающемся великодушному порыву, чѣмъ обдуманной предусмотрительности. Чувство это и впослѣдствіи всегда жило въ глубинѣ нашихъ душъ; прекратились лишь прежнія изліянія, такъ какъ намъ некогда было заниматься ими. Долголѣтняя связь соединяла насъ, когда она порвалась—мы разстались. Окружающіе видѣли въ этихъ отношеніяхъ только честолюбіе и лицемѣріе съ моей стороны и ошибку со стороны молодого Императора.

Петербургское общество считало именно меня наиболѣе отвѣтственнымъ за безличное положеніе, занятое нашимъ правительствомъ въ европейской политикѣ. Подозрѣвали, не смѣя высказать этого, что я втайнѣ потворствовалъ Франціи. Императрица-мать была того же мнѣнія и поддерживала это безпокойство въ средѣ молодыхъ офицеровъ.

Положеніе мое становилось затруднительнымъ Въ дѣйствительности дѣла Россіи обстояли далеко не такъ блестяще и прочно, какъ бы этого хотѣлось; положеніе ихъ совершенно не соотвѣтствовало ни ея тщеславію, ни ея претензіямъ.

Первый консулъ, уже состоявшій на вершинѣ военной славы, окончательно затмилъ Императора Александра; онъ внесъ въ политику, до тѣхъ поръ очень осторожную, совершенно новые пріемы: скорыя и полныя неожиданностей рѣшенія, то-есть, именно ту особенность своего характера, которая составляла секретъ его необы-

чайныхъ успѣховъ на полѣ сраженія. Стараясь въ каждомъ дѣлѣ играть главную роль, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ положеніемъ, увеличивалъ свою отвѣтственность и высказывалъ, повидимому, поползновеніе стать вершителемъ судебъ всей Европы. Я постоянно началъ слышать отъ всѣхъ упреки нашему кабинету въ уступчивости, въ отсутствіи достоинства и энергіи.

Среди представителей высшаго общества наиболѣе честолюбивымъ, раздраженнымъ, я скажу даже взбѣшеннымъ милостями Государя ко мнѣ былъ молодой князь Долгорукій. Его гнѣвъ на меня, его страстное желаніе занять высокое положеніе и играть роль въ странѣ, гдѣ какой-то подозрительный и по имени, и по національности иностранецъ смѣлъ возвыситься надъ нимъ, его досада при видѣ этого иностранца, втершагося въ дѣла и въ довѣріе Государя, котораго онъ считалъ себя не менѣе достойнымъ, привели его въ возбужденное состояніе, вызывавшее во многихъ удивленіе. Онъ всталъ во главѣ русской партіи.

Въ качествѣ генералъ-адъютанта Государя, онъ постоянно бывалъ при дворѣ, и мнѣ съ нимъ очень часто приходилось встрѣчаться. Онъ преслѣдовалъ меня своими насмѣшками и упреками за безпечный образъ дѣйствій Россіи, повторяя безпрестанно, что пора намъ, дипломатамъ, вступить на новый путь. Выведенный изъ терпѣнія, я однажды посовѣтовалъ ему обратиться со своими соображеніями къ канцлеру, т. е. къ главѣ кабинета. Онъ счелъ мой отвѣтъ за увертку и сказалъ, что между канцлеромъ и мною существуетъ очевидно уговоръ взаимно отсылать другъ къ другу всѣхъ интересующихся дѣломъ, чтобы избѣжать прямого отвѣта. Споръ нашъ грозилъ перейти въ ссору; Императоръ вмѣшался въ него и взялъ мою сторону, обвиняя князя Долгорукаго въ нетактичности. Послѣ этого всѣ сношенія между нами были прерваны, но онъ продолжалъ еще съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда-либо, интриговать противъ меня; козни его, сопровождавшіяся новыми выходками, потерпѣли вскорѣ опять неудачу. Я помню, что при Императорѣ Павлѣ мы съ княземъ Долгорукимъ были въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Онъ выразилъ мнѣ свое довѣріе въ исторіи съ Винцегероде, о которомъ я уже упоминалъ. Нѣмецъ этотъ былъ очень честнымъ, непоколебимымъ и пунктуальнымъ человѣкомъ въ вопросахъ чести. Вслѣдствіе одного разговора съ княземъ Долгорукимъ онъ вызвалъ его на дуэль, и оба согласились предложить мнѣ быть единственнымъ ея свидѣтелемъ. Встрѣча произошла въ саду: я зарядилъ оба пистолета, постарался размѣстить обоихъ противниковъ такъ, чтобы выстрѣлы ихъ надѣлали какъ можно менѣе вреда, но все обошлось благопо-

лучно, такъ какъ они оба промахнулись, и дѣло окончилось полнымъ примиреніемъ.

Здоровье канцлера пошатнулось; онъ начиналъ серьезно похварывать, и мысль объ отъѣздѣ въ свое помѣстье около Москвы все чаще стала приходить ему въ голову; но онъ не хотѣлъ совершенно удалиться отъ дѣлъ, а мечталъ только о временномъ отдыхѣ.

Тѣмъ временемъ у Императора появилось какое-то непобѣдимое предубѣжденіе въ отношеніи къ графу Воронцову, возраставшее съ каждымъ днемъ. Его старческая фигура, голосъ, медленная рѣчь и жесты,—все раздражало Государя въ Воронцовѣ. Канцлеръ, часто хворавшій, посылалъ меня съ бумагами къ Александру. Государь не скрывалъ своего удовольствія, при видѣ меня вмѣсто канцлера; онъ высмѣивалъ стараго министра, передразнивалъ его и часто повторялъ мнѣ, что хотѣлъ бы отъ него отдѣлаться. Это время моей службы было періодомъ моего наивысшаго дѣлового значенія и наибольшей милости у Императора. Только составленные мною рескрипты и депеши всегда заслуживали его одобренія. Стремленіе канцлера къ отдыху не только не вызывало неудовольстія Государя, но всячески поощрялось имъ.

Между тѣмъ хорошія отношенія, существовавшія до сихъ поръ между Франціей и Россіей, начали портиться. Въ Парижѣ русскимъ посланникомъ былъ графъ Морковъ. Въ Петербургѣ его считали человѣкомъ очень ловкимъ, прототипомъ или, вѣрнѣе, послѣднимъ живымъ напоминаніемъ прежнихъ Екатерининскихъ дипломатовъ. При Императорѣ Павлѣ онъ впалъ въ немилость и удалился на жительство въ Подолію, конфискованную у моего отца. Послѣ вступленія на престолъ Александра графъ Морковъ поспѣшилъ возвратиться ко двору. Пріѣздъ его вызвалъ опасеніе со стороны графа Панина, министра иностранныхъ дѣлъ, сообразившаго, насколько опасно имѣть вблизи отъ себя такого умнаго и ничѣмъ незанятаго человѣка, какъ графъ Морковъ, на которомъ ежеминутно Императоръ могъ остановить свое вниманіе и свой выборъ. Онъ задумалъ удалить Моркова. Въ то время самой большой заботой правительства являлось возстановленіе хорошихъ отношеній съ Франціей. Необходимо было отправить къ первому консулу посланника, способнаго слѣдить за его политикой, сдерживать ее, насколько возможно, и въ то же время поддерживать достоинство Россіи. Такое важное порученіе Панинъ постарался вручить графу Моркову, принявшему его съ радостью. Морковъ угадалъ, что не внушаетъ особой симпатіи Александру, и что его честолюбивымъ замысламъ не придется осуществиться въ Петербургѣ, но, кромѣ того, ему захотѣлось опять посѣтить Парижъ въ новомъ положеніи и сыграть

тамъ видную роль лицомъ къ лицу съ Бонапартомъ и съ другими уже входившими въ славу дѣятелями его времени.

Графъ Морковъ не всегда оправдывалъ составившуюся о немъ репутацію тонкаго дипломата. Его легкомысліе было причиной крупнаго недоразумѣнія, разстроившаго бракъ короля Швеціи со старшей великой княжной, что̀, какъ извѣстно, ускорило смерть Екатерины. И теперь, несмотря на свое отвращеніе къ первому консулу и его министрамъ, графъ Морковъ не сумѣлъ оказать противодѣйствіе раздѣлу, постигшему Германію, ради вознагражденія князей, утратившихъ часть своихъ собственныхъ владѣній и ради удовлетворенія жадности Пруссіи. Дѣло это было прислано на одобреніе къ Александру въ совершенно законченномъ видѣ, т. е. тогда, когда внести въ него какія-либо поправки было уже поздно. На обязанности графа Моркова лежало предупредить и не допустить до этого. Ему слѣдовало поторопиться съ предложеніемъ умѣрить требованія этого политическаго акта, прежде чѣмъ въ Парижѣ состоялось окончательное рѣшеніе по всѣмъ его статьямъ и параграфамъ, постановленія которыхъ переходили какъ по качеству, такъ и по количеству, границу умѣренности и справедливости. Само собою разумѣется, что достичь благопріятнаго результата въ такомъ дѣлѣ было очень трудно, но надо было хоть сколько-нибудь постараться объ этомъ. Графъ же Морковъ не слѣлалъ ровно ничего; онъ не предоставилъ даже петербургскому кабинету времени, необходимаго для выраженія и поддержанія своего мнѣнія, и поставилъ въ необходимость присоединиться къ этой сдѣлкѣ, точно малое дитя, съ которымъ каждый дѣлаетъ, что хочетъ.

Графъ Морковъ, бывшій креатурой Зубовыхъ, вмѣшался въ ихъ ссору съ графомъ Безбородко, что̀ и уронило его во мнѣніи Императора Павла. Стоитъ ли прибавлять къ этому, что онъ былъ врагомъ Польши и что вмѣстѣ съ Зубовымъ онъ голосовалъ за ея уничтоженіе? Всѣ остальныя его убѣжденія и чувства соотвѣтствовали этому поступку. Онъ являлся воплощеніемъ разсудка своего государства и его несправедливой, безжалостной политики. Графъ былъ очепь экономенъ и прижимистъ въ денежныхъ дѣлахъ; любилъ подарки, но принималъ ихъ только тогда, когда его гордость отъ этого ни мало не могла пострадать.

Надо сознаться, что выборъ графа Моркова посломъ не могъ надолго укрѣпить доброе согласіе между двумя правительствами, и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полную противоположность доброму и спокойному генералу Герувиллю. Лицо его, изрытое оспой, постоянно имѣло выраженіе ироніи и пренебреженія, а круглые глаза и ротъ съ опущенными углами напоминали тигра. Онъ усвоилъ

манеру говорить и держаться, какъ истый версальскій придворный, но напускалъ на себя слишкомъ много важности, въ ущербъ вѣжливости и изысканности. По-французски онъ изъяснялся превосходно, но вообще его разговоръ былъ рѣзокъ и непріятенъ; ни тѣни чувства не проглядывало никогда въ словахъ его.

Таковъ былъ дипломатъ, этотъ перлъ дипломатовъ, посланный Россіей къ Бонапарту, въ доказательство ея желанія сохранить съ нимъ хорошія дружескія отношенія.

Сперва въ Парижѣ къ нему отнеслись съ большимъ вниманіемъ, особенно когда онъ угодилъ консулу своимъ поведеніемъ во время переговоровъ о вознагражденіи князей и при завершеніи ихъ новымъ раздѣломъ Германіи. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, его презрительная манера и насмѣшки, которыя графъ Морковъ позволялъ себѣ отпускать въ салонахъ, навлекли на него со стороны перваго консула сперва холодность, а потомъ и настоящую вражду. Одно изъ ихъ столкновеній особенно замѣчательно, въ преднамѣренности котораго русскій посолъ не могъ сомнѣваться.

Однажды, на одномъ изъ своихъ собраній, Наполеонъ сталъ искать какого-нибудь поляка, чтобы излить на немъ свою злобу на русскаго посланника; это казалось ему наиболѣе вѣрнымъ средствомъ задѣть за живое и оскорбить представителя русскаго двора. Перваго попавшагося поляка онъ нашелъ пригоднымъ для этой цѣли, и случай навелъ его на самаго незначительнаго, скромнаго и робкаго изъ всѣхъ; быть можетъ, впрочемъ, онъ выбралъ именно такого съ умысломъ, такъ какъ несомнѣнно, что у него не было другой цѣли, какъ унизить самолюбіе графа Моркова. И вотъ, замѣтивъ въ одной группѣ г. Z.., человѣка, совершенно ничтожнаго, Бонапартъ взялъ его за пуговицу, вывелъ изъ окружающей его толпы и, спросивъ, не полякъ ли онъ,—крайне рѣзко выразился о раздѣлѣ Польши, о тѣхъ, которые его совершили, и о тѣхъ, которые его допустили, а затѣмъ, повернувшись, Бонапартъ вышелъ, даже не поклонившись Моркову.

Французскій кабинетъ далъ понять въ одной изъ своихъ депешъ о своемъ недовольствѣ поведеніемъ графа Моркова и о желаніи видѣть со стороны посланника Россіи болѣе готовности поддерживать доброе согласіе между обѣими державами. Дѣйствительно, насколько графъ Морковъ обладалъ всѣми необходимыми качествами, чтобы поддержать, хотя бы цѣною рѣзкаго разрыва сношеній, достоинство и честь своего правительства, настолько же онъ былъ мало созданъ для улаживанія недоразумѣній и возстановленія хорошихъ отношеній. Это приключеніе было на руку графу Моркову и доставило ему награду въ видѣ Андреевской ленты, предмета его тайныхъ жела-

ній. Канцлеръ счелъ въ этомъ случаѣ необходимымъ выставить на видъ достоинства и заслугу графъ Моркова, и Императоръ согласился съ его мнѣніемъ. Въ Парижъ былъ отправленъ курьеръ. Вмѣсто выговора или отзыва графа Моркова жаловали лентой Св. Андрея.

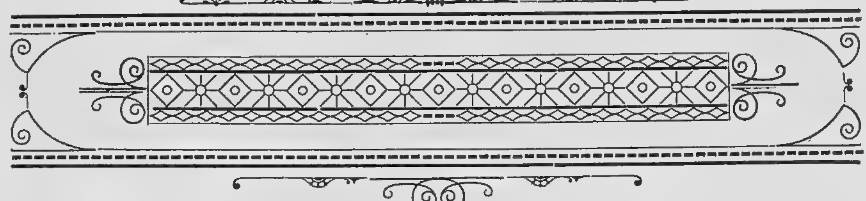
На первой же аудіенціи у Бонапарта Морковъ появился, украшенный знакомъ вновь пожалованнаго ордена, съ еще болѣе самодовольнымъ и гордымъ видомъ, чѣмъ обыкновенно. На этотъ разъ консулу было не до смѣху.

Тѣмъ не менѣе послѣ такого торжества своего самолюбія графъ Морковъ не захотѣлъ оставаться въ Парижѣ. Онъ считалъ свою карьеру законченной и просилъ объ отозваніи. Онъ возвратился въ Петербургъ во время сборовъ канцлера Воронцова къ отъѣзду.

Сообщилъ К. Военскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

V.

Въ Бѣлостокѣ было тихо и населеніе держало себя спокойно. Пѣніе революціонныхъ гимновъ разомъ прекратилось съ началомъ мятежа. Городъ былъ порядочно раскинутъ и весьма скудно освѣщаемъ по ночамъ. Сборнаго пункта на случай тревоги, какъ уже замѣчено выше, указано не было [2]; день за днемъ все шло благополучно благодаря охранительнымъ мѣрамъ, а отчасти и слабой предпріимчивости инсургентскихъ бандъ, несомнѣнно бродившихъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Приведу случай порядочной сумятицы при ночной тревогѣ, происшедшей исключительно изъ-за отсутствія заблаговременно указаннаго сборнаго пункта.

Вечеромъ, 27 января, я, какъ временно исполнявшій должность полкового адъютанта, былъ съ докладомъ у генерала Эггера, исполнявшаго, въ виду отсутствія генерала Манюкина, обязанности начальника войскъ Бѣлостокскаго гарнизона. Вдругъ, во время доклада является визитиръ-рундъ Либавскаго полка подпоручикъ Богдзевичъ и докладываетъ, что со стороны м. Супрасль (весьма недалеко отъ города) произведено было нѣсколько выстрѣловъ. Генералъ Эггеръ засуетился и приказалъ ударить тревогу; между тѣмъ, какъ нарочно, вечеръ былъ

---

[1]) См. „Русская Старина", августъ 1907 г.

[2]) Собственно въ Бѣлостокѣ находились тогда два баталіона Либавскаго полка съ тремя стрѣлковыми ротами, $1^1/_2$ батареи, 2 эскадрона уланъ и 2 сотни казаковъ (по сохранившемуся письму моему изъ Бѣлостока 14 марта 1863 года).

весьма темный, рѣдкіе фонари на улицахъ кое-гдѣ мелькали, а къ всему этому еще и грязь, мѣстами, была невылазная. Отправившись на свою квартиру, я засталъ у командира полка полную суматоху. Въ разныхъ мѣстахъ города слышенъ былъ бой барабанщиками тревоги. Нѣсколько уланъ карьеромъ проскакали по улицѣ, гдѣ былъ штабъ Либавскаго полка,—куда и зачѣмъ неизвѣстно. Роты выстраивались въ темнотѣ и началось плутаніе ихъ по полутемнымъ улицамъ, при чемъ встрѣчавшіяся роты другъ у друга спрашивали—куда идти и, получая въ отвѣтъ: „да вѣроятно на площадь",—шли туда. Командиръ полка вышелъ на крыльцо и, помню, неизвѣстно для какой надобности обнажилъ свою саблю. Растерянность вообще была полная. Услышавъ шлепаніе массы ногъ по грязи, командиръ полка спросилъ: „которая рота",—отвѣтили „одиннадцатая" (командовалъ капитанъ Гагринъ); тогда командиръ полка съ бывшими при немъ нѣсколькими офицерами присоединился къ этой ротѣ и направился на городскую площадь, но въ неувѣренности, туда ли слѣдуетъ идти или въ иное мѣсто. Городская, довольно обширная, площадь, вымощенная булыжникомъ и не освѣщенная фонарями, была лишь „случайно" избрана частями гарнизона сборнымъ пунктомъ. По пути къ этой площади, чуть не сшибъ съ ногъ двухъ офицеровъ уланскій разъѣздъ, ѣхавшій на полныхъ рысяхъ и державшій пики на-перевѣсъ. Приблизительно черезъ $^1/_2$ часа или нѣсколько болѣе—не сосредоточились, а безпорядочно столпились на площади части Либавскаго полка, два эскадрона уланъ и казачьи сотни, ставъ гдѣ попало; въ довершеніе всего, на рысяхъ прибыли 4 орудія 2 артиллерійской бригады, а остальная артилтерія (8 орудій той же бригады) почему-то осталась безъ всякаго прикрытія, на мѣстѣ своего расположенія, то есть на окраинѣ города. Всѣ были въ полномъ невѣдѣніи—гдѣ повстанцы. Послышались отвѣты ротъ на привѣтствіе,—это прибылъ на площадь генералъ Эггеръ, верхомъ; объѣхавъ всѣ части и поздоровавшись съ ними, онъ распорядился отправить сотню казаковъ къ м. Супрасль на развѣдку, то есть сдѣлалъ то, съ чего слѣдовало бы начать, не вызывая изъ-за нѣсколькихъ выстрѣловъ, раздавшихся за окраиною города по тревогѣ, всѣ войска гарнизона; затѣмъ приказалъ войскамъ идти съ пѣснями домой. Такъ завершился этотъ вполнѣ безпорядочный сборъ войскъ по тревогѣ, при чемъ, повторяю, никто не зналъ куда идти, гдѣ стать и вообще что дѣлать, начиная конечно съ самого генерала Эггера. Приведенный,—вполнѣ правдивый, случай можетъ служить показателемъ халатнаго въ то время отношенія нѣкоторыхъ изъ нашихъ войсковыхъ начальниковъ къ самымъ элементарнымъ требованіямъ военнаго дѣла, несмотря на военное положеніе и совершавшіяся

событія. Вспоминая все это, теперь, спустя 44 года, остается только удивляться.

Инсургенты нерѣдко нападали на желѣзно-дорожные поѣзда по линіи Бѣлостокъ—Варшава, стрѣляя изъ прилегавшихъ къ полотну дороги лѣсныхъ опушекъ, портили путь, снимая напр. нѣсколько шпалъ или рельсъ и замѣняя послѣднія иногда деревянными, окрашенными въ сѣрую краску; въ виду этого, движеніе пассажирскихъ поѣздовъ на всемъ участкѣ Вильна—Варшава производилось съ поѣзднымъ конвоемъ, въ составѣ обыкновенно одной роты, размѣщавшейся по поѣзду слѣдующимъ порядкомъ: 5—6 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ съ заряженными ружьями, находились на паровозѣ и тендерѣ, затѣмъ рота размѣщалась въ двухъ-трехъ вагонахъ 3 класса—въ головѣ и хвостѣ поѣзда. Число поѣздовъ вообще было сокращено, а ночныхъ пассажирскихъ, на участкѣ Бѣлостокъ—Варшава, вовсе не было; сверхъ сего, на этомъ же участкѣ лѣсъ на 300 шаговъ въ каждую сторону отъ желѣзно-дорожнаго полотна былъ вырубленъ для удобства обстрѣла съ поѣзда, при надобности, прилегающей мѣстности. Впослѣдствіи, независимо постройки примѣрно по серединѣ между станціями, такъ называемыхъ, экипныхъ домовъ (родъ блокгауза)—каждый на полувзводъ пѣхоты съ нѣсколькими казаками для разъѣздовъ по линіи, распоряженіемъ желѣзно-дорожнаго начальства опредѣлено было для предотвращенія случаевъ крушенія при слѣдованіи пассажирскихъ поѣздовъ, отправлять впереди каждаго такого поѣзда, примѣрно на 1—2 версты, въ видѣ поѣзднаго авангарда, отдѣльный паровозъ, конечно съ военною охраною, за коимъ слѣдовалъ самый поѣздъ, начинавшійся 2—3 пустыми платформами, но эта послѣдняя мѣра практикуема была впрочемъ короткое время.

Жизнь въ этихъ уединенныхъ экипныхъ домахъ была дѣйствительно скучною и томительною, а служба отвѣтственною, и слабохарактерный офицеръ, обреченный—безъ права отлучки—на мѣсячную или болѣе высидку въ такомъ домѣ (блокгаузѣ) съ $^1/_2$ взводомъ пѣхоты и двумя—тремя казаками для развѣдокъ и посылокъ, не рѣдко искалъ утѣшенія въ винѣ, особенно если уже имѣлъ къ нему пристрастіе, да и служебная дѣятельность охранныхъ отрядовъ по линіи желѣзной дороги съ начала 1864 года, въ виду стихавшаго мятежа, была, за рѣдкими исключеніями, далеко не сложная, состоя лишь въ посылкѣ патрулей, особенно ночью. Припоминаю случай съ поручикомъ Либавскаго полка Ел—мъ, по очередному наряду находившимся (въ декабрѣ 1863 г.) въ экипномъ домѣ на половинѣ пути между станціями Среднице (Шепетово) и Чижево и конечно томившимся тамъ отъ бездѣятельности. Получивъ, какъ-

то, извѣстіе о появленіи будто бы небольшой банды инсургентовъ въ деревнѣ, отстоявшей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ экипнаго дома, поручикъ Ел—нъ, будучи вѣроятно до нѣкоторой степени „на взводѣ", вмѣсто того, чтобы, предварительно, развѣдкою, провѣрить это извѣстіе (оказавшееся вполнѣ ложнымъ), долго не думая, съ большею частью своего полувзвода и двумя казаками, покинулъ ввѣренный его охранѣ экипный домъ и бросился къ деревнѣ, гдѣ, несмотря на полное отсутствіе повстанцевъ, все же ни съ того, ни съ сего приказалъ нижнимъ чинамъ открыть пальбу, къ счастію не причинившую никому вреда. Вернувшись затѣмъ домой, названный офицеръ не замедлилъ сейчасъ же послать въ Лоховъ рапортъ командовавшему войсками по линіи желѣзной дороги отъ ст. Лапы до Варшавы генералу фонъ-Мензенкампфу о происшедшей „стычкѣ" съ повстанцами, при чемъ въ описаніи фантастическаго боя не преминулъ даже упомянуть, что казаками (двумя!) „оцѣпилъ" деревню, что повстанцы бѣжали въ ближайшій лѣсъ и что „потерь" въ его „отрядѣ" не было. Конечно, истину скоро узнали, дѣло это было разслѣдовано, и не въ мѣру ретивый и изобрѣтательный поручикъ, вмѣсто боевой награды, на которую вѣроятно разсчитывалъ, былъ немедленно замѣненъ другимъ офицеромъ и арестованъ на полковой гауптвахтѣ въ Островѣ.

Лѣтомъ 1863 года мнѣ пришлось съѣздить изъ Бѣлостока въ Варшаву по слѣдующимъ случаямъ. Изъ Петербурга возвращался за границу великій герцогъ Баденскій съ одною изъ великихъ княгинь; съ ними ѣхала небольшая свита и прислуга. Отъ Вильны до Бѣлостока поѣздъ конвоировала рота 3-й пѣхотной дивизіи, а далѣе до Варшавы 1 рота Либавскаго полка, въ составѣ коей былъ и я за субалтернъ-офицера.

По пути, привелось мнѣ видѣть на станціи Лоховъ экспедиціонный отрядъ, только-что прибывшій туда послѣ жаркой стычки съ повстанцами. Изъ сохранившагося письма моего изъ Бѣлостока отъ 5 марта 1863 года приведу дословную выдержку слышаннаго мною тогда отъ очевидцевъ объ этомъ дѣлѣ на станціи Лоховъ и видѣннаго лично на этой станціи.

„За часъ до прибытія нашего поѣзда на ст. Лоховъ, туда подошли 2 роты Невскаго полка и 3 стрѣлковая рота Либавскаго полка, участвовавшія въ стычкѣ съ инсургентами между станціями Лоховъ и Малкинъ, подъ командою генерала графа Толя. По желанію великой княгини, поѣздъ простоялъ въ Лоховѣ $1^1/_2$ часа, и ея высочество, выйдя на платформу, разспрашивала участвовавшихъ въ дѣлѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, при чемъ ей показано было и чугунное орудіе, называвшееся повстанцами „виватувкою" и отбитоеу

нихъ. Стычка произошла слѣдующимъ образомъ; партія инсургентовъ до 1.000 человѣкъ, преслѣдуемая отрядомъ, подошла къ полотну желѣзной дороги между станціями Малкинъ и Лоховъ, сняла 4 пары рельсъ, подпилила 11 телеграфныхъ столбовъ и начала углубляться въ лѣсъ, но на разсвѣтѣ была настигнута упомянутыми тремя ротами; сначала завязалась жаркая перестрѣлка, затѣмъ, по сигналу къ атакѣ, роты пошли въ штыки; началась рукопашная схватка, и банда была разбита наголову и разсѣяна, при чемъ, кромѣ упомянутаго чугуннаго орудія безъ лафета, захвачено было 9 плѣнныхъ, 13 лошадей, 3 брички—сильно обрызганныя кровью,—4 бочки съ спиртомъ, много косъ и пикъ, хорошія топографическія карты, нѣсколько ружей и 3 пистолета, масса революціонныхъ кокардъ, пачки съ прокламаціями и приказами по бандамъ и пр. Съ нашей стороны убитыхъ не было, но ранены два казака (одинъ двумя пулями въ грудь, а другой пулею въ плечо) и два рядовыхъ, изъ коихъ одному порублено лицо косою, а другому—ладонь лѣвой руки. Повстанцы потеряли убитыми до 40 человѣкъ, похороненныхъ нашими солдатами, а всѣхъ своихъ раненныхъ, по показаніямъ плѣнныхъ, унесли и увезли съ собою, несмотря на поспѣшное бѣгство остатковъ банды“.

Въ 6 часу по полудни нашъ поѣздъ подошелъ къ Варшавѣ, гдѣ на станціонной платформѣ вокзала находился намѣстникъ великій князь Константинъ Николаевичъ (бывшій въ формѣ Л.-Гв. Гродненскаго гусарскаго полка) съ небольшою свитою и почетный караулъ со знаменемъ и хоромъ музыки. Конвойная рота Либавскаго полка отправилась на ночлегъ въ Волынскія казармы, гдѣ была принята офицерами Л.-Гв. Волынскаго полка съ полнымъ гостепріимствомъ и на другой день утромъ выѣхала обратно въ Бѣлостокъ.

Слѣдующій разъ, 2 мая, мнѣ, съ 4-мя конвойными, поручено было отвезти въ Варшаву уже конфирмованнаго польскаго эмиссара Черскаго; это былъ средняго роста еще молодой человѣкъ, лѣтъ 30—35 съ энергическимъ лицомъ и окладистою бородою; мы помѣстились въ отдѣльномъ изолированномъ купе 2 класса, при чемъ Черскій сидѣлъ между двумя рядовыми, имѣвшими ружья заряженными, а я противъ него. Дорогою онъ пытался нѣсколько разъ выспрашивать меня о своей судьбѣ, но любопытству его я не только не имѣлъ права удовлетворить, но и не могъ, такъ какъ имѣлъ съ собою лишь запечатанный пакетъ и содержанія его не зналъ, а если бы и зналъ, то понятно не сказалъ бы. По прибытіи въ Варшаву, гдѣ по телеграммѣ насъ уже ожидали на вокзалѣ жандармскія власти, я, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, въ открытой „дружкѣ“ (т. е. парной коляскѣ) повезъ Черскаго въ 10 павильонъ

Александровской цитадели, при чемъ, по пути туда, непріятно было проѣзжать людными и частью узкими улицами сначала по Прагѣ, а потомъ черезъ, такъ называемое, „Старе Място", ибо проходившая публика останавливалась и глазѣла на насъ, тѣмъ болѣе, что на козлахъ, рядомъ съ возницею („дружкаржемъ"), сидѣлъ одинъ изъ жандармовъ. Спустя нѣкоторое время я узналъ, что Черскій на другой же день былъ повѣшенъ въ рву названной цитадели. При возвращеніи въ Бѣлостокъ [1]), мнѣ пришлось видѣть между станціями Малкинъ и Чижево мѣсто, гдѣ произведено было инсургентами крушеніе пассажирскаго поѣзда (12 верстъ недоѣзжая Чижева); поломанный паровозъ съ двумя вагонами лежали на боку,—правѣе полотна, а лѣвѣе—еще два вагона полусгорѣвшихъ.

Это случилось въ послѣднихъ числахъ апрѣля, при чемъ банда инсургентовъ, атакованная 10 ротою Либавскаго и ротою Невскаго полковъ, была разбита и разсѣяна; по подсчету, убитыхъ повстанцевъ было свыше 100; съ нашей же стороны убитъ былъ одинъ рядовой и 13 ранено; всѣ они были привезены въ Бѣлостокъ. Сколько погибло при крушеніи поѣздной прислуги и пассажировъ, узнать тогда не удалось [2]).

Въ серединѣ лѣта 1863 года получено было распоряженіе о новомъ, весьма недалекомъ походѣ. Всѣ полки 2 пѣхотной дивизіи передвигались снова въ царство Польское, и мѣста ихъ должны были занять полки 3 пѣхотной дивизіи.

Либавскій полкъ въ полномъ составѣ назначался для охраны линіи желѣзной дороги отъ станціи Лапы (у р. Наревъ, въ 22 верстахъ отъ Бѣлостока) до станціи Лохова (вторая тогда станція отъ Варшавы) и поступалъ въ составъ особаго отряда подъ начальствомъ свиты его величества генерала графа Толя.

Штабъ-квартирою полка назначенъ былъ небольшой еврейскій городокъ („мястечко") Островъ, Остроленскаго уѣзда (въ разстояніи 15 верстъ по грунтовой лѣсной дорогѣ отъ станціи Малкинъ) [3]), куда штабъ полка съ тремя стрѣлковыми и двумя линейными ротами выступилъ 12 іюля; 3 баталіонъ направленъ былъ въ м. Брокъ на р. Нурѣ и двѣ роты 1 баталіона въ м. Вышковъ. Станцію Лапы

---

[1]) По выдержкѣ изъ сохранившагося письма моего 7 мая 1863 года.

[2]) Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, пришлось быть въ Варшавѣ нѣсколько часовъ еще въ концѣ февраля 1863 года, когда я былъ въ числѣ офицеровъ роты, конвоировавшей экстренный поѣздъ, въ коемъ ѣхалъ изъ Петербурга за границу великій герцогъ Ольденбургскій.

[3]) Въ 5 верстахъ отъ этого мѣстечка находилась могила штабсъ-капитана Никифорова, взятаго повстанцами въ плѣнъ и повѣшеннаго ими на лѣсной опушкѣ, близъ шоссе.

заняла 5 линейная рота, Среднице-Шепетово—6 рота, Чижевъ и мѣстечко того же названія—7 рота съ штабомъ 2 баталіона и Малкинъ—8 рота; остальныя двѣ станціи до Варшавы—Тлущъ и Лоховъ охранялись частями Невскаго пѣхотнаго полка (1 пѣхотной дивизіи). Одновременно прибыли въ Островъ—двѣ сотни и въ м. м. Брокъ и Чижевъ по сотнѣ Донскихъ казаковъ, а на нѣкоторыя желѣзно-дорожныя станціи, въ томъ числѣ и Лапы (въ сосѣднюю деревню Ухово-Лапы), по одной сотнѣ Сводно-Оренбургскаго казачьяго полка.—Штабъ 2-ой пѣхотной дивизіи тогда же былъ перемѣщенъ въ г. Сѣдлецъ, и генералъ Манюкинъ назначенъ начальникомъ Сѣдлецкаго военнаго отдѣла; остальные полки дивизіи—Калужскій, Эстляндскій и Ревельскій—стали въ г.г. Сѣдлецѣ, Пултускѣ, Прасвышѣ и Млавѣ. Артиллеріи Либавскому полку придано не было, въ виду особенной службы частей его по охранѣ желѣзной дороги и по обилію лѣсовъ въ раіонѣ расположенія полка, особенно у м. м. Островъ и Брокъ.

Въ упомянутыхъ выше мѣстечкахъ раіона расположенія Либавскаго полка казармъ не было, вслѣдствіе чего роты размѣстились тамъ на тѣсныхъ квартирахъ по обывателямъ; роты же, спеціально назначенныя для охраны желѣзно-дорожныхъ станцій,—помѣстились въ нарочно выстроенныхъ возлѣ нихъ просторныхъ бревенчатыхъ баракахъ (два на каждую роту, съ помѣщеніями для офицеровъ въ концѣ бараковъ).

Въ виду значительнаго некомплекта офицеровъ въ Либавскомъ полку, прибыло по переводу до 15 офицеровъ изъ полковъ Кавказской арміи [1]).

---

[1]) Изъ числа офицеровъ, одновременно переведенныхъ лѣтомъ 1863 года изъ различныхъ пѣхотныхъ полковъ Кавказской арміи (преимущественно 19 и 20 дивизій) въ Либавскій полкъ для пополненія въ немъ офицерскаго некомплекта, два—маіоръ Ш. и прапорщикъ князь X.—съ мѣста зарекомендовали себя весьма неприглядно. Прибывъ съ вечернимъ поѣздомъ на маленькую еще въ то время станцію Малкинъ и узнавъ, что „оказія“ (т. е. конвойный отрядъ) отправляется въ м. Островъ только на другой день, названные офицеры, будучи въ порядочномъ „дрейфѣ“ и очевидно не забывавшіе буфетовъ по пути, грозно потребовали себѣ отдѣльную комнату для ночлега; не удовлетворившись указаннымъ помѣщеніемъ въ общей пассажирской комнатѣ, они начали бушевать, кой-кого изъ служащихъ на станціи переколотили, направились въ сосѣднее станціонное зданіе, гдѣ была квартира командира 8 роты Либавскаго полка (капитана Эйсымонта, случайно отсутствовавшаго), выгнали оттуда, несмотря на позднее время, темноту и непогоду, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, полкового капельмейстера Отта, ночевавшаго тамъ также въ ожиданіи утренней „оказіи“, заперли двери и спокойно улеглись спать, выбросивъ одежду названнаго капель-

Г. Островъ, находившійся на шоссе въ Варшаву, почти сплошь населенъ былъ евреями; сравнительно лучшіе дома были на базарной площади въ центрѣ города, гдѣ находилась и единственная въ мѣстечкѣ „цукерня" (кондитерская), служившая какъ бы клубомъ для офицеровъ. Улицы и переулки, за отсутствіемъ фонарей, по вечерамъ и ночамъ не освѣщались. Изрѣдка бывали вечера у командира Либавскаго полка, жившаго уже снова своею съ семьею, и также изрѣдка ходила коротать вечера холостежь къ немногимъ женатымъ офицерамъ. Одиночныя прогулки за городъ были далеко не безопасны, да въ сущности и некуда было ходить, такъ какъ въ разстояніи 1—1½ верстъ отъ мѣстечка начинался сплошной лѣсъ. Вообще жизнь была скучная, разнообразившаяся лишь періодическими экспедиціями противъ инсургентовъ и рѣдкими поѣздками „съ оказіями" на станцію Малкинъ, а оттуда иногда въ Варшаву или къ товарищамъ офицерамъ на линію желѣзной дороги. Такъ какъ сообщеніе по широкой лѣсной грунтовой дорогѣ на Малкинъ было не безопасно отъ нечаянныхъ нападеній и засадъ всюду бродившихъ мелкихъ бандъ повстанцевъ, то еженедѣльно отправлялась изъ Острова на названную станцію конвойная колонна (или „оказія", какъ ее называли) изъ одной или двухъ ротъ съ нѣсколькими казаками для охраненія движенія колонны и развѣдокъ, имѣвшая всегда привалъ на серединѣ пути у дер. Орля. Къ такимъ колоннамъ пристраивались офицеры, отправлявшіеся въ роты, расположенныя на линіи желѣзной дороги, и обратно въ Штабъ полка. Простая корреспонденція доставлялась почтою весьма не аккуратно, и не разъ случалось, что повстанцы захватывали корреспонденцію. Привожу буквальную выдержку изъ сохранившагося письма моего 15 сентября 1863 года: „инсургенты почти всю почту отобрали, за исключеніемъ нѣсколькихъ писемъ и въ числѣ ихъ одного, адресованнаго мнѣ; сегодняшнюю почту повстанцы снова захватили всего въ 9 верстахъ отъ Острова". Въ виду этого опредѣлено было всю простую корреспонденцію не отправлять почтою, а оставлять на станціи Малкинъ, откуда она и привозилась съ упомянутыми выше „оказіями".

Что же касается денежной и посылочной корреспонденціи въ

мейстера на полотно желѣзной дороги. Спустя нѣкоторое время, тѣ же два офицера совершили еще цѣлый рядъ некрасивыхъ подвиговъ, за что, наконецъ, и были удалены въ отставку дисциплинарнымъ порядкомъ—прапорщикъ князь Х. въ 1864 году, а маіоръ Ш., бывшій къ тому же въ сильной степени алкоголикомъ, къ сожалѣнію, только въ 1866 году, когда Либавскій полкъ квартировалъ уже въ г. Сарапулѣ, Вятской губерніи.

полкъ, то она оставлялась на храненіи въ почтовыхъ конторахъ Бѣлостока и Варшавы, куда за полученіемъ ея и приходилось полковому казначею ѣздить отъ времени до времени и при томъ, на участкѣ отъ Малкина въ Островъ, всегда съ коннымъ конвоемъ, а такъ какъ наряжать въ такой конвой каждый разъ отъ 8 до 10 казаковъ было затруднительно, то въ Либавскомъ полку образовалась, такъ сказать, своя собственная конница изъ фурштатовъ, посаженныхъ на подъемныхъ лошадей и вооруженныхъ даже пиками, на подобіе казачьихъ, сдѣланныхъ въ полковой мастерской. Въ виду командировки казначея за вещами для полка, я съ 15 января, въ продолженіе 2 мѣсяцевъ, исправлялъ его должность, и въ этотъ промежутокъ времени мнѣ не разъ приходилось совершать верхомъ переѣзды изъ Острова въ Малкинъ и обратно съ такимъ смѣшаннымъ конвоемъ изъ нѣсколькихъ казаковъ и конныхъ фурштатовъ, имѣя чемоданчикъ притроченнымъ къ сѣдлу. Съ началомъ осени 1863 года въ раіонѣ дѣйствій Либавскаго полка экспедиціи противъ повстанцевъ были уже гораздо рѣже, и наиболѣе крупнымъ дѣломъ была лишь стычка 27 ноября въ лѣсахъ около дер. Порембы, въ 7 верстахъ отъ м. Брокъ; отрядъ, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ, состоялъ изъ 1 и 3 стрѣлковыхъ ротъ Либавскаго полка съ 20 казаками подъ командою подполковника Боровскаго; разбивъ повстанцевъ—состоявшихъ изъ 300 пѣшихъ и 200 конныхъ, бывшихъ подъ командою француза Дюбуа, отрядъ, захвативъ 33 человѣка въ плѣнъ, вернулся въ Островъ, при чемъ въ хвостѣ его слѣдовалъ печальный поѣздъ изъ ряда одноконныхъ обывательскихъ подводъ съ двумя убитыми нижними чинами (унтеръ-офицеромъ и казакомъ) и ранеными мятежниками, уложенными по одному и по два на подводѣ, смотря по ранѣ и, частью, прикрытыми солдатскими шинелями [1]). Бой этотъ, включая преслѣдованіе повстанцевъ по лѣсу, продолжался съ 9 утра до 4 ч. по полудни [2]). Какъ и ранѣе, экспедиціи велись иногда безъ должной подготовки къ нимъ, на основаніи данныхъ, не провѣренныхъ какъ слѣдуетъ конными развѣдками,

---

[1]) По сохранившемуся письму моему изъ Острова 30 ноября 1863 года.

[2]) Какъ иногда составлялись тогда реляціи, можетъ служить примѣромъ и слѣдующій лично извѣстный мнѣ случай. Спустя часъ или два по возвращеніи въ Островъ экспедиціоннаго отряда, разсѣявшаго банду повстанцевъ въ лѣсахъ у дер. Порембы, прибылъ на нашу квартиру начальникъ этого отряда, подполковникъ Боровскій, одѣтый въ дождевомъ кожанѣ и находившійся, помню, въ нѣкоторомъ дрейфѣ. Я съ своими квартирными сожителями маіоромъ Малюгою и капитаномъ Тризна были дома. Не снимая кожана, Боровскій, попросивъ распорядиться на счетъ чая „съ ромомъ", усадилъ меня за столъ возлѣ себя и сказалъ: „ну, пиши реляцію, вотъ тебѣ

опросами шпіоновъ, часто умышленно лгавшихъ и пр. Такъ, въ подобной экспедиціи 13 и 14 сентября пришлось участвовать и мнѣ. Дѣло шло о поимкѣ довольно значительной банды инсургентовъ, давно рыскавшей по лѣсамъ въ окрестностяхъ Острова. Хитроумный планъ этой экспедиціи составленъ былъ въ отрядномъ Штабѣ и утвержденъ начальникомъ войскъ раіона генераломъ графомъ Толемъ. Рѣшено было концентрически направить къ дер. Червонный Боръ пять отрядовъ, при условіи прибыть имъ къ ней не позже 12 часовъ другого дня, то есть къ полудню. Всѣ отряды шли къ назначенному пункту безъ связи другъ съ другомъ; привожу короткую выдержку изъ сохранившагося письма моего отъ 19 сентября: „въ ночь на 14 сентября или, правильнѣе, въ $3^1/_2$ часа утра, вышелъ изъ Острова отрядъ подъ командою полковника Суркова изъ трехъ ротъ Либавскаго и сотни казаковъ; весь переходъ былъ около 25 верстъ; къ 12 часамъ дня отрядъ прибылъ къ дер. Червонный Боръ, гдѣ уже находился графъ Толь съ отрядами Ломжинскимъ, Остроленскимъ, Чижевскимъ и Замбровскимъ. По пути не встрѣтили ни одного инсургента, но нашли въ лѣсу складъ съ 5 пудами пороха, много патроновъ и немного ружей, косъ и др., все это частью сожгли, при чемъ загорѣлась не только сосѣдняя кузница, но и ближайшая опушка лѣса. По разспросамъ жителей въ попутной деревнѣ Жохи, банда повстанцевъ дѣйствительно была, но ушла незадолго до прихода отряда. На большой полянѣ у д. Червонный Боръ приступили къ варкѣ пищи и, пообѣдавъ, въ $5^1/_2$ ч. по полудни отрядъ выступилъ обратно и прибылъ въ Островъ въ 12 часовъ ночи".

Приведу еще нѣсколько припоминаемыхъ частностей объ этой мало толковой экспедиціи.

Сначала отрядъ шелъ безъ проводника и только съ разсвѣтомъ удалось его добыть въ деревнѣ Жохи.—Не доходя 5—6 верстъ до д. Червонный Боръ, полковникъ Сурковъ остановилъ отрядъ совершенно напрасно на привалъ. Офицеры упрашивали его тотчасъ идти

карта, я буду разсказывать и показывать!" Разсказъ его о ходѣ дѣла, движенія частей отряда по лѣсамъ, о позиціяхъ повстанцевъ и проч. былъ настолько безсвязенъ и противорѣчивъ, что только дружными усиліями, частью и при содѣйствіи прибывшаго случайно, „на огонёкъ", на нашу квартиру одного изъ офицеровъ, входившихъ въ составъ отряда, удалось установить, съ грѣхомъ пополамъ, весь ходъ боя, даже достаточно картинно, хотя, конечно, и не вполнѣ вѣрно. Такъ или иначе, а донесеніе (реляція) было сфабриковано, тутъ же переписано набѣло, подполковникомъ Боровскимъ одобрено и имъ подписано.

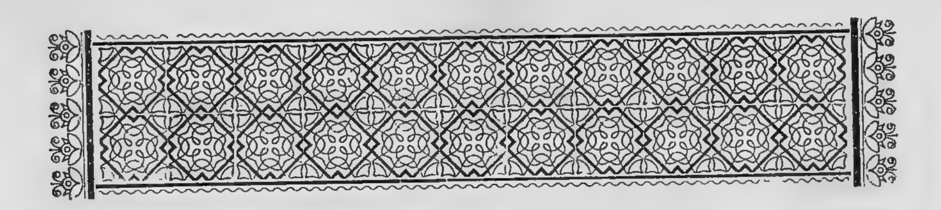
далѣе, но онъ упорно стоялъ на своемъ, говоря, что нужно прибыть къ д. Червонный Боръ „ровно въ 12 часовъ", а „не ранѣе".

Широкая грунтовая дорога къ этой деревнѣ шла лѣсомъ и въ разстояніи 2—3 верстъ съ сильнымъ подъемомъ въ гору. Когда оставалось около 1½ версты, на перевалѣ замѣтили двухъ всадниковъ. Кто-то сказалъ: „смотрите, господа, а вѣдь это пожалуй повстанцы", тогда есаулъ Щербина, командовавшій передовымъ отрядомъ изъ взвода казаковъ, долго не думая, скомандовалъ „маршъ—маршъ" и съ нѣсколькими офицерами, бывшими верхомъ, понесся впередъ, при чемъ, невольно поскакалъ за ними и отрядный врачъ, не справившійся съ своимъ конемъ. Произошелъ нѣкоторый конфузъ, такъ какъ вся эта кавалькада, доскакавъ до перевала, увидѣла тамъ вмѣсто двухъ повстанцевъ—графа Толя съ его ординарцемъ, капитаномъ Костровымъ, верхами ожидавшихъ прихода Островскаго отряда. Такъ закончилась эта кабинетно задуманная экспедиція, при чемъ всѣ 5 отрядовъ никакой банды инсургентовъ не встрѣтили, забравъ лишь случайно въ плѣнъ 7 бродившихъ повстанцевъ. Спустя нѣкоторое время стало извѣстнымъ, что искомая банда лѣсными тропинками безнаказанно прошла между двумя отрядами, что̀ и было возможно, въ виду значительныхъ интерваловъ между ними, двигавшимися только по лѣснымъ проѣзжимъ дорогамъ („шляхамъ").

Сообщилъ Л. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Н. Леваковскаго.

I.

Дѣтство [1].

Отецъ мой былъ бѣдный петербургскій труженикъ - чиновникъ, занятый съ утра до вечера службой, вѣчно угрюмый и молчаливый; мать — тихое, покорное созданіе, не знавшая покоя отъ трудовъ и заботъ по домашнему хозяйству и уходу за дѣтьми, которыхъ въ описываемое мною время было пятеро.

Росли мы, какъ растутъ тысячи подобныхъ намъ, безъ кормилицъ и нянекъ, предоставленные самимъ себѣ. Впрочемъ, воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ у меня не многочисленны.

Помню смерть одной изъ сестеръ, не зная даже какой; но нижеслѣдующая картина запечатлѣлась въ моей памяти: предъ большимъ образомъ въ переднемъ углу, стоитъ столъ, покрытый скатертью, спускающейся до самаго полу; на столѣ небольшой розовый открытый гробикъ; между образомъ и столомъ высокій подсвѣчникъ, съ горящею восковой свѣчей. Въ гробу лежитъ маленькая дѣвочка. Меня занимаетъ вся эта необычайная обстановка, мнѣ хочется поближе все это обслѣдовать, но какая-то незнакомая женщина, суетящаяся около стола, запрещаетъ подходить и дотрогиваться; по этому я, поневолѣ, ограничиваюсь наблюдательною ролью и смотрю внимательно на все происходящее. Незнакомая женщина надѣваетъ дѣвочкѣ, лежащей на столѣ, розовые атласные башмачки; я нахожу, что это очень красиво; но неподвижность дѣвочки, ея прозрачное, восково-желтое личико производятъ на меня какое-то особенное,

---

[1]) Начало описываемыхъ событій относится къ 40-мъ годамъ.

не совсѣмъ пріятное, впечатлѣніе; тѣмъ не менѣе, мысль о томъ, что въ дѣйствительности совершается предъ моими глазами, мнѣ не приходитъ и въ голову, и я продолжаю оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ происходящаго передо мной. Но вотъ, хлопоты и суета, мало по малу, стихаютъ; является священникъ; комната оглашается пѣніемъ и наполняется голубыми струйками ладона, которыя особенно красивы на солнцѣ; я засматриваюсь на нихъ, любуясь, какъ онѣ завиваются и перегоняютъ одна другую. Пѣніе окончилось; присутствующіе засуетились; я слышу голосъ священника: „можно выносить"! Я инстинктивно сознаю, что сказанное относится къ дѣвочкѣ, лежащей на столѣ, и у меня вдругъ является забота: на дворѣ такъ холодно, оконныя стекла покрыты толстымъ слоемъ льда, а она въ легенькомъ платьицѣ и розовыхъ башмачкахъ! Но гробикъ плотно закрываютъ; его бережно выносятъ на рукахъ, комната пустѣетъ, и я успокаиваюсь. По отъѣздѣ изъ дому большихъ, мы тотчасъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, устроили репетицію видѣннаго, похоронивши одну изъ старыхъ деревянныхъ куколъ, которая, кстати, давно уже надоѣла. Сохранились нѣкоторыя другія воспоминанія. Я живо помню, напр., тотъ восторгъ, который я ощущалъ, когда, однажды, дѣдъ надѣлъ мнѣ свои толстые карманные часы, на подобіе луковицы, съ голубой бисерной цѣпочкой! Какъ я походилъ тогда, по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ, на большого! Между мною и взрослымъ человѣкомъ, по-моему, въ то время, была только самая ничтожная разница, именно та, что большіе носятъ часы въ карманѣ жилета, а у меня они были заткнуты за кушакъ, опоясывавшій рубашку.

Не менѣе живо сохранилось въ моей памяти то невыразимо пріятное впечатлѣніе, которое производили на меня сказки, которыя такъ мастерски разсказывала бабушка. Появленіе ея къ намъ и, въ особенности согласіе ночевать, приводило насъ въ восторгъ, такъ какъ заранѣе обѣщало удовольствіе—слышать вечеромъ сказки. Какъ только смеркалось, мы тотчасъ начинали просить скорѣе исполнить обѣщаніе. При этомъ бабушка непремѣнно сначала помучитъ, завѣряя, напр., что она забыла всѣ сказки. Мы, разумѣется, не вѣримъ и продолжаемъ просить. Тогда слѣдуетъ другой доводъ: „что хотя еще одна сказка осталась, но въ ней такіе страхи, что вы, дѣточки, всю ночь спать не будете"! Но этотъ доводъ только усиливаетъ просьбы:—мы, милая бабушка, не будемъ бояться! Завѣряешь, бывало, а у самого уже заранѣе пробѣгаютъ мурашки по тѣлу! Бабушка, наконецъ, соглашается, и мы всѣ превращаемся во вниманіе. Комната освѣщена единственной сальной свѣчей, мы всѣ сбились въ кучку, тѣсно окружили разсказчицу и

каждое новое, сообщаемое ею, происшествіе или событіе усиливаетъ страхъ! Въ концѣ концовъ боишься оглянуться въ сторону, вздрагиваешь отъ нечаяннаго прикосновенія сосѣда, но все-таки слушаешь и не наслушаешься! Но вотъ, сказка окончена; за ней слѣдуетъ другая, а иногда, по усиленной просьбѣ, и третья. Къ концу, слушатели начинаютъ, мало по малу, засыпать кто гдѣ и какъ сидѣлъ; но вотъ, изъ другой комнаты слышенъ голосъ отца: „пора вамъ спать"! Мы, нехотя, поднимаемся съ мѣста, на которомъ было такъ тепло и пріятно сидѣть, и идемъ спать, оглядываясь зорко по сторонамъ, не сидитъ ли гдѣ-нибудь, прижавшись въ темномъ углѣ, одно изъ сказочныхъ чудовищъ! Добравшись, благополучно, до кровати, спѣшишь, возможно скорѣе, раздѣться и спрятаться съ головой подъ одѣяло. Стараешься уснуть, но страхъ отъ всего слышаннаго и жаръ подъ одѣяломъ рѣшительно гонятъ сонъ. А событія, одно другого страшнѣе, такъ и встаютъ передъ глазами; изъ всего этого выходитъ, въ концѣ концовъ, одинъ общій страшный хаосъ, заставляющій еще плотнѣе прятаться подъ одѣяло, закрывая послѣднія оставшіяся отверстія. Но, наконецъ, сонъ беретъ свое; только на утро просыпаешься и, радъ радехонекъ, что такъ свѣтло и нѣтъ болѣе надобности прятать голову подъ одѣяло.

Заботы о насъ отца, кромѣ доставленія матеріальныхъ средствъ къ существованію, можно формулировать однимъ словомъ „строгость" Приказанія, запрещенія и наказанія за неисполненіе того или другого, вотъ тѣ нехитрые пріемы, которые постоянно имъ практиковались.

Вслѣдствіе такой системы, а главное угрюмаго характера отца, ласка считалась непозволительной. Онъ не только ни разу не приласкалъ самъ кого-нибудь изъ дѣтей, но запрещалъ это матери, запрещалъ намъ поцѣловать иногда сестру и если кто-нибудь изъ дѣтей забывалъ строгое запрещеніе, преступалъ его, то получалъ немедленно сильное напоминаніе въ видѣ подзатыльника.

По поводу этого запрещенія, мнѣ памятенъ одинъ случай: зимній вечеръ; комната слабо освѣщена; отца нѣтъ дома; мать сидитъ около стола и что-то работаетъ; мы, дѣти, играемъ; я подошелъ, зачѣмъ-то, къ столу и сталъ возлѣ матери; Богъ вѣсть, что думала она, чѣмъ была занята голова ея, но, вмѣсто отвѣта, на предложенный ей мною вопросъ, она посадила меня къ себѣ на колѣни, обняла и приласкала такъ, какъ только можетъ приласкать любящая мать! Я никогда не забуду испытаннаго мною при этомъ чувства! Много, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но, вспоминая этотъ случай, я какъ будто, чувствую у себя на щекѣ ея горячій поцѣлуй. Я забылъ, моментально, не только то, зачѣмъ подошелъ къ столу,

забылъ игру, забылъ все на свѣтѣ, прижался къ матери и обнялъ крѣпко ея шею своими маленькими руками!

II.

Начало ученія.

Семи лѣтъ меня отдали въ частную школу, гдѣ учились вмѣстѣ мальчики и дѣвочки; школой завѣдывала какая-то пожилая дѣвица, бывшая институтка, обучавшая сама своихъ питомцевъ всѣмъ наукамъ и искусствамъ, по старымъ пожелтѣвшимъ институтскимъ тетрадкамъ.

Я живо помню мой первый дебютъ въ этомъ учебномъ заведеніи: меня привелъ отецъ и, поговоривши съ начальницей, сдалъ меня ей на руки; была перемѣна уроковъ, и всѣ дѣти были въ саду; меня привели къ нимъ и отрекомендовали какъ „новенькаго мальчика“, всѣ, разумѣется, обступили меня, закидали вопросами: „кто я, что знаю, какъ меня зовутъ?“ Будучи вообще застѣнчивымъ, я окончательно растерялся при видѣ такого множества дѣтей и при этомъ такихъ бойкихъ (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ тогда казалось); я не успѣвалъ, не умѣлъ отвѣчать имъ; я не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что со мною дѣлается! Помню только, что я, въ концѣ концовъ, очутился на самомъ верху старой, полуразрушившейся бесѣдки, и вотъ какимъ образомъ это случилось: не получивши отъ меня желаемыхъ отвѣтовъ, новые товарищи мои стали подсмѣиваться надо мной, увѣряя, что я не умѣю говорить, и захотѣли послѣ этого испытать мою ловкость; предложили побѣгать; я машинально согласился и не уступилъ имъ въ этомъ искусствѣ; тогда кто-то предложилъ еще одну пробу:—„а вотъ ты не влѣзешь на эту бесѣдку!“—„Да, да, разумѣется!“ закричали другіе—„куда ему!“ Находясь въ сильнѣйшей ажитаціи, я счелъ необходимымъ доказать имъ, что я не таковъ, какъ они думаютъ, и мигомъ взобрался на бесѣдку. Но вообразите мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что въ это время подходила къ бесѣдкѣ начальница школы! Я окаменѣлъ, я готовъ былъ лучше провалиться, нежели быть застигнутымъ въ такомъ положеніи! Дѣти, со смѣхомъ, разбѣжались, и я остался одинъ на бесѣдкѣ съ глазу на глазъ съ строгой начальницей.—„Хорошо ты ведешь себя для перваго разу, раздался ея голосъ, я запишу это въ журналѣ, и ты сегодня же покажешь это своему отцу!“

Стыду и страху моему не было предѣловъ; я сидѣлъ на бесѣдкѣ и горько плакалъ; сжалившись надъ моимъ положеніемъ, начальница приказала принести лѣстницу, и я спустился по ней, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ моихъ новыхъ товарищей.

*

Какъ потомъ я узналъ, дѣтямъ не позволялось даже подходить близко къ этой злополучной бесѣдкѣ, по причинѣ ея ветхости, и товарищи мои, зная это, хотѣли посмѣяться надо мной, какъ новичкомъ. Но этимъ еще не кончились событія этого памятнаго для меня дня. Когда, по окончаніи уроковъ, настало время идти домой, я, съ удовольствіемъ, вмѣстѣ съ прочими, отправился къ выходной двери, но при этомъ я вспомнилъ что рѣшительно не знаю—гдѣ моя фуражка! Поискалъ, на удачу, въ передней, но тамъ не оказалось; между тѣмъ, дѣти въ это время разошлись, и я остался одинъ. Видя безвыходность своего положенія, въ полномъ смыслѣ этого слова, я горько расплакался; но этимъ дѣло нимало не подвинулось впередъ: фуражки все-таки не было! Я живо представилъ себѣ, что нахожусь въ положеніи путника, выброшеннаго неожиданно волнами на необитаемый островъ, и отчаянію моему не было границъ. По моему, мнѣ предстояло или навсегда остаться въ этомъ чужомъ для меня домѣ, или, спасая себя, рѣшиться на геройское средство—бѣжать, съ плачемъ домой съ непокрытой головой; изъ двухъ золъ, я избралъ меньшее, т. е. послѣднее; но не успѣлъ я привести въ исполненіе принятое рѣшеніе, какъ въ сосѣдней комнатѣ показалась содержательница школы. Узнавши, въ чемъ дѣло, она, сколько я могъ замѣтить, ни мало не озадачилась моимъ ужаснымъ, повидимому, положеніемъ, потому что весьма хладнокровно сказала:—Да ты, вѣроятно, въ саду оставилъ свою фуражку; поди-ка посмотри!

Я стрѣлой бросился по указанію и о, радость! Фуражка лежала на перильцахъ балкона, выходившаго въ садъ, гдѣ я оставилъ ее, входя, о чемъ, впопыхахъ, я забылъ, разумѣется.

О занятіяхъ въ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи у меня сохранились какія-то неопредѣленныя, неясныя воспоминанія. Помню только, что всѣмъ предметамъ и наукамъ учила, какъ я сказалъ выше, сама содержательница школы по какимъ-то старымъ, пожелтѣвшимъ тетрадкамъ. Помню, что главное вниманіе было обращено, почему-то, на танцы, во время которыхъ всѣ мальчики должны были быть непремѣнно въ башмакахъ. Но что я, тѣмъ не менѣе, все-таки, кой-чему выучился въ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи, доказалъ, какъ увидимъ сейчасъ, экзаменъ.

По прошествіи года, отецъ нашелъ необходимымъ взять меня изъ этой школы и помѣстить въ Введенское училище (сколько я помню, это было что-то въ родѣ теперешнихъ прогимназій—совершенно своеобразное для того времени учебное заведеніе).

Какъ говорится, сказано—сдѣлано. Надѣли на меня вмѣсто рубашки какую-то курточку, сшитую спеціально для того, чтобы

вести меня въ училище, и мы отправились съ отцомъ. Занятый новымъ костюмомъ, я рѣшительно не обращалъ никакого вниманія на готовящуюся перемѣну въ моей жизни—отдачу въ казенное заведеніе да и кромѣ того имѣлъ объ этомъ самыя смутныя понятія; поэтому, когда мы пришли въ училище, и меня уже одного (безъ отца) провели въ какой-то большой залъ, гдѣ стоялъ столъ, покрытый сукномъ, у котораго сидѣло нѣсколько человѣкъ въ форменныхъ вицъ-мундирахъ и стояло множество, подобныхъ мнѣ, мальчиковъ, я рѣшительно недоумѣвалъ—для чего меня привели сюда? Я видѣлъ, что мальчиковъ, поочередно, вызываютъ къ столу, заставляютъ ихъ что-то читать и писать, послѣ чего н отпускаютъ. Не имѣя понятія о томъ, что это идетъ, такъ называемый, пріемный экзаменъ, но видя, что въ этой процедурѣ нѣтъ ничего страшнаго, я ободрился и внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ. Но вотъ, слышу, называютъ мою фамилію и предлагаютъ подойти къ столу; я исполнилъ требованіе.

— Возьми мѣлъ, говоритъ одинъ изъ вицъ-мундировъ; я взялъ.

— Напиши на доскѣ „ариѳметика".

Я написалъ, да еще черезъ букву Ѳ.

— О, да это молодецъ: онъ даже Ѳ знаетъ! А прочитай что-нибудь!

Я прочелъ.

— Его можно во 2-й классъ,—сказалъ кому-то вицъ-мундиръ, и меня отпустили.

Много горя принесла мнѣ эта Ѳ!

Не понравься я такъ *ѳитой* экзаменатору, меня, я увѣренъ, по малымъ познаніямъ, записали бы въ 1-ый классъ, занятія были бы мнѣ по силамъ, и я могъ бы быть не послѣднимъ ученикомъ, но, благодаря только *Ѳитѣ*, я попалъ во 2-ой классъ и очутился какъ въ лѣсу.

Пребываніе мое въ этомъ училищѣ составляетъ одинъ изъ тяжелыхъ періодовъ моей жизни.

Съ первыхъ же уроковъ я убѣдился, что рѣшительно не въ состояніи понять, о чемъ идетъ дѣло: я слышалъ, что учитель что-то говоритъ, что-то велитъ приготовить на слѣдующій разъ, видѣлъ, что другіе ученики отвѣчаютъ и нѣкоторые даже хорошо; самъ же, повторяю, положительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь, а между тѣмъ, ежедневно, ежечасно рисковалъ быть высѣченнымъ, какъ лѣнивецъ.

Дѣло велось такимъ образомъ. Учитель приходилъ въ классъ, спрашивалъ урокъ и незнающихъ становилъ на колѣни, посреди класса. Смотритель училища, въ сопровожденіи солдата съ розгами, по нѣскольку разъ въ день обходилъ классы и тутъ же, при всѣхъ,

производилъ если не судъ и расправу, то, по крайней мѣрѣ, послѣднюю, т. е. сѣкъ всѣхъ, застигнутыхъ на колѣняхъ. Рѣшительно не понимаю: почему каждый получившій единицу, по какому-нибудь предмету, считался лѣнивцемъ, требующимъ строгаго наказанія? Но, по крайней мѣрѣ, это было такъ! Какъ теперь вижу передъ собой ехидную, злую физіономію грознаго для насъ Ивана Александровича (смотрителя; фамилію его я не помню) и сопровождающаго его ликтора. Ни просьбы, ни мольбы, ни резоны, ни обѣщанія не въ состояніи были избавить отъ казни, которая совершалась, какъ предопредѣленіе свыше. Какія силы спасали меня отъ этой кары въ продолженіе годичнаго пребыванія моего въ училищѣ, я рѣшительно не понимаю; но только я, при этомъ сѣченіи оптомъ, не былъ ни разу наказанъ. Дѣло въ томъ, что стояніе мое на колѣняхъ, по счастливой случайности, не совпадало съ приходомъ грознаго Ивана Александровича.

Только уроки по Закону Божію единственно не грозили мнѣ бѣдой, такъ какъ я, по разсказамъ священника, легко усваивалъ Священную Исторію и считался даже хорошимъ ученикомъ. Вспоминая теперь объ этомъ пребываніи въ училищѣ, я смѣло утверждаю, что не столько трудность и непосильность занятій были причиной полнаго непониманія мною того, о чемъ говорилось въ классѣ, какъ неумѣлость, небрежность и невниманіе къ дѣлу со стороны наставниковъ.

Прошелъ годъ, наступила весна, а съ нею вмѣстѣ—и экзамены; я продолжалъ посѣщать училище такъ же, по-прежнему, безотчетно и безсознательно, удивляясь нѣсколько происшедшей перемѣнѣ: столъ въ классѣ покрыли краснымъ сукномъ, спрашивали что-то поочередно всѣхъ учениковъ, почему-то не ставили на колѣни и не сѣкли тѣхъ, которые не отвѣчали на вопросы, несмотря на то, что присутствовалъ страшный Иванъ Александровичъ. Предлагали и мнѣ, помню, какіе-то непонятные для меня вопросы, на которые я, разумѣется, отвѣчалъ молчаніемъ; но такъ какъ при этомъ, какъ сказано, не было сѣченія, то вся описываемая процедура меня не особенно занимала.

Но вотъ окончились экзамены, и намъ объявили, что съ завтрашняго дня, по 7-е августа, ученія не будетъ. Извѣстіе это, понятно, произвело общую радость, но для меня она была омрачена тѣмъ, что при этомъ приказано было повторить лѣтомъ все то, что выучили въ продолженіе года. Для меня это было равносильно приказанію одному безоружному солдату взять крѣпость, къ которой онъ и подойти не можетъ. Мнѣ живо представилась при этомъ неизбѣжность быть высѣченнымъ при первомъ же появленіи вновь въ

училищѣ, по окончаніи вакацій. Явившись домой, я яркими красками изобразилъ грозящую мнѣ бѣду, заявивши при этомъ, что въ виду сказаннаго, я больше не пойду въ училище.

Резонъ, представленной мною, былъ принятъ, отецъ, на другой же день, взялъ мои документы изъ училища, и рѣшено было готовить меня къ поступленію въ гимназію.

Принятое рѣшеніе было впрочемъ приведено въ исполненіе не скоро: отецъ, человѣкъ строгій вообще, относительно ученія былъ болѣе нежели снисходительнымъ, какъ кажется потому, что не придавалъ этому дѣлу серіознаго значенія. Взятый изъ училища, я долгое время былъ предоставленъ относительно занятій самому себѣ, безъ всякой помощи и контроля. Мнѣ было приказано повторять по книжкамъ то, что я училъ. А такъ какъ ученіе мое шло, какъ сказано выше, крайне плохо, поэтому и повтореніе было не лучше. Да, собственно, я и не утруждалъ себя особенно: съ утра, какъ отецъ еще былъ дома, я садился за книгу, показывая видъ, что я что-то дѣлаю; но какъ только отецъ уходилъ изъ дому, книга оставлялась лежать открытой на столѣ, а я отправлялся на дворъ или же въ нашъ небольшой садикъ и тамъ сразу забывалъ и о книгѣ, и о томъ, что мнѣ приказано повторять! Да оно и не удивительно: я задался мыслію, во что бы то ни стало, поймать ворону, которая повадилась летать на нашъ дворъ! Какихъ только хитростей, и теперь живо помню, не употреблялъ я для этой цѣли! Я ухитрялся, напр., привязывать горошину на длинную нитку, прикрѣпленную свободнымъ концомъ къ какому-нибудь тяжелому предмету, въ надеждѣ, что ворона соблазнится лакомымъ кусочкомъ, проглотитъ горошину и очутится въ моихъ рукахъ, какъ бы привязанною на ниткѣ. Мнѣ тогда, разсуждалъ я, льстя себя надеждой на вѣрный успѣхъ, стоитъ только подойти, взять въ руки привязанный конецъ нитки и добыча моя!

Но ворона оказалась хитрѣе, нежели я предполагалъ: она не только не проглатывала горошины, даже не смотрѣла на нее. Тогда я рѣшилъ, что ворона смекнула, въ чемъ было дѣло, видя нитку, идущую отъ горошины; и вотъ опять новая забота и работа на нѣсколько дней: необходимо спрятать нитку! И я рѣшилъ засыпать ее сухой землей. Но и это улучшеніе способа ловли не помогло! Я помню, въ какомъ напряженномъ состояніи простаивалъ я цѣлые часы, спрятавшись гдѣ-нибудь за угломъ и внимательно наблюдая за движеніями вороны, важно расхаживавшей по двору и не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на заманчивую, по моему мнѣнію, горошину. Но все напрасно. Ворона не давалась, какъ кладъ въ руки.

Испытавъ полнѣйшую неудачу на этой охотѣ, я обратилъ внима-

ніе на то, что воробьи часто прилетаютъ въ нашъ садикъ и, размѣстившись на вѣткахъ, чрезвычайно заманчиво кричатъ. Я тотчасъ сообразилъ, что хорошо было бы поймать хотя одного такого крикуна; но они сидятъ на деревѣ; тамъ ихъ не достанешь; надо пріучить слетать на землю, а для этого необходимо прикормить ихъ, и вотъ начинается ежедневное кормленіе воробьевъ, по нѣскольку часовъ въ день и новыя безуспѣшныя попытки поймать. А тутъ незамѣтно подошла зима; необходимо устроить горку, а если случалась оттепель, надо накатать шаровъ изъ снѣгу, чтобы было чѣмъ похвастать передъ братомъ, когда онъ возвратится изъ гимназіи. Время, такимъ образомъ, шло незамѣтно, а занятія мои (съ цѣлью приготовленія въ гимназію) не подвигались ни на шагъ.

— Что же ты учишься? спрашивалъ иногда отецъ, возвратившись усталый со службы.

— Учусь, папенька!—смиренно отвѣчалъ я, не имѣя понятія о томъ, какъ учатся и вѣря самъ, что я дѣйствительно учусь.

— То-то, ты смотри у меня! серіозно замѣчалъ отецъ и однажды послѣ такого замѣчанія прибавилъ:

— Осенью отдамъ въ гимназію!

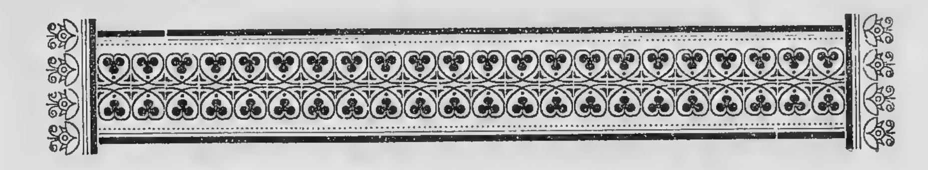
У меня, при этихъ словахъ, какъ говорится, сердце екнуло. Я невольно сознаЛъ, что, въ концѣ концовъ, я ровно ничего не знаю. И вотъ начинается усиленная, но вполнѣ безполезная работа: безсознательное зубреніе учебниковъ.

Естественно, что изъ подобнаго приготовленія опять-таки ничего не вышло бы, если бы не обратилъ вниманія на это толченіе воды мой старшій братъ и не помогъ мнѣ въ занятіяхъ. Я, какъ выздоравливающій слѣпой, началъ, мало по малу, прозрѣвать и къ концу лѣта дошелъ до того, что сталъ даже удивляться, какъ же я прежде не понималъ того, что написано въ книгѣ. Разумѣется, приготовилъ я за это время не много, но я сдѣлалъ громадный шагъ впередъ: я понялъ, какъ надо учиться; я понялъ, что главная сила не въ заучиваніи непонятныхъ словъ, какими, казалось мнѣ, набита каждая книга учебника, а въ пониманіи дѣла; я убѣдился, что даже не учивши по книжкѣ, многое, напр., въ ариѳметикѣ, можно прямо сообразить. Это послѣднее, такъ сказать, открытіе было толчкомъ къ тому, что я началъ, мало по малу, мыслить.

Н. Леваковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ[1].

XIV.

Рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ Сигизмундомъ; вліяніе, которое онѣ имѣли на дальнѣйшій ходъ дѣла.—Возбужденіе противъ поляковъ.—Марина разрѣшается отъ бремени сыномъ.—Замыслы Сапѣги.—Бунтъ противъ поляковъ.—Мятежныя войска осаждаютъ столицу.

Неблагоразумный образъ дѣйствій Сигизмунда и смерть второго Димитрія имѣли огромное вліяніе на ходъ дальнѣйшихъ событій.

Договоръ, заключенный 27 августа Жолкевскимъ съ московскими боярами, долженъ былъ послужить основою союза между русскими и поляками, но его трудно было провести въ жизнь, такъ какъ среди московскихъ бояръ было не мало вліятельныхъ людей, которые, руководствуясь своими личными, честолюбивыми цѣлями, не сочувствовали этому союзу. Съ другой стороны, не малой помѣхой служило традиціонное соперничество Польши и Москвы и рѣзкій антагонизмъ, существовавшій между этими двумя государствами, объясняемый всей ихъ прошлой исторіей и разной степенью культуры, на которой стояли оба народа. Вслѣдствіе этого обѣимъ сторонамъ при заключеніи союза приходилось дѣйствовать крайне осторожно.

Къ сожалѣнію, монархъ, возсѣдавшій въ то время на польскомъ престолѣ, не давалъ себѣ въ этомъ ни малѣйшаго отчета. Уже одно его отношеніе къ московскимъ посламъ должно было произвести весьма неблагопріятное впечатлѣніе даже на самыхъ искреннихъ приверженцевъ Владислава, которыхъ оттолкнула главнымъ образомъ нерѣшительная и двуличная политика короля. Вслѣдствіе этого переговоры съ московскимъ посольствомъ страшно затянулись.

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. сентябрь.

„Мы все еще продолжаемъ договариваться съ московитами“, писалъ 20 ноября одинъ полякъ изъ-подъ Смоленска, „и конца переговорамъ не видно. Король, согласившись на избраніе королевича, готовъ взять свое слово назадъ, а русскіе на этомъ настаиваютъ и требуютъ, чтобы е. к. в. подтвердилъ свое согласіе письменно“. Король на это не соглашался и со своей стороны требовалъ сдачи Смоленска; послы отговаривались тѣмъ, что они не имѣли достаточныхъ полномочій; наконецъ, обѣ стороны обратились къ боярской думѣ.

3 января 1610 г. былъ полученъ отвѣтъ. Бояре приказывали посламъ и смоленскому гарнизону передаться королю и „не чинить дальнѣйшихъ затрудненій“. Но ни тѣ, ни другіе этому не повиновались, считая приказаніе незаконнымъ, такъ какъ оно не было подписано московскимъ патріархомъ.

Переговоры были окончательно прерваны; это произвело крайне неблагопріятное впечатлѣніе во всемъ Московскомъ государствѣ; прошелъ слухъ, что король не хочетъ соблюдать договора, заключеннаго Жолкевскимъ.

Вскорѣ Сигизмундъ сдѣлалъ еще одну крупную ошибку. Онъ не только не соблюдалъ заключеннаго договора, но держалъ себя какъ настоящій московскій царь; дѣлалъ распоряженія, издавалъ указы не отъ имени королевича, а отъ своего собственнаго имени, раздавалъ щедрою рукою должности и имѣнія боярамъ, которые пріѣзжали въ Смоленскъ съ изъявленіемъ своей покорности, назначалъ даже членовъ боярской думы!

„Русскіе и въ особенности бояре очень негодовали на это“ и открыто выразили свое неудовольствіе, когда король пожаловалъ нѣкоего Ржевскаго окольничьимъ. „Когда Ржевскій явился съ указомъ о своемъ назначеніи, у бояръ было въ ту пору засѣданіе, въ которомъ участвовалъ по обыкновенію Госѣевскій и я случайно былъ при томъ“—пишетъ Мархоцкій. „Всѣ были крайне озлоблены, и Андрей Голицынъ обратился къ Госѣевскому со слѣдующими словами:

— Господа поляки! Вы причиняете намъ много зла. Мы избрали королевича на престолъ—вы намъ его не даете. Указы подписываются не имъ, а королемъ. Именемъ короля роздаются должности и имѣнія; вы сами видите: люди невеликаго рода возвышаются, ихъ равняютъ съ нами! Это слѣдуетъ прекратить, иначе мы будемъ считать себя свободными отъ крестнаго цѣлованія и будемъ поступать по своей волѣ“.

Разумѣется, эти королевскіе указы не могли считаться законными, такъ же точно, какъ и всѣ сдѣланныя Сигизмундомъ назначенія, но

они раздражали бояръ и были большой ошибкой со стороны Сигизмунда, такъ какъ эти именно бояре принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ сторонниковъ союза съ Польшею.

Неудовольствіе противъ короля росло съ каждымъ днемъ, но до поры до времени не проявлялось открыто изъ боязни самозванца; когда же съ его смертью разсѣялось опасеніе, что Москва могла попасть подъ власть этого „казацкаго царька", то въ столицѣ и въ Рязанской землѣ началось сильное движеніе противъ Сигизмунда.

Во главѣ его стояли два вліятельныхъ человѣка: Гермогенъ, патріархъ московскій, „заклятый врагъ католической вѣры", и рязанскій воевода Прокофій Ляпуновъ.

Жолкевскій говоритъ о Ляпуновѣ, что онъ „принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не хотѣли видѣть на престолѣ ни самозванца, ни Шуйскаго. Онъ былъ доволенъ избраніемъ Владислава, тотчасъ присягнулъ ему и привелъ къ присягѣ жителей Рязанской земли, но онъ отнюдь не хотѣлъ видѣть на престолѣ Сигизмунда, и когда прошелъ слухъ о томъ, что послѣдній не разрѣшаетъ королевичу ѣхать въ Москву, то Ляпуновъ написалъ рѣзкое письмо (грамоту) къ боярамъ, заявляя, что онъ намѣренъ силою прогнать поляковъ изъ столицы.

Московскій патріархъ со своей стороны сталъ разсылать грамоты, призывая народъ къ бунту и освобождая его отъ присяги, данной Владиславу.

Въ это время (въ первыхъ числахъ января 1611 г.) Марина разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго, „желая расположить къ себѣ московитовъ", какъ говорится въ современныхъ реляціяхъ, „она отдала калужанамъ, чтобы они окрестили его въ свою вѣру и воспитали по-своему". Ляпуновъ воспользовался этимъ и „обязавшись признать его царемъ въ томъ случаѣ, ежели поляки будутъ изгнаны изъ Москвы", привлекъ на его сторону Заруцкаго, храбраго атамана донскихъ казаковъ. Такимъ образомъ движеніе противъ поляковъ быстро разросталось; въ второй половинѣ января 1611 г. оно приняло огромные размѣры: вотъ что доносилъ Рудницкому 29 января одинъ изъ его подчиненныхъ:

„Патріархъ взбунтовалъ народъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто король не хочетъ выполнить обѣщанія, даннаго относительно королевича. Отъ короля отпали Нижній Новгородъ съ уѣздами и волостями и Рязанская земля, коей воевода, нѣкій Ляпуновъ, собираетъ войско и идетъ къ столицѣ, разсылая по всѣмъ крѣпостямъ воззванія, направленныя противъ короля. Его величество повелѣлъ идти противъ него старостѣ Хмельницкому и Сапѣгѣ".

Янъ-Петръ Сапѣга, бывшій въ то время въ Перемыслѣ, полу-

чилъ одновременно съ этимъ приказаніемъ письма отъ Николая Струся и отъ Госѣевскаго, просившихъ его помощи. Но эти письма, равно какъ и приказаніе Сигизмунда, не возымѣли никакого дѣйствія, такъ какъ войско, все еще не получавшее жалованья, не пожелало исполнить королевскаго приказа. Такимъ образомъ мятежное движеніе, которое въ то время легко могло быть подавлено, не прекратилось.

Равнодушное отношеніе къ дѣлу Сапѣги было точно также результатомъ цѣлаго ряда политическяхъ ошибокъ, сдѣланныхъ Сигизмундомъ.

Еще въ началѣ сентября 1610 г., когда Янъ-Петръ Сапѣга обѣщалъ оставить самозванца, Жолкевскій далъ ему слово, что онъ попроситъ короли сравнять „жалованье" и содержаніе его полка съ полкомъ Зборовскаго. Переговоры объ этомъ тянулись около полугода. Сапѣга послалъ уполномоченныхъ отъ своего войска въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ, а Сигизмундъ прислалъ довѣренныхъ лицъ въ Мѣщовскъ, гдѣ стоялъ Сапѣга. Но переговоры не привели ни къ чему; это чрезвычайно озлобило солдатъ, среди которыхъ, по словамъ Жолкевскаго, было много больныхъ и раненыхъ; при томъ пробывъ нѣсколько лѣтъ на войнѣ; они потеряли много лошадей и нуждались въ пополненіи аммуниціи.

Когда, 12 февраля посланные Сапѣгою вернулись изъ-подъ Смоленска и донесли, что они „снова ничего не добились, что ихъ кормили одними обѣщаніями", озлобленіе войска достигло крайнихъ предѣловъ. Солдаты стали громко роптать и жаловаться на неблагодарность короля. Часть войска, бывшая въ Перемышлѣ, хотѣла, чтобы Сапѣга, „для выясненія дѣла" отправился подъ Смоленскъ, но многіе были противъ этого. „Собравшееся генеральное коло удержало его отъ этой поѣздки"; было рѣшено, что въ виду „отношенія короля, войско само позаботится о себѣ".

Что именно подъ этимъ подразумѣвалось, объ этомъ дневники Сапѣги и Будзиллы умалчиваютъ. Но въ письмахъ современниковъ находимъ разгадку этихъ словъ. Оказывается, что въ половинѣ февраля Янъ-Петръ Сапѣга писалъ одному изъ предводителей мятежниковъ, князю Юрію Трубецкому, воеводѣ калужскому, предлагая ему услуги своего войска и свои собственныя. „Знайте, писалъ онъ, что мы люди вольные, не служимъ ни королю, ни королевичу, и ничего противъ васъ худого не замышляемъ. Мы не требуемъ, чтобы вы уплатили намъ жалованье, за прошлое время, а желаемъ одного, чтобы тотъ, кто возсядетъ на московскій престолъ, заплатилъ намъ за наши услуги. Мы готовы защищать вмѣстѣ съ вами вѣру православную и святую церковь и положить за васъ жизнь. Если вы не

довѣряете намъ, возьмите отъ насъ заложниковъ. Напишите объ этомъ Прокофію Петровичу Ляпунову. Сообщаю вамъ истинную правду и могу подтвердить все сказанное подъ присягою.

„14 января мнѣ писали изъ Москвы бояре, князь Ѳедоръ Мстиславскій съ товарищами, что отъ нихъ отпалъ Прокофій Ляпуновъ съ нѣсколькими крѣпостями. Они усердно просили меня идти съ войскомъ въ Рязанскую землю, противъ Ляпунова, противъ васъ и тѣхъ крѣпостей, которыя дѣйствуютъ съ вами заодно. Но мнѣ извѣстно, что вы и Ляпуновъ защищаете православную вѣру. Вамъ бы надобно было сговориться со мною и написать о томъ Ляпунову; я не послушаю московскихъ бояръ и не намѣренъ сражаться съ вами; напротивъ, я хотѣлъ бы заключить съ вами дружескій и братскій союзъ".

Далѣе староста усвятскій опровергалъ слухъ, будто его войско оскверняло православные храмы. „Злые люди", писалъ онъ, „разсказывали въ Калугѣ, что мы опустошаемъ святыя церкви, не позволяемъ совершать въ нихъ Богослуженіе и даже ставимъ въ нихъ лошадей. Въ нашемъ войскѣ не найдется человѣка, который сдѣлалъ бы что-либо подобное. Болѣе половины нашего рыцарства состоитъ изъ русскихъ людей, и мы строго слѣдимъ за тѣмъ, чтобы Божьихъ храмовъ не оскверняли".

Предложеніе, сдѣланное Сапѣгою, показываетъ, какимъ образомъ войско рѣшило „позаботиться о себѣ"; но что же собственно побудило старосту усвятскаго написать подобное письмо и принять рѣшеніе, такъ мало согласовавшееся съ его предыдущимъ образомъ дѣйствій?

По мнѣнію Костомарова, Сапѣга поступилъ такъ потому, что его войско не получало жалованія, и вообще дѣйствовалъ, по его словамъ, подъ вліяніемъ страшнаго озлобленія, вызваннаго въ немъ поступками короля. А. Гиршбергъ совершенно не согласенъ съ такимъ толкованіемъ, „ибо", говоритъ онъ, „когда за годъ передъ тѣмъ, полкъ Сапѣги, видя нерѣшительность короля, сбунтовался и перешелъ на сторону самозванца, то староста усвятскій поступилъ совершенно иначе. Онъ отправился прежде всего въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ и предложилъ свои услуги Димитрію, только посовѣтовавшись предварительно съ королемъ. Такого рода причина, какъ неуплата войску жалованья, не могла заставить его сдѣлать шагъ, который имѣлъ неисчислимыя послѣдствія. По мнѣнію Гиршберга, надобно допустить, что Сапѣгою руководили въ этомъ случаѣ гораздо болѣе серьезныя побужденія, а именно, что этотъ разъ, какъ и въ вопросѣ о сверженіи Шуйскаго, Сапѣга руководствовался своими личными интересами. Только этимъ и можетъ быть объяснено его тогдашнее по-

веденіе; поэтому, говоритъ Гиршбергъ, „по моему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе объясненіе Маскевича, который пишетъ, что Сапѣга поступалъ такъ потому, что онъ самъ хотѣлъ царствовать“ и считалъ возможнымъ достигнуть престола.

Одновременно съ письмомъ къ Трубецкому, Сапѣга обратился съ подобнымъ же предложеніемъ къ Заруцкому и къ воеводамъ въ Тулѣ. 24 февраля отъ нихъ были получены отвѣты.

Предложеніе Яна-Петра Сапѣги было принято ими съ радостью. Руководители мятежнаго движенія изъявили величайшее желаніе войти съ нимъ въ соглашеніе, просили его прислать для переговоровъ уполномоченныхъ, и вскорѣ сами отправили къ нему посланныхъ. Это происходило въ исходѣ февраля и въ началѣ марта 1611 г. Но уполномоченнымъ трудно было сговориться. Ляпуновъ, не довѣряя Сапѣгѣ, не только выразилъ желаніе, чтобы онъ прислалъ заложниками нѣсколько „знатныхъ лицъ“, но даже постановилъ условіемъ, чтобы староста усвятскій не присоединялся къ его арміи, которая въ то время сосредоточивалась съ цѣлью двинуться на Москву, а отправился бы въ Можайскъ; очевидно, Ляпуновъ боялся, что, подойдя къ Москвѣ, Сапѣга могъ войти въ сношеніе съ бывшимъ въ столицѣ польскимъ гарнизономъ.

Послѣ того какъ московскіе уполномоченные предъявили подобныя требованія, Сапѣга быстро охладѣлъ къ союзу съ ними; подъ впечатлѣніемъ выраженнаго ему недовѣрія, въ немъ пробудились съ новой силой его прежніе смѣлые планы и надежды; и уже въ половинѣ марта онъ совершенно измѣнилъ свой образъ дѣйствій.

Всѣ переговоры съ мятежными боярами велись, само собою разумѣется, въ глубокой тайнѣ; ни малѣйшей вѣсти о нихъ не проникло въ то время въ королевскій обозъ подъ Смоленскомъ. Сигизмунду доносили только, что „въ полку пана Сапѣги царствуетъ большое смятеніе“; что „въ немъ образовались три партіи. Одни, въ томъ числѣ самъ Сапѣга съ прочими болѣе осторожными людьми, хотятъ ѣхать къ королю и быть подъ начальствомъ гетмана. Другіе хотятъ идти въ одну изъ московскихъ земель и тамъ отдыхать отъ трудовъ. Третьи хотятъ образовать конфедерацію, идти въ Польшу и занять какое-нибудь изъ королевскихъ помѣстій“, чтобы такимъ образомъ вынудить короля къ уплатѣ имъ жалованья.

Получивъ эти вѣсти, Сигизмундъ рѣшился наконецъ сдѣлать энергичный шагъ. 12 марта въ обозъ Сапѣги прибылъ посланный имъ Яниковскій съ извѣстіемъ, что его королевское величество рѣшилъ „во всемъ сравнять его войско съ полкомъ Зборовскаго“.

Это извѣстіе подѣйствовало на войско успокоительно и было

принято съ радостью, тѣмъ болѣе, что переговоры съ Ляпуновымъ не ладились.

13 марта собралось генеральное коло, на которомъ хотя и было рѣшено простоять всю весну на занятыхъ позиціяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было положено „просить Сапѣгу отправиться къ королю и ходатайствовать за войско". Сапѣга изъявилъ на это согласіе и два дня спустя дѣйствительно отправился въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ.

Однако „рыцарство, несмотря на свое рѣшеніе, простояло еще цѣлыхъ два мѣсяца" въ бездѣйствіи, вслѣдствіе чего руководители мятежнаго движенія имѣли возможность сосредоточить, за это время, значительныя силы между Коломною и Серпуховомъ и затруднили такимъ образомъ подвозъ въ столицу съѣстныхъ припасовъ. Для разсѣянія этихъ отрядовъ Госѣевскій высылалъ разъѣзды, но послѣдніе были слабы и не могли помѣшать ихъ сосредоточенію. Одновременно Госѣевскимъ былъ изданъ строгій приказъ, чтобы „никто изъ жителей столицы не смѣлъ держать у себя оружія", и учрежденъ строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы въ городъ не могли подвозить оружія; у городскихъ воротъ были разставлены часовые, опрашивавшіе всѣхъ пріѣзжавшихъ. „Мы были весьма осторожны", пишетъ Маскевичъ, „всюду имѣли шпіоновъ; благожелательные къ намъ русскіе часто давали намъ совѣтъ не дремать. Шпіоны доносили, что съ трехъ сторонъ къ столицѣ идетъ многочисленное войско... Дѣло было въ великомъ посту; стояла страшная распутица. Наступила Вербная недѣля, народъ сталъ со всѣхъ сторонъ стекаться въ столицу. Мы усилили бдительность; часовые и войско день и ночь не разнуздывали лошадей. Вербная недѣля прошла спокойно. На крестный ходъ собралось множество народа, но русскіе не трогали насъ; быть можетъ, они видѣли, что мы насторожѣ, или же поджидали войско, шедшее имъ на помощь, и рѣшили атаковать насъ всѣ вмѣстѣ.

„Въ страстной понедѣльникъ (28 марта 1611 г.) шпіоны сообщили, что изъ Рязани идетъ Ляпуновъ съ 80.000 войска, а изъ Калуги Заруцкій съ 50.000, и Прозовецкій съ 15.000 отрядомъ. На общемъ совѣтѣ было рѣшено, не дожидаясь непріятеля, выйти ему навстрѣчу и разбить его отряды по одиночкѣ. Но во вторникъ, рано утромъ въ Китай-городѣ между русскими и поляками началось побоище. Поводъ къ этому подалъ одинъ изъ польскихъ ротмистровъ, Николай Косаковскій, своимъ грубымъ обращеніемъ съ рабочими, помогавшими ему установить орудіе. „Озлобленный народъ сталъ бросать изъ оконъ камнями и чѣмъ попало, и поджигать дома, въ которыхъ находились поляки; на улицахъ поляки и

русскіе дрались съ остервененіемъ до наступленія ночи. На утро бояре пытались успокоить чернь, которая снова стала нападать на поляковъ, но всѣ уговоры были напрасны, побоище возобновилось; вскорѣ запылали дома; сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, которое свирѣпствовало до самаго вечера; многіе жители, гонимые пламенемъ, были вынуждены бѣжать изъ города. Ночью пожаръ принялъ такіе размѣры, что при свѣтѣ пламени въ горницахъ было видно, какъ въ бѣлый день".

„Русскіе давно уже относились къ намъ непріязненно, доносилъ Госѣевскій Сигизмунду 6 апрѣля, полагаясь на свою численность, они, въ страстной вторникъ, въ третьемъ часу утра напали на насъ въ Китай-городѣ, гдѣ стоялъ Зборовскій со своимъ полкомъ. Наши, по приказу, отданному мною наканунѣ и подтвержденному въ тотъ день утромъ, всѣ были при оружіи. Вначалѣ русскихъ много полегло на мѣстѣ, но затѣмъ они открыли сильный огонь, овладѣли нѣкоторыми воротами и оттѣснили нашихъ.

Русскіе всю ночь били въ набатъ и не давали намъ покоя. Между тѣмъ два полка изъ отряда Ляпунова, коими командовали два Плещеева, были посланы на развѣдки къ деревянному укрѣпленію за Москвой рѣкою.

Бой продолжался и въ среду. Въ четвергъ насъ не тревожили до полудня. Затѣмъ „подошли къ Москвѣ Прозовецкій, князь Василій Масальскій, Артемій Измайловъ, князь Репнинъ и прочіе воеводы". По другой реляціи, Масальскій и Прозовецкій привезли „на саняхъ копья, доски и разные инструменты съ цѣлью соорудить укрѣпленіе, но поляки не допустили ихъ до этого. Вступивъ въ битву, они разбили ихъ, забрали у нихъ много оружія, но не могли долго преслѣдовать ихъ по причинѣ глубокаго снѣга. Въ этомъ сраженіи погибло, по свидѣтельству современниковъ, около 5.000 чел.; въ числѣ добычи была между прочимъ серебряная булава и тринадцать знаменъ, которые недѣли двѣ спустя были доставлены въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ.

Послѣ этого пораженія „жители Москвы, потерявъ надежду на помощь со стороны своихъ, „начали, какъ пишетъ Мархоцкій, просить пощады. Мы рѣшили", говоритъ онъ „помириться съ ними, запретили убивать ихъ и тѣмъ", кои изъявили покорность, „приказали опоясать себя полотенцами. Госѣевскій далъ имъ для охраны приставовъ, въ присутствіи коихъ они, въ четвергъ и въ пятницу, снова присягали на вѣрное подданство Владиславу".

Но это „вѣрное подданство" продолжалось недолго „ибо", доносилъ Госѣевскій, „на третій же день, какъ только къ столицѣ

подошло новое войско, они снова измѣнили, и мои пристава едва ушли отъ нихъ живыми".

Между тѣмъ Ляпуновъ, Заруцкій и князь Димитрій Трубецкой, подойдя съ большими силами изъ-подъ Калуги, остановились въ трехъ миляхъ отъ Москвы, на берегу Угры.

Съ другой стороны шелъ отъ Ярославля князь Өедоръ Волынскій и Иванъ Волынскій съ нѣсколькими тысячами войска. Къ нимъ просоединились разбитые поляками Прозовецкій и Измайловъ и на ихъ сторону перешли гарнизоны укрѣпленныхъ Симонова и Андронова монастырей, куда сбѣжалось много народа изъ Москвы.

Хотя польскій гарнизонъ, стоявшій въ Москвѣ, неоднократно просилъ Сигизмунда о помощи, но король, занятый осадою Смоленска, задолжавъ войску и не имѣя въ казнѣ денегъ, не могъ удовлетворить ихъ просьбы, вслѣдствіе чего поляки, въ виду подступавшихъ къ Москвѣ превосходныхъ силъ, очутились въ самомъ критическомъ положеніи.

XV.

Интриги Голицына.—Арестъ и высылка пословъ изъ королевскаго обоза.—Рядъ неудачныхъ попытокъ овладѣть крѣпостью.—Сдача Смоленска и боярина Шеина.—Враждебное настроеніе русскихъ къ Сигизмунду.—Отчаянное положеніе польскаго гарнизона въ Москвѣ.—Смерть Сапѣги.—Ходкевичъ идетъ на помощь польскому гарнизону.

Несмотря на упорное сопротивленіе смоленскаго гарнизона, переговоры о сдачѣ крѣпости не прекращались. Въ началѣ марта 1611 г. Сигизмундъ „разрѣшилъ" даже смолянамъ присягнуть на вѣрность Владиславу, но въ то же время требовалъ, чтобы въ крѣпость впустили по крайней мѣрѣ 600 человѣкъ польскаго гарнизона. Бояринъ Шеинъ на это не согласился.

Въ польскомъ лагерѣ полагали, что главной причиной его упорства были тайные происки московскихъ пословъ, въ особенности Василія Голицына. „Онъ посылаетъ въ Смоленскъ, когда ему вздумается и зачѣмъ вздумается", жаловался въ своемъ письмѣ одинъ изъ приближенныхъ короля. „Его письма и его посланцевъ тамъ принимаютъ съ радостью, а онъ увѣряетъ, что все это дѣлается имъ для пользы его королевскаго величества". Двумъ его посланнымъ, Луговскому и князю Мезецкому, перебѣжчики изъ Смоленска говорили въ глаза, что они обѣщали имъ подмогу. По словамъ Кобержицкаго, Голицынъ не только былъ въ сношеніи съ Шейномъ и убѣждалъ его не сдаваться, но извѣщалъ его обо всѣхъ планахъ предводителей польскаго войска, и даже велъ тайные переговоры съ коро-

лемъ шведскимъ, Карломъ IX, которому онъ выразилъ свое желаніе, чтобы на московскій престолъ былъ избранъ одинъ изъ его сыновей.

Чтобы положить конецъ этимъ проискамъ, было рѣшено удалить пословъ изъ обоза и отослать ихъ къ королевичу Владиславу въ Вильно. „Голицыну было повелѣно готовиться къ отъѣзду въ Вильно, гдѣ онъ долженъ былъ бить челомъ королевичу о согласіи принять престолъ и ожидать тамъ открытія сейма". „Голицынъ былъ этимъ крайне недоволенъ, отговаривался тѣмъ, что у него не было лошадей и денегъ", что̀ было весьма неправдоподобно; вскорѣ, когда были получены новыя доказательства его интригъ, литовскій канцлеръ пригласилъ къ себѣ московскихъ пословъ и въ присутствіи сенаторовъ, бывшихъ въ королевскомъ обозѣ, въ строгихъ выраженіяхъ укорялъ ихъ за ихъ хитрые и вѣроломные поступки, совершенно несогласные съ инструкціями и наказомъ, полученнымъ ими отъ московскихъ бояръ. Въ то же время Сапѣга заявилъ посламъ, что по приказанію короля они должны были немедленно отправиться въ Вильно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что обвиненія также какъ и высылка пословъ изъ обоза были вполнѣ заслужены; къ сожалѣнію, Сигизмундъ этимъ не ограничился, а въ своемъ озлобленіи рѣшился на шагъ, который былъ вопіющимъ нарушеніемъ международнаго права. 5 апрѣля послы были арестованы и заключены въ тюрьму, три часа спустя высланы сперва въ Вильно, а затѣмъ въ Каменку подъ Львовъ. Тутъ ихъ продержали болѣе полугода, и только зимою они были перевезены, по приказанію короля, въ Варшаву, а оттуда распредѣлены по разнымъ крѣпостямъ.

Арестъ московскихъ пословъ былъ одною изъ самыхъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Сигизмундомъ, которая неминуемо должна была вызвать противъ него страшное негодованіе среди русскихъ и еще болѣе возстановить ихъ противъ поляковъ.

„Трудно, говоритъ А. Гиршбергъ, объяснить этотъ поступокъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, тѣмъ, что это было съ стороны Сигизмунда отвѣтомъ на незаконное задержаніе Василіемъ Шуйскимъ, въ Москвѣ польскихъ пословъ, ибо при такихъ обстоятельствахъ, какъ тогдашнія, нельзя было руководствоваться столь ничтожными побужденіями".

Между тѣмъ Сигизмундъ не оставлялъ мысли взять Смоленскъ штурмомъ и для этого рѣшилъ привезти новыя осадныя орудія, которыя были доставлены въ его обозъ 29 мая 1610 г.

Поляки начали готовиться къ приступу. „Пороха и пуль у насъ достаточно, доносилъ одинъ изъ подчиненныхъ гетмана, но мало пѣхоты, мы надѣялись на казаковъ, которыхъ ожидали изъ-

подъ Стародуба", но они мѣшкали и начали подходить только въ концѣ іюля. Когда ихъ собралось до семи тысячъ, поляки нѣсколько разъ пытались штурмовать крѣпость, но всякій разъ бывали отбиты мужественнымъ гарнизономъ и несли болѣе или менѣе значительный уронъ; наконецъ, послѣ того какъ предпринятый ими 1 декабря четвертый штурмъ, также какъ и всѣ предыдущіе, былъ отбитъ, они въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не подходили болѣе къ крѣпости и только когда узнали отъ шпіоновъ, что силы гарнизона значительно ослабѣли, такъ какъ много людей умерло отъ разныхъ болѣзней, то они рѣшили въ началѣ іюня (1611 г.) снова попытать счастье. Этотъ разъ осажденные были застигнуты врасплохъ и не могли оказать энергичнаго сопротивленія: поляки разрушили часть стѣны при помощи подложенной мины и ворвались въ крѣпость.

Потерявъ надежду на возможность дальнѣйшей обороны, осажденные искали спасенія въ церкви, но спастись удалось весьма немногимъ, ибо поляки подожгли церковный заборъ и при происшедшемъ отъ этого пожарѣ погибла бездна людей. По близости отъ церкви находились большіе склады пороха; „когда огонь дошелъ до него, пишетъ одинъ очевидецъ, наши взоры и слухъ были поражены изумительнымъ зрѣлищемъ. Землетрясеніе, громъ, молнія—какъ бы сочетались во едино. Отъ происшедшаго страшнаго взрыва развалились сосѣдніе дома и крѣпостная церковь, которая погребла подъ своими развалинами множество людей и сокровищъ, которыя были спрятаны въ ней".

Такимъ образомъ, по прошествіи четырехъ часовъ послѣ взятія крѣпости она была уничтожена до тла. „Многіе изъ жителей въ отчаяніи кидались въ огонь; женщины спасались бѣгствомъ въ польскій обозъ. На вопросъ поляковъ, гдѣ Шеинъ, онѣ отвѣчали, что онъ не убитъ, но заперся съ нѣсколькими десятками человѣкъ въ одну изъ крѣпостныхъ башенъ. Дѣйствительно, Шейнъ, съ женою и сыномъ засѣли въ башнѣ и продолжали отчаянно обороняться. По всей вѣроятности доблестный защитникъ Смоленска хотѣлъ погибнуть въ этой битвѣ, но окружающіе рѣшили спасти его. Его сынъ велѣлъ позвать Якова Потоцкаго, командовавшаго польскимъ отрядомъ, и когда тотъ явился, Шейнъ сдался ему. Кромѣ Шейна былъ взятъ въ плѣнъ Сергій, архіепископъ смоленскій и воевода Петръ Горчаковъ.

Во время этого штурма осажденные понесли огромныя потери: ихъ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ; весьма многіе изъ тѣхъ, которые были слишкомъ слабы и больны, чтобы бѣжать, сгорѣли. За все время продолжительной геройской осады Смоленска

русскихъ было убито и погибло отъ заразныхъ болѣзней болѣе 200 тысячъ.

Въ руки побѣдителей досталась богатая добыча и такой огромный запасъ съѣстныхъ припасовъ, что „его могло хватить болѣе чѣмъ на годъ. Въ крѣпости оказалось много мѣди, водки, вина и пива, не доставало только соли".

Во избѣжаніе распрей, все, что было захвачено въ Смоленскѣ, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, было продано съ публичнаго торга и вырученныя деньги раздѣлены поровну между солдатами. Впрочемъ, имъ досталось немного, такъ какъ почти все имущество жителей было истреблено огнемъ.

На другой день послѣ сдачи Смоленска, королю были представлены плѣнные; Потоцкій произнесъ длинную рѣчь, поздравляя короля съ одержанной побѣдой, послѣ благодарственнаго богослуженія войску было предложено роскошное угощеніе.

Три часа спустя Сигизмундъ уѣхалъ въ Польшу. Ему не приходило въ то время въ голову, что хотя Смоленскъ—предметъ его долгихъ вожделѣній—былъ наконецъ въ его рукахъ, но Московское государство вслѣдствіе его неблагоразумнаго поведенія навсегда было для него потеряно.

Въ Москвѣ народъ относился къ Сигизмунду все, болѣе и болѣе враждебно. Королю это было извѣстно, и онъ хотѣлъ какъ-нибудь измѣнить это настроеніе въ свою пользу; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ отправилъ съ этой цѣлью въ Москву новое посольство, которое должно было на Лобномъ мѣстѣ торжественно подтвердить еще разъ, что король шелъ подъ Смоленскъ не для того, чтобы уничтожить русское государство и православные храмы, а чтобы прекратить кровопролитіе и обезпечить миръ. Но это средство оказалось недѣйствительнымъ. Оставалось сломить враждебный духъ народа силою оружія, но для этого польскій гарнизонъ, находившійся въ столицѣ, былъ слишкомъ слабъ, поэтому Сигизмундъ рѣшилъ послать ему на подмогу лифляндское войско, подъ командою Ходкевича, обязавшись „отъ имени своего и королевича Владислава, что войско будетъ получать жалованье изъ московской казны, если же деньги не будутъ уплачены своевременно, то имъ предоставлялось право самимъ взыскать ихъ съ Сѣверской и Рязанской земли".

Съ такимъ воззваніемъ пріѣхалъ 20 апрѣля въ полкъ Сапѣги Яниковскій. Войско согласилось на эти предложенія и пошло къ Москвѣ.

Такъ какъ силы поляковъ были весьма значительны, то предводители русскаго мятежнаго войска, услыхавъ объ ихъ приближеніи, рѣшили вступить съ ними въ переговоры, но переговоры эти не привели ни къ чему.

Между тѣмъ положеніе польскаго гарнизона ухудшалось съ каждымъ днемъ. Когда Сапѣга подошелъ къ Москвѣ, Госѣевскій поспѣшилъ на свиданіе съ нимъ и упрашивалъ его какъ можно скорѣе атаковать непріятеля, на что войско заявило рѣшительно, что не двинется съ мѣста, пока ему не выдадутъ обѣщаннаго жалованья. Переговоры продолжались двѣ недѣли; московская казна за это время такъ оскудѣла, что денегъ взять было не откуда.

Пока длились эти переговоры, польскій гарнизонъ пытался дѣлать вылазки, но полкъ Сапѣги не поддерживалъ его. Положеніе поляковъ стало критическимъ: у нихъ уже почти не было съѣстныхъ припасовъ, а когда Сапѣга отправился со своими солдатами, чтобы добыть необходимое въ окрестностяхъ Москвы, то въ его отсутствіе русскіе разбили поляковъ, подошедшихъ на помощь польскому гарнизону подъ предводительствомъ мятежныхъ бояръ и, воспользовавшись своей побѣдой, окружили со всѣхъ сторонъ польскій гарнизонъ. Положеніе его было бы еще болѣе отчаяннымъ, если бы между предводителями русскаго войска не возникли въ это время распри. Во главѣ этого войска стояли воеводы князь Димитрій Трубецкой, Прокофій Ляпуновъ и Иванъ Заруцкій. Первое мѣсто между ними занималъ Трубецкой, какъ потомокъ бывшихъ удѣльныхъ князей, настоящимъ руководителемъ и душою движенія былъ Ляпуновъ. Это былъ человѣкъ необычайно храбрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордый и властный, чѣмъ онъ многихъ возстановилъ противъ себя. Казаки ненавидѣли Ляпунова за то, что онъ каралъ ихъ за всякій своевольный поступокъ. Онъ приказалъ арестовывать всѣхъ, кои будутъ замѣчены въ грабежѣ, и отсылать къ нему, а въ иныхъ случаяхъ разрѣшилъ даже убивать ихъ на мѣстѣ преступленія.

Какъ-то случилось, что 28 донскихъ казаковъ, уличенныхъ въ грабежѣ, были брошены въ рѣку, товарищамъ удалось спасти ихъ и привезти въ казацкій обозъ подъ Москву. Узнавъ объ этомъ, казаки взбунтовались, и озлобленіе ихъ было такъ велико, что Ляпуновъ хотѣлъ уже искать спасенія въ бѣгствѣ.

Этимъ воспользовался Госѣевскій; „онъ пустилъ слухъ о письмахъ, которыя будто бы разсылались Ляпуновымъ по крѣпостямъ, съ приказаніемъ убивать и топить донскихъ казаковъ, гдѣ бы они ни попались“.

Эти подложныя грамоты были подброшены въ казацкій лагерь. Казаки, повѣривъ имъ, собрались въ кругъ и, приведя въ него Ляпунова, подняли его на сабли“. Покончивъ съ нимъ, донцы кинулись къ его дому и разграбили его. Послѣ этого они стали еще дерзче и

своевольнѣе, такъ что многіе дворяне и дѣти боярскіе стали покидать лагерь.

Замѣшательство, происшедшее вслѣдствіе этого въ обозѣ мятежниковъ, повліяло благопріятнымъ образомъ на положеніе польскаго гарнизона. Увѣдомленный о томъ, Сапѣга поспѣшилъ къ Москвѣ съ намѣреніемъ дать битву русскимъ, во главѣ которыхъ сталъ теперь Заруцкій.

Русскіе были застигнуты врасплохъ и отступили; а поляки, гонясь за ними по пятамъ, овладѣли всѣми воротами и башнями, которыя раньше были въ ихъ рукахъ. Госѣевскій хотѣлъ воспользоваться этой побѣдою, чтобы овладѣть и послѣдними башнями, но неудовольствіе въ войскѣ, которое все еще не получало жалованья, было такъ велико, что солдаты рѣшительно отказались долѣе сражаться; 14 августа, когда части, бывшія въ дѣлѣ, нужно было замѣнить свѣжими отрядами, несмотря на приказаніе Госѣевскаго, никто не захотѣлъ идти въ бой!

Особенно сильно было недовольство въ полку Сапѣги; его солдаты, вмѣсто того чтобы сражаться, только и дѣлали, что „собирали генеральныя коло“ и обсуждали на нихъ вопросъ, какъ добиться уплаты жалованья по крайней мѣрѣ за истекшія двѣ четверти.

Они рѣшили, наконецъ, ждать только до 15 сентября и, если къ тому времени король не выполнитъ своихъ обѣщаній, немедля объявить конфедерацію и уйти изъ предѣловъ Московскаго государства.

Въ довершеніе бѣды для поляковъ въ это время заболѣлъ Янъ-Петръ Сапѣга; 3 сентября онъ былъ перевезенъ въ Москву, въ Кремль, въ палаты Шуйскаго, гдѣ 14 числа и скончался, „хотя не царемъ“, говоритъ Мархоцкій, „но все же въ царскихъ палатахъ“, оплакиваемый всѣмъ войскомъ.

Смерть его была тяжкимъ ударомъ для польскаго войска. Послѣ этого хотя его войско и получило изъ московской казны 50.000 р. въ счетъ жалованья и 4.000 на раненыхъ, но „оно вышло окончательно изъ всякаго повиновенія“. Госѣевскій возлагалъ теперь всѣ свои надежды единственно на помощь со стороны литовскаго гетмана Ходкевича, которому Сигизмундъ еще въ исходѣ апрѣля повелѣлъ идти съ лифляндскимъ войскомъ къ Москвѣ. Но Ходкевичъ, бывшій въ то время въ довольно непріятныхъ отношеніяхъ съ Сигизмундомъ, такъ какъ король подозрѣвалъ его въ сношеніяхъ съ Радзивилломъ, однимъ изъ главныхъ предводителей „рокоша“, не хотѣлъ идти къ столицѣ.

„О столицѣ“ (т. е. о Москвѣ), писалъ онъ своей женѣ 10 іюня, „я и не помышляю; развѣ если самъ король пойдетъ съ нами; а безъ него ни за что (не пойду)“.

Однако, встрѣтившись съ королемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, случайно, въ четырехъ миляхъ отъ Орши и примирившись съ нимъ, онъ измѣнилъ свое намѣреніе и далъ ему слово идти къ столицѣ и дѣйствительно сталъ поспѣшно сосредоточивать войска; но противъ него начали интриговать Потоцкіе и многихъ отговорили идти подъ его начальствомъ, такъ что вмѣсто 12—15 тысячъ, которыхъ онъ надѣялся повести къ Москвѣ, онъ собралъ едва двѣ тысячи, съ коими и пошелъ на выручку польскаго гарнизона.

Но въ виду большихъ силъ, коими располагали въ то время русскіе, и полнаго упадка дисциплины въ польскомъ войскѣ, приходъ литовскаго гетмана не могъ оказать существеннаго вліянія на отчаянное положеніе польскаго гарнизона.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Князь Меншиковъ въ турецкомъ диванѣ (госуд. сов.).

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ императоръ Наполеонъ III, задѣтый лично императоромъ Николаемъ I-мъ, началъ вымѣщать свои обиды вмѣшательствомъ въ наши отношенія къ Турціи и вообще въ наши дѣла на Востокѣ.—Видя, что султанъ, въ переговорахъ о гробѣ Господнемъ, проявляя массу двуличія, становится скорѣй на сторону Франціи, Императоръ Николай назначилъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ князя Меншикова,—которому личными инструкціями Царя вмѣнено было въ обязанность съ особой внимательностью слѣдить на мѣстѣ за ходомъ отношеній турецкаго правительства къ иностраннымъ державамъ, вести своевременно переговоры и направлять дѣла по-своему т. е. въ интересахъ Россіи.

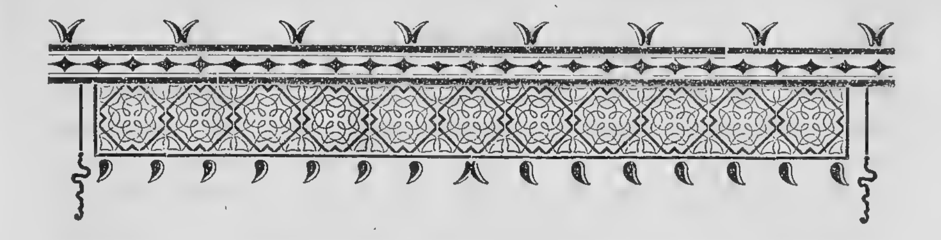
Князь Меншиковъ сразу убѣдился въ неискренности турецкихъ министровъ и даже самого султана; поэтому, твердо зная вообще, какъ слѣдуетъ обращаться съ восточными людьми, принялъ въ своихъ отношеніяхъ съ представителями турецкаго правительства тонъ крайне рѣзкій, безцеремонный, грубый, а вмѣстѣ съ тѣмъ презрительно-насмѣшливый.

Султанъ Абдулъ Меджидъ, желавшій возможно тщательнѣе скрыть свою въ данномъ дѣлѣ недоброжелательность къ Россіи, боялся, какъ бы его сочувствіе Франціи не было обнаружено кѣмъ бы то ни было ранѣе, чѣмъ онъ могъ бы найти это нужнымъ.—Обезпокоенный обращеніемъ и поведеніемъ кн. Меншикова, онъ не одному министру задавалъ вопросъ: не чувствуетъ ли посолъ, что мы поддерживаемъ Наполеона? Приближенные его успокоивали тѣмъ, что тутъ дѣло не въ политикѣ, а въ характерѣ и въ воспитаніи Меншикова — больше ничего, въ политикѣ же все идетъ гладко, потому что все шито, крыто.—Султана особенно безпокоило то обстоятельство, что кн. Меншиковъ, входя въ диванъ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ Абдулъ Меджидъ, никогда не давалъ себѣ труда поклониться его величеству. Хотя великій визирь и министръ подводили и эту выходку подъ одинъ уровень, т. е. приписывали происхожденіе ея невоспитанности и необузданности посла, но они, конечно, понимали, что гораздо обстоятельнѣе было бы какъ-нибудь заставить Меншикова кланяться при входѣ въ госуд. совѣтъ.

Подойдя къ дивану послѣ праздниковъ Рамазана, т. е. послѣ довольно продолжительнаго промежутка времени, кн. Меншиковъ, къ большому удивленію своему, увидѣлъ входную въ залъ засѣданій дверь передѣланною такимъ образомъ, что съ его очень высокимъ ростомъ нельзя было войти въ нее иначе, какъ наклонившись, т. е. необходимо было при входѣ держать корпусъ и голову въ такомъ положеніи, которое султанъ несомнѣнно долженъ былъ бы принять за поклонъ.—Не долго думая, князь повернулся задомъ къ двери и, нѣсколько присѣвши въ колѣняхъ, вошелъ спиной къ засѣдавшимъ, а слѣдовательно и къ султану.

Такъ хитроумнымъ, искусившимся въ шарлатанствѣ министрамъ падишаха не удалось ни перехитрить находчиваго русскаго посла, ни обмануть своего повелителя.

Сообщ. А. Е. К.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Графъ Аракчеевъ нашъ военный министръ.

Нашимъ военнымъ министромъ былъ тогда графъ Алексѣй Аракчеевъ. Это былъ Сезонъ—Тиверія, Тигеллинъ—Нерона и Маратъ—французской революціи. Этотъ человѣкъ былъ извергомъ свирѣпости какъ въ своихъ принципахъ, такъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ. Къ несчастію, этотъ всѣми ненавидимый и презираемый человѣкъ игралъ слишкомъ важную роль, и я не могу не уступить своему желанію поподробнѣе описать эту личность.

Аракчеевъ происходилъ изъ небогатой и незнатной дворянской семьи. Сначала онъ служилъ преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ сталъ офицеромъ корпуса и профессоромъ математики.

Когда Павелъ I, еще въ бытность свою великимъ княземъ, обратился къ генералу Мелессино, директору 1-го кадетскаго корпуса, съ просьбой дать ему офицера для командованія его огромной Гатчинской артиллеріей (состоявшей, кажется, изъ трехъ-фунтовыхъ пушекъ), Меллесино исполнилъ просьбу Павла и далъ ему Аракчеева. Этотъ выборъ былъ пагубой для всей Россіи. Аракчеевъ быстро понялъ, что нужно было дѣлать, чтобы быть полезнымъ и пріятнымъ великому князю, и настолько съумѣлъ ему угодить, что когда Павелъ вступилъ на престолъ, то онъ тотчасъ же приблизилъ къ себѣ Аракчеева, возложивъ на него исполненіе самыхъ важныхъ порученій; награждая его по своему усмотрѣнію такъ, что тотъ въ 28 лѣтъ былъ уже генералъ-лейтенантомъ. Эту благосклонность къ

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь 1907 г.

Аракчееву, къ несчастію, унаслѣдовалъ отъ своего отца и Императоръ Александръ, который оказывалъ ему даже больше милостей, нежели Павелъ.

Въ дѣйствительности Аракчеевъ былъ первымъ министромъ и настоящимъ деспотомъ Россіи, хотя на самомъ дѣлѣ не только не носилъ этого званія, но даже не имѣлъ никакого титула. Онъ вмѣшивался во всѣ дѣла и отъ имени государя писалъ генералъ-губернаторамъ и даже министрамъ записки и замѣтки, которыя становились для нихъ высшими приказаніями и указами, долженствующими быть немедленно исполненными. Когда же обращались къ нему лично, то онъ отвѣчалъ обыкновенно, что онъ самъ по себѣ ничто и что онъ не входитъ ни въ какія дѣла.

Онъ долженъ былъ докладывать государю выписки всѣхъ рѣшеній Комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, но никто не присутствовалъ при его докладахъ, а поэтому и не знали, насколько онъ сокращалъ эти постановленія, а также вѣрно ли сообщалъ онъ приказанія государя, рѣдко писанныя подъ диктовку его величества.

Онъ завѣдывалъ тайной полиціей—этимъ опаснымъ оружіемъ въ рукахъ такого безсердечнаго и неделикатнаго человѣка. Онъ пріобрѣлъ такое сильное вліяніе, что, вмѣсто привлеченія сердецъ къ монарху, онъ отвергалъ ихъ и если Александръ къ концу своей жизни былъ нелюбимъ нѣкоторыми, то этимъ онъ обязанъ исключительно Аракчееву. Вліяніе, которое имѣлъ Аракчеевъ на Александра, тѣмъ болѣе удивительно, что онъ обладалъ такою слабостью, которой Александръ никогда не прощалъ никому другому: онъ былъ чрезвычайно трусливъ на войнѣ. Страхъ его доходилъ иногда прямо до комизма. Однажды, во время войны 1813 года, одно ядро пролетѣло въ 100 саж. отъ него; это было единственное ядро, свистъ котораго онъ когда-либо слышалъ, и эта музыка такъ ему не понравилась, что, несмотря на то, что онъ былъ начальникомъ артиллеріи, онъ до того перепугался, что легъ животомъ на землю подъ лошадь. Такая трусость сдѣлала его посмѣшищемъ всей арміи. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, каждый разъ предупреждалъ его, когда ожидался звукъ выстрѣла и тогда начальникъ артиллеріи спасался за 20 верстъ! Его могущество было такъ велико, что онъ удалялъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ умъ, таланты и добродѣтели могли пріобрѣсти заслуженную благосклонность и, такимъ образомъ, затмить его. Онъ не терпѣлъ никого, кто бы могъ его затмить или замѣнить и тѣмъ болѣе того, кто этого добивался. Злословіе, клевета и козни, проявляемыя тайно или явно, все направлялось къ тому, чтобы уничтожить своего соперника. Онъ

даже выдумалъ особое слово „*Гогъ-Магогъ*"—этимологія котораго неизвѣстна, но тотъ, который получалъ это названіе, могъ быть увѣренъ, что не будетъ долго занимать то мѣсто, которое приближало его къ государю. Ему удалось даже низвергнуть князя Петра Волконскаго, признательность и забота котораго были столь необходимы государю. Какова же была сила этого человѣка, каково было его обаяніе, если онъ могъ внушить подозрѣнія къ такому уважаемому и почтенному слугѣ Императора, каковымъ былъ князь Волконскій. Вліяніе Аракчеева распространялось на всѣхъ и на все; къ тому же онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ и все, что на него ни возлагалось, онъ дѣлалъ вполнѣ основательно. Онъ умѣлъ распутывать сложныя дѣла и представлять ихъ въ краткомъ, ясномъ и точномъ изложеніи; но при этомъ онъ не стѣснялся пускать въ ходъ всѣ средства, чтобы заслужить расположеніе своего повелителя. Онъ ему облегчалъ работу и съумѣлъ сдѣлать себя необходимымъ и желаннымъ совѣтникомъ, что̀ составляетъ большую заслугу министра.

Изъ всѣхъ злодѣяній, совершенныхъ Аракчеевымъ, я приведу здѣсь только два, но ихъ вполнѣ достаточно, чтобы ознакомиться съ его личностью.

Въ 1797 году онъ былъ прикомандированъ къ Преображенскому полку и командовалъ баталіономъ. На одномъ ученьи этотъ баталіонъ плохо учился, что̀ вызвало гнѣвъ императора Павла, и онъ выразилъ Аракчееву свое неудовольствіе. Что же сдѣлалъ тогда Аракчеевъ? Онъ вызвалъ изъ строя трехъ лучшихъ солдатъ 1-ой шеренги и приказалъ ихъ бить до смерти, покуда окровавленныхъ и въ безсознательномъ состояніи ихъ не отнесли въ госпиталь, гдѣ они и умерли черезъ 2 или 3 дня. Когда государь случайно посѣтилъ госпиталь, то полковой адъютантъ Дятловъ, ненавидѣвшій Аракчеева, показалъ умирающихъ людей великому князю Александру, сопровождавшему Императора, въ надеждѣ, что онъ остановитъ передъ ихъ кроватями государя, и что Аракчеевъ будетъ уничтоженъ, но великій князь посмотрѣлъ на нихъ, вздохнулъ и удалился, не смѣя доложить объ этомъ отцу.

Въ 1825 году, слуги этого изверга умертвили другого, такого же тиранна; это была его подруга, изъ крѣпостныхъ прислугъ, не пріобрѣвшая дружбы тѣхъ несчастныхъ, которые страдали отъ жестокостей тиранніи.

Аракчеевъ не зналъ тѣхъ, которые ему отомстили за другихъ. Онъ арестовалъ нѣсколькихъ своихъ людей и предалъ ихъ страшнымъ мукамъ (неизвѣстнымъ въ Россіи и запрещеннымъ закономъ). Болѣе половины этихъ людей были невинны. Какъ онъ смѣлъ это

сдѣлать? Какъ онъ могъ найти людей для исполненія своей преступной воли? Государь зналъ объ этомъ, но чѣмъ же объяснить тогда его молчаніе? Какъ объяснить тѣ письма, которыя онъ писалъ ему и которыя Аракчеевъ осмѣлился напечатать? Какъ оправдать постоянную благосклонность къ этому палачу? Все это можно объяснить только однимъ: Александръ считалъ его преданнымъ себѣ и необходимымъ для своей безопасности.

Аракчеевъ былъ удаленъ императоромъ Николаемъ, и мы имѣемъ право надѣяться, что, несмотря на всѣ его старанія, онъ уже не получитъ никакого назначенія.

Чтобы составить намъ резервную армію, графъ Аракчеевъ приказалъ отдѣлить отъ каждаго пѣхотнаго полка вторые баталіоны. Мѣра эта была ошибочна, такъ какъ оставшіеся въ полкахъ по два баталіона, выдѣливъ изъ себя еще лучшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, не представляли уже ничего серьезнаго и даже не могли больше служить. Численность же пѣхоты уменьшилась на одну треть.

Всѣ эти баталіоны преобразовали въ полки и, съ добавленіемъ кавалеріи и артиллеріи, составили резервный корпусъ Молдавской арміи. Командиромъ резервнаго корпуса назначили генералъ-лейтенанта Эссена I.

По взятіи Хотина, генералъ Эссенъ I участвовалъ въ прусской войнѣ 1807 г., а затѣмъ вернулся въ нашу армію; но это назначеніе ему не понравилось, и онъ слишкомъ явно выказалъ это князю Прозоровскому, чѣмъ и вооружилъ его противъ себя.

Ничтожный Аракчеевъ, увѣренный, что нельзя быть на войнѣ хорошимъ офицеромъ, не изучивъ основательно всей службы капрала, приказалъ отправить въ Петербургъ изъ всѣхъ полковъ старѣйшихъ капитановъ для держанія экзамена и выдержавшимъ таковой дать право производства въ маіоры, если они были достойны этого, т. е. если они знали бы въ совершенствѣ то, чего они могли бы и не знать, для полученія предназначенной имъ награды. Однимъ словомъ, отъ нихъ, главнымъ образомъ, потребовалось знаніе уставовъ. Командиры полковъ, бригадъ и дивизій были не довольны этой оцѣнкой заслугъ, такъ какъ они лучше знали достоинства своихъ офицеровъ на войнѣ. Отвлеченіе этихъ капитановъ отъ войскъ, въ военное время, особенно ослабило дѣйствующую армію, такъ какъ эти боевые офицеры были въ большинствѣ случаевъ командирами баталіоновъ. Кромѣ того, многіе изъ нихъ были отличными въ бояхъ, но мало свѣдущими въ мелочахъ гарнизонной службы, на которую самъ Аракчеевъ, невѣжественный и упрямый, смотрѣлъ какъ на единственную и полезную науку.

Прозоровскій имѣлъ слабость отпустить изъ арміи этихъ капитановъ, большинство которыхъ пропало или въ дорогѣ или въ Петербургѣ. Тамъ они оставались болѣе года, не получая никакого пособія. Многіе изъ нихъ даже не были произведены! они-то и были лучшими офицерами, наиболѣе пригодными на войнѣ [1]).

Продержавъ совершенно безполезно войска въ лагеряхъ, во время перемирія и въ періодъ дождливой и холодной осени, Прозоровскій приказалъ занять зимнія квартиры арміи только въ ноябрѣ. Корпусъ же, которымъ я командовалъ, оставался въ лагерѣ до 5-го декабря, чтобы окончить постройку трехъ огромныхъ редутовъ, которые князь Прозоровскій заставилъ меня выстроить у деревни Табакъ, какъ говорятъ, по совѣту Гартинга, на берегу озера Котлибухъ и озера Китта, съ цѣлью удерживать вылазки Измаильскаго гарнизона. Мѣра эта была ошибочна, такъ какъ редуты эти были расположены на 40—50 верстахъ, и они могли быть заняты только одной пѣхотой. Въ случаѣ же набѣга турецкой конницы моя пѣхота не могла ни остановить, ни преслѣдовать ее. Я сдѣлалъ объ этомъ пред-

---

[1]) Два года спустя, гр. Каменскій отказался высылать ихъ туда, но государь заставилъ его исполнить сдѣланное распоряженіе. Военнымъ министромъ былъ тогда Барклай, человѣкъ умный и уважаемый, но и ему не удалось помѣшать исполненію этой пагубной мѣры.

Въ зиму 1810—11-го годовъ, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, то я встрѣтилъ тамъ нѣсколькихъ капитановъ моей дивизіи, смѣнившихъ другихъ, уже получившихъ надлежащую подготовку въ войскахъ гвардіи. Познанія, пріобрѣтенныя ими послѣ долгихъ трудовъ, на дѣлѣ оказались непримѣнимыми, такъ какъ уставныя правила мѣнялись черезъ каждые, шесть семь мѣсяцевъ и, вслѣдствіе этого, они являлись въ полки совершенными неучами. Многіе изъ нихъ являлись ко мнѣ со слезами на глазахъ и просили пособія; никто не заботился объ ихъ довольствіи и требованіяхъ; а если кто изъ нихъ являлся въ поношенной или неисправной одеждѣ, того сажали подъ арестъ. Жалованье ихъ такъ было ничтожно, что годового не хватало и на 1 мѣсяцъ. Посѣщенія этихъ несчастныхъ меня совершенно разоряли; они мнѣ стоили отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ, но я не жалѣлъ объ этомъ; отчаяніе этихъ несчастныхъ доходило до того, что многіе изъ нихъ хотѣли окончить жизнь самоубійствомъ. Нужда и усталость преслѣдовали ихъ; они нигдѣ не бывали, кромѣ какъ на ученьяхъ, караулахъ, исполняя обязанности прапорщиковъ и подпоручиковъ въ караулахъ у городскихъ заставъ. Они потеряли права на производство за отличіе на войнѣ, гдѣ они имѣли много случаевъ выдѣлиться. Они также лишились и тѣхъ наградъ, которыя получили ихъ товарищи, оставшіеся въ полкахъ. Эта несчастная манія къ солдатизму достигла до абсурда, но никогда безуміе это не достигало такой степени. Это былъ результатъ роковой маніи повелителя, такъ выдававшагося своимъ умомъ и уважаемаго за свои качества, добродѣтель и гуманность. Какъ слабы люди, по крайней мѣрѣ на этомъ поприщѣ. Можно во всякомъ случаѣ упрекнуть Барклая, что онъ слишкомъ мало заботился о войскахъ

ставленіе, но оно не было принято. Невозможно вообразить тотъ трудъ и ту работу, которыхъ мнѣ стоили постройка этихъ укрѣпленій въ странѣ, лишенной лѣса, и куда привозить его, для постройки землянокъ, приходилось за 100 верстъ.

Прозоровскій самъ начертилъ планъ этихъ укрѣпленій въ четыре бастіона. Эти постройки я не могъ начать раньше октября, а тогда начались такіе морозы, что рыть мерзлую землю можно было только при помощи топора. Прозоровскій былъ очень сконфуженъ своей настойчивостью, которая повела за собой гибель Нижегородскаго полка, въ зиму 1807/8 г., во время стоянки въ землянкахъ, а чтобы оправдаться, онъ свалилъ причину бѣдствій полка на дурную постройку землянокъ. Поэтому новыя землянки онъ заставилъ меня строить прямо на подобіе дворцовъ. Вся эта постройка должна была окончиться 5-го декабря, но съ 1-го числа начался страшный, снѣжный ураганъ, продолжавшійся пять дней, такъ что мы не только не могли продолжать свои работы, но даже были принуждены просидѣть 3 дня въ ямахъ, не имѣя возможности выйти оттуда и питаясь все время одними только сухарями. Два же баталіона, застигнутые ураганомъ въ дорогѣ, перенесли много лишеній и даже потеряли нѣсколько человѣкъ, замерзшихъ въ дорогѣ.

Пегливанъ никакъ не могъ понять, что удерживало меня такъ долго въ лагерѣ, и безпрестанно спрашивалъ меня о моемъ отъѣздѣ. Не имѣя возможности объяснять ему причину своей задержки, я молчалъ; уѣзжая же, далъ ему знать о своемъ выѣздѣ.

Въ каждомъ изъ построенныхъ редутовъ я поставилъ по одному баталіону, ежемѣсячно смѣнявшемуся.

Въ февралѣ мѣсяцѣ нашъ Бутырскій полкъ потерпѣлъ большія потери. Три баталіона этого полка, возвращаясь подъ командой полковника Трескина на свои квартиры въ Бендеры, въ дорогѣ были застигнуты страшнымъ ураганомъ. Почти 150 человѣкъ были свалены съ ногъ сильнымъ вѣтромъ и занесены снѣгомъ; но многіе изъ этихъ несчастныхъ, переживишхъ это бѣдствіе, остались съ отмороженными членами.

Князь Прозоровскій и графъ Аракчеевъ произвели по поводу этого печальнаго событія строжайшее слѣдствіе, но такъ какъ никто не былъ здѣсь виновенъ, то некого было и наказывать.

Зиму я провелъ въ Фальчи, гдѣ и получилъ болѣзнь скорбутъ и полное зараженіе крови. Болѣзнь эта была очень опасна, и я вылечился отъ нея только весной. Это была уже четвертая, но далеко еще не послѣдняя болѣзнь, которой я подвергался во время этой войны.

Въ зиму 1808—09 г. воевали съ Швеціей. Эта война была для

насъ очень счастлива, такъ какъ мы отняли у этой страны большую часть ея территоріи, а также заняли и пріобрѣли всю Финляндію.

Отважная экспедиція по льду, совершенная генералъ-лейтенантомъ Барклай-де-Толли и княземъ Багратіономъ, приблизила насъ къ Стокгольму.

Молодой король Швеціи Густавъ IV революціей былъ сверженъ съ престола, а его дядя, старый герцогъ Зюдерманскій (тотъ самый, котораго я уже описывалъ въ 1-й части журнала кампаніи 1790 года и котораго, не безосновательно нѣкоторыя лица подозрѣвали въ участіи въ заговорѣ противъ своего брата Густава III, павшаго отъ руки убійцы) былъ возведенъ на престолъ подъ именемъ Карла XIII.

Молодой Густавъ IV, очень добрый и прямодушный, вслѣдствіе своего слабоумія, былъ совершенно не способенъ къ правленію. Въ 1807 году, когда Наполеонъ вызвалъ на войну Россію, онъ написалъ Густаву, предлагая ему соединиться съ нимъ. Густавъ отправилъ это письмо своему зятю Александру, который, кажется, скоро забылъ объ немъ. Благодарность не есть добродѣтель повелителей, и кровныя узы, тѣмъ болѣе здѣсь, не признаются.

Эта война не была народною войной въ Россіи, и Прозоровскій никогда иначе не говорилъ мнѣ о ней, какъ со стыдомъ и печалью. Наполеонъ былъ главнымъ подстрекателемъ этой войны, которая окончилась гораздо скорѣе и гораздо лучше, чѣмъ онъ предполагалъ. Она принесла Россіи больше выгодъ, чѣмъ славы.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ у насъ тогда графъ Николай Румянцевъ. Государь, убѣжденный, наконецъ, въ ничтожествѣ и сумасбродствѣ Будберга, согласился смѣнить его.

Румянцевъ не обладалъ никакими талантами; это былъ человѣкъ весьма пустой, щеголявшій своей болтливостью, которую государь, впрочемъ, принималъ за краснорѣчіе и которая ослѣпляла иногда его слушателей, если они не особенно углублялись въ нее и не искали въ ней смысла.

Въ политическомъ же отношеніи его умъ совершенно не соотвѣтствовалъ той дѣятельности, которая предстояла ему, призванному руководить государственной дипломатіей. Обольщенный, обманутый или вѣрнѣе сказать ослѣпленный Наполеономъ, онъ побудилъ государя начать эту безнравственную войну съ Швеціей, возобновить войны съ турками и принять участіе въ наибезнравственнѣйшей и самой пагубной войнѣ съ Австріей въ 1809 году. Онъ вскорѣ сдѣлался предметомъ ненависти своихъ соотечественниковъ, смотрѣвшихъ на вещи гораздо правильнѣе его. Наполеонъ же говорилъ,

что у него въ Россіи только два друга: государь и графъ Румянцевъ. Государь конечно былъ далекъ отъ мысли быть другомъ Наполеона, но онъ опасался его политики и боялся новой войны съ нимъ.

Вотъ причина полнаго самоотверженія и кажущейся подчиненности Александра; на самомъ же дѣлѣ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ того момента, когда онъ снова могъ бы оправиться [1]).

Распредѣленіе по квартирамъ нашей огромной арміи осталось неизмѣненнымъ. Изъ новоприбывшихъ войскъ образовали большой корпусъ для Кутузова, который, также какъ и Эссенъ I, командиръ резервнаго корпуса, своей зимней квартирой имѣлъ Яссы.

Князь Прозоровскій провелъ еще одну зиму въ Яссахъ и по обыкновенію предавался тамъ дѣятельному труду. Самымъ важнымъ дѣломъ, поглощавшимъ всѣ его заботы и вниманіе, былъ конгрессъ о мирѣ, который, наконецъ, послѣ 18-ти мѣсячной нерѣшимости и безполезной переписки, былъ назначенъ въ Яссахъ. Объ этомъ конгрессѣ знали заранѣе, что онъ не окончится ничѣмъ. Турки, руководимые тайно Франціей и явно Англіей (которая вслѣдствіе нашей слабой и нерѣшительной политики возстала противъ насъ единственно на этомъ пунктѣ), явились на конгрессъ—съ непоколебимой рѣшимостью не уступать намъ ни одного фута изъ земель, лежащихъ на правомъ берегу Днѣстра. Въ нашихъ же намѣреніяхъ было пріобрѣсти Дунай или, по крайней мѣрѣ, Серетъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1809 года въ Яссы прибылъ Рейсъ-Эффенди (я уже упоминалъ о немъ). Съ нимъ, въ качествѣ переводчика, пріѣхалъ драгоманъ Порты князь Дмитрій Муррузи (братъ того, который послѣднее время былъ княземъ). Онъ былъ, какъ и всѣ Фонарскіе греки, человѣкъ тонкій, хитрый, посвященный въ политику дивана; умный, знающій и умѣющій быть пріятнымъ въ обществѣ [2]).

Князь Прозоровскій членами конгресса выбралъ ген.-лейт. Милорадовича, сенатора Кучникова и ген.-маіора Гартинга. Кучниковъ былъ человѣкъ весьма умный и сообразительный; Гартингъ обладалъ географическими свѣдѣніями, что еще нѣсколько оправдывало этотъ выборъ, что же касается Милорадовича, то онъ уже совсѣмъ

[1]) 1827. Трудно, высоко поднявшись и прославивъ себя болѣе геройскими подвигами, связанными съ сильнымъ характеромъ и неустанной энергіей заставить забыть минутную слабость, вызванную обстоятельствами.

[2]) Мы называли его княземъ, т. к. привыкли называть такъ всѣхъ, которые имѣли изъ своей фамиліи князей въ Молдавіи или Валахіи, но понастоящему этотъ титулъ принадлежалъ только княжествующему лицу и никому больше изъ его семейства. Они назывались Бедсаблей—что значило „сыновья князя“.

не годился въ дипломаты, такъ какъ вслѣдствіе своего легкомыслія поддавался вліянію нашихъ враговъ, забывая при этомъ всю политику въ серьезныхъ и важныхъ дѣлахъ.

Но дѣло въ томъ, что ему сильно протежировалъ Аракчеевъ, который и устроилъ ему это назначеніе черезъ Дворъ и князя Прозоровскаго, имѣвшаго также слабость къ Милорадовичу, и только поздно понявшаго, что онъ обманывался въ его талантахъ и качествахъ.

Г-нъ Іосифъ Фонтонъ, статскій совѣтникъ, былъ назначенъ первымъ переводчикомъ Россіи, а Безакъ — секретаремъ конгресса. Молодой графъ Браницкій, камеръ-юнкеръ Багреевъ и еще нѣсколько молодыхъ людей, прикомандированныхъ къ главной квартирѣ, получили разныя должности въ этихъ конференціяхъ, церемоніалъ которыхъ князь Прозоровскій установилъ самымъ точнымъ образомъ.

Іосифу Фонтону было болѣе 60-ти лѣтъ, онъ былъ французъ; мы уже раньше видѣли причины, заставившія его перейти съ французской службы на русскую (см. журналъ 1806 г.). Никто изъ драгомановъ, причисленныхъ къ Европейскимъ миссіямъ Оттоманской Порты, не зналъ лучше его ума и характера турокъ и Фонарскихъ грековъ, а также ихъ привычки и языкъ. Это былъ дипломатъ умный, предусмотрительный, образованный, ловкій, любезный, но, какъ и всѣ драгоманы, слишкомъ привязанный къ Константинополю, гдѣ онъ родился и гдѣ желалъ бы кончить свои дни. Какъ говорятъ, онъ былъ очень богатъ, но считался очень скупымъ. Въ такой подкупной странѣ, гдѣ всѣ греки нуждаются въ протекціи русскаго и французскаго дворовъ, все пріобрѣтается за плату; а поэтому неудивительно, что и Фонтонъ принималъ плату за свои услуги, тѣмъ болѣе, что подобные примѣры такъ часто встрѣчаются среди азіатовъ.

Затѣмъ, какъ я слышалъ, онъ былъ предметомъ большой сплетни (я говорю сплетни, потому что я вполнѣ увѣренъ, что это неправда). Говорили, что Молдавскіе и Валахскіе князья дѣлали ему дорогіе подарки, имѣя въ виду сохранить такимъ образомъ свои отношенія къ Портѣ, если даже обѣ эти провинціи останутся за Россіей. Фонтона публично обвиняли во время Ясскаго и Бухарестскаго конгрессовъ въ томъ, что онъ болѣе покровительствовалъ—Фонару, чѣмъ Россіи. Увѣряли также, что будто Порта во время Бухарестскаго конгресса обѣщала ему большую сумму денегъ, если онъ окончитъ дѣло миромъ, ограничивъ наши владѣнія Прутомъ.

Я передаю всѣ эти разговоры, потому что они распространились въ арміи. Во всякомъ случаѣ виною всего этого были обстоятельства, а не Фонтонъ. Обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія въ

1812 году, сложились такъ, что мы кромѣ Прута ничего не могли требовать и были счастливы, что могли получить хоть эту границу. Антонъ Фонтонъ, племянникъ Іосифа, молодой человѣкъ, 27 лѣтъ, не принималъ участія въ дипломатіи дяди, хотя и въ совершенствѣ зналъ турецкій языкъ.

Г-нъ Дуксъ, французскій консулъ въ Бухарестѣ (о которомъ я уже говорилъ въ журналѣ 1807 г.), прибылъ въ Яссы, кажется спеціально для того, чтобы интриговать или чтобы тайно протежировать своимъ хорошимъ друзьямъ туркамъ. Онъ дѣйствовалъ по инструкціямъ, полученнымъ отъ г-на де-ла-Туръ-Мабура.

Послѣ отъѣзда Сабастіани, вмѣсто него, завѣдывающимъ французскими дѣлами остался молодой графъ Пушкинъ, бывшій атташе при министрѣ иностранныхъ дѣлъ, котораго затѣмъ назначили къ князю Прозоровскому.

Благодаря своей ловкости, Пушкинъ добылъ инструкціи и тайныя письма Дукса. Тутъ-то мы увидали все вѣроломство французскаго кабинета и его желаніе увлечь насъ снова въ эту дорогую и безконечную войну, чтобы затѣмъ, опять напасть на насъ. Все это было отправлено графу Румянцеву, что̀ значило то же самое, что адресовать министру Наполеона. Но это интересное открытіе ничего не измѣнило въ странѣ и взглядахъ нашего министра.

Чтобы покончить здѣсь со всѣмъ, что касается министра, я скажу, что если въ теченіе 1809 года нашъ дворъ не освободился отъ графа Румянцева, то нашей арміи удалось наконецъ освободиться отъ Аракчеева, который оставилъ военное министерство, гдѣ засидѣлся слишкомъ долго, и былъ замѣненъ генераломъ Барклаемъ-де-Толли. Барклаю тогда было уже 50 лѣтъ, онъ родился въ Ливоніи, но происходилъ изъ купеческаго Ирландскаго рода. Барклай началъ свою военную карьеру съ роли адъютанта у уважаемаго князя Д'Ангальта; онъ былъ раненъ въ Швеціи, въ томъ самомъ дѣлѣ, въ которомъ убили самого князя. Затѣмъ онъ служилъ въ арміи, но въ чинахъ подвигался весьма медленно и 1806 году былъ еще только генералъ-маіоромъ. Подъ Прейсишъ-Эйлау онъ получилъ тяжелую рану, но за то за свою отличительную храбрость и военные таланты былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта, а черезъ годъ, вмѣстѣ съ княземъ Багратіономъ, во время шведской кампаніи, былъ сдѣланъ полнымъ генераломъ.

Назначивъ Барклая Государь не могъ сдѣлать лучшаго выбора, такъ какъ послѣдній былъ человѣкъ весьма умный, образованный, дѣятельный, строгій, необыкновенно честный, а главное замѣчательно знающій всѣ мелочи жизни русской арміи.

Аракчеевъ остался предсѣдателемъ большого военнаго совѣта,

учрежденнаго Государемъ въ 1809 году, для веденія и рѣшенія государственныхъ и военныхъ вопросовъ. Этотъ совѣтъ состоялъ изъ высшихъ людей, занимающихъ высокое служебное положеніе и изъ стариковъ, посѣдѣвшихъ на службѣ. Но, несмотря на такой составъ, это учрежденіе не достигло желаемыхъ результатовъ, и также, какъ и сенатъ, сдѣлалось подвластнымъ неограниченной власти Государя [1]).

Онъ не могъ помѣшать ни Шведской, ни Турецкой кампаніи, ни этому роковому и постыдному свиданію въ Эрфуртѣ, куда Александръ поѣхалъ, чтобы, такъ сказать, сложить свой вѣнецъ у ногъ Наполеона и приготовить разореніе Австріи, своей естественной союзницѣ, и единственной защитѣ, остававшейся тогда у Европы и у самой Россіи.

Е. Каменскій.

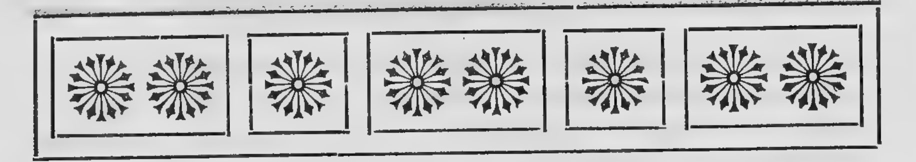
(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Этотъ совѣтъ, также какъ и сенатъ, сдѣлался судилищемъ. Государь учредилъ выдачу пенсій важнѣйшимъ лицамъ государства, которымъ онъ уже не желалъ больше поручать свои арміи, корпуса, министерства, посольства или губернаторства или тѣмъ которыя уже настолько состарились, что были не въ состояніи нести дальнѣйшую службу. Теперь уже вошло въ пословицу говорить про губернатор а или генералъ-губернатора, не способнаго къ службѣ, что это новобранецъ большого совѣта.

*

Русскіе артисты въ Италіи.

(Изъ воспоминаній стараго театрала).

Нѣсколько дней тому назадъ, я, бывши въ Одессѣ, встрѣтилъ двухъ русскихъ артистовъ, возвратившихся изъ Италіи, куда они ѣздили для устройства своей театральной карьеры.

По разсказамъ этихъ молодыхъ людей, дѣла по театральной части въ Италіи творятся еще хуже, чѣмъ это было прежде; всѣ итальянскіе театры уже окончательно превратились въ арены самой безсовѣстной наживы. По пріѣздѣ изъ Одессы въ Петербургъ, я имѣлъ случай бесѣдовать съ пѣвицей, также только-что возвратившейся изъ Милана; она мнѣ сообщила тѣ же свѣдѣнія, которыя я получилъ отъ молодыхъ артистовъ въ Одессѣ. Обстоятельство это побудило меня заглянуть въ мой дневникъ, который я велъ въ Миланѣ, живя тамъ въ продолженіе девяти лѣтъ. Многое, что совершалось прежде, заслуживаетъ вниманія.

Мое долговременное пребываніе въ Италіи объясняется тѣмъ, что въ эпоху семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ я былъ женатъ на пѣвицѣ, воспитанницѣ одной изъ русскихъ консерваторій. Я не буду говорить о достоинствахъ моей бывшей супруги, потому что меня могутъ заподозрить въ пристрастіи; скажу лишь одно, что моя жена, бывшая консерваторка, обладала большимъ голосомъ драматическаго сопрано, отличалась своей красивой внѣшностью и, по мнѣнію всѣхъ компетентныхъ людей, вела прекрасно сцену. Несмотря на всѣ эти достоинства, она въ продолженіе своего девятилѣтняго пребыванія въ Италіи не могла сдѣлать серьезной театральной карьеры. И если бросить безпристрастный взглядъ на весь этотъ долгій періодъ, то неизбѣжно надо прійти къ убѣжденію, что всѣ молодые артисты, также какъ и моя жена, были жертвами са-

мой вопіющей эксплоатаціи группы, распоряжающейся театральнымъ дѣломъ въ Италіи.

Я не буду говорить о томъ, что я только-что слышалъ отъ пріѣзжихъ изъ Италіи молодыхъ артистовъ, но сообщу лишь факты, совершавшіеся на моихъ собственныхъ глазахъ. Само собою, конечно, я не стану утруждать читателей разсказомъ мелочныхъ происшествій, которыхъ въ Италіи въ мое пребываніе было великое множество, но то, что извѣстно всему образованному міру, повторяю, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, извѣстный артистъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ П. заплатилъ за свой ангажементъ въ Миланскомъ театрѣ 2.500 франковъ, въ театрѣ Порта-Дженова, въ то же время пѣвица Р., купила себѣ дебютъ въ театрѣ Фениче-ди-Венеція за нѣсколько тысячъ франковъ; эта сдѣлка нашей молодой артистки была для нея очень удачна. Въ Венеціи ее услыхалъ бывшій въ то время директоромъ Парижской большой оперы Делянзье. Р. ему понравилась, и онъ ангажировалъ ее въ парижскую оперу. Затѣмъ подобныхъ сдѣлокъ былъ цѣлый рядъ, но далеко не всѣ онѣ были удачны; одна петербургская аристократка, очень красивая собой, съ маленькимъ, но чрезвычайно симпатичнымъ голосомъ, которымъ она очаровала Петербургскій большой свѣтъ, пріѣхала въ Миланъ и купила себѣ дебютъ въ театрѣ Дальвермэ за три тысячи франковъ, въ оперѣ „Фаустъ", въ роли Маргариты, при чемъ наша элегантная соотечественница позаботилась о своемъ сценическомъ успѣхѣ: она наняла двѣсти человѣкъ клакеровъ, заплатила каждому изъ нихъ по одному франку, дала по полъ-литра вина и по сигарѣ; клакеры поддерживали дебютантку.

Разсаженные по всѣмъ угламъ театра, они въ продолженіе всѣхъ трехъ актовъ оперы очень усердно хлопали Маргаритѣ; но по прошествіи трехъ актовъ, находя, что успѣхъ дебютантки достаточно упроченъ, ушли изъ театра; въ четвертомъ актѣ дебютантка осталась въ распоряженіи публики, и тутъ-то произошло ея несчастье. Въ аріи, безусловно требующей силы голоса, Маргариту почти не было слышно. Итальянская публика ничего подобнаго не прощаетъ: послышалось шиканье, а въ пятомъ актѣ, въ тюрьмѣ, это шиканье превратилось уже въ свистки. Такимъ образомъ три тысячи франковъ и деньги, потраченныя на наемъ клакеровъ, пропали даромъ; тѣмъ не менѣе, несмотря на неудачный дебютъ нашей соотечественницы, явились нѣсколько агентовъ съ предложеніемъ купить за двѣ тысячи франковъ дебютъ въ Тріескомъ театрѣ, но неудачный дебютъ въ театрѣ Дальвермэ охладилъ артистическій пылъ

нашей соотечественницы, и она уѣхала въ Петербургъ ни съ чѣмъ.

До какихъ колоссальныхъ размѣровъ иногда доходила алчность „*народа-художника*“, трудно себѣ представить. Такъ, напримѣръ, въ карнавальный сезонъ тысяча восемьсотъ семьдесятъ девятаго года одинъ американецъ-теноръ заплатилъ антрепренеру за свой дебютъ въ театрѣ Фениче-ди-Венеція 50.000 франковъ и, какъ я слышалъ, дебютъ американца не привелъ его ни къ какому благопріятному результату; щедрый янки ретировался восвояси ни съ чѣмъ.

Вообще жадность къ наживѣ у итальянскихъ антрепренеровъ и агентовъ шла крещендо. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ плата артистамъ за ангажементы убавлялась съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе; наконецъ, дѣло дошло уже до того, что импрессаріо не довольствовались даровымъ трудомъ артистовъ, а требовали еще плату за ихъ дебюты.

Передъ главнымъ сезономъ, именно карнавальнымъ, импрессаріо обыкновенно пріѣзжали въ Миланъ для найма труппы артистовъ.

Какъ только прибывшій импрессаріо выходитъ изъ вагона, къ нему тотчасъ же подходитъ агентъ.

— „Вы, кажется, пріѣхали формировать труппу артистовъ?“— спрашиваетъ агентъ.—„Да“, отвѣчаетъ импрессаріо: „я бы хотѣлъ ангажировать примадонну сопрано“.—„А сколько вы желаете ей заплатить?“—спрашиваетъ агентъ.—„Тысячи полторы франковъ я, пожалуй, былъ бы готовъ дать, если пѣвица окажется годной“.— „Зачѣмъ вамъ платить такъ дорого, говоритъ агентъ, я могу вамъ рекомендовать прекрасную пѣвицу за тысячу франковъ“. Импрессаріо, разумѣется, соглашается на это предложеніе, но едва импрессаріо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ къ нему подбѣгаетъ другой агентъ съ предложеніемъ ангажировать пѣвицу сопрано за пятьсотъ франковъ.

По мѣрѣ того, какъ импрессаріо подвигается впередъ, къ нему безпрестанно подходятъ театральные агенты съ самыми выгодными предложеніями и, наконецъ, когда импрессаріо доходитъ до галлереи Виктора Эммануила, агенты уже предлагаютъ ему взять пѣвицу, которая ему заплатитъ за свой ангажементъ. Въ такомъ родѣ совершаются сдѣлки ежегодно, и въ настоящее время, какъ передаютъ пріѣхавшіе изъ Италіи артисты, другихъ ангажементовъ не бываетъ. Артисту, чтобы пѣть въ итальянскомъ театрѣ, непремѣнно нужно заплатить извѣстную сумму денегъ за свой ангажементъ.

Въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ девятомъ году во Флоренціи произошелъ курьезъ, крайне заинтересовавшій всѣ газеты и публику:

одинъ нашъ соотечественникъ, нѣкто Т., котораго увѣрили, что у него міровой талантъ, необыкновенный голосъ, что ему, Т., достаточно только показаться въ Италіи, чтобы получить ангажементъ въ любой театръ въ Европѣ или въ Америкѣ,—пріѣхалъ во Флоренцію и послѣ долговременнаго скитанія по театральнымъ агентствамъ, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что долженъ былъ купить себѣ дебютъ въ театрѣ Николини, за пять тысячъ франковъ, въ оперѣ „Травіатта" въ роли Жермона. Этотъ дебютъ долго будетъ памятенъ по своему курьезу, даже итальянцамъ. Когда настало время артистамъ приготовляться къ спектаклю, всѣ участвующіе разошлись по своимъ уборнымъ. Двое художниковъ-любителей предложили Т. свои услуги загриммировать его, на что Т., конечно, согласился.

Любезные художники позаботились посадить его не передъ зеркаломъ. Т. на это согласился, и художники принялись за дѣло въ двѣ кисти. Лишь только гриммъ былъ оконченъ, какъ въ уборную вбѣжалъ режиссеръ и объявилъ, что спектакль уже начался и что Т. сейчасъ надо выходить.—„Все ли у меня въ порядкѣ?"—спросилъ, подымаясь со стула, Т. и даже не полюбопытствовалъ взглянуть въ зеркало.

„Да, да, все хорошо", въ одинъ голосъ воскликнули оба художника: „выходите скорѣе, уже былъ второй звонокъ". Т., взявъ подъ мышку беретъ, бросился за кулисы; вскорѣ данъ былъ третій звонокъ, и занавѣсъ поднялся.

Въ театрѣ было много публики, всѣ поинтересовались послушать иностраннаго дебютанта. Но когда Жермонъ показался на сценѣ, вся публика, будто одинъ человѣкъ, разразилась неудержимымъ хохотомъ: въ ложахъ и партерѣ царилъ всеобщій смѣхъ, дирижеръ оркестра бросилъ палочку и громко хохоталъ, всѣ музыканты также, примадонна Донадіо упала головой на руки и истерично смѣялась. Весь этотъ содомъ произошелъ вотъ отчего: услужливые художники нарисовали на лбу и обѣихъ щекахъ Т. огромныхъ пѣтуховъ, что при маленькой шарообразной фигурѣ Т. было въ высшей степени забавно.

О продолженіи спектакля не могло быть и рѣчи. Т., недоумѣвая, почему публика дѣлаетъ ему такую оригинальную встрѣчу, наконецъ, рѣшилъ удалиться со сцены, но тутъ произошло неожиданное обстоятельство, окончившееся уже громкимъ скандаломъ. Художники, нарисовавшіе пѣтуховъ на лицѣ Т., вѣроятно, предвидѣли, что онъ бросится обратно за кулисы и придерживали наружную дверь комнаты, сдѣланной изъ полотна. При всѣхъ своихъ стараніяхъ, Т. никакъ не могъ отворить дверь.

Хохотъ и свистки, раздававшіеся позади злосчастнаго дебютанта, приводили его въ полное отчаяніе и придали ему особенную энергію. Видя, что дверь нельзя отворить, Т., выпятивъ впередъ руки, пробилъ въ полотнѣ отверстіе и кинулся въ него. Къ несчастью для дебютанта, дыра въ полотнѣ была имъ пробита черезъ-чуръ высоко и онъ, кинувшись въ дыру, упалъ позади пробитой дыры, а ноги остались торчащими снаружи. Тщетно Т. болталъ ногами и карабкался за полотно, онъ увязъ въ дырѣ и нѣсколько минутъ не могъ освободить ногъ. Что тутъ произошло, не поддается описанію: весь театръ буквально ревѣлъ отъ хохота. Спектакль, конечно, не могъ продолжаться.

На другой день Т. подалъ въ судъ жалобу, прося взыскать съ импрессаріо 5.000 франковъ. Вся правда была на сторонѣ Т., тѣмъ не менѣе судъ Т. отказалъ, и истраченныя имъ деньги пропали.

Подобныхъ исторій въ Италіи совершалось и совершается великое множество, и всѣ онѣ остаются безнаказанными. Иногда ловкіе театральные агенты опутываютъ какую-нибудь богатенькую русскую пѣвицу, и она мало того, что заплатитъ за свой ангажементъ, еще и даетъ деньги на наемъ вольнаго театра, а ловкіе интриганы не только не способствуютъ успѣху пѣвицы, но даже сажаютъ въ театрѣ публику, которая освистываетъ дебютантку. Продѣлавъ такой маневръ, у импрессаріо уже готова новая труппа артистовъ. Такимъ образомъ ловкіе мошенники остаются въ хорошемъ барышѣ: импрессаріо получаетъ отъ примадонны деньги за ея дебютъ; она же нанимаетъ на свой счетъ театръ и дѣлаетъ всю обстановку, а театральные агенты, способствовавшіе всей этой грязной интригѣ, получаютъ хорошую плату. Нельзя умолчать и о монопольной роли Рекорди. Этотъ господинъ до сихъ поръ былъ полнымъ безконтрольнымъ распорядителемъ театральнаго дѣла въ Италіи. Рекорди купилъ у покойнаго композитора Верди всѣ оперы его сочиненія и за каждую партитуру бралъ съ антрепренеровъ плату по своему желанію. Надо знать, что въ Италіи публика чрезвычайно капризна. Такъ напримѣръ въ какомъ-нибудь коммунальномъ театрѣ дирекція по желанію публики рѣшаетъ на карнавальный сезонъ дать четыре оперы, положимъ „Аиду", „Сонамбулу", „Риголетто" и „Трубадура". За каждую партитуру этихъ оперъ Юлій Рекорди беретъ особую плату, при чемъ онъ иногда ставитъ антрепренерамъ очень стѣснительныя условія, напр. взять артистовъ, не тѣхъ, которые приглашены антрепренеромъ, а по назначенію Юлія Рекорди. Антрепренеры, разумѣется, принимаютъ и эти условія, такъ какъ дирекція коммунальнаго театра не соглашается иначе платить импрессаріо субси-

дію. И вотъ тутъ-то случаются самые прискорбные инциденты. Публика не одобряетъ представленныхъ артистовъ, освистываетъ ихъ, является необходимость тотчасъ же замѣнить ихъ другими, чего импрессаріо безъ разрѣшенія Юлія Рекорди сдѣлать не можетъ. Телеграмма летитъ къ Рекорди въ Миланъ; пока новые артисты явятся, идетъ время, а публика не ждетъ и непремѣнно требуетъ, чтобы первая опера шла „Аида". Пока идутъ эти переговоры съ Рекорди, импрессаріо не получаетъ четвертой части субсидіи. Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, импрессаріо часто бросаетъ все и убѣгаетъ. Несмотря на всѣ эти чудовищныя продѣлки театральныхъ агентовъ и импрессаріо съ молодыми артистами, а также и эксплоатацію знаменитыхъ итальянскихъ маэстро, всѣ начинающіе артисты стремятся въ Италію. Какая тому причина? Понять эту причину совсѣмъ не трудно. Въ Италіи публика дѣйствительно художественно развита;—она-то и воспитываетъ молодыхъ артистовъ. Иногда какой-нибудь знаменитый маэстро, въ родѣ недавно умершаго Буцы, увѣряетъ молодого артиста, что у него, напримѣръ, теноръ, а публика находитъ, что у дебютанта баритонъ и, вопреки увѣренію маэстро, освистываетъ его. Въ восьмидесятомъ году въ Миланѣ былъ такой случай. Одна петербургская артистка, пѣвшая въ императорскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ, пріѣхала въ Миланъ къ Буцы, и онъ увѣрилъ артистку, что у нея драматическій сопрано, а не колоратурный. Артистка стала брать уроки пѣнія у Буцы; знаменитый маэстро конечно ломалъ голосъ пѣвицы, и когда артистка дебютировала въ оперѣ „Трубадуръ" въ театрѣ Дальвермэ, то была тамъ нещадно освистана. Между тѣмъ эта же артистка очень нравилась въ Петербургѣ и въ Америкѣ. Съ какой же цѣлью все это продѣлывалъ знаменитый маэстро Буцы? Неужели по невѣжеству? въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Буцы отлично зналъ, что онъ шарлатанитъ, но дѣлалъ это единственно ради наживы. Подобныхъ примѣровъ въ Италіи было множество. Въ 1880 году въ Неаполитанскомъ театрѣ Санъ-Карло освистали даже знаменитую Патти, когда она ѣхала въ Америку. Надо знать, что театръ Санъ-Карло въ продолженіе цѣлаго года закрытъ, и представленія тамъ бываютъ только въ карнавальный сезонъ. Аделина Патти, проѣзжая черезъ Неаполь, сняла театръ Санъ-Карло на двѣнадцать представленій и выступила въ оперѣ „Риголетто", въ роли Джильды. Первый актъ прошелъ благополучно, но когда Патти запѣла арію „caro nome", въ партерѣ стали шикать и раздались крики: „Э, чортъ возьми, понижено!" И дѣйствительно, знаменитая дива транспонировала арію полутономъ ниже; не обращая вниманія на шиканіе, Патти продолжала пѣть, но шиканіе многочисленной

публики увеличивалось все больше и больше, и наконецъ раздались свистки и крики: баста! баста! Съ Итальянской публикой въ такихъ случаяхъ шутки плохи.

Если артистъ послѣ криковъ: баста! баста! не уйдетъ со сцены, въ него могутъ полетѣть ручки отъ креселъ.

Патти блеснула своими чудными глазами и ушла за кулисы; а вскорѣ появился импрессаріо Боноли и объявилъ публикѣ, что „синьора Патти по нездоровью пѣть не можетъ, а потому публика приглашается въ кассу получить свои деньги обратно". При этой катастрофѣ мнѣ случилось присутствовать, и я, выходя изъ театра, обратился къ нѣкоторымъ синьорамъ съ упрекомъ, какъ можно было поступить такъ жестоко съ такой знаменитой артисткой, какъ Аделина Патти? на это итальянскіе синьоры мнѣ отвѣтили слѣдующее: „а умѣла госпожа Патти назначить тройныя цѣны за мѣста, почему бы ей кстати не объявить въ афишѣ, что она арію „caro nome" пропоетъ тономъ ниже". Признаюсь, я не нашелъ что на это отвѣтить. Главное преимущество Италіи по отношенію къ Европѣ это обиліе театровъ (въ Италіи ихъ 1.274) и короткость сезоновъ. Самый длинный сезонъ—это карнавальный, пять недѣль съ нѣсколькими днями, потомъ идетъ Куарезимо, постъ, весенній сезонъ, прима вэра, четыре недѣли лѣтней фьера, и осенней, аутуно, также около пяти недѣль. Сначала, конечно, надо говорить о первоклассныхъ театрахъ; они суть слѣдующіе: Скаля въ Миланѣ, Реджіо въ Туринѣ, Авалерати въ Ливорно, Перголо во Флоренціи, Фениче-ди-Венеція въ Венеціи, Аполло въ Римѣ, Аржентино тамъ же, Санъ-Карло въ Неаполѣ. Кромѣ этихъ первоклассныхъ театровъ есть множество театровъ коммунальныхъ и частныхъ, въ которыхъ идутъ представленія въ продолженіе цѣлаго года. Это обстоятельство чрезвычайно благотворно дѣйствуетъ на развитіе таланта молодого артиста; прежде всего онъ не почіетъ на лаврахъ въ продолженіе десятковъ лѣтъ, распѣвая передъ одной и той же публикой; артистъ примѣняется ко вкусамъ публики каждаго театра. Такъ, напримѣръ, то, что нравилось въ Миланѣ, то уже не нравится въ Римѣ, Неаполѣ и т. д. Затѣмъ итальянская публика строго слѣдитъ за пѣніемъ и игрой артиста.

Такихъ безобразій, какія случаются на нашихъ сценахъ первоклассныхъ театровъ, тамъ не бываетъ. Разъ я помню на сценѣ Скаля въ Миланѣ, „*божественный*" Мазини во время пѣнія Зембрихъ ея урока въ оперѣ „Севильскій Цирюльникъ" сталъ шумно передвигать кресла. Публика тотчасъ же крикнула ему: „Эй, теноръ, не возись!", и „*божественный*" долженъ былъ покориться.

Иногда примадонна, желая блеснуть силой своего голоса, черезчуръ громко поетъ. Публика кричитъ ей: „зачѣмъ надсажаешься? пой своимъ натуральнымъ голосомъ!“ Существуетъ мнѣніе, что Италія есть страна клакеровъ. Это справедливо только отчасти; но безпристрастное наблюденіе въ продолженіе ряда лѣтъ показало, что помощь клакеровъ никогда не способствовала въ театральной карьерѣ. Если артистъ или артистка, не обладая достаточнымъ количествомъ таланта, пользуется помощью клакеровъ, то въ такихъ случаяхъ публика угрюмо молчитъ, не входитъ въ состязаніе съ клакерами, но въ концѣ концовъ публика даетъ настоящую оцѣнку способностямъ артиста. Въ 1879 году въ театрѣ Аволярате былъ такой случай. Импрессаріо, взявъ съ одной артистки за ангажементъ крупную сумму денегъ, представилъ ее публикѣ на первомъ представленіи оперы „Трубадуръ“, въ роли Леоноры. Англичанка-примадонна была чрезвычайно богата, молода и красива; голосокъ у нея былъ маленькій, далеко не достаточный для драматическаго сопрано, но, какъ я уже замѣтилъ выше, она была очень богата и красива, отсюда не трудно понять, что молодая дебютантка завладѣла сердцами всей молодежи и клакеровъ. Но вышло такъ, какъ не ожидала англичанка: всѣ ея поклонники перешли на сторону вновь прибывшей примадонны, оказавшейся дѣйствительно очень талантливой; художественное чувство итальянцевъ превзошло, и свистки, раздавшіеся въ началѣ перешли въ аплодисменты и громкіе крики „браво“. Когда новая примадонна въ слѣдующемъ спектаклѣ выступила въ роли Леоноры въ оперѣ „Трубадуръ“ и показалась во второмъ актѣ, публика ее встрѣтила свистками и шиканьемъ. Здѣсь поклонники красавицы англичанки и клакеры нѣсколько увлеклись. Лишь только Леонора показалась въ началѣ сцены подъ руку съ Инесъ, и еще не разинула рта, какъ уже послышались оглушительные свистки и шиканье, такъ что оркестръ долженъ былъ замолчать. Между тѣмъ новая дебютантка нимало не сконфузясь подошла къ рампѣ и холодно окинула глазами весь партеръ, иронически улыбаясь. Это послѣднее обстоятельство озадачило публику, которая ожидала, что дебютантка отъ такого сдѣланнаго ей пріема сконфузится и даже упадетъ въ обморокъ. На мгновеніе свистки замолкли, и въ театрѣ настала тишина. Тогда примадонна совершенно хладнокровно обратилась съ вопросомъ къ дирижеру: „можно ли продолжать?“ Дирижеръ махнулъ палочкой, и оркестръ снова заигралъ. Анданте дебютантка спѣла весьма недурно, тѣмъ не менѣе не раздалось ни одного хлопка, но и не было шиканья. Публика угрюмо молчала, но когда же Леонора проговорила извѣстную фразу „oubliar“... (забыть его) и на *ou* поставила фермато, публика не выдержала: художественный

инстинктъ взялъ свое, были забыты всѣ разсчеты, и свистки поклонниковъ англичанки смѣнились аплодисментами и криками: „браво!“ Вообще новая примадонна имѣла замѣчательный успѣхъ; вся опера прошла прекрасно. Въ томъ же году въ театрѣ Скаля давали какую-то новую оперу Массене, названіе ея я позабылъ, но сцену, которая врѣзалась мнѣ въ память, я живо помню. Композиторъ въ одномъ дѣйствіи вывелъ на сцену семьдесять пять хористовъ съ наковальнями и молоточками въ рукахъ.

Подъ аккомпаниментъ оркестра хористы должны были ударять въ тонъ молоточками по наковальнямъ. Здѣсь вся задача заключается въ правильномъ веденіи счета, малѣйшая небрежность путаетъ все. Когда номеръ былъ конченъ, въ партерѣ и въ ложахъ послышалось самое внушительное шиканье. Хористы, разумѣется, поспѣшили уйти, но лишь только опустѣла сцена, какъ вся публика, будто одинъ человѣкъ, стала кричать: бисъ! Всѣ недоумѣвали, а крики все болѣе и болѣе усиливались.

Дѣлать было нечего: освистанные хористы съ ихъ наковальнями и молоточками снова появились на сценѣ. Номеръ былъ повторенъ, и надо сказать, исполненіе было самое искусное. Лишь только замеръ послѣдній звукъ, послышались всеобщіе аплодисменты и крики: браво! Публика точно хотѣла сказать артистамъ: когда вы дурно исполняли, я вамъ шикала, когда же вы исполнили номеръ хорошо— я вамъ аплодирую. Мнѣ въ особенности нравится одна черта характера итальянцевъ: они съ какой-то любовью смотрятъ на артиста. Еще въ семидесятыхъ годахъ въ Италіи существовалъ чрезвычайно патріархальный обычай. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ были коммунальные театры, граждане посылали примадоннамъ всѣ жизненные припасы, какъ-то: мясо, зелень, вино, фрукты, кофе и т. д. Она, говорили граждане о примадоннѣ, доставляетъ намъ эстетическое наслажденіе, зачѣмъ же ей тратиться на содержаніе. Несмотря на весьма многіе недостатки итальянцевъ, въ особенности управляющихъ театральнымъ дѣломъ, нельзя не сказать, что этотъ народъ дѣйствительно художникъ.

Я не могу удержаться, чтобы не отмѣтить историческаго факта, вполнѣ подтверждающаго эти мои слова. Въ прошедшемъ столѣтіи подъ Палермо бандитами былъ остановленъ дилижансъ, въ которомъ ѣхала знаменитая въ ту эпоху балерина Тальони; всѣхъ пассажировъ бандиты пригласили выйти изъ экипажа; въ числѣ пасажировъ была и Тальони. У путешественниковъ, конечно, отобрали всѣ ихъ кошельки и драгоцѣнности; дошла очередь до Тальони.

— „Ну, синьора“—обратился къ ней одинъ изъ бандитовъ: „отдавай свои деньги и драгоцѣнности“.

— „А вы знаете, кто я?“— спросила Тальони.

— „А кто бы ты ни была, хотя бы царской крови, вскричали бандиты: отдавай свои деньги“!

— „Покоряюсь силѣ“—сказала артистка,—„вотъ вамъ мои деньги и драгоцѣнности, но знайте, что вы ограбили Тальони“.—„Какъ, Тальони, эту знаменитую артистку?“ недоумѣвали бандиты. „Да, я Тальони“, отвѣчала знаменитая балерина. Въ одно мгновеніе всѣ бандиты обнажили свои головы и вскричали: нѣтъ, намъ не надо твоихъ денегъ, но ты должна протанцовать передъ нами качучу. Говоря это, бандиты сняли съ себя плащи, разостлали ихъ около дилижанса, и Тальони должна была протанцовать передъ ними качучу. „Спасибо, вскричали, аплодируя, бандиты, теперь можешь ѣхать дальше, тебя уже никто не тронетъ. А вы, синьоры, можете получить обратно свои деньги; благодарите небо, что вы удостоились ѣхать вмѣстѣ съ знаменитой Тальони“.

Другой случай, переданный мнѣ самимъ покойнымъ Гарибальди, не менѣе характеренъ. Однажды, во время шестидесятыхъ годовъ, Гарибальди съ историкомъ Гельвеціо, проѣзжая черезъ горы, былъ остановленъ бандитами, но когда они узнали знаменитаго итальянскаго патріота, то они его и Гельвеціо не только не ограбили, но сдѣлали имъ овацію и проводили до границы. Въ одномъ случаѣ Италія не двигается впередъ: до сихъ поръ она глуха къ пропагандѣ новаторовъ, которые убѣждаютъ итальянцевъ перемѣнить мелодичную оперу на музыкальную драму; итальянская публика, по крайней мѣрѣ большинство ея, до сихъ поръ не можетъ понять прелести крикливыхъ речитативовъ и всецѣло тяготѣетъ къ мелодіи. Въ 1880 году въ карнавальный сезонъ въ Миланскомъ театрѣ Ласкаля давали какую-то новую оперу композитора Массене. Вся опера заключалась въ трескѣ и шумѣ и самыхъ неистовыхъ крикахъ артистовъ. По окончаніи оперы одинъ изъ музыкальныхъ рецензентовъ обратился къ маэстро Буцы съ вопросомъ, нравится ли ему новая опера? Извѣстный преподаватель пѣнія на это отвѣтилъ: „Очень нравится, контрапунктисты въ восторгъ придутъ, а публика убѣжитъ вонъ изъ театра“. Предсказаніе Буцы сбылось: публика дѣйствительно убѣжала изъ театра; несмотря на самые восторженные отзывы о достоинствахъ новой оперы Массене, ее пришлось снять съ репертуара. Пропаганда новаторовъ, ихъ походъ противъ мелодіи идетъ давно, но до сихъ поръ безъ всякаго результата. Слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда еще не была проведена желѣзная дорога отъ Москвы до Петербурга, извѣстному тенору Бандышеву пришлось ѣхать съ вольнымъ ямщикомъ отъ Москвы до Черной Грязи. Стояла ранняя весна, березки уже одѣлись дѣвствен

ными листочками, запѣлъ и жаворонокъ въ поднебесьѣ. Бандышевъ, облокотясь на кузовъ тарантаса, запѣлъ своимъ чуднымъ голосомъ старинную русскую пѣсню „Травушка", полную мелодіи. Когда артистъ кончилъ, ямщикъ обратился къ нему съ такой рѣчью: Баринъ, спой еще такъ-то. Я тебя станцію даромъ провезу.

Въ наше время на каждомъ шагу доказывается, какъ сильно дѣйствуетъ мелодичное пѣніе даже на самыхъ простыхъ, неразвитыхъ людей. Вотъ почему всѣ молодые артисты стремятся въ Италію, несмотря на то, что Италія иногда не особенно благопріятно способствуетъ ихъ театральной карьерѣ. Тамъ русскіе артисты выучиваются „bel canto" и въ продолженіе двадцати лѣтъ услаждаютъ слухъ русской публики.

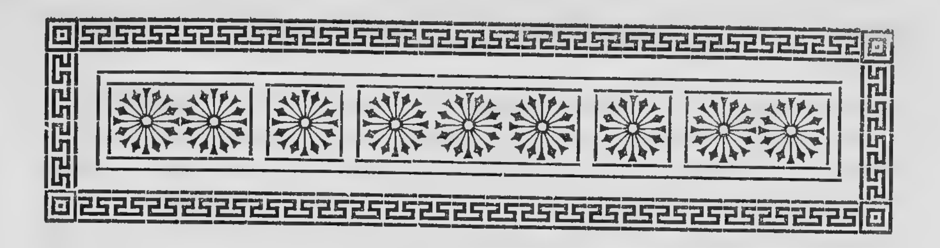
Говорятъ, что въ Италіи падаетъ искусство; отчасти это и правда, но необходимо принять въ соображеніе, что въ Италіи и теперь природа та же, какой она была и прежде. То же голубое небо, бальзамическій воздухъ, морская волна продолжаетъ играть съ береговыми раковинками.

„На темномъ синемъ небѣ, какъ лампады,
Горятъ надъ спящею землей
Свѣтилъ небесныхъ миріады
И всходитъ мѣсяцъ за горой".

Все это вдохновляетъ молодого артиста и развиваетъ въ немъ художественное чувство.

Н. П.

По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевыя впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. [1]).

VI.

Москва; первыя впечатлѣнія.—Общій видъ города.—Подраздѣленіе города.—Экипажи.—Дворцовый садъ.—Гостепріимство русскихъ дворянъ.—Знакомство съ историкомъ Миллеромъ.—День Александра Невскаго.

30 августа. Подъѣзжая къ Москвѣ, мы уже за шесть миль увидѣли верхушки колоколенъ, выступавшія изъ-за холма, въ который упиралась широкая лѣсная просѣка, по которой мы ѣхали; проѣхавъ еще двѣ-три мили, мы поднялись на пригорокъ, откуда открылся предъ нами великолѣпный видъ на обширный городъ, раскинувшійся полукругомъ на огромномъ пространствѣ. Великолѣпна была картина безчисленныхъ церквей, башенъ, позолоченныхъ колоколенъ и куполовъ, бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ крышъ; все это сверкало и горѣло въ лучахъ солнца, предоставляя изумительный контрастъ съ деревянными лачугами, которыя виднѣлись между зданіями города. Мѣстность была холмистая, лѣсъ кончался за милю отъ города, смѣняясь лугами. Мы переправились черезъ Москву-рѣку по длинному плавучему мосту или парому, который былъ привязанъ къ одному и другому берегу; русскіе называли его живымъ мостомъ, потому что онъ подгибался подъ тяжестью экипажа. Послѣ того, какъ тщательно были осмотрѣны наши паспорта, мы въѣхали въ предмѣстье и направились въ ту часть города, которая называется Бѣлгородомъ, гдѣ мы остановились въ гостиницѣ, содержимой однимъ французомъ. Въ этомъ домѣ бываютъ собранія дворянства. Намъ отвели хорошія простор-

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. сентябрь.

ныя комнаты, со всѣми необходимыми удобствами, за исключеніемъ кроватей и постельнаго бѣлья. Такъ какъ всѣ, знакомые съ обычаями этой страны, возятъ эти предметы съ собою, то ихъ рѣдко можно достать въ гостиницахъ. Намъ удалось, однако, выпросить у хозяина двѣ кровати съ постельнымъ бѣльемъ и одинъ матрасъ, на которомъ одному изъ насъ пришлось лечь на полу; хозяинъ могъ дать всего три простыни, изъ коихъ одна досталась на мою долю; намъ такъ давно приходилось спать на соломѣ, что все это показалось намъ необычайной роскошью, и мы благословляли свою судьбу [1]).

Первый изъ иностранцевъ, описавшій Москву, былъ баронъ Герберштейнъ, посланникъ императора Максимиліана, при дворѣ великаго князя Василія III, въ началѣ 16 вѣка; къ этому описанію приложена довольно грубая гравюра на деревѣ. На этой любопытной, хотя плохо выполненной гравюрѣ, изображающей планъ города, видны Кремлевскія стѣны и нѣсколько домовъ, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ до сихъ поръ.

Москва была единственной столицей имперіи до начала текущаго столѣтія, когда, къ великому неудовольствію бояръ и къ великой пользѣ государства, столица была перенесена въ Петербургъ.

Несмотря на предпочтеніе, оказанное Петромъ I Петербургу, въ которомъ жили всѣ его преемники, за исключеніемъ Петра II, Москва остается до сихъ поръ самымъ многолюднымъ городомъ имперіи.

Здѣсь живутъ дворяне, не состоящіе при дворѣ императрицы; въ Москвѣ, гдѣ ихъ не затмеваетъ роскошь императорскаго двора, они удовлетворяютъ своей любви къ довольно грубой и дорого стоющей роскоши, въ старинномъ духѣ помѣстнаго дворянства и окружаютъ себя многочисленной челядью.

Москва самый обширный городъ въ Европѣ; она раскинулась вмѣстѣ съ предмѣстьями на 39 верстъ въ окружности, но дома въ ней очень разбросаны, поэтому количество населенія не соотвѣтствуетъ ея величинѣ. Нѣкоторые русскіе авторы опредѣляютъ число жителей въ 500.000; но это число, очевидно, преувеличено [2]). Согласно Бюшингу, который былъ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1770 г., въ этомъ городѣ было 708 каменныхъ и 11.840 деревянныхъ домовъ [3]); и 151.790 жителей, изъ нихъ 85.731 мужскаго

---

[1]) Опускаемъ здѣсь краткое и общеизвѣстное описаніе исторіи основанія Москвы.

[2]) Она занимаетъ почти такое же пространство, какъ Пекинъ, который вмѣстѣ съ предмѣстьями занимаетъ 40 в. въ окружности.

[3]) Неум говоритъ, что въ 1793 г. въ Москвѣ было всего 8.439 домовъ, изъ коихъ 1.382 каменныхъ.

пола и 67.059 женщинъ,—цифра, очевидно, преувеличенная. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ Петербургской газетѣ за 1781 г., въ московскомъ уѣздѣ, въ началѣ 1780 г. было 2.178 дворовъ и число жителей равнялось 272.616 душъ, изъ коихъ 137.698 мужскаго пола и 134.918 женскаго пола. Въ томъ же году число смертныхъ случаевъ было 3.701, число рожденій 8.621; къ концу года населеніе уѣзда равнялось 277.535 душамъ (140.143 муж. и 137.392 жен.). Эти цифры болѣе точныя, нежели сообщаемыя другими авторами. Это подтверждено мнѣ однимъ англичаниномъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Москвы, который провѣрилъ эти данныя, согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ отъ московскаго оберъ-полицеймейстера; въ чертѣ города проживаетъ 250.000 чел., а въ сосѣднихъ деревняхъ 50.000 [1]).

Я былъ пораженъ оригинальнымъ видомъ Смоленска, но обширность и своеобразный видъ Москвы повергли меня въ величайшее изумленіе; мнѣ никогда не приходилось видѣть города, построеннаго такъ неправильно, такъ своеобразно и представляющаго такіе удивительные контрасты. Улицы по большей части чрезвычайно длинныя и широкія; однѣ изъ нихъ вымощены камнемъ, въ другихъ, въ особенности въ предмѣстьяхъ, мостовая бревенчатая или выстлана досками, на подобіе пола; жалкіе домишки стоятъ рядомъ съ огромными дворцами; подлѣ самыхъ красивыхъ домовъ вы видите одноэтажныя лачуги. У многихъ каменныхъ домовъ деревянныя крыши; нѣкоторые деревянные дома выкрашены, у нѣкоторыхъ ворота и крыши желѣзныя. Во всѣхъ кварталахъ множество церквей, построенныхъ въ восточномъ стилѣ; купола покрыты мѣдью, оловомъ, вызолочены или выкрашены зеленой краской, крыши у многихъ церквей деревянныя. Нѣкоторыя части этого обширнаго города походятъ на безлюдную пустыню, другіе кварталы напоминаютъ густо населенный городъ; одни походятъ на жалкую деревушку, другіе на большую столицу.

Москва—чисто азіатскій городъ, перестроивающійся мало по малу на европейскій ладъ; поэтому ея дома представляютъ смѣсь самыхъ разнообразныхъ архитектурныхъ стилей. Она раздѣляется на

---

[1]) Эти цифры можно считать достовѣрными, такъ какъ по случаю устройства новаго водопровода, сооруженіе котораго только-что окончено, полиціи было необходимо опредѣлить возможно точно число жителей, чтобы знать, сколько воды потребляется каждымъ семействомъ. Рихтеръ (Richter, Skizze von Moskau) замѣчаетъ, что «населеніе Москвы колеблется, смотря по времени года. Зимою, когда съѣзжаются дворяне и помѣщики, число жителей превышаетъ 300.000; лѣтомъ же, когда они разъѣзжаются по деревнямъ, это число падаетъ до 200.000.

пять частей: 1. Кремль, 2. Китай-городъ, 3. Бѣлгородъ, 4. Земляной городъ, 5. Слобода или предмѣстье.

1. Кремль названъ такъ вѣроятно татарами, во время ихъ владычества надъ Москвою; отъ слова Кремъ или Кримъ, что означаетъ крѣпость. Эта средняя, самая высокая часть города, имѣетъ видъ треугольника и занимаетъ пространство около двухъ миль въ окружности. Она обнесена высокою стѣною, построенной изъ камня и кирпича; стѣна эта была возведена извѣстнымъ Миланскимъ архитекторомъ Соларіо, въ 1491 г., какъ свидѣтельствуетъ о томъ надпись надъ одними изъ ея воротъ:

„Joannes Vasilii Dei Gracia Magnus Dux Volodimeriae Moscoviae Novogardie Tiferiae Plescoviae Veticie Ongarie Permiie Buolgarie et Aliar. Totius Q. Raxíae Dominus Anno Tertio Imperii Sui Has Turres Condere Fet. Statuit Petrus Antonides Solarius Mediolanensis anno Nat. Domini 1491. K. Julii".

Читатель будетъ вѣроятно удивленъ такъ же точно, какъ и я былъ изумленъ, узнавъ, что цари приглашали иноземныхъ архитекторовъ въ то время, когда въ остальной Европѣ едва знали о существованіи ихъ страны. Кремль не обезображенъ деревянными домами; въ немъ находятся древніе царскіе терема, нѣсколько церквей, два монастыря, патріаршій домъ, полуразвалившійся арсеналъ, и одинъ частный домъ, принадлежавшій Борису Годунову, до его вступленія на престолъ [1]).

2. Вторая часть города называется Китай-городъ; что, по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологовъ, означаетъ Китайскій городъ. Вольтеръ, въ своей исторіи Петра Великаго, также утверждаетъ это, говоря, „La partie appellée la ville Chinoise, où les raretés de la Chine s'étallaient". Но эта часть города называлась такъ задолго до того, когда начались сношенія Россіи съ Китаемъ; наиболѣе авторитетные писатели полагаютъ, что названіе Катай или Китай дано этой части города татарами, въ то время, когда они властвовали надъ Москвою; (говорятъ, что это названіе происходитъ отъ татарскаго слова и означаетъ Средній городъ, т. е. лежащій между Кремлемъ и Бѣлгородомъ); въ доказательство этого приводятъ, что на Украйнѣ есть городъ, также называемый Китай-городомъ, также точно, какъ и въ Подоліи; однако та и другая мѣстность не были извѣстны китайцамъ, но поддверглись нашествію татаръ.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ зданій будутъ описаны мною далѣе. Со времени моего посѣщенія Москвы, въ ней построено нѣсколько новыхъ домовъ, между прочимъ зданіе сената, прекрасной архитектуры, сооруженное по повелѣнію императрицы (Екатерины II).

Китай-городъ окруженъ, съ одной стороны, Кремлевской стѣною, которая идетъ отъ р. Москвы къ Неглинной, съ другой, менѣе высокой стѣною. Эта часть города гораздо больше Кремля; въ ней находятся—университетъ, типографія и многія другія общественныя зданія и лавки. Большая часть зданій каменныя, выбѣленныя; въ Китай-городѣ находится единственная Московская улица, сплошь застроенная домами.

3. Бѣлгородъ, окружающій обѣ выше названныя части города, названъ такъ, какъ полагаютъ, по бѣлой стѣнѣ, которой онъ былъ прежде обнесенъ и слѣды которой видны до сихъ поръ.

4. Земляной городъ, окружающій остальныя три части, названъ такъ потому, что онъ обнесенъ землянымъ валомъ. Эти двѣ части города представляютъ любопытное собраніе церквей, монастырей, дворцовъ, каменныхъ и деревянныхъ домовъ и жалкихъ лачугъ, ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянскихъ избъ.

5. Слобода, или предмѣстье, окружаетъ вышеписанныя части города и обнесена низкой стѣной и рвомъ. Помимо самыхъ разнообразныхъ зданій въ этой слободѣ находятся поля, луга и нѣсколько озерковъ, изъ которыхъ вытекаетъ р. Неглинная.

По городу извивается Москва-рѣка, по которой могутъ плавать только плоты; въ земляномъ городѣ въ нее впадаетъ Яуза, а въ восточной части Кремля—Неглинная; обѣ эти рѣчки лѣтомъ почти совсѣмъ пересыхаютъ.

Утромъ на другой день послѣ нашего пріѣзда, мы приказали слугѣ нанять для насъ карету на все время нашего пребыванія въ Москвѣ; онъ досталъ карету, запряженную шестеркой лошадей разной масти; кучеръ и форейторъ были одѣты какъ простые крестьяне съ высокими цилиндрами на головѣ; длиннобородый кучеръ въ тулупѣ сидѣлъ на козлахъ, а форейтора, въ грубыхъ драгетовыхъ зипунахъ,—сидѣли, по здѣшнему обычаю, верхомъ, на выносныхъ лошадяхъ. Позади кареты былъ привязанъ громаднѣйшій мѣшокъ съ сѣномъ; когда мы выразили по этому поводу свое удивленіе, то намъ сказали, что въ Москвѣ всѣ кареты берутъ съ собой запасъ сѣна, и пока баринъ сидитъ въ гостяхъ или обѣдаетъ, лошадей кормятъ сѣномъ. Безъ этого, повидимому, дѣйствительно нельзя было обойтись, такъ какъ наши лошади были въ упряжи съ утра до поздней ночи и все время стояли на улицѣ. Во время нашего пребыванія въ Москвѣ, намъ случалось, нерѣдко, видѣть, въ обѣденное время, что во дворахъ домовъ, гдѣ мы обѣдали, распряженныя лошади мирно жевали захваченное кучерами сѣно, разбросанное на землѣ; тутъ же, на дворѣ, стояли группами кучера и форейторы и также непритязательно, какъ и ихъ скотина, утоляли

свой голодъ взятой съ собою закуской. Подобныя сцены до того приглядѣлись намъ, что мѣшки съ сѣномъ, которые мы таскали съ собою, перестали, наконецъ, казаться намъ чѣмъ-то необычайнымъ.

Первый нашъ визитъ въ новомъ экипажѣ былъ къ нашему банкиру, который жилъ въ слободѣ, въ разстояніи одной мили отъ нашей гостиницы. Кучеръ погонялъ по городу лошадей во всю прыть, заставляя ихъ иногда скакать галопомъ, одинаково по мощеннымъ и по не мощеннымъ улицамъ. Банкиръ былъ англичанинъ и любезно снабдилъ насъ цѣлымъ ворохомъ англійскихъ газетъ; переправившись черезъ Яузу на паромѣ, мы поѣхали отъ него въ городъ, чтобы осмотрѣть дворецъ, построенный для пріема нынѣ царствующей императрицы, когда она бываетъ въ Москвѣ; это зданіе не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о дворцѣ; это не одно зданіе, а множество отдѣльныхъ зданій, разбросанныхъ на протяженіи нѣсколькихъ улицъ, что производитъ впечатлѣніе маленькаго городка и вполнѣ соотвѣтствуетъ азіатскому представленію о царскомъ величіи [1]). Всѣ дома на каменныхъ основаніяхъ, но камень такой мягкій, что, кажется, не выдержитъ нагрузки зданія; да и кирпичъ, изъ котораго построены дома, такого плохого качества, что онъ разсыпается при прикосновеніи; постройка вполнѣ соотвѣтствуетъ матеріалу, ибо стѣны, во многихъ мѣстахъ, не совпадаютъ съ отвѣсной линіей.

Почти всѣ деревянныя части въ этихъ огромныхъ зданіяхъ обдѣланы при помощи одного топора. Хотя мнѣ часто приходилось видѣть, какъ работали плотники, но я никогда не видѣлъ въ ихъ рукахъ пилы: они разрѣзали топоромъ стволы деревьевъ, топоромъ же обдѣлывали доски, обтесывали балки и прилаживали ихъ. Съ помощью этого простого инструмента, они задѣлывали въ гнѣзда самые маленькіе и самые большіе бруски дерева и аккуратно выравнивали половницы. Поразительна ловкость и вѣрность глаза, съ какою они работаютъ этимъ инструментомъ, но, очевидно, что при такомъ способѣ работы тратится непроизводительно очень много труда и дерева.

Довольно обширный садъ, разбитый подлѣ стараго дворца, который былъ построенъ Елисаветой и стоялъ почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь выстроенъ новый дворецъ, поддерживается до сихъ поръ; я не видалъ, съ самаго отъѣзда изъ Англіи, такихъ прекрасныхъ, усыпанныхъ гравіемъ дорожекъ, какъ въ этомъ саду. Кое-гдѣ видны хорошенькія куртинки, но большая часть сада разбита въ старинномъ вкусѣ: съ длинными аллеями подстриженныхъ тисовыхъ деревь-

---

[1]) Павелъ I обратилъ этотъ дворецъ въ казармы на 200 чел.

евъ, длинными прямыми канавками и безчисленнымъ множествомъ безобразныхъ статуй. Фонтанъ украшенъ статуей Геркулеса, вызолоченными купидонами, дельфинами и рыбами; каждый павильончикъ представляетъ маленькій пантеонъ; въ каждомъ гротѣ притаился Аполлонъ или Діана; особенно много статуй, изображающихъ женщину, съ рогомъ изобилія, изъ котораго сыплются не плоды, зерна и цвѣты, какъ обыкновенно, а короны, діадемы и митры. Дни всѣхъ этихъ боговъ и богинь сочтены; всѣ эти смѣхотворныя украшенія будутъ убраны по повелѣнію Екатерины и замѣнены болѣе подходящими. Дворецъ и сады находятся въ концѣ предмѣстья, внѣ черты наружной ограды, окружающей городъ.

Мы скоро привыкли къ тому, что наша карета была запряжена шестеркой лошадей, такъ какъ мы то и дѣло встрѣчали на улицахъ Москвы помѣщиковъ, разъѣзжавшихъ въ экипажахъ, запряженныхъ шестеркой цугомъ. Такъ какъ городъ очень раскинутъ, то на улицахъ стоятъ также наемныя пролетки, которыя развозятъ жителей въ разные концы города. Эти пролетки безъ верха, по большей части четырехколесныя, либо съ одной продольной скамьею, либо съ двумя или тремя отдѣльными сидѣніями, въ родѣ креселъ, поставленныхъ бокомъ: извощики берутъ за конецъ такъ дешево, что даже прислуга, посланная съ какимъ-нибудь порученіемъ, нанимаетъ ихъ, чтобы проѣхать изъ одной части города въ другую. Они ѣздятъ обыкновенно со скоростью восьми или девяти миль въ часъ.

1 сентября. Сегодня утромъ мы получили отъ графа Остермана карточку съ приглашеніемъ отобѣдать у него, 22 августа; такъ какъ это было уже 1 сентября, то слуга, подавъ намъ эту карточку, доложилъ, смѣясь, что мы приглашены на обѣдъ, который уже состоялся; присовокупивъ, что онъ пытался убѣдить посланнаго въ томъ, что это ошибка, но тотъ настаивалъ, что 22 августа будетъ завтра.

Ошибка съ стороны нашего слуги была вполнѣ понятна; онъ не зналъ, что въ Россіи придерживаются стараго стиля, а такъ какъ мы были 22 августа въ Литвѣ, то онъ, естественно, былъ удивленъ, слыша вторично то же самое число.

Въ тотъ же день мы отправились къ управляющему губерніей князю Волконскому, къ которому имѣли рекомендательное письмо отъ русскаго посланника въ Варшавѣ, графа Штакельберга. Онъ принялъ насъ весьма любезно и пригласилъ отобѣдать съ нимъ, присовокупивъ, что во время нашего пребыванія въ Москвѣ, за его столомъ всегда будетъ накрытъ для насъ приборъ. Князю шестьдесятъ седьмой годъ; онъ помнитъ Петра Великаго и описываетъ его, какъ человѣка огромнаго роста, въ шесть футъ, крѣпкаго

и хорошо сложеннаго, съ трясущейся головой, котораго часто подергивали судороги; присовокупивъ, что онъ носилъ обыкновенно зеленый мундиръ или коричневый длинный сюртукъ и замѣчательно тонкое бѣлье; его коротко остриженные черные волосы не были напудрены, и онъ не носилъ усовъ. Князь забавлялъ насъ анекдотами объ этомъ великомъ монархѣ, изъ коихъ одинъ былъ переданъ ему княземъ Меншиковымъ.

Послѣ Полтавской битвы, когда его отецъ, князь Волконскій преслѣдовалъ Карла XII съ отрядомъ легкой конницы, къ нему подскакалъ адъютантъ, передавшій отъ Меншикова приказаніе остановиться; онъ повиновался, но послалъ къ князю ординарца сказать, что онъ преслѣдовалъ короля шведскаго и уже почти нагонялъ его. Меншиковъ былъ чрезвычайно удивленъ, получивъ это извѣстіе, такъ какъ онъ никому не давалъ приказанія прекратить преслѣдованіе; его мнимаго адъютанта никто болѣе не видалъ. Такъ какъ Петръ не повелѣлъ розыскать того, кто спасъ его величайшаго врага отъ плѣна, то подозрѣвали, что онъ самъ придумалъ эту уловку, чтобы не имѣть на рукахъ плѣннаго, котораго ему не захотѣлось бы отпустить на свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ и непріятно было бы долго держать въ плѣну.

Ничто не можетъ сравняться съ гостепріимствомъ русскихъ. Всякій разъ какъ мы являлись къ кому-нибудь изъ нихъ съ утреннимъ визитомъ, насъ оставляли обѣдать и приглашали пріѣзжать къ столу запросто; считая это простою любезностью и не желая злоупотреблять ею, мы стѣснялись пользоваться этими приглашеніями. Но вскорѣ мы узнали, что всѣ знатныя лица держали открытый столъ и всегда были рады, когда къ нимъ пріѣзжали безъ церемоніи. Князь Волконскій, въ особенности, узнавъ однажды случайно, что мы обѣдали наканунѣ въ гостиницѣ, вѣжливо пожурилъ насъ, повторяя, что его столъ всегда для насъ накрытъ и что въ тѣ дни, когда мы никуда не приглашены, мы его гости. Нѣтъ словъ передать любезность и вниманіе къ намъ доблестнаго князя: онъ не только пригласилъ насъ бывать запросто, но позаботился о томъ, чтобы мы осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Москвы, приказалъ своему адъютанту сопровождать насъ при осмотрѣ города, и такъ какъ намъ очень хотѣлось познакомиться съ извѣстнымъ историкомъ Миллеромъ, то онъ пригласилъ его вмѣстѣ съ нами къ обѣду.

Миллеръ говоритъ и пишетъ совершенно свободно по-нѣмецки, по-русски, по-французски и по-латыни; и свободно читаетъ по-англійски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Онъ обладаетъ до сихъ поръ изумительной памятью, и его знаком-

ство съ самыми малѣйшими подробностями русской исторіи прямо поразительно.

Послѣ обѣда этотъ выдающійся ученый пригласилъ меня къ себѣ, и я имѣлъ удовольствіе провести нѣсколько часовъ въ его библіотекѣ, въ которой собраны чуть не всѣ сочиненія о Россіи, вышедшія на европейскихъ языкахъ; число англійскихъ авторовъ, писавшихъ объ этой странѣ, гораздо больше, нежели я думалъ. Его собраніе государственныхъ актовъ и рукописей неоцѣнимо и хранится въ величайшемъ порядкѣ.

Надобно пожалѣть о томъ, что Миллеръ, который получаетъ прекрасное вознагражденіе за свой трудъ и уже собралъ всѣ нужные матеріалы, не написалъ до сихъ поръ обстоятельной исторіи Россіи, и что въ виду его преклоннаго возраста другимъ придется разработать матеріалъ, имъ собранный. Но онъ будетъ всегда пользоваться славой, какъ за свои предшествующіе труды, такъ и за обширный матеріалъ, который онъ завѣщаетъ будущимъ историкамъ.

Герардъ Фридрихъ Миллеръ родился въ 1705 г. въ Герфордѣ, въ Вестфаліи; получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своего отца, ректора мѣстной гимназіи, Ѳомы Миллера; семнадцати лѣтъ сталъ посѣщать университетъ въ Лейпцигѣ. Обративъ на себя вниманіе своими успѣхами въ разныхъ отрасляхъ изящной литературы, онъ былъ рекомендованъ, на двадцатомъ году жизни, Петру Великому и опредѣленъ въ только-что основанную императорскую академію наукъ, но пріѣхалъ въ Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1725 г. уже послѣ кончины Петра I. Екатериной I онъ былъ назначенъ адъюнктомъ академіи наукъ, читалъ по-латыни исторію и географію и въ 1730 г. назначенъ профессоромъ исторіи и членомъ академіи наукъ. Въ томъ же году онъ отправился въ путешествіе по Германіи, Голландіи и Англіи и во время своего пребыванія въ Лондонѣ былъ избранъ членомъ королевскаго общества. Посланный императрицей Анной Іоанновной для изслѣдованія восточной Сибири и Камчатки, онъ отправился въ эту достопамятную экспедицію 8 августа 1733 г., въ сопровожденіи Штеллера, де Лилля, Гмелина и Крашенинникова. Неутомимый путешественникъ обратилъ вниманіе преимущественно на изученіе исторіи, географіи, древностей, нравовъ и обычаевъ народовъ и кочевыхъ племенъ, населяющихъ Сибирь, исправилъ карты тѣхъ мѣстностей, какія онъ посѣтилъ, привелъ въ большихъ городахъ въ порядокъ архивы и снялъ копіи съ главнѣйшихъ документовъ.

Неутомимое усердіе, съ какимъ онъ производилъ эти изслѣдованія, вызвало сильное нервное разстройство, вслѣдствіе чего онъ

не могъ продолжать путь со своими товарищами и просилъ позволенія вернуться обратно въ Петербургъ. Получивъ на это согласіе императрицы, онъ съ грустью разстался со своими спутниками; но оправившись, и побуждаемый любознательностью, онъ рѣшилъ продолжать свои изслѣдованія восточной Сибири, не взирая на трудности, съ какими было сопряжено путешествіе въ этой мало обитаемой странѣ, и на непроѣзжія почти дороги. Онъ побывалъ въ Иркутскѣ, Охотскѣ, и добрался даже до Якутска, куда онъ пріѣхалъ въ 1736 г. Просматривая архивные документы, Миллеръ нашелъ подлинное описаніе путешествія русской экспедиціи по Сѣверному Ледовитому океану и Камчатскому морю и узналъ изъ этихъ документовъ, что въ истекшемъ столѣтіи русскій мореплаватель Дежневъ, выѣхавъ изъ р. Колыми, проѣхалъ по Ледовитому океану и обогнулъ с.-в. мысъ Азіи, доказавъ такимъ образомъ, что Азія и Америка раздѣлены проливомъ—вопросъ, который долгое время былъ спорнымъ и волновалъ ученыхъ. Это важное открытіе побудило другихъ путешественниковъ изслѣдовать сѣверо-западные берега Америки и между прочимъ вызвало снаряженіе экспедиціи Кука.

Миллеръ возвратился въ Петербургъ, послѣ десяти-лѣтняго отсутствія, въ 1743 г. и былъ принятъ императрицей Елисаветой, оказавшей ему знаки величайшаго уваженія. Въ 1747 г. онъ былъ назначенъ, нынѣ царствующей императрицей, начальникомъ московскаго архива, иностранной коллегіи [1]).

Самый главный его трудъ, сборникъ статей, касающихся Россіи (Sammlung russ. Geschichte) въ 9 томахъ, содержитъ много любопытнаго: между прочимъ, свѣдѣнія о русскихъ лѣтописяхъ по сочиненіямъ византійскихъ писателей, древнимъ славянскимъ лѣтописямъ и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ норвежскимъ историкомъ Snorro Sturlensis; разныя свѣдѣнія о калмыкахъ и запорожскихъ казакахъ; о торговлѣ и поселеніяхъ генуэзцевъ на берегу Чернаго и Азовскаго морей, о русскихъ и китайскихъ поселеніяхъ на р. Амурѣ, объ исторіи и торговыхъ сношеніяхъ Сибири; исторіи Россіи отъ царствованія Бориса Годунова до вступленія на престолъ Михаила

---

[1]) Императрица пріобрѣла его прекрасное собраніе книгъ и рукописей за 2.000 ф. ст. Эта великая покровительница ученыхъ и писателей поручила ему привести въ порядокъ и издать, на ея счетъ, собраніе трактатовъ и договоровъ, въ родѣ изданнаго Дюмономъ „Corps diplomatique;“ но Миллеръ не окончилъ этого труда. Онъ скончался 16 октября 1783 года, 78 лѣтъ отъ рода; незадолго до его смерти, Екатерина пожаловала ему Владимірскій крестъ и почтила его память, возведя его потомство въ дворянское званіе.

Ѳеодоровича; достопримѣчательностяхъ азіатской Россіи и азіатской Турціи; русской торговлѣ въ Китаѣ; естественно—историческія замѣтки о мѣстности между Дономъ и Днѣпромъ; свѣдѣнія о Новгородѣ, Дерптѣ, Перновѣ, Ригѣ.

Третій томъ этого интереснаго сочиненія содержитъ „отчетъ о путешествіяхъ и открытіяхъ, совершенныхъ русскими по берегамъ Ледовитаго океана и Восточнаго океана, въ Японіи и Америкѣ", съ 1631 г. до окончанія экспедицій Беринга и Чирикова въ 1742 г.; изъ этой книги я почерпулъ многое для моего сочиненія объ открытіяхъ, совершенныхъ русскими.

Кромѣ вышеназваннаго труда, этотъ неутомимый и добросовѣстный изслѣдователь написалъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ много другихъ мелкихъ сочиненій, посвященныхъ исторіи и топографіи этой обширной имперіи.

10 сентября (30 августа). День Александра Невскаго, котораго въ Россіи высоко чтутъ и въ честь котораго Петръ Великій установилъ орденъ, былъ отпразднованъ торжественно. Во всѣхъ Московскихъ церквахъ отслужены обѣдни; московскій губернаторъ далъ великолѣпный обѣдъ, къ которому были приглашены важнѣйшія лица изъ дворянства и духовенства.

Александръ Невскій, одинъ изъ самыхъ чтимыхъ въ Россіи святыхъ, сынъ великаго князя Ярослава, прославился въ XIII вѣкѣ, въ то время, когда его страна была на краю гибели, и ей угрожали со всѣхъ сторонъ сильнѣйшіе враги. Онъ отразилъ армію шведскихъ и нѣмецкихъ рыцарей и ранилъ собственноручно короля шведскаго, на берегахъ Невы, отчего ему и дано прозваніе Невскаго. Онъ разбивалъ неоднократно татаръ и освободилъ страну отъ унизительной дани, наложенной на нее преемниками Чингисъ-хана. Онъ совершилъ за всю свою жизнь столько выдающихся подвиговъ, что невѣжественный и суевѣрный народъ сталъ считать его какимъ-то высшимъ существомъ и причислять его къ лику святыхъ. Его личная доблесть засвидѣтельствована не только побѣдами, одержанными русскими при его жизни, но и многочисленными пораженіями, которыя они понесли вскорѣ послѣ его кончины.

Въ день Александра Невскаго съ ранняго утра сталъ доноситься со всѣхъ сторонъ громкій звонъ колоколовъ; особенно громко гудѣли колокола въ Кремлѣ, гдѣ находятся главные соборы и самые большіе колокола. Въ одиннадцать часовъ мы поѣхали съ визитомъ къ князю Волконскому, у котораго, какъ у представителя губерніи, былъ въ тотъ день пріемъ: онъ былъ въ орденѣ Александра Невскаго и принималъ поздравленія отъ съѣхавшихся къ нему сановниковъ и дворянъ. Отъ губернатора мы поѣхали въ Архангельскій соборъ,

къ обѣднѣ, которую служилъ архіепископъ ростовскій. Церковь была биткомъ набита народомъ, такъ что мы съ величайшимъ трудомъ могли пробраться къ клиросу. Страшная толкотня, происходившая въ храмѣ, и сложный церемоніалъ богослуженія такъ отвлекалъ наше вниманіе, что мы не могли слѣдить за обрядами. Мы видѣли только, что богослуженіе совершается съ особой торжественностью и великолѣпіемъ и что кромѣ обычныхъ церемоній совершались многіе праздничные обряды.

По окончаніи обѣдни, которая продолжалась два часа, мы вернулись къ князю Волконскому, у котораго собралось девяносто человѣкъ приглашенныхъ къ обѣду по случаю праздника. Когда въ комнату вошелъ архіепископъ ростовскій, князь встрѣтилъ его у дверей и подошелъ къ нему подъ благословеніе; также почтительно встрѣтилъ онъ двухъ пріѣхавшихъ къ нему епископовъ; большая часть присутствовавшихъ по примѣру князя, по очереди, подходили къ нимъ подъ благословеніе. Будучи представленъ архіепископу, я долго бесѣдовалъ съ нимъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ онъ говорилъ очень свободно. Онъ повидимому уменъ, образованъ и хорошо знакомъ съ литературой; онъ читалъ произведенія многихъ нашихъ духовныхъ писателей въ оригиналѣ или въ переводѣ на латинскій языкъ и отзывался объ нихъ съ большой похвалою. Я задалъ ему нѣсколько вопросовъ касательно богослуженія православной церкви, на которые онъ отвѣчалъ весьма любезно и съ большой готовностью.

Онъ посвящалъ меня въ подробности монастырскаго быта, когда нашъ разговоръ былъ прерванъ приглашеніемъ къ обѣду. По здѣшнему обычаю, на маленькомъ столикѣ, въ одномъ изъ угловъ столовой была поставлена водка и тарелки съ икрой, селедкой, хлѣбомъ, масломъ и сыромъ, которыми гости закусывали передъ обѣдомъ.

За столъ сѣло около девяноста человѣкъ. За вторымъ блюдомъ, князю Волконскому подали большой стаканъ съ крышкой; онъ всталъ, снялъ крышку, передалъ ее сидѣвшему подлѣ него архіепископу, налилъ въ стаканъ шампанскаго и осушилъ его за здоровье императрицы; въ это время раздался выстрѣлъ изъ орудія. Архіепископъ послѣдовалъ его примѣру, и стаканъ обошелъ такимъ образомъ присутствовавшихъ; затѣмъ съ такой же церемоніей пили за здоровье великаго князя, великой княгини и ихъ сына, великаго князя Александра, послѣ чего всталъ графъ Панинъ и предложилъ тостъ за здоровье хозяина дома, къ которому присоединились всѣ присутствовавшіе. При каждомъ тостѣ, провозглашенномъ княземъ, всѣ вставали въ знакъ почтенія и стояли, пока онъ пилъ.

VII.

Въ домѣ у графа Орлова.—Его конскій заводъ.—Кулачные бои. — Загородный садъ. — Внѣшній видъ московскихъ церквей. — Главныя кремлевскія зданія.—Старый дворецъ.—Архивъ иностранной коллегіи.—Начало сношеній между Лондонскимъ и Московскимъ дворами.—Переписка между Елисаветой и Іоанномъ IV.—Брачные планы Іоанна IV.—Переговоры съ иностранными дворами по поводу императорскаго титула.

Во время нашего пребыванія въ Москвѣ мы часто посѣщали графа Алексѣя Орлова, который въ послѣднюю войну съ Турціей командовалъ русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ и сжегъ турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ, за что ему пожалованъ титулъ Чесменскаго. Обычай давать людямъ прозвища за выдающіяся заслуги, оказанныя родинѣ, въ подражаніе римлянамъ, соблюдался Константиномъ Великимъ и его преемниками, греческими императорами, царствовавшими въ Константинополѣ, откуда онъ былъ заимствованъ вѣроятно, русскими, которые въ старину давали подобныя же прозвища своимъ выдающимся героямъ. Такъ, великій князь Александръ— былъ прозванъ Невскимъ за побѣду, одержанную имъ надъ шведами на берегахъ Невы, Дмитрій Іоанновичъ прозванъ Донскимъ за побѣду, одержанную надъ татарами на берегу Дона. Этотъ обычай, давно оставленный, возобновленъ нынѣ царствующей императрицей. Фельдмаршалъ Румянцевъ получилъ названіе Задунайскаго за побѣды, одержанныя имъ на берегахъ Дуная; князь Долгорукій получилъ названіе Крымскаго за побѣды, одержанныя въ Крыму; а графъ Орловъ—названіе Чесменскаго, за побѣду при Чесмѣ.

Домъ графа Орлова стоитъ въ концѣ одного изъ предмѣстьевъ, на высокомъ мѣстѣ, откуда открывается великолѣпный видъ на обширную Москву и ея окрестности; нѣсколько отдѣльныхъ строеній занимаютъ довольно большое пространство. Службы, конюшни, хлѣва и прочія отдѣльно стоящія зданія построены изъ кирпича; изъ него же построенъ фундаментъ и нижній этажъ дома; но верхній этажъ—деревянный и окрашенъ въ зеленую краску [1]).

Мы явились къ графу съ рекомендательнымъ письмомъ отъ князя Станислава Понятовскаго, племянника короля Польскаго, были приняты весьма любезно и приглашены къ обѣду; графъ просилъ насъ быть какъ дома, прибавивъ, что онъ человѣкъ простой, очень уважаетъ англійскую націю и будетъ радъ оказать намъ,

---

[1]) Здѣсь многіе считаютъ деревянные дома теплѣе и здоровѣе кирпичныхъ и каменныхъ, и по этой причинѣ многіе помѣщики предпочитаютъ строить изъ дерева ту часть дома, въ которой они живутъ сами.

во время нашего пребыванія въ Москвѣ, всевозможныя услуги. Мы имѣли удовольствіе обѣдать у него нѣсколько разъ и всегда встрѣчали отмѣнно вѣжливый пріемъ. Графъ отличается чисто русскимъ гостепріимствомъ и держитъ открытый столъ; за обѣдомъ у него подаются разные сорта греческихъ винъ, привезенныхъ имъ изъ Архипелага. Одно блюдо, которое подавалось за его роскошнымъ столомъ, было особенно вкусно и уступаетъ только нашей лучшей дичи; это была замѣчательно жирная и сочная Астраханская баранина [1]).

За обѣдомъ играла музыка, какъ это принято въ высшемъ кругу. Мы замѣтили еще одну особенность; кромѣ слугъ, во время обѣда находилось въ столовой множество челяди и приживалокъ, которые не прислуживали, но окружали стулъ хозяина дома и, казалось, были въ восторгѣ, когда онъ удостоивалъ ихъ улыбкой или кивкомъ головы. Въ числѣ этихъ приживаловъ былъ армянинъ, недавно пріѣхавшій съ Кавказа, который, по обычаю своей страны, жилъ въ палаткѣ, поставленной въ саду и покрытой звѣриными шкурами. Онъ ходилъ въ длинномъ халатѣ, подпоясанномъ кушакомъ, въ широкихъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ; волосы были у него подрѣзаны по-татарски въ кружокъ; онъ носилъ кинжалъ и лукъ, сдѣланный изъ рога буйвола, съ натянутой буйволовой жилой. Армянинъ этотъ былъ очень преданъ своему хозяину и, поступивъ къ нему добровольно, поклялся, по восточному обычаю, мстить всѣмъ врагамъ графа; и въ знакъ искренности своихъ словъ предлагалъ отрѣзать себѣ уши; онъ выражалъ также готовность болѣть за своего господина. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ нашъ костюмъ и съ восторгомъ показывалъ знаками, насколько его одежда приличнѣе нашей. Онъ танцовалъ какой-то калмыцкій танецъ, заключавшійся въ томъ, что онъ напрягалъ всѣ мускулы и продѣлывалъ всевозможныя тѣлодвиженія не двигаясь съ мѣста; позвавъ насъ въ садъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ показалъ намъ свою палатку и свое оружіе, и высоко запустилъ нѣсколько стрѣлъ. Мы были поражены непосредственностью этого армянина; онъ походилъ на дикаря, едва начавшаго цивилизоваться.

Графъ Орловъ страстный любитель верховой ѣзды и имѣетъ, какъ говорятъ, если не самый большой, то самый прекрасный конскій заводъ въ Россіи. Онъ былъ такъ любезенъ, что удовлетворилъ наше любопытство и повезъ насъ въ свой загородный домъ, въ пятнадцати миляхъ отъ Москвы. Мы ѣхали въ его собственной

---

[1]) Я видѣлъ у него во дворѣ много барановъ съ большими курдюками; они были до того ручные, что позволяли гладить себя по спинѣ.

каретѣ, запряженной четверкой съ двумя выносными; лошади были припряжены простыми веревками; за нами, для вящшаго парада, слѣдовала карета, запряженная шестеркою цугомъ. Графа сопровождало четверо гусаръ и его армянинъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, который то и дѣло стрѣлялъ и размахивалъ руками, выражая величайшій восторгъ; онъ то скакалъ подлѣ кареты, то внезапно останавливался, несся во весь духъ и появлялся по другую сторону экипажа.

Мы видѣли по пути нѣсколько большихъ монастырей, обнесенныхъ, какъ это здѣсь принято, каменными стѣнами и напоминавшихъ маленькія крѣпостцы. Дважды переправившись черезъ Москву рѣку, мы очутились наконецъ среди обширнаго ровнаго пространства, съ великолѣпными пастбищами, посреди котораго на холмѣ, омываемомъ рѣкою, стоялъ домъ графа, изъ оконъ котораго открывался великолѣпный видъ на равнину, орошаемую Москвой-рѣкою и обрамленную поросшими лѣсомъ холмами, по скатамъ которыхъ виднѣлись поля и луга.

Большая часть табуна, принадлежавшаго графу, паслась на лугу; у него было нѣсколько великолѣпныхъ жеребцовъ и свыше шестидесяти кобылъ съ жеребятами. Тутъ были представители самыхъ отдаленныхъ странъ свѣта: Аравіи, Турціи, Татаріи, Персіи и Англіи. Арабскихъ лошадей графъ пріобрѣлъ во время своего похода въ Архипелагъ; нѣсколько лошадей было подарено ему Али-беемъ, другіе были куплены или забраны у турокъ, графъ особенно цѣнилъ четырехъ лошадей (двухъ изъ нихъ мы уже видѣли у него въ Москвѣ) чистѣйшей кохланской породы, которая особенно славится въ Аравіи и представителей которой рѣдко можно встрѣтить въ другихъ странахъ.

Показавъ намъ свой табунъ и имѣніе, графъ угостилъ насъ роскошнымъ обѣдомъ; его оживленная бесѣда придала еще болѣе прелести его широкому гостепріимству. Вернувшись въ Москву, мы отправились въ небольшую деревушку, въ шести миляхъ отъ столицы, гдѣ строится для государыни загородный дворецъ Царицыно; кромѣ главнаго флигеля въ лѣсу разбросано восемь или десять домиковъ въ готическомъ стилѣ. Очень живописная холмистая мѣстность поросла лѣсомъ; у подножія холма сверкаетъ озеро.

Упомяну здѣсь кстати о чисто восточной щедрости, съ какою графъ Орловъ напомнилъ намъ впослѣдствіи о себѣ. Зимою, когда мы уже были въ Петербургѣ, лордъ Гербертъ [1]) получилъ отъ него

[1]) Коксъ сопровождалъ лорда Герберта въ путешествіи по Россіи.

въ подарокъ одного изъ его великолѣпнѣйшихъ арабскихъ жеребцовъ при слѣдующемъ письмѣ:

„My Lord, я замѣтилъ, что эта лошадь понравилась вамъ, и поэтому прошу васъ принять ее. Она подарена мнѣ Али-беемъ. Это настоящій арабскій жеребецъ кохланской породы, привезенный мнѣ въ послѣднюю войну на русскихъ судахъ изъ Аравіи въ бытность мою въ Архипелагѣ. Искренно желаю, чтобы онъ пригодился вамъ, также какъ мнѣ, и остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, вашъ покорный слуга, графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій“.

Въ бытность нашу въ Москвѣ, мы были приглашены однажды графомъ къ обѣду, — послѣ котораго онъ предложилъ намъ посмотрѣть на кулачный бой—любимое развлеченіе русскаго народа. Мы отправились въ манежъ, гдѣ уже собралось къ тому времени болѣе трехсотъ крестьянъ. Они раздѣлились на двѣ партіи; каждая выбрала себѣ предводителя, которые вызывали борцовъ и разставляли ихъ по мѣстамъ. Одновременно боролись только два человѣка. Они не снимали одежды, но одѣвали толстыя кожаныя рукавицы, сдѣланныя изъ такой грубой кожи, что она мѣшала имъ сжать руку въ кулакъ; они нападали совершенно иначе, нежели англійскіе боксеры; выдвигая впередъ лѣвую ногу и весь корпусъ и отражая ударъ лѣвой рукой, они размахивали въ то же время правой рукою, стараясь ударить ею противника въ лицо и въ голову, но никогда не мѣтили въ грудь или въ бокъ; повидимому, они совершенно не умѣли наносить удара прямо. Если кому-либо изъ борцовъ удавалось повалить противника на землю, то онъ объявлялся побѣдителемъ, и борьба прекращалась. Въ нашу бытность въ Москвѣ мы видѣли до двадцати кулачныхъ боевъ. Нѣкоторые изъ вступавшихъ въ бой были здоровенные, сильные люди, но самый способъ вести бой былъ таковъ, что онъ не могъ кончиться увѣчьями, какъ это бываетъ въ Англіи во время бокса. Обѣ партіи видимо принимали живѣйшее участіе въ побѣдѣ своего предводителя и готовы были придти ему на помощь, но какъ только поднимался споръ или зрители разгорячались, графъ тотчасъ примирялъ спорившихъ, выступая въ качествѣ посредника: милостиваго слова или даже одного кивка головы было достаточно, чтобы успокоить спорившихъ. Когда графъ выражалъ желаніе прекратить бой, то крестьяне униженно просили его удостоить ихъ своимъ присутствіемъ еще нѣкоторое время, и когда онъ изъявлялъ на это свое согласіе, они кланялись ему въ поясъ и, казалось, были довольны, словно была оказана величайшая милость.

Крѣпостные очень любятъ графа, и когда онъ подходилъ къ нимъ, то ихъ суровыя лица принимали мягкое, любящее выраженіе.

Мы совершили очень пріятную поѣздку въ Никольское, имѣніе графа Петра Панина, выдающагося дѣятеля, который отличился въ послѣднюю войну съ турками взятіемъ Бендеръ и затѣмъ усмирилъ пугачевскій бунтъ. Его загородный домъ стоитъ среди лѣса, въ шести миляхъ отъ Москвы. Онъ хотѣлъ сначала построить большой каменный домъ, по плану, набросанному его женою; но когда она умерла, этотъ планъ былъ оставленъ, и онъ довольствуется теперь уютнымъ деревяннымъ домомъ, стоящимъ на выѣздѣ изъ его имѣнія, который былъ первоначально сооруженъ временно. Службы, конюшни, каретные сараи, собачьи конуры, помѣщенія для охотниковъ и прочей челяди тянутся въ два ряда и состоятъ изъ отдѣльныхъ деревянныхъ домиковъ одноэтажной постройки, окрашенныхъ въ одинъ и тотъ же цвѣтъ. Садъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ съ хорошенькими лужайками и группами деревьевъ и большимъ прудомъ, обсаженнымъ деревьями.

Намъ было пріятно видѣть, что даже въ этой отдаленной странѣ разбиваютъ парки и сады въ англійскомъ вкусѣ; здѣсь это весьма удобно, такъ какъ парки обширны и зелень во время короткаго лѣта развивается роскошно.

Очень многіе русскіе дворяне-помѣщики держатъ садовниковъ-англичанъ и предоставляютъ имъ полную свободу планировать сады по ихъ собственному вкусу. Графъ большой любитель охоты и имѣетъ огромную свору собакъ всевозможныхъ породъ, борзыхъ и гончихъ, съ которыми онъ охотится на волковъ, лосей, лисицъ и медвѣдей. У него есть прекрасныя борзыя русской породы, которыя славятся быстротою своего бѣга; это лохматыя собаки, ростомъ выше ньюфаундлендскихъ.

Графъ угостилъ насъ великолѣпнымъ обѣдомъ: мы были особенно поражены количествомъ и качествомъ фруктъ, поданныхъ на десертъ: тутъ были ананасы, персики, абрикосы, виноградъ, груши, вишни, которыя могутъ расти въ этой странѣ только въ теплицахъ [1]).

Всего этого было въ изобиліи. Между прочимъ были поданы превосходныя небольшія дыни, привезенныя изъ Астрахани на лошадяхъ. На обоихъ концахъ стола стояли фарфоровыя вазы, въ которыхъ были посажены вишневыя деревца съ листьями и плодами, вѣтви были отягчены вишнями; присутствующіе срывали ихъ прямо

[1]) Со времени моего отъѣзда изъ Россіи садоводство сдѣлало въ этой странѣ большіе успѣхи. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Ритчеромъ, въ окрестностяхъ Москвы разводятъ въ парникахъ много ананасовъ, которые продаются по рублю штука. Одинъ датчанинъ, недавно вернувшійся изъ Россіи, говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ имѣніи князя Голицына виноградъ, зрѣвшій на воздухѣ.

съ дерева; это было красиво и изящно. За дессертомъ былъ поданъ оригинальный сортъ яблокъ, которыя разводятъ въ окрестностяхъ Москвы: цвѣтомъ и прозрачностью онъ напоминаетъ янтарь и называется здѣсь наливнымъ. Яблони, приносящія эти плоды, растутъ на открытомъ воздухѣ, не требуя особаго ухода, но будучи отсажены черенками или выращены изъ сѣмянъ въ другой мѣстности, онѣ вырождаются и приносятъ уже обыкновенный сортъ яблокъ.

На возвратномъ пути изъ Никольскаго мы проѣхали мимо имѣнія украинскаго гетмана графа Разумовскаго, которое походитъ скорѣе на маленькій городокъ, нежели на загородный домъ. Въ имѣніи было сорокъ или пятьдесятъ домовъ разной величины, каменныхъ и деревянныхъ; нѣкоторые были выкрашены. Графъ имѣетъ свою стражу, многочисленную челядь и большой оркестръ музыкантовъ. Образъ жизни и домашній обиходъ русскихъ дворянъ отличаются большой роскошью и великолѣпіемъ. Ихъ дома въ Москвѣ и ея окрестностяхъ поражаютъ своими размѣрами; мнѣ говорили, что въ подмосковныхъ имѣніяхъ и подъ Петербургомъ все обставлено еще съ большею роскошью, и помѣщики живутъ какъ владѣтельные князья и феодальные бароны былыхъ временъ, и пользуются почти неограниченной властью надъ своими крестьянами.

Я не ожидалъ видѣть въ этой сѣверной странѣ что-либо въ родѣ загороднаго увеселительнаго сада. Онъ находится въ концѣ слободы, въ уединенномъ мѣстѣ, почти за городомъ. Мы вошли по корридору въ садъ, который былъ роскошно иллюминованъ. На случай холодной или дождливой погоды была выстроена ротонда съ нѣсколькими кабинетами для ужиновъ. Плата за входъ четыре шиллинга. Владѣлецъ этого сада англичанинъ Маттоксъ. Русскіе такъ охотно посѣщали его садъ, что онъ рискнулъ построить очень дорого стоившій ему каменный театръ, за что онъ выхлопоталъ себѣ исключительное право на устройство спектаклей и публичныхъ маскарадовъ въ теченіе десяти лѣтъ со дня постройки театра.

Великолѣпнѣйшій видъ на Москву открывается съ такъ называемыхъ Воробьевыхъ горъ, гдѣ находятся развалины большого дворца, построеннаго Алексѣемъ Михайловичемъ. На обратномъ пути съ этихъ горъ, мы остановились въ Васильевскомъ, загородномъ домѣ князя Долгорукова, который стоитъ на верхушкѣ холма, у подошвы котораго течетъ, огибая его, рѣка Москва, которая здѣсь шире, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; съ холма открывается роскошный видъ на обширный городъ; домъ—обширное деревянное зданіе, къ которому мы поднялись по тремъ террасамъ. Теперешній владѣлецъ этого дома, князь Долгорукій-Крымскій, ознаменовавшій себя побѣдами надъ турками въ Крыму и завоеваніемъ этого полуострова.

Въ саду находится нѣсколько моделей крѣпостей, которыя были имъ осаждены и взяты, между прочимъ, модель Керчи и Перекопа.

Осматривая домъ, я невольно припомнилъ тѣ превратности судьбы, которыя постигли семейство Долгорукихъ; въ особенности разсматривая портретъ княгини Екатерины Долгорукой, жизнь которой, описанная г-жей Вигоръ [1]), представляетъ одну изъ самыхъ трогательныхъ страницъ „Русской Исторіи“.

Несчастная княжна, разлученная съ тѣмъ, кого она любила, была противъ воли обручена съ императоромъ Петромъ II. Послѣ его кончины она могла бы вступить на престолъ, но была арестована и провела въ заточеніи все царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Получивъ свободу съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, она вышла замужъ за графа Брюсса и скончалась, не оставивъ потомства.

Въ Москвѣ очень много церквей; не считая часовень, въ ней насчитываютъ 484 приходскихъ церкви, изъ коихъ 199 каменныхъ; остальныя деревянныя; первыя большею частью оштукатурены и выбѣлены, послѣднія выкрашены въ красный цвѣтъ.

Самыя старинныя церкви четыреугольныя и пятиглавыя, ихъ купола мѣдные, вызолоченные или покрыты оловомъ или же окрашены въ зеленый цвѣтъ [2]).

Говоря о церквахъ, нельзя не упомянуть о колоколахъ, изъ коихъ иные поражаютъ своей величиною. Колоколъ на колокольнѣ Ивана Великаго вѣситъ 3.551 пудъ. Въ Россіи всегда почиталось благочестивымъ дѣломъ пожертвовать въ церковь колоколъ; о набожности жертвователя судили по его щедрости. Если прилагать эту мѣрку, то самымъ набожнымъ царемъ въ Россіи былъ Борисъ Годуновъ, пожертвовавшій въ соборъ колоколъ вѣсомъ въ 288.000 пудовъ; его перещеголяла однако со временемъ императрица Анна Іоанновна, по повелѣнію которой отлитъ колоколъ въ 432.000 пудовъ, превзошедшій по величинѣ всѣ существующіе колокола. Онъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что я не повѣрилъ бы разсказамъ, если бы я не видѣлъ его собственными глазами.

Такъ какъ гостиница, въ которой мы остановились, находилась подлѣ Кремлевской стѣны, то я часто имѣлъ случай осматривать кремлевскія зданія.

Старый дворецъ, въ которомъ жили прежніе цари, стоитъ въ

---

[1]) Vigor. Letters from Russia by a Lady.

[2]) Тутъ опущено подробное описаніе внутренняго расположенія и устройства церкви.

концѣ Кремля. Часть дворца сохраняется въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ при Иванѣ Васильевичѣ. Съ теченіемъ времени къ нему дѣлались пристройки, безъ всякаго опредѣленнаго плана и въ самыхъ разнообразныхъ архитектурныхъ стиляхъ; такимъ образомъ получилось зданіе удивительно несообразнаго вида.

Крыша густо усажена многочисленными позолоченными стрѣлами и шариками; фасадъ украшенъ гербами всѣхъ провинцій, входящихъ въ составъ Россійской имперіи. Всѣ комнаты въ этомъ дворцѣ очень маленькія за исключеніемъ одной—Грановитой палаты, въ которой цари давали аудіенціи иностраннымъ посламъ; эта палата неоднократно была описана многими англійскими путешественниками, посѣтившими Москву до перенесенія столицы въ Петербургъ.

Этотъ дворецъ, въ которомъ цари засѣдали окруженные дворомъ со всею пышностью восточныхъ властителей, считался русскими нѣкогда зданіемъ необычайной красоты, но архитектура сдѣлала за послѣдніе годы такіе огромные успѣхи, что самые обыкновенные дома дворянъ теперь несравненно красивѣе его и онъ не годится болѣе даже для временного пребыванія монарха.

Въ этомъ дворцѣ родился въ 1672 г. Петръ Великій; я объ этомъ упоминаю не только потому, что это событіе знаменательное въ лѣтописяхъ русской исторіи, но и потому, что сами русскіе не такъ давно еще не знали точно, гдѣ именно родился ихъ любимый герой. Эта честь приписывалась обыкновенно Коломнѣ, которая называлась поэтому русскимъ Виѳлеемомъ; но добросовѣстный Миллеръ доказалъ, что Петръ родился несомнѣнно въ Москвѣ, въ царскомъ дворцѣ.

Я былъ весьма огорченъ тѣмъ, что мы не могли осмотрѣть такъ называемую царскую сокровищницу. Такъ какъ ея хранитель только-что скончался, то дверь была опечатана, и ее нельзя было открыть до назначенія ему преемника.

Въ Кремлѣ два монастыря, одинъ женскій, а другой мужской—Чудовскій. Послѣдній извѣстенъ, какъ мѣсто заточенія Шуйскаго, откуда Шуйскій былъ отправленъ въ Польшу (1610 г.).

Женскій монастырь основанъ въ 1393 году Евдокіей, супругой великаго князя Димитрія Ивановича Донского, сопричисленной къ лику святыхъ и погребенной подъ алтаремъ.

Настоятельница любезно показала намъ монастырь и все заслуживающее въ немъ вниманія, повела насъ прежде всего въ церковь, гдѣ находятся могилы царицъ и царевнъ. Саркофаги походятъ на каменные гроба, поставленные на полъ рядами; нѣкоторые изъ нихъ обнесены мѣдною или желѣзною рѣшеткою, но большинство ничѣмъ

не ограждено. Каждая гробница покрыта чернымъ или краснымъ бархатнымъ покровомъ, съ вышитымъ на ней крестомъ и золотой или серебряной бахромой; по большимъ праздникамъ поверхъ этихъ покрововъ кладутъ другіе, парчевые, расшитые жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Настоятельница подарила мнѣ книжечку, въ которой перечислены всѣ погребенныя тутъ княгини. Послѣ того, какъ мы осмотрѣли могилы, богатыя священническія ризы и образа, украшавшіе стѣны, настоятельница пригласила насъ въ свои комнаты. Она пошла впередъ; поднявшись по лѣстницѣ и войдя въ переднюю, она стукнула два или три раза о полъ своей палкой съ ручкой изъ слоновой кости; тотчасъ запѣлъ хоръ изъ двадцати монахинь, которыя пѣли гимны все время, пока мы тутъ находились, напѣвъ былъ довольно пріятный. Въ сосѣдней комнатѣ былъ поданъ чай; столъ былъ уставленъ маринованными селедками, соленой рыбой, сыромъ, хлѣбомъ, масломъ и печеньемъ; игуменья сама подносила намъ шампанское и ликеры. Послѣ чая она повела насъ въ кельи монахинь, изъ коихъ многія были заняты вышиваньемъ облаченія для московскаго архіепископа.

Монахини носятъ длинныя черныя платья и длинныя черныя вуали и клобуки; настоятельница была въ черномъ шелковомъ платьѣ. Монахини не ѣдятъ мяса, а питаются рыбой, яйцами и овощами. Въ другихъ отношеніяхъ правила этого монастыря не очень строги, и монахинямъ разрѣшается иногда посѣщать городъ.

Я уже говорилъ о томъ, какое множество въ Москвѣ церквей; въ Кремлѣ, на небольшомъ пространствѣ я насчиталъ ихъ восемь. Двѣ изъ этихъ церквей, Успенскій и Архангельскій соборы замѣчательны, первый какъ мѣсто коронованія царей, а второй какъ мѣсто ихъ погребенія. Оба собора построены въ одномъ стилѣ; хотя архитектору приходилось сообразоваться съ требованіями, предъявляемыми къ церквамъ, тѣмъ не менѣе онѣ построены довольно изящно, хотя слишкомъ высоки по сравненію съ шириной.

Г. Миллеръ любезно предложилъ сопровождать насъ въ Китай-городъ, гдѣ находится государственный архивъ; это огромное каменное зданіе съ нѣсколькими громадными сводчатами комнатами съ желѣзными полами. Этотъ архивъ, въ которомъ хранится безчисленное множество государственныхъ бумагъ, былъ сложенъ въ ящикахъ и валялся, какъ никуда негодная вещь, до тѣхъ поръ, пока нынѣ царствующая императрица (Екатерина II) не повелѣла разобрать его и привести въ порядокъ. Миллеръ, которому это было поручено, расположилъ всѣ документы въ хронологическомъ порядкѣ, и ихъ теперь можно разсмотрѣть безъ труда. Они хранятся въ отдѣльныхъ комнатахъ, въ которыя ведутъ стеклянныя двери; бумаги, касаю-

*

щіяся Россіи, расположены по губерніямъ, къ которымъ онѣ относятся; надъ каждой комнатой надписано названіе губерніи. Въ такомъ же точно порядкѣ расположены рукописи, относящіяся къ иностраннымъ державамъ, всѣ бумаги распредѣлены по разнымъ отдѣленіямъ съ соотвѣтствующими надписями: Польша, Швеція, Англія, Франція, Германія и проч. Меня интересовали главнымъ образомъ бумаги, касающіяся моей родины. Самая ранняя переписка между монархами Англіи и Россіи относится къ половинѣ 15 вѣка и возникла по поводу ходатайства англійской торговой компаніи, поселившейся въ Россіи, о дарованіи ей исключительныхъ правъ для торговли въ Московскомъ государствѣ. Самый старинный изъ этихъ документовъ—собственноручное письмо Филиппа и Маріи къ Ивану Васильевичу IV, съ извѣщеніемъ о полученіи письма, посланнаго въ Англію съ русскимъ посланникомъ Осипомъ Непѣемъ и благодарностью за разрѣшеніе англичанамъ свободной торговли въ Россіи. Въ этомъ собраніи хранится грамота, дарованная царемъ англійскимъ купцамъ, и рядъ писемъ, полученныхъ имъ отъ Елисаветы; большинство этихъ документовъ опубликованы въ „Hackluyt's Voyages": въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ 18 мая 1570, Елисавета, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, предлагала Ивану Васильевичу пріютъ въ Англіи, на тотъ случай, если бы онъ былъ вынужденъ оставить Россію по причинѣ внутреннихъ смутъ. Это письмо подписано Елисаветой въ присутствіи членовъ ея тайнаго совѣта: въ числѣ подписей я видѣлъ имена Бэкона, Лейчестера и Сесиля.

Одни историки утверждаютъ, что Иванъ Васильевичъ питалъ къ королевѣ Елисаветѣ такое уваженіе, что искалъ даже ея руки; но Кэмденъ говоритъ, что онъ хотѣлъ жениться на Аннѣ Гастингсъ, дочери графа Гентингдона, поэтому я полюбопытствовалъ познакомиться съ относящейся къ этому перепиской. Что касается переговоровъ о бракѣ между царемъ и Елисаветой, то въ архивѣ нѣтъ по этому поводу никакихъ документовъ; но я нашелъ нѣкоторыя любопытныя подробности относительно предполагавшагося брака съ лэди Гастингсъ.

Первая мысль объ этомъ бракѣ была подана докторомъ Робертомъ Джакобомъ, который былъ присланъ Елисаветой, по просьбѣ царя, въ Москву. Джакобъ, зная о желаніи царя вступить въ бракъ съ какой-нибудь иноземной принцессой, сталъ превозносить красоту и совершенства лэди Анны Гастингсъ, которую онъ называлъ племянницей королевы и дочерью владѣтельнаго принца, и съумѣлъ внушить царю страстное желаніе домогаться ея руки, несмотря на то, что онъ только-что вступилъ въ пятый бракъ съ Маріей Нагой. Царь, воспламенившись его разсказами, отправилъ въ Англію важ-

наго боярина, Григорія Писемскаго, просить руки Анны Гастингсъ. Согласно даннымъ ему инструкціямъ, онъ долженъ былъ вслѣдъ за аудіенціей у королевы добиться свиданія съ принцессой, просить ея портрета и собрать свѣдѣнія относительно ея общественнаго и семейнаго положенія; ему было поручено просить о томъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ въ Москву посолъ, уполномоченный заключить брачный договоръ. Если бы на сдѣланное предложеніе возражали, что Иванъ женатъ, то послу велѣно было отвѣтить, что такъ какъ царь женатъ на подданной, то онъ воленъ развестись съ нею; а если бы ему задали вопросъ, какъ будутъ обезпечены дѣти лэди Гастингсъ, то онъ долженъ былъ отвѣтить, что престолъ наслѣдуетъ Ѳеодоръ, но что ея дѣти будутъ щедро одарены.

Получивъ эти инструкціи, Писемскій отправился въ Лондонъ, получилъ аудіенцію у Елисаветы, видѣлъ Анну Гастингсъ, которая только-что оправилась отъ оспы, досталъ ея портретъ и возвратился въ Москву въ 1583 г. въ сопровожденіи англійскаго посланника, Джерома Боуеса. Послѣдній, человѣкъ очень своенравный, на первой же аудіенціи прогнѣвилъ царя несдержанностью своихъ рѣчей и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ уполномоченъ заключить брачный договоръ, а могъ только выслушать предложеніе царя и передать его королевѣ. Царь, не привыкшій къ проволочкамъ, заявилъ, „что ничто не можетъ помѣшать ему взять въ жены кого-либо изъ подданныхъ ея величества, что онъ снова отправитъ въ Англію посла съ порученіемъ привести ему оттуда жену, присовокупивъ, что если ея величество послѣ вторичнаго посольства не пришлетъ ему такую жену, какъ онъ хочетъ, то онъ самъ поѣдетъ въ Англію, возьметъ съ собой казну и женится тамъ на комъ-нибудь“. Боуесъ, дѣйствуя вѣроятно согласно даннымъ ему инструкціямъ, всячески старался разстроить бракъ съ Анной Гастингсъ: онъ не только не отозвался объ ней въ благопріятномъ смыслѣ, но говорилъ объ ней совершенно равнодушно и отрицалъ ея родство съ королевой, сказавъ, довольно пренебрежительно, что „такихъ племянницъ у королевы много“. На томъ дѣло кончилось; съ смертью царя, скончавшагося въ слѣдующемъ году, всѣ переговоры были прерваны.

Изъ документовъ, хранящихся въ этомъ архивѣ, видно, что переписка между англійскимъ и русскимъ дворами, начавшаяся при Иванѣ IV, не прекратилась съ его кончиною. Дружба, возникшая между обоими дворами, оказалась столь прочной, что Карлъ I послалъ Михаилу Ѳеодоровичу отрядъ войска подъ командою полковника Сандерсона, въ помощь противъ польскаго короля Владислава; а Алексѣй Михайловичъ снабдилъ Карла въ то время, какъ онъ очень нуждался, деньгами и зерномъ. Послѣднее письмо нашего несчаст-

наго короля къ Алексѣю Михайловичу, помѣченное 1 іюня 1648 г., было написано на островѣ Вайтѣ изъ Carisbrook castl'я, гдѣ Карлъ содержался въ тюрьмѣ. Я видѣлъ также письмо Карла II къ царю отъ 16 сентября 1649 г., коимъ онъ сообщалъ о казни своего отца; оно было привезено въ Москву лордомъ Кюлпепперомъ.

Во время правленія Кромвеля, Алексѣй Михайловичъ поддерживалъ все время переписку съ изгнаннымъ изъ Англіи Карломъ II. Онъ говорилъ, что монархи должны были стать на защиту Карла I и не поощрять подданныхъ къ мятежу противъ короля, поддерживая узурпатора. Руководствуясь этими принципами, онъ отказывался нѣкоторое время [1]) отъ всякихъ сношеній съ Кромвелемъ; въ этомъ архивѣ нѣтъ ни одного письма, которое бы свидѣтельствовало о перепискѣ Кромвеля съ царемъ.

Съ реставраціей Карла II возстановились дружескія отношенія между обоими дворами; и такъ какъ послѣ этого число депешъ, полученныхъ изъ Англіи, было такъ велико, что понадобилось бы нѣсколько дней на то, чтобы внимательно изучить ихъ, то я не имѣлъ возможности удовлетворить своего любопытства. Въ этихъ бумагахъ заключаются всѣ трактаты, договоры, вся дипломатическая и торговая переписка, происходившая между Англіей и Россіей; если бы они были опубликованы въ хронологическомъ порядкѣ съ соотвѣтствующими историческими примѣчаніями, то это былъ бы весьма любопытный матеріалъ къ исторіи сношеній этихъ двухъ странъ.

Я едва успѣлъ бѣгло осмотрѣть многочисленные государственные акты, относящіеся къ другимъ европейскимъ державамъ; хранитель архива обратилъ мое вниманіе на одинъ документъ величайшей важности для исторіи Россіи; а именно на знаменитое письмо германскаго императора Максимиліана I къ Василію Іоанновичу, писанное на нѣмецкомъ языкѣ, коимъ онъ подтверждалъ заключеніе договора противъ польскаго короля Сигизмунда.

Это письмо, помѣченное 4 августа 1514 г., къ которому приложена печать золотой буллы, замѣчательно тѣмъ, что Максимиліанъ титулуетъ въ немъ Василія императоромъ и самодержцемъ всей Россіи. Этотъ документъ, найденный барономъ Шафировомъ въ архивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подалъ Петру I впервые мысль принять императорскій титулъ, что повело къ безчисленнымъ пере-

---

[1]) Я говорю „нѣкоторое время", ибо хотя въ московскомъ архивѣ нѣтъ, насколько я помню, ни одной депеши отъ Кромвеля къ царю, но не подлежитъ сомнѣнію, что впослѣдствіи Алексѣй Михайловичъ велъ переписку съ нимъ и даже изъявилъ однажды согласіе принять его пословъ въ Москвѣ.

говорамъ; впослѣдствіи ученые долго спорили о томъ, какъ измѣнялся титулъ, который носили русскіе монархи. Въ древнія времена они носили титулъ великихъ князей; Василій Іоанновичъ первый принялъ титулъ царя, что на славянскомъ языкѣ означаетъ король; а Петръ Великій принялъ титулъ повелителя или императора. Иностранные дворы въ своей перепискѣ съ московскимъ дворомъ давали русскимъ монархамъ безъ разбора титулъ великаго князя, царя и императора. Что касается Англіи, то Ченслеръ, описывая свое путешествіе въ Россію, называетъ Ивана Васильевича самодержцемъ и императоромъ всея Россіи; этотъ титулъ давался ему въ англійскихъ депешахъ въ царствованіе Елисаветы и Анны. Надобно однако замѣтить, что европейскія державы, давая московскому царю императорскій титулъ, отнюдь не понимали его въ томъ смыслѣ, какой придавали ему по отношенію къ императору германскому; они давали ему этотъ титулъ какъ азіатскому властителю, подобно тому, какъ мы говоримъ: китайскій или японскій императоръ. Поэтому, когда Петръ I задумалъ принять императорскій титулъ, то ему легко было доказать, что европейскія державы давали этотъ титулъ его предшественникамъ, но когда онъ захотѣлъ толковать его въ европейскомъ смыслѣ, то это было сочтено за новшество и повлекло за собою такіе продолжительные переговоры, какихъ было бы достаточно для проведенія самаго важнѣйшаго государственнаго дѣла. Послѣ многихъ проволочекъ и возраженій, великія державы согласились, наконецъ, въ 1722 г. титуловать русскаго монарха императоромъ, не считая это нарушеніемъ прерогативъ прочихъ коронованныхъ особъ Европы.

Многіе авторы писали ошибочно, что англійскій посланникъ, лордъ Витвортъ, вскорѣ послѣ Полтавской битвы, обращаясь къ Петру Великому, далъ ему, по повелѣнію королевы Анны, титулъ императора въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Нижеслѣдующее извлеченіе изъ депеши лорда Картерета къ сэру Шаубу, англійскому посланнику въ Парижѣ, служитъ опроверженіемъ этого, и я привожу его здѣсь, такъ какъ оно можетъ пролить на этотъ вопросъ нѣкоторый свѣтъ. Соединенные штаты Америки и король прусскій признали, въ 1711 г., за Петромъ право на императорскій титулъ, но Лондонскій и Парижскій дворы не изъявили на это своего согласія. Во время происходившихъ по этому поводу переговоровъ статсъ-секретарь лордъ Картеретъ обмѣнялся нѣсколькими депешами съ англійскими посланниками въ Парижѣ, кардиналомъ Дюбуа и сэромъ Шаубомъ.

„Кардиналъ“, пишетъ лордъ Картеретъ въ одной изъ своихъ депешъ къ сэру Шаубу, отъ 2 января 1721 г., „полагаетъ, что

царя можно было бы титуловать императоромъ, не нарушая этимъ прерогативъ прочихъ державъ".

„Король (Георгъ I) нашелъ, что кардиналъ отвѣтилъ очень умно на требованіе, предъявленное царскими послами относительно императорскаго титула. Мы будемъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ въ полномъ согласіи съ его высокопреосвященствомъ, а чтобы дать ему тѣ разъясненія, какія ему желательно получить относительно переговоровъ, происходившихъ между великобританскимъ правительствомъ и царемъ по поводу титула, то я посылаю вамъ выписку изъ архивныхъ документовъ, которую прошу сообщить ему. Московскіе послы неправы, утверждая, что этотъ титулъ данъ царю какъ удовлетвореніе въ дѣлѣ Матвѣева. Совершенно достовѣрно, что въ то время не было сдѣлано въ этомъ отношеніи никакой перемѣны.

(Выписка): „Стиль, которымъ короли Великобританіи писали московскимъ царямъ, былъ изслѣдованъ вплоть до царствованія королевы Елисаветы. Оказывается, что эти письма писались всегда на англійскомъ языкѣ и что эта королева

въ 1559 г. титуловала царя emperor (императоръ) и highness (величество).

„ 1616 г. Король Іаковъ I писалъ emperor и majesty (величество)

„ 1633 г. Король Карлъ I

„ 1666 г. Король Карлъ II

„ 1687 г. Іаковъ II и Вильгельмъ III писали emperor

„ 16³⁹/90 г. и imperial majesty (императорское величество)

„ 1707 г. Королева Анна писала до 1707 г. emperor и imperial majesty, а съ этого года начала писать commander etc, и т. д. и czaric majesty (царское величество)

„ 1708 г. Въ 1708 г., 19 іюля и 19 сентября, commander и imperial majesty (императорское величество), а 9 ноября того же года emperor и imperial majesty. Въ 1709, 1710, 1711 г.—emperor и imperial majesty.

„ 1712, 1713, 1714 гг.,—emperor и czarcan, czarish и imperial majesty, то и другое и нерѣдко czarish и imperial majesty (царское и императорское величество) въ одномъ и томъ же письмѣ.

„ 1714 г., 27 сентября, въ письмѣ, извѣщавшемъ о восшествіи короля на престолъ, было написано emperor и your majesty (императоръ и ваше величество), а въ нѣсколькихъ послѣдующихъ письмахъ czarish или imperial majesty (ваше величество).

Вотъ полный титулъ:

To the most high, most potent, and most illustrions, our most dear brother, the great lord czar, and great-duke, Peter Alexejewitz, of all the Gréater, Lesser, and white Russia, Self-Upholder of Muscovia, Kiovia, Ulodomiria, Novogardia, czar of Cažan, czar of Astrachan, czar of Siberia, lord of Plexoe, and great-duke of Smolensks, Tueria, Ugoria, Permia, Viatkya, Bolgaria, and others, lord and great-duke of Novogardia, and of the Lower Countries of Czernegorsky, Resansky, Rostovesky, Ierolsave, Beloozersky, Udorsky, Obdorski, Condinski, and *emperor* of all the Northern Coasts, lord of the Lands of Iversky, Cartilinsky, and Gruzensky, czar of the Lands of Caberdinsky, and duke ot the Mountains, and of many other Dominions and Countries, East, West, and North, from Father, and from Grandfather, Heir, Lord and Conqueror.

Лордъ Картеретъ, въ письмѣ къ кардиналу Дюбуа, пишетъ: Король легко придетъ къ соглашенію съ его христіаннѣйшимъ величествомъ, чтобы сдѣлать все, что ваше высокопреосвященство сочтете нужнымъ относительно *новаго титула*, на которомъ настаиваетъ царь, чтобы дѣйствовать вполнѣ согласно, дабы подать этому монарху надежду, что его желаніе будетъ исполнено, и тѣмъ снискать его расположеніе и получить возможность извлечь пользу изъ его честолюбія. Января 30-го, 1721 г.

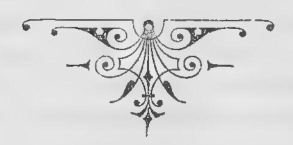
Въ депешѣ къ сэру Шаубу Картеретъ сообщаетъ: Здѣсь обыкновенно принято писать московскимъ царямъ на веленевой, раскрашенной и золотообрѣзной бумагѣ, на каковыхъ пишутъ императорамъ Феца и Марокко и нѣкоторымъ другимъ неевропейскимъ государямъ, которые въ виду этого обычая также имѣли бы основаніе настаивать на императорскомъ титулѣ. Никто не хотѣлъ отступать отъ установившагося обычая, хотя московиты усиленно о томъ хлопотали во время посольства лорда Витворта въ Москву. Посланникъ все время уклонялся отъ отвѣта и не хотѣлъ брать на себя сдѣлать это предложеніе. Онъ сказалъ имъ, что безъ труда можетъ дать этотъ титулъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ; но не совѣтовалъ имъ возбуждать этого вопроса и пытаться выяснить слишкомъ подробно, въ какомъ именно смыслѣ будетъ данъ этотъ титулъ. Московиты примирились въ то время съ этимъ. Когда на лорда Витворта и на адмирала Норриса было возложено порученіе къ царю въ Амстердамъ, то имъ были даны секретныя ввѣрительныя грамоты, въ которыхъ царь титуловался просто votre majesté (ваше величество); русскіе министры выразили вначалѣ по этому поводу нѣкоторое недоумѣніе, но не настаивали на этомъ. (Эти выписки сдѣланы изъ государственныхъ бумагъ сэра Шауба,

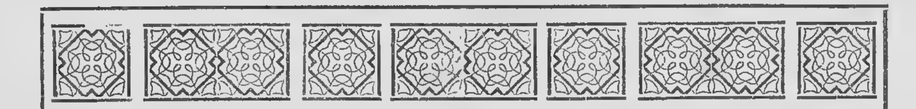
хранящихся въ рѣдкой и обширной коллекціи графа Гардвига, который извѣстенъ какъ человѣкъ просвѣщенный, готовый подѣлиться своими свѣдѣніями).

Въ (московскомъ) архивѣ хранится тринадцать томовъ дневниковъ, замѣтокъ и другихъ собственноручныхъ рукописей Петра Великаго; эти бумаги свидѣтельствуютъ о неусыпной заботливости, съ какою этотъ великій монархъ записывалъ самыя мелочныя обстоятельства, кои могли быть ему полезны при осуществленіи его обширныхъ плановъ, направленныхъ къ цивилизаціи страны и расширенію ея границъ.

Недавно Миллеръ опубликовалъ нѣсколько писемъ и документовъ, которые значительно освѣщаютъ дѣянія этого монарха и служатъ поразительнымъ доказательствомъ его настойчивости и упорства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ финляндскому „вопросу“ [1]).

Заключенiе по проекту основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго: „формы правленiя“ и „сословныхъ привилегiй“, выработанному особымъ учрежденнымъ, по Высочайшему повелѣнiю 9/21 Марта 1885 г., комитетомъ въ г. Гельсингфорсѣ.

Заключенiе главноуправляющаго Кодификацiоннымъ отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ статсъ-секретаря Э. В. Фриша, (печатаемое ниже съ незначительными сокращенiями) существенно дополняетъ и развиваетъ доводы, приведенные Н. А. Манассеинымъ. Оно спецiально посвящено тщательному выясненiю, на основанiи самаго внимательнаго изученiя подлежащихъ актовъ, вопроса о томъ, насколько постановленiя отдѣльныхъ статей древнихъ основныхъ законовъ Шведскаго королевства могутъ быть примѣняемы къ Великому Княжеству Финляндскому, или, какъ болѣе точно выражено въ самомъ заключенiи, *„какiя именно изъ означенныхъ шведскихъ узаконенiй могутъ быть признаны сохранившими значенiе послѣ 1809 г.“* и *„не утратили-ли они дѣйствiе, какъ несовмѣстные съ положенiемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенiя Финляндiи къ Россiи?“*

Вопросъ этотъ сохранилъ всю свою капитальную важность до нашихъ дней, такъ какъ и понынѣ финляндскiя притязанiя въ этомъ отношенiи нисколько не ослабѣли, скорѣе—наоборотъ; между тѣмъ, несмотря на рядъ объединительныхъ мѣропрiятiй, предпринятыхъ въ Финляндiи нашимъ правительствомъ въ перiодъ времени съ 1890 по 1904 г.,—и нынѣ частью отмѣненныхъ, частью прiостановленныхъ, — неправильность вышеупомянутыхъ притязанiй никогда категорически не была оффицiально опровергнута въ законодательномъ порядкѣ. Такъ какъ, по нашему мнѣнiю, историческiй моментъ опредѣленнаго разрѣшенiя этого запутаннаго дѣла *долженъ* когда-нибудь наступить, рано или поздно, то авторитетныя разъясненiя одного изъ выдающихся нашихъ законовѣдовъ (составленныя при содѣйствiи одного изъ извѣстныхъ русскихъ знатоковъ финляндскаго права, Кронида Ивановича *Малышева* [2]), тоже недавно скончавшагося) и въ настоящее время представляютъ собою документъ выдающейся цѣнности.

---

[1]) См. „Русская Старина“, 1907 г. сентябрь.

[2]) Его Трудъ „Общее Уложенiе Финляндiи 1734 г. и дополнительныя къ нему узаконенiя“, снабженный многочисленными ссылками и поясненiями, до сихъ поръ является настольною книгою для всѣхъ занимающихся этимъ вопросомъ.

Въ печатаемой ниже части заключенія, кромѣ общихъ соображеній, содержится разборъ древнѣйшаго изъ законодательныхъ актовъ, полагаемаго финляндцами въ основу своей „конституціи", а именно такъ называемаго „Отдѣла о Королѣ" земскаго уложенія 1442 года, изданнаго при королѣ Христоферѣ. Правда, въ настоящее время, въ 1907 году, составители новѣйшаго проекта особой финляндской конституціи уже не ссылаются въ своихъ мотивахъ на этотъ архаическій законъ непосредственно; но предшествовавшія комиссіи это, какъ видно, дѣлали. Тѣмъ не менѣе и въ новѣйшихъ проектахъ, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, многія положенія продолжаютъ имѣть своимъ первоисточникомъ этотъ средневѣковый законодательный актъ королевства Шведскаго.

Нынѣшній Вице-предсѣдатель Хозяйственнаго Департамента Императорскаго Финляндскаго Сената, сенаторъ *Л. Мехелинъ*, вопреки позднѣйшему своему мнѣнію о томъ, что примѣнимость этого закона утратилась вслѣдствіе замѣны его позднѣйшими узаконеніями (см. примѣчаніе ниже на послѣдней страницѣ текста), вотъ какъ писалъ о томъ же законѣ въ 1888 г., въ своемъ извѣстномъ трудѣ, изданномъ на *французскомъ* языкѣ: „*Précis du droit public du grand duché de Finlande, par L. Mechelin, membre du sénat impérial de Finlande, ancien professeur de droit à l'université d'Helsingfors*" [1]).

„Глава о королѣ" (Konungabalken) изъ кодекса страны (Landslagen) 1442 года, бывъ цитирована въ § 2 закона 1772 года „о формѣ правленія", имѣетъ также мѣсто между конституціонными актами. Кодексъ 1442 г. заключалъ въ себѣ не только гражданскіе и уголовные законы, но и конституцію того времени, внесенную въ главу „о королѣ". Другія части свода 1442 г. были замѣнены кодексомъ 1734 года, но „Konungabalken" цитировался еще въ конституціонныхъ актахъ 18-го столѣтія. Настоящія ссылки приведены для того, чтобы напомнить узаконенія 1442 г. объ отношеніяхъ между монархическою властью и народомъ, не прерывая нити историческаго развитія и изложенія. Впрочемъ, въ текстѣ 1442 г. *нѣкоторыя правила не были ни исключены, ни замѣнены послѣдующими распоряженіями* [2]). Надлежитъ поэтому имѣть въ виду, что толкованіе основныхъ законовъ Финляндіи, имѣющихъ корни свои въ прошедшемъ, необходимо должно опираться на изученіе историческихъ источниковъ".

Такимъ образомъ даже одинъ изъ наиболѣе популярныхъ въ Финляндіи законовѣдовъ оказывается въ разногласіи съ самимъ собою по вопросу о примѣнимости древнѣйшаго изъ старо-шведскихъ актовъ. Такое же несогласіе, какъ извѣстно, вообще господствуетъ между финляндскими юристами по отношенію къ отдѣльнымъ статьямъ прочихъ „основныхъ законовъ", степень примѣнимости которыхъ, съ переходомъ Финляндіи подъ власть Россіи, оказывается даже и для нихъ спорною.

Н. А. Т—нъ.

---

[1]) Трудъ этотъ переведенъ въ 1888 же году на русскій языкъ К. Ѳ. Ординымъ, подъ заглавіемъ „Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина", и снабженъ весьма цѣнными примѣчаніями, впервые установившими, на основаніи непререкаемыхъ документовъ, русскую точку зрѣнія въ этомъ дѣлѣ.

[2]) Сравнить съ позднѣйшимъ мнѣніемъ того же лица. *Т.*

Необходимость приведенія въ положительную извѣстность всѣхъ дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ законоположеній, относящихся къ его управленію, съ давняго времени озабочивала Правительство. Въ тронной рѣчи Блаженныя Памяти Императора Александра II, 18 Сентября 1863 г., при открытіи финляндскаго сейма, упомянуто было о необходимости составленія свода вышеозначенныхъ узаконеній, „взамѣнъ тѣхъ постановленій коренныхъ законовъ Великаго Княжества, которыя оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого Княжества къ Имперіи“. Вслѣдствіе сего, по программѣ, предварительно одобренной Правительствомъ $^{7}/_{19}$ Декабря 1864 г. [1]), особымъ комитетомъ изъ чиновъ Великаго Княжества былъ составленъ въ 1865 г. проектъ уложенія для сего Княжества, но проектъ этотъ не получилъ утвержденія и въ тронной рѣчи 26 Января 1867 г., при открытіи слѣдующаго сейма, было указано „на утратившуюся силою обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи“ (Сб. П. Ф. 1867 г., № 12; Бергъ, I, 474, II, 21—26). Затѣмъ $^{9}/_{21}$ Марта 1885 г. воспослѣдовало новое Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ г. Гельсингфорсѣ временнаго изъ чиновъ Великаго Княжества комитета „для составленія систематическаго свода дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что въ практикѣ права стало дѣйствовать взамѣнъ неприменимыхъ нынѣ или неполныхъ основныхъ законоположеній“. Во исполненіе таковаго Высочайшаго повелѣнія, упомянутымъ комитетомъ составленъ проектъ свода основныхъ законовъ въ двухъ частяхъ: „форма правленія“ [2]) и „сословныя привилегіи“ для Великаго Княжества Финляндскаго. Обозрѣніе этихъ проектовъ показываетъ, что въ основаніе оныхъ положены древніе шведскіе законы, имѣвшіе значеніе въ Финляндіи до 1809 г.—времени ея присоединенія къ Россіи; изъ позднѣйшихъ же узаконеній, изданныхъ для Финляндіи послѣ 1809 г., комитетомъ приняты въ соображеніе регламентъ Правительствующему Совѣту (переименованному въ 1816 г. въ Сенатъ) $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г., сеймовый уставъ $^{3}/_{15}$ Апрѣля 1869 г. и уставъ

---

[1]) Въ программѣ этой, между прочимъ, было указано: „чтобы при измѣненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться, былъ принятъ за правило основный принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1 акта безопасности“. (Примѣчаніе къ заключенію).

[2]) Однородный проектъ, какъ извѣстно, составленъ и въ настоящее время. *Т.*

о воинской повинности 6/18 Декабря 1878 г., а также отдѣльныя положенія нѣкоторыхъ узаконеній [1]). Кромѣ того, въ цитатахъ подъ статьями 7, 15, 23, 68 и 78 проекта формы правленія, въ оправданіе и подтвержденіе заключающихся въ оныхъ частичныхъ постановленій, приведенъ „обычай", въ статьѣ 17 того же проекта— „практика", а части 18 и 69 статей онаго основаны на сдѣланныхъ комитетомъ выводахъ изъ соотвѣтствующихъ законоположеній. Такимъ образомъ большая часть статей вышеупомянутыхъ проектовъ оказываются основанными главнымъ образомъ на шведскихъ законахъ, которые, по мнѣнію комитета, сохраняютъ свою силу и въ настоящее время. Поэтому представляется существенно необходимымъ, прежде всего, выяснить, *какія именно изъ означенныхъ шведскихъ узаконеній могутъ быть признаны сохранившими значеніе послѣ 1809 г., не утратили ли они дѣйствіе, какъ несовмѣстные съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, и представляютъ ли они вообще достаточный законодательный матеріалъ для составленія вышеупомянутаго свода* [2]).

Предварительно обсужденія этихъ вопросовъ слѣдуетъ остановиться на тѣхъ актахъ Верховной власти, которые по поводу покоренія Финляндіи провозглашены были во всенародное извѣстіе, а потому служатъ положительнымъ матеріаломъ для выясненія отношенія Финляндіи къ Россіи. Въ Манифестѣ 20 Марта 1808 г. обнародовано: „Войска Наши съ мужествомъ, имъ обычнымъ, борясь съ препятствіями и превозмогая всѣ трудности, имъ предстоявшія, пролагая себѣ путь чрезъ мѣста, кои въ настоящее время считались непроходимыми, повсюду встрѣчая непріятеля и храбро поражая его,—овладѣли и заняли всю почти Шведскую Финляндію. Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ на всегда къ Россійской Имперіи и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство". Засимъ въ мирномъ трактатѣ, заключенномъ въ Фридрихсгамѣ 5/17 Сентября 1809 г., изображено въ ст. IV: „Его Величество Король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ Его престола и Королевства Шведскаго отказывается неотмѣняемо и на всегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Вели-

[1]) Они перечислены подробно въ примѣчанія къ подлиннику, но перечисленіе это не приводится за недостаткомъ мѣста. *Т.*

[2]) Курсивъ нашъ. *Т.*

чества въ нынѣшнюю войну отъ Державы Шведской, а именно: на губерніи Кименегардскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Біерненборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до р. Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ. Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются". Въ томъ же мирномъ трактатѣ въ ст. VI выражено: „Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества, то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія". Наконецъ въ Манифестѣ 1 Октября 1809 г. о заключеніи мира между Россіею и Швеціею всенародно объявлено: „По слѣдамъ древнихъ побѣдъ, въ странахъ, гдѣ Петръ Великій пріучалъ Россовъ къ воинской славѣ, храброе Наше воинство, мужественно подвизаясь, преоборяя всѣ препятствія, по глыбамъ льда проницая въ мѣста непроходимыя, отъ предѣловъ, къ столицѣ Нашей близкихъ, простерло славу Россійскаго оружія до самыхъ отдаленныхъ странъ Сѣвера: покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе, и объявъ Ботническій заливъ, пройдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семъ великомъ пространствѣ всѣ города, порты, укрѣпленія, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его" . . . .

Приведенныя выдержки изъ упомянутыхъ выше всенародно объявленныхъ актовъ, касающихся Финляндіи, самымъ несомнѣннымъ образомъ убѣждаютъ въ томъ, что покоренныя русскимъ оружіемъ бывшія шведскія провинціи Финляндіи вошли въ составъ Россійской Имперіи, обращены въ собственность и державное ея обладаніе и составляютъ нераздѣльную ея часть [1]) и что засимъ

---

[1]) Въ Высочайше одобренной $^{7}/_{19}$ Декабря 1864 г. программѣ, въ § 1 прямо указано: „Великое Княжество Финляндское, составляя часть Россійскаго государства, состоитъ съ нимъ въ неразрывномъ соединеніи" (прим. къ заключенію).

Къ этому надлежитъ теперь присоединить категорическое постановленіе

высказываемыя мнѣнія о реальной уніи Финляндіи съ Россіею или же о личной ихъ уніи только въ Особѣ Императора не оправдываются никакими актами, а потому представляются лишенными всякаго основанія.

Съ присоединеніемъ на указанномъ выше основаніи Финляндіи къ Россіи, она, единственно по великодушному изволенію Императора Александра I, получила соотвѣтственно титулу, дарованному на Боргосскомъ сеймѣ, наименованіе и гербъ Великаго Княжества.

Независимо отъ сего Правительство неоднократно утверждало и удостовѣряло коренные законы, права и преимущества Княжества. Такъ, въ Манифестѣ Императора Александра I, подписанномъ $^{15}/_{27}$ Марта 1809 г., въ г. Борго, было провозглашено „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“. Въ Манифестѣ $\frac{\text{23 Марта}}{\text{4 Апрѣля}}$ того же 1809 г. объявлено: „Созвавъ сословія Финляндіи на общій сеймъ и принявъ ихъ присягу на вѣрноподданство, Мы по поводу сего желали торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи въ святилищѣ, утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословіе въ особенности и все населеніе Финляндіи вообще пользовались до сего времени“. Засимъ въ 1825 г., при вступленіи на Престолъ Императора Николая I, въ Высочайшемъ объявленіи $^{12}/_{24}$ Декабря этого года выражено: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“. Равнымъ образомъ и при восшествіи на Престолъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора

ст. 2-й Основныхъ Государственныхъ законовъ 1906 г., гласящей, что Великое Княжество Финляндское, *составляя нераздѣльную часть* Россійскаго Государства, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ только управляется на основаніи особаго законодательства. *Т.*

Александра Николаевича, въ Высочайшемъ объявленіи $\frac{\text{19 Февраля}}{\text{3 Марта}}$ 1855 г. возвѣщено: „Признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по прежнимъ установленіямъ до нынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи". Наконецъ, въ Высочайшемъ объявленіи ²/₁₄ Марта 1881 г. провозглашено: „Признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословія сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по установленіямъ этого края до нынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи".

Но въ то же время, по непосредственному усмотрѣнію Верховной власти, изъ года въ годъ издаваемы были новыя узаконенія и распоряженія по различнымъ частямъ мѣстнаго управленія краемъ. Эти законоположенія и постановленіи занимаютъ въ оффиціальномъ ихъ сборникѣ за время съ 1808 по 1859 г. семнадцать томовъ шведскаго текста и съ 1860 г. до настоящаго года, ежегодно по одному тому, итого 47 томовъ, не считая указовъ, вошедшихъ въ особое собраніе, за время съ 1809 по 1859 г., въ шести томахъ.

Изданныя съ 1809 г. собственно для Финляндіи многочисленныя узаконенія, за немногими, указанными выше, исключеніями, не приняты однако комитетомъ въ надлежащее соображеніе при составленіи свода дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ законоположеній, относящихся къ его управленію, а между тѣмъ сими узаконеніями замѣняются или отмѣняются многіе шведскіе законы, имѣвшіе значеніе въ Финляндіи до 1809 года.

Разсмотрѣніе и сличеніе въ семъ отношеніи положенныхъ комитетомъ въ основаніе упомянутаго выше свода узаконеній за время шведскаго владычества въ Финляндіи и позднѣйшихъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, воспослѣдовавшихъ послѣ 1809 г.,— приводятъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ.

I. Королевскій отдѣлъ земскаго уложенія 1442 г.

Древнѣйшимъ въ хронологическомъ порядкѣ основнымъ шведскимъ узаконеніемъ, сохраняющимъ, по заключенію комитета, свое значеніе для Финляндіи и по настоящее время, является королевскій отдѣлъ земскаго уложенія, изданнаго въ 1442 г. при шведскомъ королѣ Христоферѣ. На этотъ отдѣлъ содержится ссылка въ § 2 формы правленія 21 Августа 1772 года, а сія послѣдняя, вмѣстѣ съ актомъ соединенія и охраненія $\frac{\text{21 Февраля}}{\text{3 Апрѣля}}$ 1789 г., упоминается въ начертанной въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, при утвержденіи сеймоваго устава $^{3}/_{15}$ Апрѣля 1869 г., надписи о сохраненіи правъ Верховной власти въ томъ видѣ, какъ они установлены упомянутыми актами 1772 и 1789 г.г. и не измѣнены сеймовымъ уставомъ [1]). Но эта Высочайшая надпись, по точному и буквальному своему смыслу, имѣетъ въ виду сохраненіе и подтвержденіе установленныхъ законами 1772 и 1789 г.г. и въ особенности послѣднимъ изъ нихъ прерогативъ Верховной власти, но никоимъ образомъ не даетъ основаній къ дѣлаемому изъ оной комитетомъ выводу о сохраненіи въ полной силѣ всѣхъ почти положеній формы правленія 1772 г. и акта соединенія и охраненія 1789 г., хотя бы эти положенія были измѣнены послѣдующими узаконеніями, изданными послѣ 1809 г. Взаимное сопоставленіе означенныхъ актовъ показываетъ, что позднѣйшій изъ нихъ по времени, именно актъ 1789 г. отмѣнилъ прежнія ограниченія королевской власти, вошедшія въ форму правленія 1772 г., какъ послѣдствіе періода сословной и преимущественно дворянской вольницы въ Шведскомъ государствѣ. Въ § 1 акта 1789 г. выражено: „Мы признаемъ, что имѣемъ наслѣдственнаго Короля, который имѣетъ полную власть управлять государствомъ, защищать, спасать и оборонять его: начинать войну, заключать миръ и союзъ съ иностранными державами, миловать, возвращать жизнь, честь и имущество; постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства, которыя должны замѣщаться урожденными шведскими людьми, и примѣнять и соблюдать законъ и правосудіе. Остальныя дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ, завѣдываются какъ Королю покажется наиполезнѣйшимъ“.

Сравненіе этой статьи съ содержаніемъ королевскаго отдѣла въ

---

[1]) При утвержденіи новаго сеймоваго устава 1906 г. такихъ ссылокъ уже сдѣлано не было. *Т.*

уложеніи 1442 г., на который, какъ объяснено выше, сдѣлана ссылка въ ст. 2 формы правленія 1772 г., показываетъ, что въ этомъ отдѣлѣ 36 главъ; сначала въ немъ указывается дѣленіе Швеціи по племенамъ, епархіямъ и лагманскимъ (судебнымъ) округамъ; далѣе упоминается, что надъ всею Швеціею имѣетъ быть одинъ король выборный, а не наслѣдственный, и описывается подробно порядокъ производства выборовъ короля по лагманскимъ округамъ, принесенія избраннымъ королемъ присяги въ Упсалѣ и, затѣмъ учиненія круговаго объѣзда по всей странѣ (Эрикова пути), съ повтореніемъ въ каждомъ округѣ присяги и принятіемъ присяги отъ мѣстнаго лагмана и старѣйшихъ обывателей; наконецъ, слѣдуютъ правила о коронаціи, совершаемой Упсальскимъ архіепископомъ; о королевскомъ совѣтѣ изъ архіепископа, епископовъ и 12 рыцарей и свеновъ (riddarom oc swenom); о женитьбѣ короля и о предбрачномъ дарѣ его невѣстѣ, назначаемомъ съ согласія его совѣта; о служилыхъ людяхъ коннаго ополченія, о вооруженіи каждаго изъ нихъ на свой счетъ, о явкѣ на смотръ по округамъ и вообще объ отбываніи воинской повинности; о ямскихъ дворахъ; о нарушеніи владѣнія; о самосудѣ и нарушеніи благочинія въ судѣ; о покупкѣ тяглыхъ оброчныхъ земель бѣломѣстцами; о нарушеніи охранительныхъ королевскихъ грамотъ; о непослушаніи судебнымъ рѣшеніямъ; о взысканіи долговъ по заемнымъ письмамъ; объ охотѣ въ королевскихъ угодьяхъ; о 12 присяжныхъ въ лагманскихъ судахъ и о подсудности по дѣламъ уголовнымъ (земск. улож. Христоф. въ изд. Шлютера, сб. древн. шведск. зак., т. XII, 1869 г. стр. 7—53).

Королевскій отдѣлъ, какъ извѣстно, имѣется уже въ древнѣйшемъ Вестготскомъ уложеніи и въ дополнительныхъ къ нему статьяхъ, хотя въ нихъ содержится лишь краткій перечень первыхъ христіанскихъ Королей Швеціи съ указаніемъ, когда кто изъ нихъ избранъ на престолъ, а также перечень виръ и доходовъ, Королю принадлежащихъ (сб. Шлютера, т. I, 67, 298—304, 345). Въ болѣе цѣльномъ видѣ королевскій отдѣлъ является въ Упландскомъ уложеніи 1296 г., вслѣдъ за первымъ отдѣломъ о церкви (Corp. J. Sveo Got., т. III, 87—101); здѣсь содержатся уже довольно подробныя правила о выборахъ короля и Эриковомъ объѣздѣ страны для присяги. Еще болѣе обстоятельно изложенъ этотъ отдѣлъ въ земскомъ уложеніи Магнуса Эриксона 1347 г. (изд. Шлютера, т. X); онъ занимаетъ здѣсь первое мѣсто и содержитъ въ себѣ 33 главы, которыя впослѣдствіи, съ нѣкоторыми дополненіями, вошли въ составъ земскаго уложенія Христофера 1442 г. Въ королевскомъ отдѣлѣ сосредоточилось такимъ образомъ государственное право выборной

монархіи съ обычными для древнихъ временъ примѣсями и вставками, относящимися къ частному гражданскому праву и судопроизводству; какъ сводъ государственнаго права полудемократической державы, онъ естественно утратилъ свою силу, когда Швеція по акту соглашенія 1544 г. стала наслѣдственною монархіею, и замѣненъ потомъ другими, много разъ смѣнявшимися, узаконеніями по этой части, какъ-то формою правленія 1634 г., сеймовымъ уставомъ 1617 г., манифестомъ 9 Декабря 1680 г., формою правленія 1719 и 1720 г.г. и т. д. Уже въ изданномъ Королемъ шведскимъ Густавомъ-Адольфомъ въ 1618 г. городскомъ уложеніи, хотя первый отдѣлъ также названъ былъ королевскимъ (konunx balker), но онъ содержитъ въ себѣ уже только правила о выборахъ городскихъ бургомистровъ и ратмановъ и о должностныхъ ихъ обязанностяхъ (сб. Шлютера, т. XI). Въ 1696 г. составленъ былъ, по повелѣнію шведскаго Короля Карла XI, проектъ новаго королевскаго отдѣла и для земскаго уложенія, которое въ то время подвергнуто было пересмотру; изъ содержанія этого проекта, напечатаннаго Шредеромъ (въ 1842 г.), видно, до какой степени измѣнились къ концу XVII столѣтія, сравнительно съ временами Эриксона и Христофера, понятія о королевской власти, которая въ проектѣ положительно именуется неограниченною (Науманъ, шведск. госуд. право, т. I, изд. 1878 г., 299); послѣдовавшее затѣмъ принятіе формы правленія 1719 г. устранило помянутый проектъ и въ новое общее уложеніе Шведскаго королевства, изданное въ 1734 г., которое въ нѣкоторыхъ частяхъ и понынѣ примѣняется въ Финляндіи, королевскій отдѣлъ не былъ введенъ, потому что положенія его, касавшіяся государственнаго права, замѣнены были помянутою формою правленія 1719—1720 г.г., а отрывочныя статьи, касавшіяся гражданскаго права и судопроизводства, замѣнены правилами, изложенными, по принадлежности, въ другихъ отдѣлахъ уложенія 1734 г., въ особенности въ отдѣлѣ о судопроизводствѣ.

Но если бы вопросъ о силѣ и значеніи, ко времени изданія формы правленія 1772 г., королевскаго отдѣла въ уложеніи 1442 г. признать спорнымъ, могущимъ быть разрѣшеннымъ и въ смыслѣ сохраненія имъ своего дѣйствія къ означенному времени, то и засимъ отдѣлъ этотъ внѣ всякаго сомнѣнія никоимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ къ установленію правилъ, по которымъ Верховная власть проявляетъ въ настоящее время свою волю въ Финляндіи. Въ этомъ вполнѣ убѣждаетъ разборъ тѣхъ главъ упомянутаго отдѣла, которыя приняты комитетомъ въ соображеніе при составленіи проекта формы правленія.

Комитетъ выбралъ изъ королевскаго отдѣла уложенія 1442 г. три главы (2, 4 и 5) и на основаніи ихъ пытается опредѣлить въ своемъ проектѣ отношенія Верховной власти къ Финляндіи, упуская изъ вида, что эти отношенія опредѣляются фактомъ покоренія и поступленія этого края въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи и законами, изданными Правительствомъ послѣ 1809 г. Самые выводы и заключенія комитета по изъясненному предмету представляются не соотвѣтствующими источникамъ, изъ которыхъ они заимствованы.

Въ главѣ 2 королевскаго отдѣла указано, что надъ всею Швеціею долженъ быть одинъ Король. Отсюда комитетъ въ ст. 10 проекта выводитъ, что Императоръ и Великій Князь одинъ управляетъ Финляндіею, т. е. отдѣльно отъ всѣхъ государственныхъ установленій и силъ Имперіи, такъ что никакое вѣдомство или министерство, никакое высшее или низшее государственное установленіе Имперіи не можетъ распространять свою власть въ Великомъ Княжествѣ [1]). Верховная власть по отношенію къ Финляндіи разсматривается въ проектѣ, какъ особый Великій Князь Финляндіи, выдѣленный отъ организма Имперіи. Все это основывается только на томъ, что въ древней Швеціи, во времена Христофера, Король надъ всею Швеціею былъ одинъ. Далѣе въ главѣ 2 королевскаго отдѣла выражено, что Король Шведскій хотя и имѣетъ управлять и владѣть замками и землями, Упсальскимъ удѣломъ и пользоваться празднымъ (выморочнымъ) наслѣдствомъ и своею долею въ штрафахъ во всей Швеціи, но при томъ условіи, чтобы духовныя и свѣтскія фрельзовыя имѣнія пользовались своими привилегіями и старинными льготами; съ этою цѣлью выборный Король Швеціи обязывался учинять присягу въ томъ, между прочимъ, что будетъ сохранять за церквами, клириками и монастырями, рыцарями и свенами и за всѣми имъ подвластными людьми и землями старое фрельзовое право, льготы и привилегіи. Комитетъ выводитъ отсюда, въ ст. 3 проекта, обязанность Верховной власти, при вступленіи въ управленіе Финляндіею, актомъ, собственноручно подписаннымъ, подтверждать и удостовѣрять сохраненіе правъ и привилегій согласно конституціи Финляндіи [2]). Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что

---

[1]) Этому отчасти соотвѣтствуетъ § 4 Общихъ постановленій современнаго проекта, согласно котораго „Государь Императоръ управляетъ Финляндіею при содѣйствіи финляндскихъ властей и должностныхъ лицъ, которыя отвѣчаютъ по закону за свои совѣты и распоряженія". *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ (§ 3-й общихъ постановленій): „Государь Императоръ и Великій Князь при вступленіи на престолъ издаетъ о семъ

условный характеръ власти выборнаго Шведскаго Короля XV вѣка не можетъ имѣть никакого примѣненія къ державному обладанію Русскихъ Государей краемъ, присоединеннымъ силою оружія къ Имперіи. Если въ дѣйствительности помянутые обычные манифесты Государей съ обѣщаніемъ каждому сословію и подданному охранять права и преимущества, законно ему принадлежащія, и были съ 1809 г. издаваемы, то сіи акты Верховной власти зависѣли всецѣло отъ великодушныхъ побужденій Монарховъ, вступавшихъ въ управленіе Финляндіею, но вовсе не обусловливались правилами королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 г. и не могли имѣть ничего общаго съ правилами о присягѣ выборныхъ Королей древней Швеціи, отмѣненными при томъ же въ самой Швеціи статьею 3 26 Января 1779 года.

Равнымъ образомъ представляется неправильнымъ выводъ, сдѣланный комитетомъ изъ 2 и 4 главъ королевскаго отдѣла въ ст. 4 проекта. Выборный Шведскій Король долженъ былъ жить на счетъ присвоенныхъ ему по закону доходовъ Упсальскаго удѣла и другихъ казенныхъ имѣній, и изъ этихъ имѣній не въ правѣ былъ ничего отчуждать, но обязанъ былъ сохранить и передавать ихъ безъ уменьшенія своему преемнику, въ чемъ и приносилъ присягу послѣ выборовъ. Отсюда комитетъ выводитъ такое заключеніе, что никакая часть Великаго Княжества Финляндскаго, въ настоящемъ его составѣ, т. е. послѣ присоединенія къ нему въ 1809 г. части Вестерботніи, а въ 1811 г. Выборгской губерніи, не можетъ быть отъ него отдѣляема; провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными вмѣстѣ подъ властью одного Государя [1]). Между тѣмъ очевидно, что ничего нѣтъ общаго между Упсальскимъ удѣломъ древнихъ Шведскихъ Королей и настоящимъ составомъ Финляндіи. Присоединеніе къ Шведской Финляндіи части Вестерботніи до рѣкъ Торнео и Муоніо съ г. Торнео, а равно Выборгской губерніи [2]), учиненное по усмотрѣнію Верховной власти, вызвано

населенію Финляндіи Манифестъ, въ коемъ вмѣстѣ съ тѣмъ дается удостовѣреніе о сохраненіи законовъ страны.

„Манифестъ прочитывается во всѣхъ церквахъ и храмахъ, *послѣ чего* достигшіе совершеннолѣтія обыватели страны *подтверждаютъ* присягою вѣрноподданство Монарху и *вѣрность закону*". (Курсивъ нашъ). *Т.*

[1]) Въ современномъ проектѣ соотвѣтствующая статья (§ 7 общихъ постановленій) гласитъ: „Границы Финляндіи остаются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ установлены, и могутъ быть измѣнены не иначе, какъ *по совокупному рѣшенію* Государя Императора и Великаго Князя *и сейма*". (Курсивъ нашъ). *Т.*

[2]) Ман. $^{2}/_{14}$ Ноябр, 1809 г. Ман. $^{11}/_{23}$ Декабря 1811 г.

было убѣжденіемъ въ удобности такого порядка мѣстнаго управленія, а потому и на будущее время отъ благоусмотрѣнія той же власти вполнѣ зависитъ выдѣлить означенныя мѣстности или извѣстную ихъ часть изъ состава Великаго Княжества, если иной порядокъ мѣстнаго управленія, по взгляду Правительства, окажется болѣе удобнымъ.

То же мѣсто Королевскаго отдѣла комитетъ указываетъ въ цитатахъ подъ ст. 67, 69 и 72 проекта, но указаніе это представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ самое содержаніе означенныхъ статей заимствовано изъ позднѣйшихъ, въ цитатахъ къ нимъ приведенныхъ, памятниковъ законодательства.

Въ ст. 86 проекта комитетъ основываетъ на 2 и 4 главахъ королевскаго отдѣла уложенія 1442 г. неотчуждаемость кунгсгордовъ и значительныхъ казенныхъ рыбныхъ ловель, но ни о тѣхъ, ни о другихъ въ королевскомъ отдѣлѣ не упоминается: въ немъ сказано только, что король имѣетъ управлять и владѣть замками (borgom) и землями (laudom), упсальскимъ удѣломъ (upsala odhom), коронными имѣніями (kronona gootz) и всѣми королевскими правами и доходами, и изъ всего вышеозначеннаго не долженъ ничего уменьшать для другого короля, а буде сдѣлаетъ сіе какой - либо король, тогда тотъ король, который будетъ послѣ, властенъ возвратить сіе и взять назадъ, если хочетъ (гл. II); въ томъ же смыслѣ король обязывался присягою сохранить дома и земли съ ихъ ежегодными доходами и рубежами и ничего изъ нихъ не уменьшать для послѣдующаго короля (гл. IV, § 5); въ другихъ мѣстахъ королевскаго отдѣла упоминается о покупкѣ тяглой земли бѣломѣстцами и крестьянами (гл. XXX) и о запрещеніи охотиться въ королевскихъ паркахъ, при чемъ объяснено, что королевскіе парки (konungs parker) суть особливыя королевскія угодья (konungsenskylloga aeghor), какъ-то упсальскій удѣлъ и другія тому подобныя (гл. XXXIV); но о рыбныхъ ловляхъ и при томъ значительныхъ, а также о кунгсгордахъ ничего не сказано. Если считать королевскій отдѣлъ въ этой его части до нынѣ дѣйствующимъ основнымъ закономъ Финляндіи, то всѣ казенныя или коронныя имущества оказались бы неотчуждаемыми даже въ случаѣ признанія ихъ Правительствомъ для казеннаго употребленія непригодными. Исторія Шведскаго земельнаго и финансоваго законодательства (Бонсдорфъ, камер. законов., т. I, 12 и сл.; Лиліенстрандъ, о свойствахъ земель и стар. оброч. системѣ; Рейнъ, т. II, 261 и сл.) показываетъ, что и шведскіе короли, преемники Христофера, не стѣснялись правилами уложенія о неотчуждаемости казенныхъ имѣній и раздавали ихъ щедрою рукою, хотя розданныя такимъ образомъ имѣнія впослѣдствіи были снова

отобраны въ казну, при чемъ въ основаніе этой редукціи, произведенной при Карлѣ XI въ 1680 и слѣдующихъ годахъ, приводились, между прочимъ, и постановленія земскаго уложенія 1442 г.; къ числу имѣній, подлежавшихъ редукціи, т. е. отобранію въ казну, отнесены были и всѣ кунгорды и кунгсъ-ладугорды. Королевскимъ постановленіемъ 19 Сентября 1723 г. подтверждено было запрещеніе продавать въ оброчное владѣніе эти королевскія усадьбы и мызы, но въ то же время разрѣшено отдѣлять отъ нихъ для продажи принадлежащіе къ нимъ гейматы, дворы и земли. Указомъ 31 Октября 1766 г. запрещено было отдавать такія имѣнія въ потомственное арендное содержаніе или на сроки долѣе 15 лѣтъ; впослѣдствіи указомъ 17 Декабря 1799 г. дозволено сдавать ихъ въ аренду на срокъ до 30 лѣтъ и постановлены подробныя правила объ условіяхъ этой аренды. Но все это шведское законодательство не имѣетъ теперь никакого примѣненія къ Финляндіи, потому что хотя королевскія усадьбы тамъ и существуютъ (4 въ Абоской губ. и 1 въ Куопіоской губ., къ коимъ, по указу 1 Марта 1817 г., причислены были еще 2 въ Выборгской губ., подъ названіемъ hofläger) и даже на практикѣ продолжаютъ называться „королевскими" [1]), но порядокъ завѣдыванія ими и сдачи ихъ въ арендное содержаніе опредѣляется подробными правилами законовъ 26 Апрѣля 1871 г.—Что же касается казенныхъ рыбныхъ ловель, то внесенное въ статью 86 проекта правило о запрещеніи продавать болѣе значительныя изъ нихъ въ шкатовое (оброчное) владѣніе заимствовано комитетомъ вовсе не изъ королевскаго отдѣла уложенія 1442 г., но изъ циркуляра камеръ-коллегіи 22 Сентября 1802 г. (Бонсдорфъ, т. I, 235), хотя этотъ предметъ опредѣляется теперь въ Финляндіи особымъ уставомъ о рыбной ловлѣ 4 Декабря 1865 г. (Сб. П. Ф., № 39), по которому казенныя рыбныя ловли въ морѣ, рѣкахъ и озерахъ состоятъ во владѣніи казны, при чемъ она пользуется ими сама или на извѣстное время и на опредѣленныхъ условіяхъ сдаетъ ихъ въ содержаніе частнымъ лицамъ (ст. 3).—Кромѣ того, въ ст. 15 регламента Правительствующему Совѣту (Сенату) 6/18 Августа 1809 г. предусмотрѣны случаи пожалованія казенныхъ имѣній и доходовъ и дозволенія обмѣна казенныхъ гейматовъ.

Не менѣе сомнительнымъ оказывается примѣненіе 4 и 5 главъ королевскаго отдѣла къ Финляндіи и въ послѣднихъ двухъ статьяхъ

---

[1]) Курьезный архаизмъ, дожившій и до нашихъ дней, когда приближается уже столѣтіе со времени перехода Финляндіи „въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской"! *Т.*

проекта (ст. 92 и 93). Въ древней Швеціи подати и оброки тяглыхъ людей отбывались обыкновенно натурою, а потому крестьяне и въ присягѣ на вѣрноподданство Королю обязывались, между прочимъ, безъ всякаго замедленія, привозить и приносить (flytia oc föra) слѣдующія съ нихъ ежегодныя подати Королю, куда онъ прикажетъ или куда по прежнему обыкновенію слѣдовать будетъ. Это-то правило королевскаго отдѣла комитетъ примѣняетъ къ настоящему положенію Финляндіи въ томъ смыслѣ, что оброченные въ пользу казны жители страны должны неукоснительно уплачивать свои подати и по прежнему обыкновенію привозить и доставлять ихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что обязанность финляндскихъ обывателей платить установленные подати и налоги, а равно и порядокъ взиманія этихъ податей и налоговъ вовсе не зависятъ теперь отъ законовъ шведскаго Короля Христофера или обычаевъ, предшествовавшихъ изданію земскаго уложенія 1442 г.: каждый налогъ и порядокъ его взноса и взысканія опредѣляются въ точности узаконеніями, изданными въ самой Финляндіи, которыя и должны быть соблюдаемы независимо отъ того, какіе финансовые порядки и обычаи существовали во времена шведскаго Короля Христофера. Большая часть налоговъ и сборовъ взимается теперь деньгами и потому оказывается совершенно неумѣстнымъ правило ст. 92 проекта о привозѣ податей плательщиками по прежнему, существовавшему въ XV столѣтіи, обыкновенію, напр. о привозѣ личной подати или мантальныхъ денегъ, налоговъ, гербоваго, табачнаго, карточнаго, пивовареннаго и т. п., тѣмъ болѣе, что не только окладной оброкъ съ поземельнаго владѣнія давно уже дозволено вносить по соглашенію деньгами, хотя онъ и донынѣ исчисляется отчасти на хлѣбъ, но и такъ называемый хлѣбный сборъ на содержаніе уѣздныхъ судей (герадсгевдинговъ) вносится также деньгами.

Наконецъ королевскимъ отдѣломъ уложенія 1442 г. комитетъ счелъ возможнымъ подтвердить всѣ статьи проекта посредствомъ вставки въ послѣдней (93) статьѣ онаго словъ „вопреки сему закону“ (т. е. проекту); въ концѣ этой статьи проекта, между прочимъ, выражено, что Императору и Великому Князю надлежитъ быть для всего финляндскаго народа неизмѣнно вѣрнымъ Монархомъ, который ни въ чемъ не поступаетъ вопреки сему закону (т. е. проекту). Правило сіе комитетъ выводитъ изъ постановленія упомянутаго отдѣла, въ силу коего Король шведскій, какъ выборный Король, приносилъ присягу быть вѣрнымъ всему своему народу; но въ присягѣ его было только семь пунктовъ, тогда какъ въ проектѣ 93 статьи. Изъ того же королевскаго отдѣла комитетъ выводитъ присягу финляндскаго народа на вѣрноподданство Императору и

Великому князю (ст. 3, ч. 2, проекта) и обязанность того же народа повиноваться и слѣдовать повелѣніямъ Императора и Великаго Князя „во всемъ, что Ему повелѣвать, а подданнымъ исполнять приличествуетъ“ (ст. 93 проекта). Изъ этого правила возможенъ выводъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ финляндскій гражданинъ, прежде исполненія Высочайшихъ указовъ и повелѣній, имѣетъ разсудить, прилично ли ему исполнить ихъ [1]). Между тѣмъ комитетомъ не принято въ должное соображеніе, что какъ первоначальная присяга обывателей покоренной Финляндіи на вѣрное и вѣчное ихъ скипетру Россійскому подданство, въ Маѣ мѣсяцѣ 1808 г., принесена была по формѣ, преподанной главнокомандовавшимъ русскими войсками графомъ Буксгевденомъ, независимо отъ законовъ шведскаго Короля XV вѣка Христофера (цирк. предписан. гр. Буксгевдена 1808 г. Мая 27, Сб. П. Ф., I, 8; Выс. ман. 1808 Іюн. 5/17, Сб. П. Ф., I, 9), такъ и дѣйствующая нынѣ форма присяги на вѣрноподданство, опредѣленная Высочайшимъ постановленіемъ 29 Декабря 1887 г. (Сб. П. Ф. 1877 г., № 34), вовсе не содержитъ въ себѣ тѣхъ артикуловъ, какъ присяга по уложенію Короля Христофера, а напротивъ того, присягающій по этой формѣ обыватель Финляндіи обѣщается и клянется пребывать Его Императорскому Величеству, Наслѣднику Его и Императорскому Дому вѣрнымъ подданнымъ и стараться споспѣшествовать всему, что пользы и блага Его Императорскаго Величества и края касаться можетъ, а также, не щадя живота и крови, защищать Императорскую власть и, если увѣдаетъ о какихъ-либо замыслахъ къ измѣненію или отмѣнѣ оной [2]), благовременно о томъ открывать и объявлять, а равно повиноваться существующимъ въ краѣ законамъ и постановленіямъ и руководствоваться оными.

---

[1]) Такъ и поступаютъ на практикѣ финляндцы. Высочайшій Манифестъ 3-го февраля 1899 года о порядкѣ общегосударственнаго законодательства (см. сентябрьскую книжку „Русской Старины“) и Манифестъ 29 іюня 1901 г. о воинской повинности финляндцы сочли неимѣющими „святости закона“ (helighet af lag). Такъ выражено было въ пресловутомъ заключеніи комиссіи законовъ чрезвычайнаго сейма 1899 года, предсѣдателемъ которой былъ профессоръ Государственнаго права въ Гельсингфорскомъ университетѣ г. Робертъ *Германсонъ*, нынѣ, съ прошлаго 1906 г., состоящій въ должности чиновника особыхъ порученій V класса при Министрѣ-статсъ-секретарѣ Великаго княжества Финляндскаго (примѣчаніе къ заключенію). *Т.*

[2]) Не обязываетъ-ли такая присяга каждаго финляндскаго вѣрноподданнаго „благовременно открывать и объявлять“ о созданіи такихъ законопроектовъ, каковъ разбираемый въ приводимыхъ заключеніяхъ и всѣ ему подобные? *Т*

Изъ вышеизложеннаго оказывается, что первый памятникъ древняго шведскаго законодательства, признаваемый комитетомъ за основной законъ Финляндіи, именно королевскій отдѣлъ земскаго уложенія 1442 г., въ дѣйствительности не заключаетъ въ себѣ ни одного положенія, которое бы можно было считать примѣнимымъ къ Великому Княжеству Финляндскому [1]).

Сообщилъ Н. А. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Къ такому же выводу пришли и издатели сборниковъ Финляндскихъ основныхъ законовъ, Сенаторы баронъ Пальменъ и Мехелинъ, справедливо утверждающіе, что примѣнимость королевскаго отдѣла уложенія Короля Христофера 1442 г. утратилась вслѣдствіе измѣненія и замѣны его позднѣйшими узаконеніями. (Примѣчаніе къ заключенію).

Несмотря на это, въ современномъ проектѣ, хотя уже и не сдѣлано болѣе ссылокъ на отдѣлъ о королѣ 1442 года, ни въ текстѣ, ни въ мотивахъ, но, какъ видно, многія весьма существенныя положенія этого обветшавшаго средневѣковаго закона, изданнаго для *выборныхъ* королей, сохранены и до сихъ поръ въ примѣненіи къ Верховной Власти Россійскаго Императора, какъ особаго „Великаго князя Финляндскаго". *Т.*

Грамота (1681 г.) Царя Феодора Алексѣевича о переоброчкѣ Печерскаго волока [1].

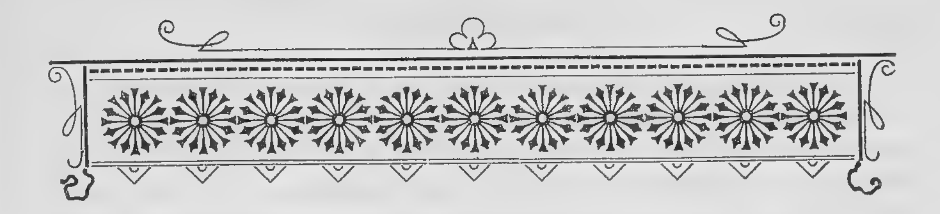
Государю Царю и Великому Князю Федору Алексѣевичу, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, холопъ твой Сенька Кондыревъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 189 году Мая въ 21-й день [2]), въ Твоей Великаго Государя Грамотѣ изъ Приказу большія казны ко мнѣ холопу Твоему писано. А велѣно, Государь, Печерской волокъ отдать на оброкъ на пять лѣтъ со 190 году безъ перекупки и наддачи Чердынскаго уѣзда крестьянамъ Петрушкѣ Доронину, Андрюшкѣ Федулову, а оброку прежняго съ того волоку по 8 рублевъ по шти алтыновъ съ 1-й деньгой въ годъ. А будетъ тотъ волокъ въ прошломъ во 188 году на оброкъ не отданъ Сенькѣ Девяткову, а буде тотъ волокъ отданъ на оброкъ Сенькѣ Девяткову, и имъ Петрушкѣ и Андрюшкѣ въ томъ волоку съ нимъ Сенькою велѣно дать торгъ; и хто изъ нихъ сверхъ прежняго оброку больше наддастъ, тому тотъ волокъ на оброкъ и отдать, и въ платежѣ оброчныхъ денегъ велѣно взять порушную запись съ добрыми поруками. А котораго, Государь, числа тотъ волокъ и кому имянемъ на оброкъ отданъ будетъ, о томъ къ Тебѣ В. Г. велѣно писать въ приказъ большей казны.

И тотъ, Государь, Печерскій волокъ по прежней Твоей В. Г. Грамотѣ въ Чердыни отданъ на оброкъ Чердынцу Сенькѣ Девяткову въ нынѣшнемъ во 189 году Октября въ 8 числѣ впредь на 5 лѣтъ для того, что онъ Сенька на тотъ волокъ въ Чердыни наддалъ наддачу большую, при ихъ Петрушкинѣ и Андрюшкинѣ, и платитъ оброчныя наддачи съ большею прибавкою по 9 рублевъ по 2 алтына по 5 денегъ на годъ. И въ томъ по немъ Сенькѣ въ Чердыни въ приказную избу, взята порушная запись, что ему тѣ оброчныя деньги впредь въ срочные годы платить повсягодно безъ доимки. А сю отписку къ тебѣ В. Г. Ц. и Великому князю Ѳеодору Алексѣевичу, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу къ Москвѣ я холопъ твой съ Чердынцомъ съ Ивашкомъ Ѳедоровомъ Іюля въ 26 день послалъ; а велѣлъ ему явиться и отписку подать въ Приказѣ большія казны Твоему Государеву Боярину Ивану Михаиловичу Милославскому съ товарищи.

---

[1]) Печорскій волокъ лежалъ на старинномъ торговомъ пути, ведущемъ изъ р. Камы въ бассейнъ р. Печоры чрезъ рѣки; Вишеру, Колву, Вишерку, оз. Чусовское, р. Березовку, Еловку, Вогулку, (составл. бассейнъ Камы) между рч. Вогул. и рч. Волосницей, впадающей въ р. Печору въ предѣлахъ Черд. у., и лежалъ означенный волокъ протяженіемъ 4 версты.

[2]) Лѣтосчисленіе велось отъ сотворенія міра, нужно читать 7189 года или за вычетомъ лѣта отъ сотворенія міра до Р. Х. 5508, будетъ 1681 г. по Рождествѣ Христовѣ.

История карелъ[1]).

IV.

Подчиненіе карелъ русскими.

Ранѣе всего подчинились Новгороду карелы, поселившіеся около Олонца и карелы бѣломорскіе. Послѣ выселенія съ устьевъ Двины и береговъ Бѣлаго моря большей части карелъ къ Ладожскому озеру, Біармійское государство, и прежде не отличавшееся сплоченностью, распалось и прекратило свое существованіе. Восточно-финскія племена, вѣроятно, предки нынѣшнихъ зырянъ и пермяковъ, отодвинулись къ юго-востоку, поближе къ болгарамъ, съ которыми оставшіеся въ устьяхъ Двины карелы продолжали еще понемногу торговый обмѣнъ. Норманны, пользуясь ослабленіемъ карелъ, выступили соперниками ихъ въ сборѣ даней съ лапландцевъ на сѣверѣ, и кромѣ того, смѣло являлись для грабежа и въ устья Двины. Въ это-то время, вѣроятно, въ концѣ XI вѣка, по рѣкамъ Онегѣ, Двинѣ появляется сюда и новгородская вольница, ограничиваясь сперва сборомъ дани или вѣрнѣе говоря—грабежомъ. Подъ 1137 годомъ въ лѣтописи упоминается объ одной карельской солеварнѣ на берегу Бѣлаго моря, съ которой русскіе брали дань.

Построивъ въ концѣ XII вѣка монастырь при сліяніи Сухоны съ Югомъ, а въ началѣ XIII городъ Устюгъ, новгородцы прервали сношенія карелъ съ болгарами. Въ довершеніе несчастій въ 1222 году на бѣломорскихъ карелъ напали норманны, мстившіе за смерть своего соплеменника, и пограбили много карельскаго добра. Карелы окон-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. сентябрь.

чательно покидаютъ мѣстности при устьѣ Двины и передвигаются отсюда внутрь страны, не оставляя однако своихъ притязаній на берега Ледовитаго океана и лапландцевъ, чтò продолжаетъ поддерживать враждебныя ихъ отношенія къ норманнамъ. А такъ какъ новгородская вольница, приходившая на берегъ Бѣлаго моря, оставляла, очевидно, среди карелъ часть своихъ дружинниковъ, женившихся на карелкахъ, то новгородцы начинаютъ себя считать союзниками и покровителями бѣломорскихъ карелъ. Въ 1251 году новгородскій князь Александръ Невскій отправилъ пословъ къ норвежскому королю Гакону съ жалобою на несправедливости, причиненныя норвежцами кареламъ и лапландцамъ.

Принятіе карелами христіанства по православному обряду.

Карелы въ мѣстностяхъ около Олонца уже въ XII вѣкѣ подчинялись Новгороду и, какъ христіане, платили новгородскому владыкѣ три гривны, чтò и видно изъ устава новгородскаго князя Святослава отъ 1134 года, по которому новгородскому владыкѣ предоставлялось право получать „въ Олонцѣ 3 гривны“.

Хорошо были знакомы съ христіанствомъ, по православному обряду, и карелы, жившіе на западъ отъ Ладожскаго озера, уже въ концѣ XII вѣка. Что уже въ концѣ XII вѣка карелы, жившіе на западъ отъ Ладожскаго озера, были знакомы съ православіемъ, свидѣтельствуется словами, заимствованными ямью черезъ посредство карелъ отъ русскихъ для обозначенія очень важныхъ и первоначальныхъ понятій по части христіанства. Ямелясты были обращены въ христіанство шведами въ XIII вѣкѣ и отъ шведовъ заимствовали слова церковнаго обихода. Но среди этихъ словъ церковнаго обихода, заимствованныхъ отъ шведовъ, мы встрѣчаемъ въ языкѣ ями и вообще финновъ такія слова какъ: raamattu—библія (отъ русскаго—грамота), risti—крестъ, pappi—попъ и др. Уже Альквистъ видѣлъ въ этомъ слѣды знакомства финновъ съ православіемъ до появленія среди финновъ католицизма [1]).

Если далекая отъ Новгорода ямь успѣла къ XIII вѣку хотя и въ слабой степени познакомиться съ христіанствомъ по православному обряду, то тѣмъ болѣе должны были быть ознакомлены съ православіемъ къ XIII вѣку посредники между ямью и Новгородомъ карелы. Конечно, не всѣ карелы были христіанами: часть и въ началѣ XIII вѣка оставалась вѣрна язычеству. Быть можетъ, карелы-

---

[1]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta. 260.

христіане жаловались новгородцамъ на своихъ братьевъ-язычниковъ и соплеменниковъ ямелястовъ, также язычниковъ. Это можетъ объяснить походъ новгородскаго князя Ярослава Всеволодовича въ 1227 году на ямь, во время котораго онъ крестилъ безъ малаго всѣхъ карелъ. Однако результаты насильственнаго крещенія были, по всей вѣроятности, противоположны ожиданіямъ новгородскихъ князей: карелы, вынужденные принять христіанство, отказались отъ него, какъ только новгородцы оставили карельскую землю, о чемъ карелы-христіане не замедлили донести въ Новгородъ. Но въ русской землѣ вскорѣ послѣ этого наступили такія времена, когда ни новгородцамъ, ни русскимъ князьямъ стало не до карелъ: нашествіе татаръ, шведовъ, борьба съ ливонскими рыцарями, княжескія распри отвлекли вниманіе отъ карелъ на нѣсколько десятилѣтій. Интересно, что сами новгородцы были довольно равнодушны къ вѣроисповѣднымъ спорамъ въ Кареліи. Такъ когда братъ Александра Невскаго въ 1269 году собирался въ походъ на карелъ, чтобы проучить перешедшихъ изъ православія въ язычество, новгородцы упрашиваютъ князя не дѣлать этого. Князья, какъ видно, ближе къ сердцу принимали религіозные вопросы, и въ 1278 году князь Димитрій Александровичъ съ новгородцами и суздальцами отправился въ Карелію, пограбилъ всю землю и увелъ много жителей, очевидно тѣхъ, которые были привержены къ язычеству, въ плѣнъ. Этотъ походъ долженъ былъ вызвать въ карелахъ, приверженныхъ къ язычеству, раздраженіе не только къ новгородцамъ, но и къ своимъ братьямъ—православнымъ кареламъ.

Появленіе шведовъ въ западной Кареліи и борьба ихъ изъ-за карелъ съ новгородцами.

Въ это самое время шведы покорили ямь и 1284 году дѣлали набѣгъ на Карелію. Въ 1292 году новгородцы дѣлали набѣгъ на ямь, а шведы и ямь на Карелію. Карелія къ западу отъ Ладожскаго озера сдѣлалась въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка ареною борьбы между новгородцами и шведами, слѣдствіемъ чего была потеря карелами независимости. Новгородцы только теперь поняли, какое значеніе для нихъ имѣетъ эта Карелія, обезпечивающая имъ свободный выходъ въ море. Если бы новгородцы своевременно укрѣпили конечный пунктъ воднаго пути по Вуоксѣ изъ Ладожскаго озера въ Финскій заливъ, т. е. мѣсто при Выборгскомъ заливѣ, то господство ихъ надъ всею Кареліею приладожско-балтійскою было бы обезпечено. Шведы поняли значеніе этого для нихъ не

конечнаго, а начальнаго пункта, занятіе котораго, по выраженію автора старой или Эриковой хроники, должно было причинить и причинило русскимъ „ущербъ при выходѣ“ [1]). Стремленія шведовъ къ утвержденію въ Кареліи поощрялись къ тому же римскими папами, желавшими побѣды здѣсь католичества надъ православіемъ. По всей вѣроятности, шведы нашли себѣ сочувствіе въ тѣхъ карелахъ этихъ мѣстностей, которые были привержены къ язычеству и враждебно относились поэтому къ новгородцамъ. Составляя меньшинство, карелы, приверженные къ язычеству, не могли открыто подняться противъ сторонниковъ Новгорода и ограничились лишь полезными и цѣнными совѣтами шведовъ, которые, при нашествіи въ 1293 году на Карелію, прежде всего и заложили крѣпость Выборгъ, за тѣмъ проникли до карельскаго укрѣпленія въ устьяхъ Вуоксы, овладѣли имъ и даже укрѣпили его, подчинивъ себѣ 14 карельскихъ кихлакундъ, населеніе которыхъ должно было принимать католичество. Это врядъ ли было по уму даже врагамъ православія и Новгорода: не даромъ же вслѣдъ за основаніемъ Выборга Любекъ и другіе приморскіе города жаловались, что „ихъ торговля въ Кареліи потерпѣла ущербъ отъ проникшихъ туда шведовъ“ [2]). Поэтому уже 1295 году мы видимъ новгородцевъ въ устьяхъ Вуоксы, берущихъ крѣпость Карелу и разрушающихъ ее. Большая часть кихлакундъ сбросила съ себя власть шведовъ и приняла даже себѣ правителя изъ Новгорода—нѣкоего князя Бориса Константиновича. Для утвержденія своей власти въ приладожской Кареліи новгородцы въ 1310 году вмѣсто старой крѣпости Карелы построили новую. Къ сожалѣнію, Борисъ Константиновичъ такъ сильно притѣснялъ карелъ поборами, что многіе изъ нихъ бѣжали въ Выборгъ и оттуда стали возбуждать противъ новгородцевъ населеніе. Въ 1314 году карелы возстали и, напавъ на крѣпость Карелу, перебили гарнизонъ ея и впустили въ крѣпость вызванныхъ изъ Выборга шведовъ. Какъ только въ Новгородѣ узнали объ этомъ, немедленно отправлено было войско въ Карелію, шведы были прогнаны, измѣнники-карелы казнены: значитъ, далеко не всѣ карелы принимали участіе въ возстаніи.

Послѣ этого было нѣсколько набѣговъ новгородцевъ на шведскія владѣнія, шведовъ на новгородскія, были попытки шведовъ овладѣть Кексгольмомъ, новгородцевъ—Выборгомъ (въ 1322 г.).

---

[1]) Kuvauksia Yiipurin Historiasta Lagus, стр. 5

[2]) Kuvauksia Yiipurin Historiasta Lagus, стр. 7.

V.

Орѣховскій договоръ: разграниченіе сферъ вліянія въ Кареліи шведами и новгородцами.

Въ 1323 году новгородцы строятъ крѣпость Орѣшекъ при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера и въ этой крѣпости, въ томъ же году, заключаютъ договоръ со шведами, съ цѣлью положить конецъ взаимнымъ набѣгамъ.

Договоръ точно установилъ границу между владѣніями шведовъ и новгородцевъ, „въ немъ точно перечислены мѣста, по которымъ шла граница, но тогдашнія названія многихъ мѣстъ вышли изъ употребленія, вслѣдствіе чего нельзя съ точностью рѣшить, гдѣ они были“ [1]. Граница была проведена по слѣдующимъ пунктамъ: отъ Финскаго залива по Сестрѣ-рѣкѣ на притокъ Вуоксы Саде и по ней до Вуоксы, отъ Пяйвякиви на Вуоксѣ къ Рускіавуори, Леммонлампи, Пеккехенсуо, Кангасъярви, Пурнуярви, Айтаярви, Торсаярви къ Сяркилахти на берегу Сайменскаго озера. Начиная отсюда, граница шла на сѣверо-западъ: Сяаминги, Лиитенселька, Карьяланкоски, Колинакоски на рѣку Пюхяйоки, по которой далѣе граница шла до Ботническаго залива, т. е. къ владѣнію Новгорода отходила небольшая часть нынѣшней Михельской губерніи, почти цѣликомъ Куопіоская и Улеоборгская губерніи.

Шведы по орѣховскому договору получали себѣ юго-западную окраину карельской земли: Саво—центральную часть нынѣшней Михельской губерніи, Яски—части Выборгской губерніи, прилегающія къ Сайменскому озеру, и Эвряпя—прибрежная полоса Выборгской губерніи между приблизительно Финскимъ заливомъ и рѣкою Вуоксою съ притокомъ ея Саде. Иначе говоря, новгородцы теряли тѣ самыя части Кареліи, гдѣ вѣроятно преобладали враждебные имъ карельскіе элементы. Сравнительно съ Карелією новгородскою населеніе здѣсь было, очевидно, рѣдкое; что видно изъ предоставленнаго шведами права новгородскимъ кареламъ производить рыбную ловлю и охоту на бобровъ въ областяхъ, отошедшихъ къ шведамъ, которые, благодаря этому, могли при всякомъ удобномъ случаѣ возбуждать новгородскихъ карелъ противъ Новгорода, равно и получать необходимыя свѣдѣнія о своемъ противникѣ. А чтобы новгородцы не имѣли возможности прибѣгать къ тѣмъ же пріемамъ, для шведскихъ карелъ не было такого же права относительно ловли рыбы и бобровъ въ новгородскихъ предѣлахъ.

---

[1]) Suomen Historia. Lindequist. 1905, стр. 61.

Въ 1326 году новгородцы заключили миръ и съ норвежцами для прекращенія борьбы бѣломорскихъ карелъ съ норвежцами, на которыхъ карелы дѣлали набѣги въ 1271, 1279, 1302 г. такъ что норвежскій король Мауну жаловался даже папѣ и тотъ проповѣдывалъ крестовый походъ на бѣломорскихъ карелъ. Норвежцы для защиты своихъ владѣній построили крѣпость Varjaka. По миру 1326 года побережье Ruija и Turjaniemi отъ Malankiouono до Vielijoki сдѣлали общею областью, на которой новгородцы брали подати со своихъ лапландцевъ, норвежцы—со своихъ.

Купцы того и другого государства могли безпрепятственно торговать въ области другого [1]). Въ этомъ усиленіи набѣговъ на Норвежскія владѣнія нельзя не видѣть участія „удалыхъ добрыхъ молодцевъ" Новгорода, которые по берегамъ Бѣлаго моря селились среди карелъ, смѣшивались съ ними и содѣйствовали обрусенію ихъ, слѣдствіемъ чего по настоящее время у нѣкоторыхъ поморовъ фамильныя прозвища финскаго происхожденія. Изъ-за обилія рыбы и пушного звѣря въ этихъ мѣстностяхъ новгородскіе бояре берутъ на откупъ или покупаютъ земли поморья, заводятъ рыбные и звѣриные промыслы въ Поморьѣ. Для управленія угодьями и промыслами сюда посылались боярскіе слуги, положившіе начало новгородскимъ колоніямъ въ Поморьѣ [2]). Новгородская власть такимъ образомъ утверждалась и здѣсь.

Внѣ посторонняго вліянія еще и въ XIV вѣкѣ оставались лишь приботническіе карелы: хотя по условіямъ Орѣховскаго договора они и отходили подъ власть Новгорода; но они слишкомъ были далеки и отъ новгородцевъ и отъ шведовъ. „Въ 1365 году королю Альбрехту Мекленбургскому была подана жалоба на торговыя путешествія карелъ сѣвера. Они ѣздили въ Ульвилу, Або и Стокгольмъ, гдѣ имъ позволено было бывать. Но они плавали и того дальше: въ Ревель и другія запрещенныя мѣста. Король строго запрещаетъ имъ дѣлать это, запрещаетъ жителямъ Ульвилы и сѣверянамъ имѣть общеніе съ поселяющимися среди нихъ карелами во время ихъ торговыхъ поѣздокъ. Фохтамъ Сатакунты предписывалось слѣдить за исполненіемъ этого приказанія" [3]).

Шведы, какъ видно отсюда, не признаютъ еще ихъ своими подданными. Новгородцы, повидимому, на основаніи Орѣховскаго договора считали этихъ карелъ въ числѣ своихъ подданныхъ. Хотя по отдаленности ихъ отъ Новгорода и не могли чѣмъ-либо проявить

[1]) Suomen Keskiajan Historia. 162.

[2]) Верещагинъ. Очерки Архангельской губерніи. Спб. 1849.

[3]) Suomen Keskiajan Historia. 177.

свою власть надъ ними до 1377 года, когда они впервые появились въ устьяхъ Улео для того, чтобы разрушить построенную въ 1375 году карелами въ устьѣ рѣки крѣпость [1]).

Съ построеніемъ шведами Выборга, съ занятіемъ новгородцами Карелы, т. е. нынѣшняго Кексгольма, непосредственный обмѣнъ карелъ съ ганзейцами, крупныя торговыя сдѣлки съ ними перешли въ руки шведовъ и новгородцевъ, вслѣдствіе чего должно было пасть и значеніе у карелъ правителей старѣйшихъ въ ихъ кихлакунтахъ и маакунтахъ, которые до сего времени и вели торговыя дѣла съ ганзейцами, и лишь правители старѣйшины въ переварахъ остаются до самаго XV вѣка. Самое названіе кихлакунты въ новгородской Кареліи замѣнилось словомъ погостъ. Карелы съ этого времени обращаются въ мелкихъ поставщиковъ для новгородцевъ и шведовъ продуктовъ охоты и рыболовства—шкурокъ пушныхъ звѣрей и вяленой рыбы. Кромѣ того они продолжаютъ торговать дѣвушками, которыхъ похищали другъ у друга, такъ что король Биргеръ въ 1316 году долженъ былъ издать особое постановленіе съ цѣлью помѣшать похищенію и торговлѣ карельскими дѣвушками [2]). Въ это же время приблизительно у карелъ появляется новый предметъ для обмѣна и торговли—лошадь. Послѣ принятія карелами христіанства лошадь перестала быть священнымъ животнымъ, наиболѣе угоднымъ въ жертву богу. Тѣмъ не менѣе уходъ за нею не ослабѣлъ въ виду того спроса, который возникъ на нее со стороны русскихъ и шведовъ. Шведское правительство уже въ 1347 году старается ограничить право продажи населеніемъ Выборгской области лошадей русскимъ [3]). На-ряду съ этимъ карелы начали заниматься и земледѣліемъ. Постоянныхъ полей у нихъ еще не было; они сѣяли рожь, овесъ, ячмень на пожогахъ въ лѣсу.

Русское вліяніе среди карелъ; вражда между русскими карелами и шведскими карелами.

Въ домашнемъ быту карелъ начало сказываться вліяніе новгородцевъ. Множество русскихъ словъ, заполняющихъ въ настоящее время карельскій языкъ и служащихъ для обозначенія частей дома, пристроекъ, одежды, посуды, кушаній, родственныхъ отношеній и пр., указываютъ на заимствованіе этихъ явленій отъ новгородцевъ. Это заимствованіе и началось приблизительно съ XII вѣка. Около

[1]) Suomen Keskiajan Historia, 242.
[2]) Suomen asukaat pakanuuden aikana. Aspelin, 66.
[3]) Savonlinnan lâânin oloista vuoteen 1571. Hannes Gebhard 1889, стр. 105.

того же времени карелы начали принимать и христіанство. Въ шведскихъ податныхъ спискахъ отъ 1571 года крестьянъ нынѣшней Михельской губерніи, или тогдашней Саво, встрѣчается много русскихъ прозвищъ или фамилій, сохранившихъ вполнѣ русскую форму или видоизмѣнившихся на финскій ладъ. Таковы напр. въ этихъ спискахъ фамиліи: Холстъ, Ильины, Карпины, Козьмины, Нитины, Печины, Болышевы, Булкины, Тихоновы, Миколкины и пр. Карельскія прозвища имѣютъ русскую форму: Куркины, Нерпуевы, Шухкины и пр. Крестьяне, носившіе эти фамиліи еще въ XV вѣкѣ, были или потомками тѣхъ карелъ, которые жили здѣсь до уступки новгородцами этой области шведамъ въ 1323 году по Орѣховскому договору, или потомками бѣжавшихъ сюда карелъ послѣ возстанія ихъ противъ Новгорода въ 1337 году. Во всякомъ случаѣ уже до XIV вѣка карелы носили православныя имена Ильи, Карпа, Козьмы, Миколы и др., носили русскія прозвища, карельскія— передѣлывали на русскій ладъ. Тотъ же фактъ, что въ области Саво, отошедшей къ шведамъ, такія русскія прозвища сохранялись болѣе двухъ столѣтій, указываетъ, насколько твердо были усвоены карелами эти русскія прозвища, для чего русскія прозвища должны были быть принятыми не тѣмъ поколѣніемъ, которое перешло съ ними подъ шведскую власть, а значительно ранѣе, т. е. въ началѣ XIII вѣка, или, какъ выше указывалось, въ XII вѣкѣ. На утвержденіе христіанства среди приладожскихъ карелъ началъ оказывать сильное вліяніе Валаамскій монастырь, повидимому, уже существовавшій въ XIII вѣкѣ.

Орѣховскій договоръ раздѣлилъ Карелію на двѣ части: шведскую и русскую; въ шведской карелы перешли въ католичество, и это сразу создало довольно большое различіе между ними и русскими карелами, исповѣдывавшими православіе. Впрочемъ, незначительная часть новгородскихъ карелъ не вполнѣ еще примирилась съ новгородскою властью и не успѣла еще привязаться къ православію. Шведы съ своей стороны не упускали случая поддерживать въ этой части карелъ недовольство новгородскою, или русскою, властью и православіемъ, которыя съ этого времени стали тѣсно связываться одно съ другимъ. Питая недовольство на новгородцевъ и православіе, эти карелы въ особенности были злы на своихъ братьевъ же карелъ, приверженныхъ къ православію и сторонниковъ Новгорода. Въ скоромъ времени новгородцы своими дѣйствіями въ Кареліи дали возможность недовольнымъ какъ бы оправдать мотивы своего недовольства на зависимость отъ Новгорода. Въ 1333 году новгородцы отдали приладожскую Карелію вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими землями въ кормленіе литовскому князю Наримонту

Гедиминовичу, который послалъ сюда своего сына Александра. Александръ, поселившись въ Орѣшкѣ, сталъ сильно черезъ посредство своихъ чиновниковъ притѣснять карелъ и обременять ихъ податями. Число недовольныхъ стало увеличиваться: снесясь съ Выборгомъ и заручившись обѣщаніемъ на помощь, недовольные въ 1337 году подняли возстаніе, перебивъ въ Кареліи новгородцевъ и ладожскихъ купцовъ и многихъ карелъ, приверженныхъ къ православію. Масса населенія не поддержала возставшихъ, и тѣ вынуждены были бѣжать въ Выборгъ. Въ 1338 году они вмѣстѣ со шведами и шведскими карелами дѣлаютъ набѣгъ на новгородскія владѣнія: жгутъ предмѣстья Ладоги, производятъ опустошенія по берегамъ Онежскаго озера, дѣлаютъ попытку взять Копорье. Разбитые новгородцами, они отступаютъ къ Выборгу. На требованіе новгородцевъ выдать бѣглыхъ карелъ шведы отвѣтили отказомъ, ссылаясь на то, что бѣглецы перешли въ католичество, и что число ихъ невелико. Это возстаніе имѣло то значеніе, что оно удалило изъ новгородской Кареліи всѣ тѣ элементы, которые не были расположены къ новгородцамъ и православію; оставшіеся карелы безъ исключенія уже были привержены къ православію и преданы новгородцамъ. Съ этого времени шведскій карелъ-католикъ въ глазахъ новгородскаго былъ „руоvrи" т. е. шведъ, новгородскій православный карелъ въ глазахъ шведскаго—„венеляйненъ", т. е. русскій. Начинается почти непрерывная партизанская война; карелы шведской стороны дѣлаютъ набѣгъ на карелъ новгородской стороны, послѣдніе мстятъ тѣмъ же. Деревни при этомъ сжигались, люди замучивались до смерти, хлѣбъ на пожогахъ выкашивался.

До подчиненія Новгорода Москвою приладожская Карелія управлялась наслѣдниками Норимонта.

Приботническіе карелы въ XIV вѣкѣ.

Объ участи, постигшей приботническую Карелію, разскажемъ по „Suomen Keskiajan Historia" Форстрема. „Новгородскіе карелы по Орѣховскому миру получили себѣ всю сѣверную лапландскую глушь до рѣки Пюхяйоки. Имъ принадлежало и сѣверное прибрежье Ботническаго залива. Но это право владѣнія на практикѣ ничего не значило. Карельская колонизація сѣвера была слишкомъ слаба для того, чтобы быть въ состояніи помѣшать движенію съ юга ямелястовъ; и Новгородъ былъ слишкомъ далекъ для того, чтобы быть въ состояніи блюсти тамъ интересы своихъ подчиненныхъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Орѣховскаго мира на сѣверѣ уже находилось

нѣсколько общинъ, жители которыхъ платили десятину католическимъ попамъ и исполняли установленія римско-католической церкви. Самыми старыми здѣсь были Салойсткая и Кемиская общины, имена которыхъ первый разъ упоминаются въ уставѣ отъ 1329 года короля Мауну Эрика относительно десятины. Хотя переселенцы-ямелясты посредствомъ права захвата присвоили себѣ сѣверное прибрежье, однако шведское правительство вначалѣ не предпринимало никакихъ принудительныхъ мѣръ противъ жившихъ тамъ карелъ. Политическая мудрость требовала соблюденія такой осторожности столь долго, пока опредѣленія Орѣховскаго договора были въ свѣжей памяти, такъ что неудобно было ихъ нарушать явно. Карелъ сѣвера не выселяли и не принуждали силою принимать католичество. Поэтому они, какъ кажется, жили въ довольно своеобразномъ положеніи, не будучи подданными ни того, ни другого государства. Въ документахъ XIV вѣка иногда говорится объ этихъ карелахъ сѣвера. Такъ передается, что архіепископъ Упсальскій Хеммингъ (1342—1351) во время одной ревизіонной поѣздки окрестилъ въ Торнео десятка два карелъ и лапландцевъ. Крещеніе было совершено въ большой ваннѣ, поставленной въ церкви, въ присутствіи толпы народа. О карелахъ этихъ говорится, что они были родомъ изъ Улеоборга, Кеми и Симо" (176—177). Набѣги новгородцевъ на сѣверныя прибрежья Ботническаго залива, начавшіеся съ 1377 года, не могли измѣнить здѣсь положенія дѣлъ.

Бѣломорскіе карелы въ XIV и XV вѣкахъ.

Двинскіе карелы, несмотря на мирный договоръ 1326 года, въ теченіе XIV, XV вѣковъ предпринимали набѣги на норвежскія владѣнія, на что норвежцы платили тѣмъ же. Характеръ набѣговъ былъ тотъ же, что и въ приладожской Кареліи. Набѣги эти нисколько не вліяли на положеніе ни Новгорода, ни Норвегіи. Расплачивались за эти набѣги лишь несчастные лапландцы, которые должны были платить какъ-бы контрибуціи и тѣмъ и другимъ и за тѣхъ и за другихъ. До XV вѣка русскія поселенія по берегамъ Бѣлаго моря были малолюдны. Возникновеніе въ XV вѣкѣ Соловецкаго монастыря на Бѣломъ морѣ оказало большое вліяніе на обрусеніе прибѣломорскихъ карелъ, среди которыхъ проповѣдь православія энергично стала вестись подвижниками, выходившими изъ этого монастыря и доходившими иногда до приботническихъ карелъ. Кромѣ того, послѣ набѣга норвежцевъ въ 1419 году на берега Бѣлаго моря, при чемъ они вошли даже въ Сѣв. Двину и

разорили деревни по берегамъ ея, русскими построены были остроги въ Колѣ, Керети, Кеми и Сумѣ, въ которыхъ содержаніе гарнизоновъ принялъ на себя Соловецкій монастырь. Поэтому въ 1429 году все поморье отдалось подъ защиту Соловецкаго монастыря.

Приладожская Карелія въ XV и началѣ XVI вѣковъ; споры со шведами изъ-за границъ.

Въ приладожской Кареліи въ теченіе XV, XVI вѣковъ возникаетъ много монастырей, содѣйствовавшихъ утвержденію православія среди карелъ: Свирскій по Свири, Андрусова пустынь (Олон. уѣздъ), Ильинскій женскій монастырь (Повѣнецк.), Никольскій (Ладожск.), Сяндебскій (Олонецк.), Яблонская пустынь (Олон.), Брусенскій (Петроз.), Задненикифоровскій (Олон.), Климецкій (Петр.), Машезерская пустынь [1]). Валаамскій монастырь, имѣвшій скиты по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера, пользовался уже въ то время уваженіемъ среди приладожскихъ карелъ, проторившихъ себѣ уже въ XV вѣкѣ дорогу отъ Олонца на Сердоболь, на который богомольцы направлялись для того, чтобы отсюда безопаснѣе переправиться на Валаамъ.

Кромѣ монастырей, владѣвшихъ въ качествѣ землевладѣльцевъ многими деревнями, вліяніе на обрусеніе карелъ оказывали въ Южной Кареліи и появившіяся здѣсь дѣти боярскія и вообще введенные новгородцами порядки. Такъ Карелія была подѣлена на погосты, которые въ верхней Кареліи дѣлились на перевары. Перевары въ это время были уже болѣе многолюдными и состояли изъ нѣсколькихъ деревень каждая. Такъ въ Куркіокской переварѣ было 13 деревень. Подати собирались по сохамъ и обжамъ. Болѣе же всего оказывало вліяніе на обрусеніе, какъ и прежде, участіе въ новгородской торговлѣ, которая часто направлялась исключительно черезъ Карелу, т. е. Кексгольмъ.

Сообщилъ В. Крохинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Памятная книжка Олонецк. губ. 1867 года.

Замѣтка

къ „Воспоминаніямъ судебнаго дѣятеля“.

Говоря въ настоящемъ № „Русской Старины“ о дѣлѣ Овсянникова, осужденнаго за поджогъ застрахованной мельницы, я упоминаю о *сообщеніяхъ газетъ* о томъ, что въ Сибири и затѣмъ въ Царскомъ Селѣ Овсянниковъ проживалъ въ нищетѣ и въ крайне неприглядной матеріальной обстановкѣ. Соотвѣтствовали ли эти сообщенія дѣйствительности или были преувеличены, а также не были ли вводимы органы печати въ заблужденіе съ цѣлью вызвать состраданіе къ старику, непрерывно ходатайствовавшему о помилованіи,—сказать трудно. Быть можетъ положеніе сосланнаго было вовсе не такъ тяжело, какъ описывалось это въ нѣкоторыхъ газетахъ. На эту мысль наводитъ статья товарища прокурора одного изъ прикамскихъ Окружныхъ Судовъ г. И. М. „Милліонеръ въ ссылкѣ“, помѣщенная въ декабрьской книжкѣ „Недѣли“ за 1897 годъ. Въ ней подробно описывается рядъ отступленій отъ устава о ссыльныхъ въ пользу Овсянникова, съ которыми тщетно боролся товарищъ прокурора и починъ которыхъ принадлежалъ приказчику или какому-то родственнику ссылаемаго, тратившему, по слухамъ, большія суммы для доставленія ему всевозможныхъ облегченій и удобствъ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы родственники Овсянникова, участливо заботясь о немъ въ пути, могли оставить его на произволъ судьбы въ мѣстѣ ссылки и по возвращеніи его въ Петербургскую губернію.

А. Ѳ. Кони.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

ворѣчія. Они намъ знакомы по біографіямъ другихъ нашихъ и не только великихъ людей. Эта „любовь къ Россіи вдали отъ нея", которая только на первый, поверхностный взглядъ можетъ показаться въ своемъ родѣ „странною" и дать поводъ вспомнить слова, сказанныя кѣмъ-то въ одномъ изъ романовъ П. Д. Боборыкина: „Русскій человѣкъ особенно сильно любитъ свое отечество, когда у него заграничный паспортъ въ карманѣ". Этотъ мотивъ тяготы и горечи русскихъ впечатлѣній и отношеній повторяется во многихъ письмахъ Гоголя. Въ отвѣтъ на письмо Погодина, гдѣ послѣдній, сообщая о смерти Пушкина, зоветъ Гоголя въ Россію, Гоголь пишетъ между прочимъ: „Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ? Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли!" Съ другой стороны искренняя, несомнѣнная любовь къ Россіи проявляется въ многочисленныхъ строкахъ, подобно слѣдующимъ: „Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядящимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны?" Только на „чужбинѣ" онъ ощущалъ живое дѣйствіе этой любви, этого стихійнаго тяготѣнія къ своему національному цѣлому.

По мнѣнію автора книги у Гоголя была въ чрезвычайной степени развита потребность осуществить свою общественную стоимость. Впослѣдствіи, съ дальнѣйшимъ развитіемъ художественныхъ и, вообще, душевныхъ силъ Гоголя стремленіе вліять на общество, служить ему посредствомъ художественнаго слова, подсказываетъ писателю своеобразную теорію служенія отечеству и государству въ качествѣ моралиста. Отсюда—послѣдніе годы жизни Гоголя. Характерно слѣдующее мѣсто изъ „Авторской исповѣди": „...какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную, я бросилъ все"... Изученіе этихъ стремленій и даетъ возможность глубже проникнуть во внутренній міръ этого загадочнаго человѣка, и намъ становятся яснѣе тѣ душевныя состоянія, которыя переживалъ онъ, когда, созерцая Русь изъ прекраснаго далека, созидалъ свою національную „поэму". Блестяще разработанъ авторомъ труда также вопросъ о морализмѣ и мистицизмѣ въ главѣ о „душевномъ дѣлѣ" Гоголя, когда впервые съ достаточно яркою силой проявилось стремленіе, характерное для развитія нашего общественнаго самосознанія и выраженное въ формулѣ Н. К. Михайловскаго: „Какъ мнѣ жить свято".

Проф. Овсянико-Куликовскій въ заключеніи приходитъ къ той мысли, что противорѣчіе между указанными особенностями его ума и его геніальностью было причиной того умственнаго разлада съ самимъ собой, который составлялъ одну изъ видныхъ сторонъ сложной душевной драмы и общей неуравновѣшенности этого великаго человѣка. Крылья его генія были подрѣзаны... Съ однимъ только необыкновеннымъ художественнымъ дарованіемъ Гоголя его геній находился въ полной гармоніи.

Помимо своеобразно задуманной и четко-отдѣланной картины душевной жизни великаго человѣка, изслѣдователь обнаружилъ массу цѣнныхъ и тонкихъ психологическихъ наблюденій по разнообразнымъ поводамъ. Повторяемъ, книга не затеряется. Она прекрасна.

Вас. Я.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1907 г.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 4.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1906 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

